

ФАНТАСТИКА
83

Москва
Молодая гвардия
1983

Сканировал и создал книгу - vtaKhankov

Москва
„Молодая гвардия“
1983

ФАНТАСТИКА
83

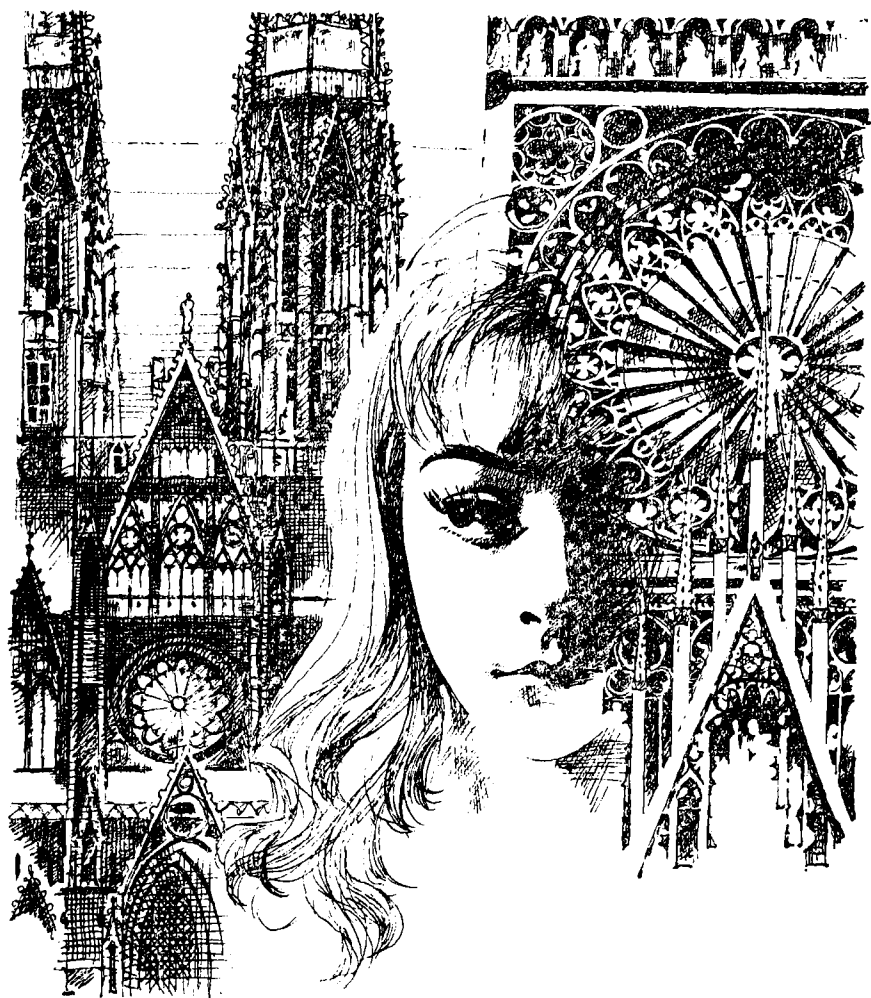
840(0)6
Ф 22

Составитель
СПАРТАК АХМЕТОВ

Художник
РОБЕРТ АВОТИН

Ф $\frac{4702000000-228}{078(02)-83}$ 124-83

© Издательство «Молодая гвардия», 1983 г.

ПОВЕСТИ
И
РАССКАЗЫ

КАЗУАЛЬ

Повесть

...Я говорю, конечно, не о такой силе воображения, которая действует наугад и создает всякого рода несуществующие вещи; я разумею силу воображения, не покидающую реальной почвы действительности и с масштабом действительности и ранее познанного подходящую к вещам чуждым и предполагаемым...

И. Гёте

I

Вряд ли предполагал архитектор Авилов, что этот день станет чудодейственным рубежом в творчестве, в его жизни.

Вадим Сергеевич Авилов уже давно связал свою судьбу не с проектированием новых строений, а с восстановлением, реставрацией знаменитых памятников зодчества, разрушенных войной, покореженных временем. Он смирился с тем, что не суждено ему увидеть собственное сооружение — Дворец культуры или жилой дом — плод его творчества, его, авиловского, понимания современной архитектуры. Авилову за послевоенные десятилетия не раз приходилось проникаться творческим горением зодчих прежних эпох — Растрелли или Воронихина, Захарова или Росси, постигать их мысли, почерк, эстетические идеалы, при этом проявлять предельный такт и не спорить с их вкусами. Все, что двигало этими выдающимися мастерами архитектуры, когда они возводили дворцы, разбивали парки, создавали мебель, следовало принимать безоговорочно. Мучительными были для Авилова перевоплощения — тем более что это значило на языке архитекторов-реставраторов «раствориться, умереть в великом». И хотя Авилов воздвигал здание, порой начиная с фундамента, здание называли по имени первосоздателя и авиловского в нем ничего не должно было быть. В этом состояло высокое искусство реставратора — чистота его помыслов и дел. Не принято было в среде реставраторов говорить о самолюбии, о собственном «я»! Реставраторы присягали в верности предшественникам.

Зная об умении Авилова улавливать особенности эпохи, ее стиля, профессор Митина, известный археолог, давняя приятельница Вадима Сергеевича, пригласила его в хранилище-лабораторию, где обрабатываются предметы, найденные при раскопках сотрудниками Кушанской археолого-этнографической экспедиции, чтобы посоветоваться по поводу очень смелого эскиза древнего дворца-крепости, предложенного новым сотрудником

экспедиции Михаилом Лапниковым. Хотя и было принято у археологов подобные проекты помечать: «Опыт реконструкции» — и тем самым как бы смягчать критику достоверности, но Митиной казалось, что Лапников слишком уж вольно обошелся со скудными сведениями об этом дворце-крепости в Южном Приаралье, да и с материалами экспедиции, в которой Лапников сам участвовал. Уцелели фундаменты дворца-крепости, часть стен, но только в одном месте на полную высоту; совсем мало сохранилось на отдельных стенах отделки, украшений. В общем, подлинных свидетельств мало и вряд ли по ним следовало делать «опыт реконструкции»...

Авилов долго рассматривал и план-обмер дворца-крепости, и бесчисленные фотографии обломков древности, и разумно сделанные самим Лапниковым фотографии местности, окружающей дворец-крепость. Авиллов сожалел, что сейчас Лапников был в отъезде и с ним нельзя поговорить, выслушать его размышления, узнать пути его поисков, но тем не менее Авиллов был склонен поддержать проект Лапникова, воссоздавшего не только внешний вид древнего сооружения, но и несколько его внутренних помещений.

— Мне кажется, что те материалы, — неторопливо размышлял Авиллов в беседе с Элеонорой Александровной Митиной, — которыми располагает м... м... уважаемый коллега Лапников, вполне дают основания... увидеть сооружение таким... Многое значит то, что Лапников видел и ощущал место... Ведь древние зодчие умели увязывать сооружение с местностью...

Размышления, аргументы Авилова убедили Элеонору Александровну в плодотворности работы Михаила Лапникова: мнение признанного мастера, архитектора-реставратора и в кругу археологов было весомым. В благодарности за дружескую услугу профессор Митина предложила Авиллову посмотреть последние находки кушанцев. На стеллажах стояли сосуды, лежала домашняя утварь, орудия земледелия, оружие — многие предметы были эпохи бронзы, но они Авилова меньше интересовали — слишком уж далеко отстояло то время от его привычных XVI—XVIII веков.

Авиллов хотел было уже прощаться, как вдруг увидел в дальнем углу на одном из стеллажей странный предмет, вроде бы какой-то прибор, напоминавший лорнет, но с большими линзами, а может быть, микроскоп. Авиллов оглянулся на Митину, как бы спрашивая, можно ли посмотреть. Митина кивнула. Авиллов взял странный предмет и увидел не две, как обычно на лорнете, линзы, а три, причем вращающиеся на ручке. Какое-то непонятное чувство вдруг овладело Авилловым.

— Казуаль, — услышал он за спиной голос Элеоноры Александровны.

— Что?.. Простите, не понял? — глухо сказал Авиллов.

— Казуаль, говорю... Так у нас называли эту вещь. — Почему-то при этом Митина ухмыльнулась.

Авилов бережно, даже с опаской, сам еще не понимая почему, потрогал продолговатые, похожие на телеэкран линзы в железной потемневшей оправе. Он неторопливо вращал линзы по отношению друг к другу, не решаясь через них взглянуть на что-либо. Явно демонстрируя Митиной свое безразличие к линзам, сам еще не понимая почему, он как бы невзначай взглянул через линзы на орнамент, украшавший сосуд, стоявший на стеллаже. Сознание, зрение Авилова словно пронзил электрический разряд, он ощутил в пальцах легкое жжение и резь в глазах, голова чуть закружилась.

Авилов оглянулся, но хозяйки археологических сокровищ рядом уже не было. Митина в конце соседних стеллажей что-то негромко обсуждала со своей сотрудницей. Он хотел сказать Митиной о непонятных ощущениях, но усомнился, что его верно поймут, посмеются: ведь Митина его интерес к этой вещи встретила с улыбкой, да и состояние какой-то неведомой прежде отрешенности, беспокойства мешало Авилову. Он положил линзы на прежнее место, но тут же неведомая сила заставила его вновь схватить казуаль.

Сейчас Авилов видел линзы то в дымке, то чуть увеличенными в размерах — они словно дышали, будто были одухотворенными. Авилов с удивлением сознавал, что линзы действуют на него гипнотически. Он подвел линзы к изображению на сосуде, стоящем на полке, и чуть не вскрикнул — изображенный на сосуде воин... будто ожил, задвигался!.. Усилием воли Авилов попытался стряхнуть с себя гипнотическое состояние, производимое чудодейственным прибором, отвел в стороны линзы и только сейчас заметил, что свет низко опущенной электрической лампочки наполняет линзы волнами, как бегущие строки телеэкрана.

Такой эффект дает боковой свет и три линзы, их необычная оптическая ось — вот и весь секрет. И ничего необычного здесь нет. Чтобы убедиться в верности предположения, Авилов снова поднял линзы к рисунку — воин опять ожил, преобразился. Авилов чуть сдвинул линзы влево и увидел не только профиль воина, но почти полный анфас. Это было поразительно! Это было как бы заглядыванием за плоскость рисунка! Тяжело дыша, он сдвинул линзы в противоположную сторону, анфас исчез, но теперь воин был виден со спины. Авилов затаил дыхание, боясь спугнуть изображение воина. Теперь он рассматривал его уже с трех сторон, все более удивляясь происходящему и в то же время сознавая, что на сосуде зафиксировано лишь плоскостное изображение, профиль...

Притихший, будто колдующий у сосуда, Авилов привлек внимание Митиной.

— Вам интересно... Это наша последняя находка...

— Да, да, ничего. — Авилов не хотел говорить о своем состоянии, тем более что он не мог его вразумительно объяснить.

— Это казуаль, — просто сказала Митина.

— А почему... это так называется? — Авилов поймал себя на ощущении, что ведет себя как мальчишка-хитрец, который хочет «выдурить» у товарища редкую почтовую марку, прикинувшись, что ничего не ведаёт о ее подлинных достоинствах...

— Что-то... наподобие древнего микроскопа или лупы, — объяснила Митина, и Авилов понял, что она и не подозревает о свойствах казуали. А предмет сей, казалось Авилову, словно прирос к руке, будто магнит, не отпускал.

— А почему все-таки так странно называется? Казуаль...

— Это не наша находка, кто-то принес... много лет назад. Уверял нас, что вещь найдена археологами-любителями. Чуть ли не в прошлом веке... Принес и исчез, больше не появлялся. Мы даже фамилию не записали...

— И давно? — с дрожью надежды спросил Авилов.

— Я еще студенткой была здесь на практике... Вот с тех пор и валяется...

— А если я у вас попрошу эту... казуаль... на время, — робко произнес Авилов.

— Пожалуй... можно. Хозяин за ней уже больше четверти века не является... И в описях экспедиции эта вещь не значится... Бронзовый век. Мы думали, что тогда над нами просто подшутили... Вещица явно более позднего происхождения... Знаете, Вадим Сергеевич, как изощрялись ребята на первых раскопках! Иногда современный пятак подсунут, зароят... И кто-то делает лжеоткрытие!.. — Она улыбнулась.

— Интересно все-таки, — Авилов уже цепко держал в руке прибор, — почему назвали казуаль?

— Наши острословы придумали. Давно. Уж и не вспомню кто. Ну, можно предположить, что название от слова «казус»: случай, отдельный факт. Казусный — значит, сложный, затрудненный... — Митина снова улыбнулась. — Искали, отгадывали: что? Зачем? Откуда?

В хранилище-лаборатории сотрудники отмывали, склеивали, закрепляли осколки древностей, наносили на них номера. Авилову не терпелось уйти и унести казуаль, но в нем боролось чувство стыда, что он скрыл от Митиной волшебное свойство казуали, и неумное желание завладеть удивительными линзами. Если археологи узнают, что позволяет увидеть казуаль, ни за что не отдадут. А ему, Авилову, сейчас, особенно сейчас, этот необычайный прибор был просто необходим.

Уже на улице он понял: сейчас нельзя довериться со своим сокровищем городскому транспорту, и лихорадочно останавливал машины. Наконец, уговорив какого-то «левака», помчался домой, предвкушая, как станет через магические линзы казуа-

ли открывать объем, пространство на сохранившихся старинных акварелях и гравюрах; только на них и остался облик зодческого шедевра XVII века — Радужного дворца, до фундамента разрушенного в годы фашистского нашествия. А ведь предстояло создать рабочий проект и возродить дворец. Он был уверен, что волшебная казуаль поможет ему в работе. Прежде он обходился и без нее, а вот теперь, чувствовал он, уже не сможет.

II

*Вообразил — на то и воображение,
чтобы восполнять действительность.*

В. Ключевский

Фантазия, лишённая разума, производит чудовища; соединённая с ним, она мать искусства и источник его чудес.

Ф. Гойя

Для Авилова стало уже привычкой, когда, приступая к восстановлению памятника великого зодчего, он дотошно изучал все, что возможно разыскать, чтобы полнее, точнее отразить задуманное великим зодчим и разрушенное войной или временем. Но порой Авиллов, человек нашего времени, не мог ухватить настроение, чувства своего знаменитого предшественника, отдаленного двумя-тремя столетиями, и мучительно искал эмоциональный ключ, чтобы зарядиться необходимым настроением минувшей эпохи, ее ритмом. Помогали записи старинной музыки — клавишной, органной, но долго удержать настроение, со звуком минувшей эпохи, не удавалось.

Авиллов вешал на стены, расставлял вокруг рабочего стола старые гравюры, акварели — они также помогали. Он стремился читать только то, что как-то было связано с минувшим временем. Но все это не позволяло оставаться в нужном настроении те недели и месяцы, в течение которых он разрабатывал проект, наблюдал за строительством (восстановлением) здания, его отделкой, убранством. Другие его коллеги были также озабочены проникновением в далекое время, свидетельство которого — зодческий шедевр — они восстанавливали.

Случайно найденная загадочная оптическая машинка со смешным названием «казуаль», возможно, и станет тем ключом, который поможет проникать сквозь скупые следы времени — гравюры и рисунки — в XVIII век...

Ансамбли великих зодчих словно симфонии, хоралы, поднимающиеся к небу. Архитектура, как музыка в камне, звучит в веках. Большой Ленинград, его пригородные дворцы и парки — и это прекрасные симфонии зодчества...

Павловский дворец, стиль — русский классицизм. Петер-

гофский дворец — петровское барокко. Екатерининский дворец, стиль — классицизм и барокко... Для Авилова эти строения были сродни творениям Мусоргского и Лядова. Авиллов понимал, что и у городов, храмов, крепостей, как и у всякого великого творения, были гениальные авторы — у Санкт-Петербурга — Петрограда — Ленинграда: Андреян Захаров и Варфоломей Растрелли, Савва Чевакинский, Иван Старов и Карло Росси, Василий Баженов и Тома де Томон, Василий Стасов и Валлен Деламот, Джакомо Кваренги.

Немало славных гордых имен. Были и талантливые строители, мастеровые люди из крепостных да заморские умельцы. Величаво стояли дворцы и простирались парки Северной Пальмиры — Ленинграда, и древних городов — Пскова, Новгорода, Смоленска, Киева и Одессы, Севастополя, Нового Иерусалима в Подмоскovie. Многие из них война сделала руинами. Ущерб, нанесенный только Ленинграду и его пригородам в дни войны, превышает 46 миллиардов рублей. Но многое нельзя возродить ни за какие деньги...

В связи с полным разрушением целых архитектурных ансамблей древних городов, особенно пригородов Ленинграда, в послевоенные годы возник вопрос: правомерно ли восстановление творений великих зодчих?.. Аргументы были простыми и убедительными: да, можно склеить мраморную разбитую скульптуру, можно реставрировать настенную роспись, барельефы, паркет, полотно художников. Сформулировалось понятие о реставрации как о «восстановлении памятников искусства и материальной культуры в возможно близкой к их первоначальной форме... укреплении памятников с целью сохранения их для будущего».

Но о каком сохранении могла идти речь, если некоторые дворцы и целые ансамбли были разворочены войной, взорваны? О какой реставрации говорить в испепеленном фашистском нашествием краю? Все строить заново? Но если так, тогда почему же прежде не достроили древнеримский Колизей? Не восстановили Акрополь в первозданном виде? Или почему никто не решился добавить руки Венере Милосской или голову Нике Самофракийской? Есть ли пределы реставрации? Наконец, каковы моральные права, мера ответственности у реставраторов? Для споров были основания — от прежних шедевров зодчества порой, кроме фундамента, не осталось ничего. Архитекторы, решившие посвятить себя реставрационному делу, добровольно превращались в археологов, надеясь раскопать в развалинах осколки лепнины. Реставраторы становились историками, разыскивая в десятках архивов документы, рисунки и даже любительские фотографии. Авторы проекта реставрации Екатерининского дворца в Пушкине, бывшем Царском Селе, посветили поискам материалов, историческим, техническим изысканиям не одно десятилетие. Теперь, когда толпятся у входа в Екатери-

нинский дворец тысячные очереди, людям кажется, что чудом возникли покои и роскошные залы этого дворца — шедевра архитектора Растрелли, хотя в каждом зале блокадные фотографии свидетельствуют: фашисты уничтожили дворец.

В мире нет другого интерьера подобного Большому залу Екатерининского дворца. Он обильно отделан золоченой резьбой, отраженной, помноженной зеркалами. Модели утраченных фигур и орнамента выполнили скульпторы по эскизам и обугленным остаткам декора, найденным в развалинах реставраторами; скульптуры эти создавала Лилия Шведская. По полгода корпели резчики над каждой из 180 фигур. Наши современники Алексей Кочуев, Анатолий Виноградов, Юрий Козлов с помощью зодчих постигли манеру резчиков прежних столетий.

Вслед за ними работали позолотчики, люди кропотливого труда, о которых не зря говорят, что у них золотые руки. Много сделано, много, по работы в Царскосельском архитектурном ансамбле, да и в других памятниках зодчества в Ленинграде и его пригородах, в Новгороде, Пскове... хватит еще не на один год, ибо и создают и восстанавливают шедевры не в спешке, лечат их, лишь глубоко изучив.

Вадим Сергеевич Авиллов консультировал, помогал коллегам при реставрации одной из недавно восстановленных достопримечательностей царскосельских строений — Коттеджа; это многолетняя забота архитектора Инны Ростиславовны Беневои, с которой сдружили Вадима Сергеевича долгие годы работы. В прежние десятилетия она занималась реставрацией рavelинов Петропавловской крепости, которые еще до революции утратили свой первоначанный облик. Вадим Сергеевич дорожил дружбой с Инной Ростиславовной, представительницей семьи известных деятелей Русского искусства и культуры, немало сделавших для Отечества.

* * *

Звонок Инны Ростиславовны застал Авиллова в дверях, он только что вошел с драгоценной ношей в портфеле и, сгорая от нетерпения скорее проверить чудесные свойства казуали, не мог разделить, как всегда, желание коллеги поговорить о новостях, общих заботах, тем более что у Инны Ростиславовны была неторопливая, обстоятельная манера изъясняться. Она и сейчас начала прерванный накануне разговор с того, что им вместе предстоит написать фундаментальный труд об успехах ленинградских реставраторов, ведь в Ленинграде и его великолепных пригородах 1300 памятников зодчества, охраняемых государством.

Год за годом встают в первоначальной красе шедевры архитектуры, некоторые из них, казалось, безвозвратно были сметены войной, но возрождены Авилловым, Беневои и другими

архитекторами. Сколько десятилетий миновало после окончания войны, но продолжают не только реставрационные работы, но и поиски похищенных фашистскими оккупантами сокровищ. Одно из них — знаменитая «Янтарная комната» Екатерининского дворца. Инна Ростиславовна заинтересовалась, читал ли Вадим Сергеевич недавнее сообщение газеты «Фрайе Вельт»: «Всем, всем, всем! Кто может указать местонахождение «Янтарной комнаты»?.. Кто имел к ней какое-либо отношение, слышал о ней, вел переписку...» Упоминаются имена тех, чьи солдаты могли похитить русские сокровища, — Эриха Коха, генерал-фельдмаршала Кюхлера, генерала Ляша...

И дальше Инна Ростиславовна стала говорить о том, что хорошо знал и Авилов, просто она предполагала и об этом написать — нашлись умельцы, энтузиасты, которые решились, не дожидаясь результатов поисков, что ведутся уже почти 40 лет (!), воссоздать десятки метров панно из янтаря, чтобы возродить и этот утраченный шедевр — «Янтарную комнату». Она надеялась на поддержку Авилова...

Инна Ростиславовна была удивлена тем, что Авилов слушал ее без энтузиазма, а ведь вчера вечером сам просил позвонить или зайти посоветоваться. По ее мнению, нужно несколько глав посвятить самым талантливым мастерам-реставраторам послевоенного поколения. Мастера всегда мастера, их никогда не хватает. И двести с лишним лет назад, когда строились, к примеру, дворцы и храмы на берегах Невы, трудности с мастерами были немалые.

Сохранился документ той поры — на пожелтевшей бумаге дата — 1751 год и такой текст: «Работных людей нанять и о том в Санкт-Петербурхе публиковать и в пристойных местах выставлять листы при барабанном бое, чего ради барабанщика с барабаном требовать».

Спустя 200 лет, хотя и без барабанного боя, требовались люди, о профессиях которых просто успели забыть: мастера тончайших паркетных работ и резчики ажурных деревянных кружев на стенах и мебели, позолотчики и каменщики для работ на различных гранитах, мраморах, плитняках, мастера искусственного мрамора (таким мрамором особенно славился Павловский дворец) и чеканщики по различным металлам и покрытиям, строители церковных куполов и знатоки садово-парковых работ, мастера по старинным фонтанным системам и часовщики по древним механизмам, ткачи стародавних шелковых и стеклярусных панно... Предстояло узнать, разгадать, изучить утраченные ремесла. Но кто мог ныне научить потомков, кто мог передать ремесло предков? (Хотя и верно говорится, что семена всех наук посеяны в нас...)

— Ведь и мы с вами, Вадим Сергеевич, причастны к тому, что после войны искуснейшему мастерству учили в специальных научно-реставрационных мастерских, — начала Бенева. —

Мы с вами, Вадим Сергеевич, расскажем историю паркета Лионского зала, голландской плитки в Монплезире. Расскажем по тем редкостным архивным документам, которые мы нашли, расскажем, как мастера учили этому делу лет двести назад в палате «Канцелярии от строения», в Охтенском поселении в Санкт-Петербурге. И учеба была немудреная: гляди, бери, режь. И так, от отца к сыну, по наследству передавалось редкостное ремесло... Ведь в свое время царь Петр даже повелел закрыть мастерские Оружейных палат в Москве и согнать в «Петербург мастеровых людей разных художеств». А где было нам с вами, Вадим Сергеевич, искать мастеров «разных художеств» в послевоенные годы? Людей уже до революции редких профессий? Помните наши поиски, волнения? По-моему, все это интересно людям. И, кроме нас с вами, это мало кто знает.

— Да... да... — рассеянно говорил Авилов в телефонную трубку, разглядывая линзы казуали.

— Вы сегодня... какой-то странный. Прямо-таки непохожи на себя. Может быть, вы нездоровы? — спросила Инна Ростиславовна.

— Да... есть малость... как-то скис, не по себе... устал, — выдавил Авилов.

— Ну тогда, может быть, поговорим завтра?..

— Да... лучше завтра, — обрадовался Авилов.

И, попрощавшись, он положил трубку и решил больше не откликаться на телефонные звонки. Он стал торопливо переодеваться, думая, с чего лучше начать опробование казуали. Видимо, с уцелевшей акварели, сохранившей облик Радужного дворца, — время идет, а проект восстановления не очень-то у него продвигается. Конечно, есть оправдание — мало исходных материалов, но ведь были случаи и потруднее. Тут Авилов вспомнил о Леонарде Христофоровиче Мавродине, неразлучном с Вадимом Сергеевичем на всех работах. Он коротко назывался ГИП — главный инженер проекта. Мавродин технически обосновывал и проверял решения главного архитектора проекта. Леонард Христофорович за десятилетия тщательно изучил старинные методы строительства и отделки, старался на реставрационных работах применять и современную технологию, инструменты, но всегда проверял, не привносит ли это отсебятину. Пока никто в этом его не упрекнул.

Переодевшись, Вадим Сергеевич позвонил Мавродину, но жена сказала, что Леонард Христофорович на три дня уехал на рыбалку, ведь, кажется, Вадим Сергеевич сам говорил, что он пока ему не нужен, сделано маловато, нечего пока обсчитывать и обосновывать.

Во время разговора по телефону у Вадима Сергеевича созрело решение — не трогать акварели Радужного дворца, проверить казуаль на работах, уже завершенных, где он знает от-

вет в непростой задаче. Для опыта он подыскал в своих архивах подлинные рисунки, сделанные после завершения строительства и отделки дворца — одного из шедевров Растрелли. Манера художников той поры отличалась доподлинной фиксацией, подробной, фотографической точностью — художники добивались эффекта «как в жизни». В папке торчала картонная фотокопия приказа императрицы Елизаветы Петровны с датой 5 декабря 1745 года. Речь шла о перестройке Большого Петергофского дворца, который назывался тогда Верхними палатами: «...по обе стороны Больших палат на галереях сделать деревянные апартаменты с пристройными покоями, а на тех апартаментах кровли и протчее снаружи украшение было по-прежнему как нынче на тех галереях, и о том велеть сочинить чертежи ко пробации Е. И. В. — архитектору Дерастреллию». С этого начался триумф Растрелли почти два с половиной века назад...

Потом Вадим Сергеевич вспомнил, что Растрелли уже в ходе строительства Большого Петергофского дворца несколько раз менял проект — искал наиболее верное художественное решение. Короткий сей текст, давний язык, манера изъясняться прибавили Вадиму Сергеевичу ощущение времени, о котором он так много читал, знал вещи, многие здания, картины, гравюры; он жил тем временем уже три десятилетия.

Авилов удобно устроился у стола и стал разглядывать с помощью казуала акварель начала восемнадцатого века — внутреннее убранство парадной залы. Он тщательно осмотрел отделку стен, ее лепные украшения, скульптуру. Изображения казуаль показывала со стереоскопической точностью. Теперь Авиллов захотел увидеть даль, проглядывающую в окнах. В кабинете вдруг погас свет, видимо, «полетели пробки», но Авиллову было лень прерывать надолго волшебные видения. Вадим Сергеевич нашел спички и, дотянувшись до старинного подсвечника, стоявшего на приставном столике, зажег свечу. Давно он не пользовался этим дивным освещением. Авиллов зажег еще две свечи и почувствовал, каким домашним давним уютом и таинственностью озарили три свечи угол его кабинета. Авиллов переставил подсвечник поближе к себе и снова принялся рассматривать старую акварель.

При свечах линзы казуала наполнились волнами света, будто побежали строчки на телеэкране, но вскоре он к ним призыв и изображение виделось четко — строки сливались... Вглядываясь в пейзаж за окном, изображенный на акварели, Авиллов почувствовал его явственно. Ему показалось, что там, за окном, прошли какие-то люди в нарядах минувшей эпохи, вроде бы мелькнуло лицо Растрелли, знакомое по портретам, помещенным во многих книгах. Вспомнился портрет, висящий в зале Русского музея: крупное лицо в парике, крупный нос, большие глаза человека умного, с огнем души, но, видимо, нелегкого в

отношениях... В прежние годы, работая над проектами восстановления растреллиевских дворцов, Авиллов много думал о личности великого зодчего, не раз представлял себе его мощную фигуру в просторной белой рубашке и бархатном рисунчатом жилете нараспашку. И сейчас, в затемненной части кабинета, там, куда не проникал мерцающий свет свечей, среди любимых медальонов-портретов людей прошлых столетий, Авиллов, не удивляясь, не пугаясь, словно ждал этого, увидел маэстро Растрелли, даже услышал хруст бумаги, над которой корпел великий зодчий.

Авиллов перевел дыхание, направил туда экраны линз казуали и рассматривал зодчего, склоненного над огромным листом бумаги. Был он без камзола, в просторной белой рубашке, рукава закатаны; вся фигура была напряжена, он что-то напевал в нос, но дело, видимо, шло неспоро, маэстро сердился, взмахивал руками и снова склонялся к рисунку... Авиллов долго наблюдал за его работой, и вдруг мелькнула шальная мысль: а что, если попробовать заговорить?..

— Господин Растрелли, — негромко, робко произнес Авиллов. — Господин Бартоломео Растрелли, я давно вас хотел спросить. Извините, ради бога, за беспокойство...

Растрелли обернулся, посмотрел на человека, которого прежде не встречал, на непонятную одежду Авиллова.

Авиллов боялся, что видение исчезнет.

— Этот дворец, что вы задумали... который... у вас на ватмане еще... это будет великолепный дворец, им будут восторгаться и ваши современники... и мои... Но дворец будет ужасно разрушен, до неузнаваемости. И у нас мелькнут сомнения, к какому из вариантов мы должны склониться, что предпочесть?

Растрелли прислушался к странной, непохожей на ту, что слышит обычно, русскую речь.

— Кем будет разрушен? — Растрелли сердито опер руки в бока. — Кем, я тебя спрашиваю?! Да за это, за это ее императорское величество шпицрутенами да плетьюми...

— Это случится через 200 лет... После войны мне доверили восстановить ваше творение.. Понимаете? Я ведь порой муки мученические испытываю, так как в точности все хочу восстановить...

— А кто ты такой?

— Реставратор, господин Растрелли. — Авиллов был смущен, он считал неудобным называть маэстро коллегой; помолчав, продолжал: — Я хотел сказать, что перекрытие мы решили сделать не деревянное, как было у вас, а поставить ажурные, но крепкие стальные фермы... Их делали на Ижорском заводе, а ставили с помощью вертолетов, когда мы уже возвели стены.

— Это зачем? Да где такая длинная сталь найдется?

— В мое время делают... Это прочнее, на века! И конечно, о вертолетах вы не знаете, но я вам сейчас покажу фотогра-

фин, на которых мы зафиксировали этапы работы... — И, держа в одной руке казуаль, другой Авилов стал торопливо искать в ящиках стола фотографии, попутно объясняя: — Только вы подойдите и смотрите на них через этот... ну лорнет, что ли... это археологи нашли...

Вдруг раздалось дребезжание телефонного звонка... Растрелли оглянулся, будто искал, откуда непонятный звук... В казуаль заколебался свет, пошел частыми волнами, и видение исчезло. Вадим Сергеевич с раздражением схватил трубку.

— Кто это?

— Добрый вечер, Вадим Сергеевич...

III

Как печально, что мы не можем рисовать непосредственно глазом! Как много пропадает на длинном пути: из глаза через руку — в кисть!

Г. Лессинг

В последние месяцы Авилов терзался трудной, порой, казалось, неразрешимой проблемой: ему предстояло по весьма скудным материалам разработать проект восстановления известного своей замысловатой архитектурой Радужного дворца. Впервые Авилов должен был многое домысливать — искать сходные решения в работах самобытного русского архитектора Петра Ивановичского, искать в том, что он построил до Радужного дворца и в последующие годы, хотя было известно — великий мастер не любил повторений, всякий раз решал архитектурные задачи по-новому, неожиданно.

Облик Радужного дворца сохранился на двух гравюрах, нечетких, впрочем, где строение заслонял растительный орнамент, а также на акварельном рисунке чуть больше спичечного коробка. В распоряжении Авилова были еще обмеры руин, взорванного фашистами строения, были описания, сделанные в разное время, но лучшими документами пока оставались любительские фотографии, которые удалось получить после объявления по радио и в газетах; их присылали люди, которые были на экскурсиях в Радужном дворце еще в довоенные годы. Фотографий набралось немного, и те блеклые, порыжелые и чаще всего с сильными оптическими искажениями. Но все же они давали представление о дворце; в основном о фасадной его части и лишь о нескольких помещениях внутри, а их в Радужном дворце было двадцать семь!

Даже полная удача на стадии проекта требовала доказательств, которые необходимо было предъявить придирчивому научному совету по реставрации памятников зодчества. На заседаниях совета нередко говорили: «Это из области догадок,

ваша фантазия» — и проект возвращался на доработку, и неоднократно, пока не было всех необходимых доказательств. Почтенные члены совета и молодые спорщики доверяли прежде всего документам, а не творческому чутью. Аргументы экспертов были простыми и каверзными: чем вы это решение можете подтвердить? Без одобрения проекта научным советом он не мог быть воплощен строителями-реставраторами.

В первую ночь после своей необычайной находки Авилов долго не мог уснуть, пришлось прибегнуть к снотворному; и лишь под утро Вадим Сергеевич забылся душным тягостным сном. Он беспокойно просыпался, торопился зажечь свет — остаток тревоги, сходной со страхом, вселил в душу видение — беседа с великим Растрелли. Авилов не мог бы определенно сказать, как все приключилось — устал, сдали нервы?

На рассвете проснулся от пригрезившегося удивительного сна — он увидел дворец, бродил по его помещениям. Но сообразил, что это сон, а мысль, осенившая во сне, мысль, подкрепленная всем, что он успел узнать о Радужном. Вскочив с постели, Авилов торопливо умылся и сел за стол. Повертев в руках акварель Радужного дворца, Авилов укрепил казуаль в вертикальном положении, а затем на некотором расстоянии за линзами казуали установил акварель. Он не мог поверить — Царский зал (основное помещение) выглядел объемно, как на экране стереофильма. Сдвигая акварель в стороны по отношению к линзам казуали, Авилов смог увидеть то одну, то другую стену почти во всем объеме! Схватив лист бумаги, он стал торопливо набрасывать характерные особенности стен, прорисовывать детали, но сбился. Тогда взял новый лист и все начал сначала; рисунок не давался! Авилов увидел, что не может изобразить на бумаге, зафиксировать то, что видит! Он даже усомнился в своем профессиональном мастерстве, которое иногда называл «элементарным ремеслом».

Промучившись неизвестно сколько времени, встал из-за стола, чувствуя слабость, усталость, даже боль в мышцах напряженных рук. Вспомнив, что еще не завтракал, побрел на кухню варить кофе. Его тревожила мысль — руки утратили что-то.

Вскоре вернулся в кабинет-мастерскую. Доставал со шкафа, стеллажей свои прежние работы, чтобы убедиться — мастерство было налицо, а сейчас происходит что-то непонятное, он не может нарисовать то, что видит!.. Позабыв о завтраке, взял новый лист ватмана и, присев на диван, стал рисовать свой кабинет. Рисунок в общем получился, но все же в нем не было привычного почерку Авилова изящества, артистизма, да и линии порой были неуверенные, словно сделанные рукой переболевшего человека...

Через несколько секунд Авилов снова вернулся в кабинет и раскрыл одну из папок с материалами обмеров фундаментов и остатков обрушенных стен Радужного дворца. Сейчас особенно привлек его внимание обмер Царского зала. Авилов на отдельном листе обозначил его контуры и проставил размеры, потом принялся пересчитывать цифры, уменьшая их до масштабов акварели. И громко рассмеялся! Это было замечательно. Акварель точно в сто раз уменьшила размеры, нигде не погрешила против пропорций... С кухни донеслось шипение — перекипела вода и залила конфорки. Вскочил, побежал на кухню, выключил газ... Мелькнула еще одна догадка — открытие! — рисовать теперь надо по памяти, то, что он смог прежде увидеть через казуаль, рисовать на том листе, где проставлены точные размеры, заполняя рисунок деталь за деталью, но только увеличив размеры.

Потом с помощью казуали можно будет посмотреть акварель и проверить: правильно ли разглядел стены дворца, изображенные под углом и «распрямленные» казуалью? Детали, зафиксированные в перспективе и удаленные от рисовальщика акварели, теперь представляли в прямом изображении на плоскости. Фрагменты отделки, очень мелкие, едва, казалось, намеченные на акварели, казуаль помогла разглядеть и передать точно, во всяком случае, похоже. Но это еще предстояло проверить по другим работам Петра Ивановского — не повторил ли он где-либо эти мотивы целиком или, возможно, перенес какие-то их черты, ведь почерк мастера, даже вопреки желанию, переходит из работы в работу, какими бы разными эти работы ни были. За долгие годы накопления опыта реставрации Авилов научился распознавать почерк разных мастеров.

К концу дня Авилов сделал наброски нескольких помещений Радужного дворца. Временами он подходил к кульману, где был прикреплен огромный лист ватмана с наброском фасадной части, хотя и без множества деталей: лепнины, скульптурных групп, необычных конфигураций кровли, которыми Радужный дворец особенно славился; именно система куполов кровли, переходящих друг в друга, и материалы, ее покрывавшие, создавали особое свечение над дворцом не только ясным днем, но и в ненастье. Очевидцы описывали, как сияли позолоченные металлические листы, чередующиеся с толстыми глыбами хрустального, крупных граней стекла. Сияла майолика, терракота, фаянс и фарфор, из которых были сделаны многочисленные гребенчатые соединения золоченых листов металла и хрустального стекла. Подобной кровли не было ни на одном известном строении в мире. Столетие спустя появившееся в России электричество было использовано для искусственной подсветки кровли и фасада Радужного дворца и тем закрепило его название... Разглядывая фасад Радужного, воссозданный им по фотографиям и описаниям, Авилов пытался соотнести убран-

ство внутренних помещений, их отделку с особенностями замысла Петра Ивановского. Сохранились записи его современников, где отмечалось, что «этот терем-дворец, снежная ледяная горка — диво-дивное из сказки, как искони представлял народ перо жар-птицы»...

Авилов улыбался — неужели и ему удастся ухватить перо жар-птицы, восстановить дворец для любования людей, как мечту о прекрасном, веками живущую в сердцах людей?

В конце дня позвонила Инна Ростиславовна и по давнишней привычке, как добрый друг, с особой озабоченностью спросила, как себя Вадим Сергеевич чувствует, как настроение, не страшно ли чего — ведь накануне он был таким раздраженным! Вадим Сергеевич заверил, что все нормально. Инна Ростиславовна попросила его послушать по телефону несколько страничек заявки на их книгу. Сегодня уже отступать Вадиму Сергеевичу было бестактно, тем более что напористая Бенева взяла на себя и его часть работы. И вообще, в последние годы, когда Инна Ростиславовна овдовела, она заботилась о заскорузлом холостяке, «раке-отшельнике», как она его называла с милой улыбкой.

Инна Ростиславовна читала ему по телефону о том, что в победном 1945 году Советское правительство приняло решение о восстановлении памятников зодчества, о том, что зодчих чаще можно было видеть не за чертежными досками, не за кульманами, а в архивах, в хранилищах, библиотеках, музеях — искали подлинные чертежи, проекты, старинные сметы.

Инна Ростиславовна читала о Елагином дворце. Он ведь сгорел дотла. В Ленинграде это был самый первый опыт возрождения. Именно возрождения, а не реставрации. И сразу же возник вопрос: не подделка ли это? Правомерно ли повторить то, что однажды уже было создано, а столетия спустя разрушено? Спорили тогда, спорят и теперь. До сих пор нет единого мнения — как быть, например, с фресками Гонзаго в Павловском дворце? Главный хранитель Павловского дворца-музея Анатолий Кучумов считал, что галерея Гонзаго Павловского дворца имела такую же мировую известность, как знаменитые фрески Джотто, Монтеньи, Рафаэля. Ряд специалистов склонялись к тому, что Павловский дворец без галереи Гонзаго не может существовать и фрески нужно дополнить, дописать то, что было утрачено в результате варварских разрушений во время нашествия.

Другая группа специалистов настаивала на том, что нужно законсервировать драгоценные остатки, уцелевшие после пожара. Инна Ростиславовна читала о единой с Авиловым точке зрения: нужно законсервировать и обеспечить дальнейшую сохранность тех фрагментов росписи, которые уцелели, ибо самая тщательная реставрация никогда не возродит Гонзаго.

Спор этот пока не окончен. Подобные проблемы возникают перед архитекторами чуть ли не каждый день. Далее Бенева начала об их общем друге, коллеге Кедринском: не просто дался Александру Кедринскому Екатерининский дворец в Пушкине (бывшем Царском Селе). Вот хотя бы плафон Большого зала: площадь восемьсот шестьдесят квадратных метров, а в руках только небольшой рисунок... И все же Екатерининский дворец возрожден в главных его чертах, хотя работы еще много. Разве что-нибудь напоминает о взрывах и бушевавшем здесь пожаре? Все точно как было когда-то. И во внешнем облике, и в большинстве помещений дворца. И все-таки есть ли право на их повторение?

Есть — считает Вера Лемус, научный руководитель Екатерининского дворца-музея. Она говорит: «Меня тоже смущал вопрос о том, насколько правомерно восстановление того, что было полностью уничтожено. Я пришла к убеждению, что, имея в руках авторский проект или его эскизы, точно зная, что имел в виду при этом архитектор, можно возродить памятники. Подготовительными работами для восстановления архитектурного памятника является научная работа: изучение проектов, исторических документов. Почему же люди сегодняшнего дня, имеющие достаточно таланта, не могут воссоздать этот памятник? Здесь можно провести аналогию с музыкой. Композитор пишет музыку. Каждый исполнитель трактует ее по-своему, но все-таки доносит до слушателя ту главную мысль, которую вложил в свое произведение композитор. Музыка выражена в определенных нотных знаках, которые не звучат, пока кто-то не прикасается своими руками к клавишам или струнам. И вот, если сейчас люди, слушая Рихтера или Ван Клиберна, которые играют Чайковского, слышат все-таки Чайковского... Погиб оригинал, можно создать копию.

Авилову понравилось сравнение, он сказал об этом Инне Ростиславовне, но тут же заметил: как быть, если нет нот, то есть авторского проекта?.. И этот набивший профессионалам-реставраторам оскомину вопрос вновь обрел у Авилова и Беневой — в общем единомышленников — разное толкование. Спор затягивался, и Бенева, как человек рассудительный, предложила Вадиму Сергеевичу дослушать заявку на книгу, а к этому «нудному» вопросу вернуться в другое время, уже в работе над книгой.

Авилов поблагодарил Инну Ростиславовну и сказал, что чувствует себя неловко, так как она взяла на себя и его долю труда... Но еще больше он был смущен тем, о чем умолчал — о своих нечаянных открытиях, о казуалах. И, сам еще мгновение назад не желая того, Авиллов сказал, что, видимо, на днях он пригласит Инну Ростиславовну и покажет ей что-то необычайно интересное.

Факты, необъяснимые существующими теориями, наиболее дороги для науки, от их разработки следует по преимуществу ожидать ее развития в будущем.

А. М. Бутлеров

Несовершенство суждений — наибольший недостаток при умственном труде в любой области.

М. Фарадей

Вечером к Авилову неожиданно зашел Мавродин — вернулся с рыбалки, жена сообщила, что несколько раз звонил Вадим Сергеевич, и вот сразу явился на его зов. Жили они по-соседски, привыкли друг к другу, к тому, что кабинет Авилова стал основным рабочим местом для обоих, ходили друг к другу без особых приглашений. Мавродин застал растерянного друга в коридоре, он был в состоянии унылом. Без особых приглашений Леонид Христофорович прошел на кухню и вывалил в мойку несколько рыбин — трофеев сегодняшней рыбалки.

— Предпочитаете, сеньор, уху или жареную? — шутливо спросил Мавродин, словно готов был тут же потрошить рыбу.

— М-м-м, я хотел, Леонид, вам что-то показать, — устало сказал Авиллов.

— Что-нибудь новенькое? — все так же весело спросил Мавродин.

— Ну, как сказать... — Хмурый Авиллов направился в кабинет, следом за ним шел Леонид Христофорович.

Оба уже привыкли к несходству характеров друг друга — Леонид Христофорович скептик и говорун, всегда готов покаламбурить, он нередко вышучивает все и вся; Вадим Сергеевич молчун, но в споре запальчив. Мавродин ходил по кабинету-мастерской, рассматривал листы с набросками Радужного дворца; особенно долго вертел лист с изображением Царского зала, где некоторые детали были прорисованы в цвете. Заметил Мавродин новые черты и на листе, прикрепленном к кульману, — внешний облик Радужного со стороны фасада, а внизу наброски и трех других сторон дворца. Мавродин хмыкал, не говоря ни слова, Авиллов нетерпеливо ждал, заглядывая в лицо коллеги, который достал трубку и, набивая ее табаком, наконец негромко поинтересовался:

— И откуда все это... снизошло? — Мавродин знал о скудости материалов, тормозящих их совместную работу, как и то, что Авиллов никогда не занимается отсебятиной.

— Убедительно? — спросил Вадим Сергеевич и с загадочным выражением лица поманил Мавродина к столу; тот послушно последовал за его жестом; Авиллов указал на кресло. Мавродин опустился в кресло, и тогда Вадим Сергеевич до-

стал из ящика казуаль, взял акварель Радужного, также хорошо знакомую и Мавродину, и предложил:

— Попробуйте рассмотреть вот через эти линзы.

Мавродин стал вертеть в руках казуаль, с любопытством разглядывая ее устройство:

— Откуда сей... верблюд?

— Это казуаль... у археологов попросил, — коротко ответил Авилов и снова предложил: — Вы все-таки посмотрите через линзы на акварель. — Авилов помог Мавродину установить линзы под нужным углом, поднес к ним акварель, потом стал двигать ее в стороны.

— Интересно... — произнес Мавродин с недоуменном. — Любопытный эффект...

— И только? — хмыкнул Авилов, ожидавший, видимо, более бурной реакции. — Вы понимаете, как этот прибор раздвигает рамки рисунка...

— Да-а... дает объем. — Мавродин посмотрел на возбужденного Авилова, недоуменно пожал плечами. — И на этом основании вы пустились в плавание? — В голосе был скепсис, явное осуждение.

— А почему бы нет?!

— А как вы все это будете обосновывать? — Мавродин кивнул в сторону листов, разложенных на столе, диване, даже на полу. — Может быть, вы собираетесь предложить и членам научного совета воспользоваться этой штуkenцией?

Авилов заговорил сердито:

— Да, это путь, пусть необычный, но путь. Это лучше, чем топтаться на месте.

Мавродин не возражал.

— Но откуда в ваших рисунках такая достоверность? Такое точное ощущение эпохи?

У Авилова мелькнула догадка, и он осторожно спросил:

— А что вы видели?

— Видел я интересное... Объемы дворца... Но это же иллюзия, — закончил он.

Эти слова словно подхлестнули Авилова, и он пустился в многословные объяснения, что в искусстве (а архитектура это и искусство и наука) возможны озарения, которые сродни непознанным сторонам человеческого духа.

— Эффект стереоскопичности есть, но... это иллюзия, — признался Леонид Христофорович, а потом, глядя на растерянного друга, добавил: — Просто мы с вами устали... Вы уже третий год не отдыхаете, и вот...

— Желаемое принимаем за действительность?.. — Вадим Сергеевич говорил с раздражением: — Но я ведь действительно вижу! Или это свойство только моих глаз, или... я сошел с ума?

— И я вижу, — согласился Мавродин, — но не верю...

— У нас начались галлюцинации? Да? Это же чушь?.. Уже

несколько дней я работаю с казуалью. И акварель и гравюра с помощью казуали стали трехмерными? Вы согласны?

— Это иллюзия! С вами спорить не буду. Если... подобное вам помогает в работе — пожалуйста. Но в качестве аргумента, доказательств это никому приводить нельзя.

— Я не боюсь иронии! — выпалил Авиллов.

— Вы же не хотите выглядеть смешным экстрасенсом.

— А может быть, линзы обладают голографическим эффектом? — распалаясь Авиллов. — И при чем здесь экстрасенс?!

— Для того чтобы с помощью ну пусть этих линз получить голографический эффект, нужно, чтобы и рисунок был сделан также с помощью голографической техники... В ней заложена объемность, — терпеливо объяснил Мавродин.

— Видимо, да, — Авиллова убедили эти сведения. — Но если вы соглашаетесь с тем, что некий, пусть с вашей точки зрения, стереоэффект возникает, то, может быть, для другого он возникает в большей степени?.. А-а?

Мавродин умолк. Он явно не мог принимать всерьез доводы Авиллова, его беспокоило другое — нервное состояние друга, которого можно разубедить лишь вескими аргументами, и Мавродин предложил:

— Минутку. Я вспомнил. Давайте посмотрим в энциклопедии. — Мавродин быстро поднялся и, найдя лесенку, приставил ее к полкам, где стояли фолианты БСЭ, нашел нужный том, полистал его и прочел: — «Стереоскоп... оптический прибор для рассматривания снимков... с объемным их восприятием. Снимки должны быть получены с двух точек и попарно перекрываться между собой, что обеспечивает передачу объектов в соответствии с тем, как их отдельно видит правый и левый глаз человека». — Мавродин с шумом захлопнул том, давая понять, что дальнейшие объяснения уже ни к чему.

Авиллов присел на подлокотник кресла, скрестил руки; вся его поза выражала несогласие с подобными аргументами коллеги. Он уже привык к тому, что главный инженер, с которым Вадим Сергеевич разработал и осуществил за десятилетия не один проект реставрации памятников зодчества, был человеком трезвым, с четким инженерным мышлением. Хотя Мавродин столько лет работал бок о бок с людьми искусства, но редко поддавался чувству восторга, какое вызывает великое произведение. Он мог восхищаться оригинальностью, смелостью, необычностью инженерных решений, открытий, но главным для Мавродина оставалась рациональная сущность, элементарная подлинность сделанного. И тем не менее Авиллову всегда было интересно беседовать с Леонидом Христофоровичем, ибо его рационализм обострял мысли и чувства, побуждал к поискам, но чаще всего помогал познать реальность, истину.

— Я слышал, один наш именитый писатель, — начал Авиллов, — считает: эмоции всех людей не исчезают бесследно, да-

же когда они иссякают и человек успокаивается... Все вместе эмоции людей образуют как бы огромное биополе планеты... Как вы его объясните или опровергнете?

Мавродин поднял голову и стал слушать внимательно, хотя еще и не понимая, к чему конкретному может привести подобный новый виток рассуждений Вадима Сергеевича.

— И еще, — продолжал Авилов, — не помню уже кто написал. Вещь считается фантастической, но сейчас, после того, что помогла мне увидеть казуаль, я верю и в подобную гипотезу.

— О чем вы, Вадим Сергеевич? Простите, не понял. Какое все это имеет отношение к тому, что нам нужно просто... построить вновь дворец.

Авилов будто и не слышал этой простой отрезвляющей мысли своего коллеги.

— О том, что все ваши слова не пропадают, они как бы консервируются в атмосфере... или в порах растений и до поры до времени могут там сохраняться, пока люди не изобретут что-то волшебное... может быть, какой-то прибор, аппарат, который может вычитывать, выделять из тысячелетнего скопления слов целые фразы, диалоги, и люди много узнают.

— Это какая-то мистика... — постарался спокойно скорректировать разговор Мавродин. — А я говорю о нашей конкретной заботе — строить.

— Ну, знаете... еще недавно... на памяти... одного-двух поколений и генетику, и кибернетику, и психологию считали... мистикой... А космос? Освоение космоса?

— Простите, Вадим, — терпение Мавродина иссякало, — ну при чем тут все эти размышления? Они столь далеки от проектов Радужного дворца, что смешно говорить. Казуаль только отвлекает вас от дела. Все это вы говорите лишь с одной целью — убедить меня в том, что можно увидеть несуществующее... Это иллюзия!

— Если не будете верить — не увидите! — отрезал Авилов.

— Ну, допустим, — Мавродин улыбнулся, — новое платье короля, которое никто не видит, я сумею разглядеть...

— Нет. В этом так нельзя. Нужно или верить, или нет! — настаивал Авилов. — Казуаль — это фантастическая реальность.

— Но ведь на амфоре, о которой вы упоминали, тоже плоскостное изображение, откуда же вдруг появляется трехмерность? — напомнил Мавродин. — На акварели также нет трехмерности... Как же мне в это верить?

Несколько сникший Авилов, который лишь с запальчивостью выстреливал возражения, теперь принялся рассуждать спокойнее, увереннее.

— Художник, вложивший свои чувства, но не научившийся рисовать, это ...кубист, который на картинах, как в голографии,

изображает вещи в трех измерениях... Те древние художники сообщили рисункам и свои эмоции, но не в виде красок, линий... Что-то здесь есть непознанное... пока, но то, что люди со временем познают... Может быть, мы столкнулись с первым случаем? — подвел итог Авилов. — Иллюзия и есть реальность!

Леонид Христофорович щелкал зажигалкой и никак не мог раскурить трубку, меж тем он говорил:

— Вот вспомните о том, что в стереокино вам выдают очки с двумя разными стекляшками, вернее, слюдой, но ведь вы через них смотрите на изображение, снятое и проецируемое на экран специальной оптикой... и, кажется, с двух пленок... не знаю. Может быть, ваша казуаль сразу что-то и вроде очков для стереофильма, и оптики при съемках?

Авилов, почувствовав, что Леонид Христофорович в чем-то начинает соглашаться с его суждениями, заговорил с воодушевлением:

— С помощью оптики мы приближаем к себе Луну, другие планеты, приближаем настолько, что, кажется, их можно рукой достать... Может быть, действительно можно, если додуматься, как-то воспользоваться оптической скоростью и связью?.. Да-да! Не удивляйтесь. Со временем непременно это откроют, в этом меня убедила казуаль. Оптическая ось... Отстранитесь от традиционных привычных гипотез... мне представляется такая ось колеей, по которой может мчаться поезд со скоростью человеческой мысли...

— Знаете, Вадим Сергеевич, эта ваша... находка от наших дел увела в мир ненужных размышлений.

— Вы так думаете? — с вызовом спросил Авилов.

— Мне так кажется. — Мавродин был озадачен, он не знал, как умерить пыл оппонента. — И пожалуйста, никому о ваших... м-м размышлениях не говорите.

— Подумают, что я сбрендил? — с улыбкой, с вызовом спросил Авилов. — Ну и пусть... Цюлковского также... некоторые считали... местным чудачком.

— Вы претендуете на роль открывателя в области сверхъестественных сил?

— Ни на какую роль я вовсе не претендую! Ни в одной области. — Авилов, насупившись, заходил по кабинету. — Ну если человек увидел что-то... необычное... И пока никто мне этого объяснить не может.

— Хорошо, хорошо, Вадим Сергеевич! — Мавродин стремился вразумить друга. — Давайте здраво разберемся. Можно ли поверить, что с помощью самой загадочной лупы есть возможность проникнуть... ну за изнанку картины и попасть... в ту жизнь, которую она изображает?.. Подумайте... Это же... простите, пустая мечта о зазеркалье...

— Но мне кажется, Леонид, что здесь соединяется энергия накопленных знаний о том, что представляла прошедшая

жизнь... на картинке и сила оптической оси... того, кто хочет сегодня в нее заглянуть... Если их максимальная сила пересекается — возникает проникновение... Сила знаний и энергия чувств. В этом я вижу основу, объяснение, почему для меня возникает трехмерность рисунка.

— И этого может добиться каждый? — Мавродин хмыкнул. — Все члены научного совета?

— Если накопят нужные знания и если напрягут свое желание познать то, что за пределами картины... Это творческая энергия, которую пока не измерить, ни вообще исследовать никому не удалось... Что и как творилось, на какой энергии, напряжении работал Микеланджело или Лев Толстой... академик Королев и Курчатов... или сегодняшние творцы. Здесь нужно соединение медицины, психологии, физики, химии, всех наук.

— Ну зачем это вам, дорогой мой друг, архитектор-реставратор? Что это дает вам конкретно? — вопрошал Мавродин.

— Если мы будем знать — можно будет управлять творческим процессом...

— Все логично, но неубедительно, — как можно спокойнее заключил Леонид Христофорович, желая прекратить беседу.

— Убедят вас, может быть, проекты, которые я скоро закончу? — с упрямством спросил Вадим Сергеевич.

— А как я обсчитаю их инженерную сторону? На основе чего?.. — Мавродин бросил тяжелую гирию на чашу весов спора.

— Масштаба... На основе масштаба и соотношенности частей здания. Ведь, помнится, вы сами, Леонид, предложили этот метод, когда не хватало документации! — с ехидством напомнил Авилов. — А? Или я и это путаю?

— Вам помочь приготовить рыбу? — Мавродин думал, что нашел выход из спора. — Как говорят французы, нужно, кажется, жарить другую рыбу. — И рассмеялся.

— А, бог с ней, с рыбой! — Авилов махнул рукой, видимо, не все, что накопилось в его душе, что разбудоражило появление казуали, он высказал, запал поиска истины в нем не иссяк, и нужен был оппонент.

— Ну, идемте на кухню, — предложил Мавродин. — Помоему, на сегодня хватит. — И он первым направился к двери. Авилов шел за ним, продолжая уже не спор, а размышления вслух:

— Пока легче всего будет измерить силу творческой энергии, затраченной на создание музыкальных произведений... и, наверное, скульптуры... Это осязаемое. А вот с рисунком, живописью дело сложнее.

На кухне Мавродин надел передник, закатал рукава: ему все-таки пришлось отвечать Вадиму Сергеевичу:

— А мне кажется, вы вторгаетесь в область, в которой

очень мало осведомлены... отвлекаетесь от того дела, в котором стали истинным мастером, маэстро...

— Злополучная находка помогает постигнуть то, что предстоит сделать... И я подумал, что это поможет и другим, — рассуждал Авилов.

— Не знаю... Слишком это все... недоказуемо и эфемерно...

Авилов с завидной сноровкой потрошил и чистил рыбу. При этом он говорил Вадиму Сергеевичу, что, будь казуаль реальностью, ну, таким понятным прибором, как ЭВМ, к примеру, казуаль наибольшую помощь принесла бы криминалистам в распутывании загадочных клубков преступлений... И тогда пришлось бы наладить массовое производство подобных штук. Но чудеса не идут в массовое производство! Мавродин хотел иронией погасить непривычно разыгравшееся воображение друга. Однако Авилова сегодня было трудно остановить; даже подавая по просьбе Леонида Христофоровича специи для ухи, Вадим Сергеевич излагал все новые и новые гипотезы, предположения; и было неясно — импровизация ли это или мысли, которые родились давно, но лишь сейчас настал черед их высказать.

— Вдумайтесь, Леонид! В каком месиве волн мы живем! Гуше, чем вода. Тысячи радиоволн идут на нас со всех концов света, мы их месим ногами, бьем машинами. И не замечаем. Только когда включаем радиоприемник и крутим ручку — диву даешься, сколько разных речей и потрясающей музыки! Мы ходим, топчем десятки тысяч прекраснейших картин, передаваемых телевидением, и это все движется в воздухе, которым мы дышим. Вот сейчас, вы думаете, мы на кухне вдвоем? Дудки! — И Авилов включил «Спидолу» и стал вращать ручку, переключались голоса, мелодии. — Вот видите, сколько их! — Затем Авилов, не выключая радиоприемника, включил мини-аэтиорный цветной телевизор, стоявший на холодильнике, и, когда он нагрелся, стал переводить ручку программ: на телеэкране была африканская пустыня, повернул ручку смены программ — на сцене театра шел какой-то спектакль; по третьей программе передавали учебный курс и в нем кадры, снятые в космосе...

Мавродин оставил свои поварские занятия и слушал и смотрел с удивлением — эти мысли были так похожи на его! Простые и все же необъяснимые. Удивление перед техникой инопланетян — да, это есть, это создали люди, и это непостижимо! Значит, когда-либо будет создано и то, во что сегодня трудно поверить.

— Вы гений, Вадим! Это очень точное определение.

Разговор велся Вадимом Сергеевичем явно не для похвал, восклицание друга он пропустил, не отреагировал, а сам заговорил о давнишней заботе, одной из многих задач, которые они прежде решали вместе:

— Помните оптические искажения на любительских фотографиях? Парные барельефы в Кавалергардском зале, по углам, в самом верху, — напомнил Авилов. Мавродин кивнул. После недавних, последних рассуждений коллеги, он его слушал внимательно. Авилов продолжал: — Мы долго не могли разобрать на фото — Дионис изображен сидящим или летящим на дельфине, а вот теперь... Идемте, посмотрите! — И Вадим Сергеевич направился в кабинет, Мавродин поплелся за ним.

Авилов взял со стола старую фотографию, найденную им еще днем, на ней он проверял возможности казуали. То, что прежде не позволяли рассмотреть оптические ракурсные искажения, теперь с помощью казуали он увидел ясно. А ведь в свое время, когда восстанавливался Кавалергардский зал в Большом дворце, Авилов прибегнул к помощи научных сотрудников, также предполагавших, что скульптор, много работавший над украшением дворцов, не мог не повторить этот мотив. И нашлись подтверждения даже в двух работах, одна из них в Останкинском дворце в Москве... этот, казалось, теперь уже забытый и потому незначительный случай в совместных трудах Авилова и Мавродина, убедил последнего — все же казуаль обладает какими-то неведомыми свойствами, объяснения которым Леонид Христофорович не находил и которые так настойчиво искал Авилов. У него мелькнула мысль — может быть, обратиться к специалистам известного оптико-механического объединения и им показать казуаль, у них искать объяснение, но Мавродин знал, что практики, люди с инженерным трезвым мышлением, высмеют и его, и предположения Вадима Сергеевича. Авилов расстроится и потеряет уверенность.

Уже поздно вечером Мавродин, подавая на кухне уху, признался, хотя он вначале скептически воспринял рассуждения «досточтимого архитектора Авилова» о нюансах творчества, о непознаваемости творческого процесса, объясняемого Авиловым «довольно странными научными потугами», сейчас он и сам задумался о том, какими неведомыми путями, при каких обстоятельствах возникает образ у художника, что служит импульсом-побудителем, как формируется в мыслях образ. И как у зодчего возникает облик здания, какие детали рождаются сразу, а какие он ищет долго, мучительно и мысленно возводит здание и в камне, и в отделке, строит от фундамента до кровли?.. А затем, как реставратор обязан возродить порушенное, но не идти самостоятельно, а повторить, возродить из тлена или пепла? А если повторитель (реставратор) — личность? Какие же психологические перегрузки он испытывает, прежде всего поступаая знанием новых законов зодчества, — реставратор заставляя себя идти дорогой древних? Приходится каждодневно жить в двух временных измерениях — прошлым и сегодняшним... И не этим ли объясняется все, что сегодня говорил его друг и коллега архитектор-реставратор Авилов?.. И судорож-

ность поисков, и вера в озарение — напряженный труд и эфемерная надежда.

Полемический задор обоих поостыл, но, когда Авиллов рассказал о том, как в полночь возник за линзами казуали великий зодчий Растрелли, это вызвало у Мавродина беспокойство.

— Вы знаете, Леонид Христофорович, я не могу до сих пор понять, был ли это сон... может быть, я устал и вздремнул, и пригрезилось, — признался Вадим Сергеевич. — А может быть, особое свойство казуали... И я увидел...

— Наяву? — насмешка Мавродина рассердила Авиллова. — Иллюзия!

— Ну хорошо! Вы можете себе представить предельное, невысказанное, адское напряжение — вдумывание, вчувствование, вглядывание в материалы далекого времени?.. — Вадим Сергеевич пробовал объяснить свое состояние. — Я понимаю несуровость вызывания духов, но...

— И от усталости начало казаться, — усмехнулся Леонид Христофорович. — Галлюцинации.

— А что такое наше воображение? Зримые образы, возникающие в мозгу, когда мы о чем-то думаем, что-то себе представляем? — запальчиво спросил Авиллов.

— Все строится из знакомых... м-м... «кубиков» виденного, — пояснил механику сновидений Мавродин.

— Но бывают сны о том, чего человек никогда не видел? Будто сон наяву и воображение... Я-то нигде не видел, например, Растрелли за работой... — Авиллов сник, слишком велико было напряжение и минувших дней, и сегодняшней беседы. — А как вообще возникает в мыслях то, что никогда не существовало и что изобрел Архимед или Жюль Верн?

Уходя, Мавродин сказал Авиллову, что если самовнушение и самообман ему помогают в работе, то пусть. Только не следует других убеждать в особом своем зрении.

V

Чудо — событие, описанное людьми, которые слышали о нем от тех, кто его не видел.

Э. Хаббард

Мудр не тот, кто знает много, а тот, чьи знания полезны.

Эсхил

Перенапряжение свалило Вадима Сергеевича, и он быстро уснул; медики говорят, что в подобных ситуациях организм защищается, требуя отдыха.

Утром Авиллов решил позвать соседского мальчика Андрю-

шу, паренька смышленного, по шумного, — первый футболист летом и хоккенст зимой; его зычный голос слышен и сквозь стены, но он же отлично поет и играет на скрипке.

Вадим Сергеевич предложил Андрейке через казуаль посмотреть картинки, двигая, вращая линзы. «Вот здорово!» — завопил Андрейка. Авилов стал расспрашивать, что же он увидел, что его так удивило.

Мальчик говорил о картинках, которые «как живые и, кажется, что вот-вот там кто-то появится». Вадим Сергеевич просил рассказать подробно именно об этом — «кто появится», но Андрейка не сумел объяснить свое впечатление, он лишь сказал: на рисунке открыты двери в другие комнаты, там темно и, похоже, кто-то стоит. А дальше уже Андрейка сам стал расспрашивать о линзах. Услышав, что это прибор древний, Андрейка воскликнул:

— А знаете, что я сейчас подумал? Как в сказке! Правда?

Авилов улыбнулся. Он был огорошен этим невинным открытием соседского отрока — так можно заставить поверить в любое шарлатанство... Но ведь казуаль действительно дает неожиданное впечатление, меняет, углубляет рисунок и в восприятиях ребенка. Это по-своему объяснил и мальчик. Он сказал, что не просто увеличивает, как лупа, а «меняется там все»... Андрейка спросил, не может ли Вадим Сергеевич дать ему лупу поиграть, показать ребятам во дворе и школе, что через нее «здорово интересно марки смотреть»... Авилов объяснил юному соседу — эта вещь не его, лупа уникальная, и ею детям играть не следует. Тогда Андрейка с детской прямолинейностью спросил: зачем же его звали — «только подразнить»?.. Вадим Сергеевич с трудом выпутался из этого объяснения и проводил юного гостя, дав ему «только посмотреть» книгу своего друга Аничкова, книгу о блокадном Ленинграде, иллюстрированную множеством кинокадров из документального фильма. Андрейка увидел эту книгу на столе, стал листать ее, и Вадим Сергеевич, чтобы увести мальчика от разговоров о казуали, разрешил взять книгу до вечера.

Авилов невольно подумал об Аничкове, которому, конечно же, было бы интересно посмотреть казуаль, ведь Аничков занимается и научно-популярным кино, связан со многими деятелями науки... «Но зачем мне объяснения?!» — рассердился на себя Авилов. Присев к столу, выбирая лист ватмана для работы, Вадим Сергеевич вспомнил, что жена Аничкова занимается логопедией — делом, которое всегда поражало Авилова своими конкретными результатами. Она восстанавливала речь больных, вкладывала в свою работу столько эмоций, душевных да и физических сил. Видимо, не зря логопедам был установлен, быть может, самый короткий рабочий день в стране — три часа, — слишком велико нервное напряжение. Однажды Вадим Сергеевич видел, как она работает. Он был удивлен, что без

физического (может быть, хирургического), медикаментозного вмешательства, только усилиями направленной воли, стараниями логопеда у больного почти восстанавливалась или исправлялась речь... И вот сейчас, не переставая думать о необыкновенных свойствах казуали, пытаюсь как-то оправдать свою приверженность к непонятным явлениям, Авиллов продолжал искать аргументы в схожих случаях, областях знаний и труда, где также «нечто рождается из ничего»...

Эти размышления прервал телефонный звонок Инны Ростиславовны. Она говорила торопливо и сбивчиво — необходимо срочно, немедленно увидиться; она была в издательстве, где предложили поправки к их заявке на книгу. Инна Ростиславовна успела кое-что набросать, но уверенности в том, что «материал хорошо монтируется», у нее нет, и необходимо Вадиму Сергеевичу немедленно посмотреть, почитать, ибо истекает срок заявки, и она к нему готова сейчас приехать. Напор Беневои был столь стремителен, что Вадим Сергеевич согласился на встречу, хотя очень дорожил утренним рабочим временем. Положив трубку, Вадим Сергеевич подумал, что, видимо, следует убрать разложенные всюду листы, так как знал — Инна Ростиславовна непременно заинтересуется работой, тем более что и она много знала о трудностях нового проекта Авиллова. Он с ней советовался, она так же, как и другие коллеги, щедро делилась своими «закромами» — накоплениями материалов. «Нет, неловко от нее скрывать... А кстати, почему бы и ее не попросить взглянуть на свойства казуали профессиональным оком?»

За эти дни уже не раз в душу Авиллова закрадывалось сомнение — зачем он связался с «этой чертовщиной», но ощущал, что не силах отказаться от ее помощи. Обескураженный всем, что породило появление казуали, особенно потерей душевного равновесия да и неприятным осадком после разговора с Леонидом Христофоровичем, Вадим Сергеевич вообще не собирался рассказывать Инне Ростиславовне о казуали — в чудеса она, естественно, не поверила бы: она резка бывает в своих суждениях, но сейчас решил — надо непременно именно ей показать.

Вскоре появилась Инна Ростиславовна и, положив на стол отпечатанные страницы заявки, предложила Авиллову, не теряя времени, их прочесть. Сама устроилась в кресле у стола в ожидании. Начав читать, Вадим Сергеевич подумал: хорошо, что пока она не замечает разложенных повсюду листов с набросками. Авиллов читал новые страницы заявки.

...«О подобном знают немногие. Сенсация? Возможно, посетители дворца Бельведер, одного из замечательных архитектурных памятников Петергофа, как выяснилось относительно недавно, ходят по мозаичным плитам, по которым ступал... Нерон. В ленинградских архивах реставраторами среди других

нужных документов обнаружены записи, раскрывающие «родословную» этого великолепного памятника античной культуры. Установлено, что цветная мозаика, созданная почти двадцать (!) столетий назад, украшала дворец римского императора на острове Капри, а затем была приобретена русскими вельможами. В 1942 году петергофский дворец Бельведер был разрушен. После изгнания фашистских вандалов с ленинградской земли руины этого, как и многих других дворцов, были законсервированы — реставрация откладывалась на неопределенное время...»

«...Если в природе архитектуры заложена статичность, то в скульптуре — динамичность. Скульптор должен мыслить архитектурно, а архитектор — пластически. Таковы законы творчества...»

«...Поиски архивных материалов, проведенные Еленой Мясоедовой — хранительницей Большого Петергофского дворца, — вдруг дали неожиданные результаты... оказалось, среди работ академического периода скульптора Козловского есть тема, сходная с темами скульптур Тронного зала (Михаил Козловский — один из выдающихся скульпторов русского классицизма). Нашлись и сходные полотна художника Архипова, который учился в то же время. Видимо, и у живописцев была подобная библейская тема, заданная в годы учебы в Петербургской академии художеств.

Барельефы на любительских фотографиях, насколько можно было различить, совпадают с деталями на осколках, найденных в развалинах дворца. Можно было предположить, что это изображение возвращения Святослава из Дунайского похода. Поиски и сравнения убедили — тема та же, хотя композиционно решена иначе. Все говорило о том, что это, может быть, программная работа Михаила Ивановича Козловского (в годы учебы в академии), которая считалась утраченной. Если это «Возвращение Святослава» Козловского, то она совпадает с композицией другого парного панно, «Крещение Ольги», созданного Архипом Ивановым. Это было время, когда увлекались античным стилем. Нужны были подробности... Как расположены фигуры, атрибуты, даже складки? Ворота или крыльцо дома за фигурами, встречающими Святослава? Он что-то держит в руке или просто прижал руку к груди? Может быть, держит колчан? Раз Святослав возвращается из похода, может быть, будет логично, что и лошади там изображены?.. Действительно, лошадь компоновалась как декоративный элемент; это подчеркивало возвращение из дальнего похода. А крыльцо терема — как символ возвращения к родному порогу...

Так из множества разрозненных сведений складывалась «картина» лишь двух деталей убранства Тронного зала. Так же скрупулезно собирались свидетельства для воссоздания многих деталей отделки и убранства и этого зала, и других залов... Скульптору нужны не только сведения, вдохновение, интуиция,

но и натура, нужны характерные образы, которые помогли бы возродить произведения прошлых эпох. И оказалось вдруг совсем не просто сейчас найти фигуру, олицетворяющую XVIII—XIX века, то есть время, когда работал скульптор Козловский: характерный профиль лица, особенно покатые плечи, очень длинную шею, что, между прочим, считалось признаком красоты в ту эпоху... Людям неискушенным может показаться блажь такая дотошность поисков: мол, в конце концов, какая разница — доспехи, шея, профиль, — лишь бы было похоже... Много загадок решили скульпторы Галина Михайлова и Эдуард Масленников за годы возрождения и реставрации Екатерининского дворца, Большого Петергофского дворца, Елагина дворца, Монплезира, Петропавловской крепости, Летнего сада. И всегда они трудились вместе с архитекторами, как и все иные творцы, мастера, причастные к восстановлению, реставрации памятников зодчества.

...«Мы, конечно, преклоняемся перед мастерами того века, собственно, в то время был расцвет этого искусства, расцвет этой профессии, и они достигли высокого мастерства... Был какой-то период после этого, когда эта профессия как бы угасла, не строили подобных дворцов, не было нужды учиться. А когда после Великой Отечественной войны, после нашествия фашистов нужно было восстанавливать дворцы-памятники, возродилась эта профессия. Не случайно государство открыло Мухинское училище в 1945 году... Резчик начинает всегда работать с модели, созданной скульптором в гипсе, изучает осколки деревянной скульптуры, найденные среди развалин. Сначала все это изучается, потом уже делается рисунок в натуральную величину, после рисунка делается заготовка. И когда непосредственно резчик приступает к работе, он не только пользуется моделью, фотографиями, чертежом, но он еще набирает аналогичные детали старых мастеров давних времен для того, чтобы использовать их технику, их приемы резьбы, так как модель сама по себе не дает техники исполнения в дереве, потому что модель гипсовая. И значит, нельзя воплотить то, что было задумано и сделано мастером того века в дереве.

В творческом воспроизведении утраченных шедевров и до сих пор есть немало загадочного для непосвященных.

Восстановленные памятники Ленинграда, Пскова, Новгорода, Киева, Севастополя, обновленные сооружения прежних веков в Суздале, на русском Севере, в Причерноморье, Средней Азии, Сибири поражают посетителей заповедных архитектурных ансамблей. Как же все-таки удается проникнуть в эпоху, оживить ее дух, черты, особенные свойства мастеровых людей, живших не одно столетие тому назад? Откуда взялось терпение в наш стремительный век скоростей, откуда оно у современных умельцев? Как духовно готовят себя к такой работе реставраторы?.. Резчики по дереву в Пушкине и Петергофе, чтобы

снять чудовищное напряжение от процесса «бережной» резьбы, где одно неудачное движение может погубить труд многих месяцев, где нельзя «исправить ошибку», если состругал, выбрал стамеской лишний миллиметр, — мастера вое утруждают два-три раза в день разрядку: или играют в волейбол, или в снежки, несмотря на возраст, среди них есть и люди почтенные. Затем снова сосредоточенность, как во время молебна, сосредоточенность и отрешенность...

Из руин и пепла восстал и Павловский дворец. В каждом помещении искусственный мрамор иного цвета, оттенка. Поэмой в мраморе вновь называют Павловский дворец. Восстановлены знаменитые садово-парковые ансамбли в пригородах Ленинграда, такие, как Павловский, где растительность, скульптура и павильоны создавали неповторимое зрелище и в весеннюю пору цветения, и золотой осенью. И если не сравнивать с тем, что творили здесь оккупанты (теперь это осталось лишь на фотографиях и киноленте), трудно поверить в чудесные превращения. Захватчики вывезли из Павловского парка тысячи кубометров древесины благородных пород, разрушили, смели все! Все!

Рискуя жизнью, Анна Зеленова, молодой сотрудник Павловского дворца-музея, спрятала под носом у ворвавшихся в город фашистов большие ценности Павловского дворца: скульптуры в аллеях парка успели снять и зарыть. После освобождения Павловска Анна Ивановна посвятила свою жизнь возрождению музейного ансамбля...»

Вчитавшись в заявку, Авилов не заметил — Инна Ростиславовна давно уже ходит по кабинету, вроде бы успела просмотреть эскизы; между Беневои и Авиловым не существовало профессиональных секретов, были они добрыми друзьями еще со студенческих лет, Инна Бенева нравилась Авилову, но вышла замуж за другого, тем не менее чувство симпатии и трогательного внимания друг к другу сохранялось все последующие десятилетия. Вместе пережили блокаду. Когда Инна Ростиславовна овдовела, друзья считали, что заскорюзлый холостяк Авилов непременно женится на ней, но в их дружеских отношениях ничего не изменилось, только более деятельно оба принимали участие в жизни друг друга, сохранив обходительность питерских интеллигентов.

Инна Ростиславовна, стараясь не мешать Авилову читать их заявку, рассматривала через линзы казуали... его карандашные наброски, рисунки, рассматривала с чувством смятения, удивления. Услышав шум отодвигаемого от стола кресла — Авилов встал, — Инна Ростиславовна смущенно улыбнулась, сделала движение казуалью в сторону рисунков, помахала линзами:

— Что это такое? Я раньше у вас не видала... Знаете, как интересно смотрится... Что-то такое неожиданное...

— Мх... Это целая история! — И вдруг Авилов быстро спросил: — А что вы сумели разглядеть?.. Просто интересно... Расскажите, Инночка.

— Очень... Ну... какое-то странное впечатление. Непривычно меняет ракурсы... Даже такое впечатление, что... видишь больше, чем изображено... У вас на эскизах стены в перспективе, а этот лорнет... разворачивает их прямую плоскость.

— Правда?! — выпалил Авилов и так стремительно взял у Беневої казуаль, что она даже испугалась.

Авилов подносил казуаль то к одному, то к другому эскизу, которые он накануне набросал. Волнение Авилова и озадачило Инну Ростиславовну, и еще больше разожгло любопытство. Он рассердился на себя, почему же сам не догадался, что следует через линзы рассмотреть и собственные рисунки, созданные с помощью казуали. И вывод напрашивался все тот же: увиденное с помощью казуали передает и в новой вещи черты, сокрытые от обычного зрения. Авилов подумал: видимо, мы еще не научились рисовать как думать и наносим на бумагу, на холст одномерность в силу какой-то инерции.

Инна Ростиславовна смотрела на Авилова, застывшего в раздумье.

— Ну, объясните, наконец, что это такое?... Что с вами творится? — сердито вопрошала Инна Ростиславовна. — Я вас последние дни не узнаю. Словно вас подменили...

Тяжело дыша, Авилов опустил на диван, рядом присела Бенева — сейчас, увидев усталое лицо, отрешенный взгляд друга, она настроилась сочувственно, понимая, что не пустячный повод довел его до подобного состояния.

— Воды дать? — предложила она. Авилов отрицательно покачал головой. — Вадим, милый, успокойтесь и... если хотите, расскажите, в чем дело... Я вижу, что это как-то связано с лорнетом... Да?

И Авилов все без утайки, со всеми подробностями рассказал Инне Ростиславовне свои злоключения последних дней. Бенева слушала, стараясь не выдать своих чувств — вначале сомнение, удивление, а затем все более изумление. Единственное, что высказала Инна Ростиславовна с уверенностью — нужно позвонить «хозяйке» казуали Митиной и сказать ей правду и, может быть, с ее помощью искать объяснения.

Авилов понимал логичность этого предложения, но не мог преодолеть чувства стыда — не сообщил Митиной сразу, утаил все, что узнал об этих линзах еще в хранилище археологических находок. Инна Ростиславовна подсказала — пусть Авилов пригласит Митину к себе, пусть покажет эскизы и предложит и ей самой рассмотреть их с помощью казуали, а дальше — или Митина сама обнаружит необычные свойства этих линз, или Авилову придется все объяснять...

Беспокойство — это неудовлетворенность, а неудовлетворенность — первейшее условие прогресса. Покажите мне совершенно удовлетворенного человека, и я вам открою в нем неудачника.

Т. Эдисон

Что может быть честнее и благороднее, как научить других тому, что сам наилучшим образом знаешь?

Квинтилиан

Авилов позвонил Митиной, телефон не отвечал. Усталость, нервное напряжение свалили Вадима Сергеевича, и он прилег на диван; чтобы отвлечься, избавиться от навязчивых мыслей о казуали, волнений этих дней, Авиллов взял одну из книг, которые постоянно громоздились на столике у дивана. Как закладка, среди страниц книги торчало письмо от друга Карло Николаевича Бакурадзе, реставратора древнейших храмов и крепостей в горах Кавказа. С ним, искренним человеком, подвижником возрождения древних творений, Авиллова так же, как и с Инной Ростиславовной Беневои, связывала давняя дружба. Авиллов любил наблюдать за работой Бакурадзе, слушать его беседы-размышления; и письма его любил, ибо писал Карло Николаевич как говорил — взволнованно и мудро о том, что на душе, не стесняясь, не процеживая через сито рациональности.

Он с упоением стал перечитывать строки о последних работах Бакурадзе — в них находил созвучие и своим терзаниям-поискам; Бакурадзе писал о реставрации росписей в одном из храмов, в заброшенном высокогорном селении, писал о том, что постиг о древних мастерах. Авиллов вспомнил, что у него есть магнитофонная запись беседы радиожурналистов с Карло Николаевичем, ему захотелось услышать его голос и, вскочив с дивана, стал разыскивать на полках кассету. Нашел, поставил на магнитофон, включил и услышал:

...«Очень редко попадаетея, когда они пишут свои имена. А вот здесь уже пишет художник, что он, что под его руководством расписаны эти стены.

— Карло Николаевич, а как звали этого художника? Как вы думаете, что это был за человек?

— Как я могу представить? Это очень трудно. У него были совсем другие условия. Во-первых, когда представляешь, как он мог разрисовать этот памятник в такой темноте. Вот у нас электричество, и то вечером найти эти линии очень трудно, а тогда? Какие нужны были глаза и как они вообще это делали — славные древние мастера! Это, наверное, истинная, боль-

шая любовь к искусству... Видимо, глаза этого мастера привыкли к темноте...

— Где вы реставрировали фрески, в каких храмах?

— Я начал с Атенского Сиони. Это в 1955 году, потом в Хачекури, потом храмы X—XI веков Аteni, там тоже сейчас раскрываются, укрепляются работы XVI и XVII всков. Потом в Алаверда Гелати... Удивительные памятники. Я могу назвать почти 40 памятников, где мне приходилось работать... И так каждую весну начинаю и до поздней осени, до снегов, а иногда и в снегах. Ведь когда в горах все вокруг в снегах, через створы узких окон храма, как через бойницы, проникает очень чистый, ясный свет и можно проверить то, что написал при знойном желтом летнем солнце. Теперь здесь много бывает туристов, в этих памятных местах. Едут со всей Грузии, с Кавказа, со всего Советского Союза, из многих стран мира. И я счастлив, что чуть-чуть помочь увидеть, каким талантливым был мой народ в давние века, какая поэтичная душа у моего народа...»
Магнитофон умолк.

Авилов выключил магнитофон и сидел в оцепенении. Не раз голос друга заряжал его верой в необходимость своих трудов; он хотел быть, да по существу и был, таким же подвижником, как его друг Карло, как другой его товарищ, который трудится в самом сердце Древней Руси, — Александр Петрович Некрасов. Он вместе со своими коллегами посвятил жизнь открытию новых неведомых страниц в творчестве великого Андрея Рублева. Видимо, все истинные реставраторы — люди одержимые. Еще немало тайн ждет их разгадок, их великой самоотдачи. Вот совсем недавно Александр Петрович Некрасов, руководитель группы владимирских реставрационных мастерских, вместе с химиком-реставратором Людмилой Порфирьевной Балыгиной открыл в Успенском кафедральном соборе во Владимире ранее неизвестные росписи Андрея Рублева, чьим творчеством гордится не одно поколение наших соотечественников.

Еще вспомнил Авилов уникальный случай в работе владимиро-суздальских реставраторов-умельцев... Западные «золотые врата» Рождественского собора выполнены в сложной технике золотой наводки по бархатисто-черному фону медных листов — врата, как огромная икона. Двадцать восемь фрагментов на двери, и реставраторы сумели постигнуть «руку» древних умельцев. И через семь столетий виден талант, смекалка и долготерпение, видны они особенно при реставрации белокаменных строений и фресок, тонкого орнамента на камне. Суздаль стал живым учебником истории. И в любую пору — летом и вьюжной зимой, здесь людно, едут, чтобы увидеть диво-дивное. Суздаль, что живет обычной, как и всякий другой город, жизнью, не стал городом-затворником, а явился глашатаем древней культуры, бережного сохранения и реставрации шедевров Владимиро-Суздальской Руси.

*Научная фантастика в конце концов
есть смелое задание науке и технике.*

К. Федин

Что бы я ни сочинял, что бы я ни выдумывал, — все это всегда будет ниже действительных возможностей. Настанет время, когда достижения науки превзойдут силу воображения.

Жюль Верн

Весь следующий день Авилов работал иступленно, словно спор с Мавродиным да и непонятное отношение Беневои к тому, что ей поведал, подхлестывали с утра до поздней ночи. К телефону Авилов не подходил, ничем не отвлекался и успел довольно много. Поздней ночью придирчиво разглядывал рисунки. Он сам себе казался скаковой лошадкой после изнурительного пробега. Сделанные черне наброски будто присились в перевод на чистые листы, в проработку деталей, но Вадим Сергеевич решил не поддаваться соблазну, хотя и любил эту работу, ощущение четких, как на экзамене, ответов на все вопросы. Именно в эти минуты Авилов понял, что до тех пор, пока не сделает черновую разработку всех помещений дворца, пока не даст им «отлежаться», пока приходят сомнения или радость точного угадывания, он чистые листы не начнет.

Когда спустя несколько дней позвонила Элеонора Александровна Митина, Авилов даже испугался. Но она лишь уточнила, когда может зайти за обещанными ей книгами, и ни слова о казуали. Авилов хотел отложить визит, но вспомнил — они договаривались с Митиной на этот день, четверг; Авилов забыл, как настойчиво приглашал Элеонору Александровну заглянуть к нему и посмотреть старинные гравюры, рисунки, чертежи, описи, которые ему доверили в архивах на время работы над проектом восстановления Радужного дворца. Авилов также обещал Элеоноре Александровне дать почитать несколько книг, интересовавших ее. Сейчас Авилов боялся этого визита, но отступить было поздно.

Вскоре Элеонора Александровна пришла. Она не могла не заметить странную перемену в поведении старого знакомого, особенно манеру говорить. Обычно, упоенный работой, он рассказывал интересно, со множеством подробностей, но сегодня Авилов говорил вяло, просто предлагал посмотреть одну, другую гравюру, почти никак их не комментируя. Элеонора Александровна даже сказала, что, видимо, пришла не вовремя.

О казуали Авилов разговаривать не хотел, и, когда Митина упомянула невзначай о биолокации, о том, что с помощью биолокации якобы в Новгороде под значительным слоем

земли были обнаружены фундаменты древнего строения, Авилов заинтересовался и стал расспрашивать ее о подробностях.

Митина случайно узнала от коллег о биоэнергетическом эффекте. Четыре геолога, неся в вытянутых руках проволочки, загадочно ходили вокруг по полю и были похожи на волшебников. Но ничего сверхъестественного вроде бы и не происходило, просто проволочки изменяли угол, склонялись к земле, указывая, где нужно вбивать очередной деревянный колышек. Вскоре колышки образовали замкнутое прямоугольное пространство... Объяснялось все очень просто: каменная кладка или подобное «скопление» под слоем земли изменяет энергетическое поле на поверхности грунта. Эти изменения можно обнаружить, уловить и с помощью рамки-индикатора, похожей на миноискатель. Оператор с рамкой-индикатором или проволочкой в руке минует зону энергетической аномалии, то есть объекта над слоем земли, указатель возвращается в исходное положение... Так геологи помогли археологам без пробных шурфов обнаружить фундаменты одного из древнейших сооружений на новгородской земле. А когда провели выемку грунта — убедились, что раскопки сразу же, без «блуждания в потемках», дали отличные результаты.

Археологи ничего нового не придумали, используя биоэнергетический эффект, — еще в глубокой древности рудознаты, рудоискатели с помощью прутика искали и залежи руд, и место для колодца. «И сколько было насмешек, сколько скептических замечаний, пока археологи убедились, что и волшебный метод поиска помогает делу», — говорила профессор Митина.

Авилов слушал как завороченный. Теперь, после того, что он услышал, ему захотелось немедленно открыть свой секрет. Вадим Сергеевич достал из стола казуаль.

— Вот ваша старая знакомая. — И предложил Митиной через линзы взглянуть на листы своих работ.

— Зачем? — удивилась Элеонора Александровна.

— Посмотрите, посмотрите... и, наверное, поймете, — загадочно улыбнулся Авилов. Митина была человеком восторженным, резким в переходах из одного настроения в другое, взглянув на первый же лист, она ойкнула и быстро просматривала все новые и новые листы, комментируя с детской непосредственностью чудодейственные свойства линз:

— Удивительно!.. Не может быть!.. Просто не может быть!..

Элеонора Александровна разволновалась, говорила, что она «балда», как это до сих пор не заинтересовалась такой замечательной вещью; просто валялась «какая-то штуkenция» на полках хранилища. Митина и Авилов условились, что пока они ничего никому не будут говорить о казуали.

Потом Авилов угощал Элеонору Александровну чаем, но она никак не могла оторваться от старинных гравюр и рисун-

ков, собранных Авиловым, продолжая их рассматривать через казуаль.

Восторгам не было конца. Когда же Авилов заговорил о чудесах — о казуали и о биоэнергетическом эффекте, которым воспользовались археологи, Элеонора Александровна совсем обыденно сказала, что и в том и в другом случае нет никаких чудес. Просто казуаль — это совершенство оптики, метод, которым воспользовались археологи при новгородских раскопках, известен всем саперам, но археологи не додумались его применить в своей необычной области «видения под землей». Она вспомнила, что несколько лет назад вместе со своим сотрудником Николаем Горинным пользовалась самолетом для аэрофото съемок. Это помогло увидеть среди однообразных равнин пустыни и солончаков остатки древних поселений и оросительные каналы средневековья, проложенные в Приаралье: «С земли это не так заметно, просто складки местности, а с воздуха — следы времени как на ладони...»

Авилов был благодарен Элеоноре Александровне и за казуаль, и за то, что она разделяет его ощущения необычности поисков. Жаль, что прежде он не знал о биоэнергетическом методе поисков, — это могло бы стать важным аргументом в спорах с Мавродиным и Беневои: «если можно видеть сквозь землю», то почему нельзя увидеть необычные ракурсы, изнанку изображения через линзы? Почему они не могут открыть, то, что художник наблюдал, но не сумел изобразить и подсознательно как бы закодировал в своем рисунке?.. И казуаль помогает это закодированное изображение считывать, раскрывать...

VIII

Изучая истину, можно иметь тройную цель: открыть истину, когда ищем ее; доказать ее, когда нашли; наконец, отличить от лжи, когда ее рассматриваешь.

Б. Паскаль

Большинство голосов не есть неопровержимое доказательство в пользу истин, нелегко поддающихся открытию, по той причине, что на такие истины натолкнется скорее отдельный человек, чем целый народ.

Р. Декарт

Свисток истины часто обжигает руку того, кто его несет.

П. Буаст

Месяц судорожно напряженной работы Авилова был успешным. Он сумел сделать эскизы двадцати одного из двадцати семи помещений Радужного дворца и даже рабочий проект глав-

ного фасада. Эскизы были выполнены в мягких тонах, отдельные детали проработаны четко, правда, только на шести эскизах, три эскиза он отработал до состояния законченных проектов.

Посоветовавшись с Беневои и Мавродининым, Вадим Сергеевич решил вынести на суд научного совета по реставрации все, что удалось сделать для возрождения Радужного дворца. Авиллов хотел предварительно оговорить с коллегами возможные пути разработок. Если его предложения не примут, он откажется от дальнейшей работы, и пусть будут потеряны многие месяцы, да и годы, но должен наконец знать — одобряется его путь поисков или нет!

Леонид Христофорович подготовил предварительные, ориентировочные расчеты, но не для того, чтобы их представить на официальное рассмотрение, — только для своего выступления на научном совете, надеясь тем самым поддержать работу Авиллова.

В день заседания научного совета Мавродин зашел к Авиллову, чтобы помочь ему упаковать листы и «собраться с духом». Авиллов готовился не на парад, не на экзамен, скорее на судилище; он понимал, что иного выхода не было, рано или поздно ему предстоит эта встреча, и пусть она состоится уж побыстрее, пусть что-то решится, и он тогда, быть может, освободится от щемящего душу ожидания, тревоги, смятения.

С двумя огромными планшетами, где были уложены листы эскизов, с чемоданчиком, где находились архивные документы, относящиеся к творчеству Петра Ивановича, и другие документы, с коробкой из-под обуви, куда Авиллов уложил казуаль, они вышли на улицу и стали ловить такси. Не везло, мимо пронеслись автомобили с зелеными огоньками. Мавродин успокаивал Авиллова, который стремился приехать загодя, чтобы успеть наилучшим образом развесить листы эскизов, чтобы их могли спокойно разглядеть все, кто придет на совет.

Возле Авиллова и Мавродина остановился «Жигуленок», из машины выглянул мужчина непонятного возраста и спросил: «Вам куда?» И вскоре «Жигуленок», юрко виляя между собратями, несся по улице.

Леонид Христофорович еще развешивал листы, Вадим Сергеевич подошел к столу, чтобы в нужном порядке разложить архивные документы (если понадобится давать справки), полистать еще раз текст своего вступительного слова. Авиллов осмотрел стол — папка и чемоданчик с документами лежали на столе, а картонки с казуалью он не видел. Ужас охватил Авиллова. На «ватных ногах» он шагнул к Мавродину и осипшим голосом спросил:

— Где же картонная коробка?!

Вид у Вадима Сергеевича был такой, что Мавродин понял —стряслось что-то ужасное. Вадим Сергеевич потирал лоб, разводил руками, не в силах произнести ни слова.

— Что случилось, Вадим? — спросил Леонид Христофорович.

Авилов с трудом выдавил из себя:

— Леонид! Вы не видели такой коробки... из-под обуви?

— Нет, а что там?

— Казуаль... — упавшим голосом произнес Авилов.

— Нет, я ее не видел. Вы в машине держали коробку на коленях. Я еще хотел спросить, что в ней...

Авилов, не дослушав Мавродина, опрометью выскочил из Овального зала, сбежал по лестнице в коридор, ринулся на улицу. Надежда, что машина еще не уехала, была тщетной.

Авилов был потрясен, у него дрожали руки — как же он после этого посмотрит в глаза Митиной, что скажет?! А ведь берег казуаль, не выпускал из рук даже в машине. Авилов вспомнил, что планшеты с эскизами нес Мавродин... Так где, когда, как исчезла казуаль? Вадима Сергеевича охватил страх, суеверный страх... наваждение какое-то...

...Мавродин в поисках друга выбежал на улицу. Он понимал, что в подобной ситуации Авилова трудно успокоить, но что делать — нужно подняться в Овальный зал, там уже «зреть» мнение, отношение к эскизам у членов научного совета, и необходимо загодя, с кем удастся, переговорить, объяснить — во всяком случае, как-то если и не склонить на свою сторону, то хотя бы нейтрализовать более яростных противников.

Мавродин, поддерживая обессиленного Авилова, помог ему подняться в Овальный зал. Здесь Инна Ростиславовна, к которой коллеги относились с симпатией, уже разговаривала с наиболее задиристыми ревнителями охраны «зодческого наследия, нашей золотой классики». Бенева заметила, что с Авиловым творится что-то неладное, и вскоре подошла к нему и Мавродину. Упреждая ее, Леонид Христофорович шепнул, что пропала казуаль — в машине она была у Авилова, а вот дальше...

Инна Ростиславовна успокаивала Вадима Сергеевича, убеждая, что вещь найдется. Сейчас нужно сосредоточиться на вступительном слове.

Она проводила Авилова к столу, усадила, велела вчитаться в текст его сообщения. Авилов подчинился ее внушениям, но делал все машинально, затравленными глазами изредка поглядывал на собиравшихся в Овальном зале. Ограждая Вадима Сергеевича от тех, кому не терпелось что-то уточнить, Инна Ростиславовна и Леонид Христофорович давали понять, что сейчас докладчику пужно не мешать подготовиться, и сами объяснились с членами научного совета.

...Вадим Сергеевич не пошел на кафедру, лишь стал сбоку стола и негромко заговорил, будто продолжая с кем-то пре-

рванный разговор о принципах творчества; он вспомнил о послевоенных десятилетиях поисков и постижении почерка старых мастеров, о разных подходах к источникам творчества архитекторов-реставраторов. Затем перечислил материалы, которыми располагал. И, поколебавшись, стал подробнее рассказывать о казуали, которая давала необыкновенный эффект в проектировании в материал. Но, к великому сожалению, казуаль исчезла, пропала, и он огорчен, что коллеги сами не смогут убедиться... и тому подобное. По реакции собравшихся было видно, что одни его просто не поняли, а другие усомнились в аргументах.

Бенева и Мавродин, вздыхая, переглядывались. Они понимали — их друг бросился в пучину, из которой не выплыть, и пока помочь ему не было возможности. Но тем не менее Мавродин взял слово. Он говорил: ему как главному инженеру проекта предстоит технически обосновать возможность воплощения замысла архитектора Авилова... Многие были удивлены: главный инженер проекта Мавродин, известный трезвостью суждений, сейчас говорил о каких-то фантастических линзах убежденно, тон его был непререкаем — расчеты точны, исторически достоверны, и он, главный инженер проекта, готов его воплотить с чистой совестью. Бенева подбадривающе кивала, также, видимо, готовая сражаться за Авилова.

Профессор Озерцовский встал за столом, прошелся у проектов и эскизов:

— Что же... Проекты дают... целостное впечатление о таком... неклассическом творении, но весьма оригинальном... Но у меня вопрос: как, на основании каких документов, данных свидетельств вы, Вадим Сергеевич, разработали все это?.. — Он указал в сторону эскизов и проектов, развешанных на стене. — Ведь известна лишь акварель, и то одной незначительной части сооружения... И еще несколько довоенных любительских фотографий. А здесь мы имеем полный объем... Немного смахивает на слишком вольный домысел уважаемого архитектора Авилова... Как можно подтвердить, что подобным образом все было у Петра Ивановского?..

— Обмеры руин зала проведены точно и соответствуют размерам, — сообщила за столом Аида Дмитриевна Ушицева; эта пышногрудая, с высоким клобуком волос женщина, возраст которой определить было невозможно, говорила тихо. Подобная фраза означала и поддержку Авилова, и простую справку, подчеркнутую ею в докладе.

— Вот всего один пока вопрос у меня... — сказал Озерцовский, возвращаясь в первый ряд, где сидели члены научного совета. — Независимо от ответа Вадима Сергеевича мне его работа представляется в высшей степени оригинальной и своеобразной. Во всяком случае, подобных... смелых разработок мы не знаем. — И сел.

Затем говорил Нил Иванович Крёкшин, почтенный человек; удивительный в наше время любитель пенсне, один из старейших историков архитектуры. Он весьма одобрительно отозвался о работе, «которая убеждает, потому что нам известно о почерке Петра Ивановского». Да, дворец, по его убеждению, был таким! И если мы не располагаем большими материалами, чем те, которые были в распоряжении уважаемого Вадима Сергеевича, его высокий авторитет зодчего, уже давно вставшего вровень с великими предками, дает ему право на разработку проекта восстановления Радужного дворца. «Я буду голосовать «за»...

Это была важная поддержка, но Авиллов сидел, не поднимая головы, положив руки на стол, и, похоже, ничего не слышал. Бенева была довольна, да и Мавродин удовлетворенно улыбался, надеясь, что после «живого классика истории зодчества» вряд ли кто-либо всерьез осмелится спорить о том, что помогло Авиллову в работе и что может служить в данном случае документальной основой для проекта — немногие свидетельства и чутье выдающегося мастера реставрации. Следующим выступил руководитель архитектурной мастерской.

Возвращались домой вместе. Мавродин помог Авиллову внести в квартиру планшеты и чемодан с документами. Условились позже перезвониться. Авиллов перенес из коридора в кабинет-мастерскую вначале один планшет, потом другой. Сел на диван и сжал голову руками. Его не радовала даже успешная защита проекта. Но друзья не могли его понять: они даже не представляли ту роль, которую сыграла казуаль в работе Авиллова.

Вскоре они уехали. Авиллов остался один. У него разболелась голова, он лег на диван и закрыл глаза. И тут раздался звонок. Вадим Сергеевич подошел к телефону, снял трубку:

— Здравствуйте, Вадим Сергеевич, — узнал он голос в трубке, это звонил студент-дипломник Корчагин, некогда проходивший практику в его мастерской. — Мне случайно сегодня досталась прелюбопытнейшая штука... Кто-то забыл в машине, а шофера я знаю. Представляете себе — плоское изображение становится объемным! Нужно только посмотреть в окуляры... Вот какая штука! Представляете? Может ли такое быть?..

СПАРТАК АХМЕТОВ

ЛИФТ ДО ЮПИТЕРА

1

— Посадка на Юпитер, понимаете? Впервые в истории космических исследований! Прыжок в мутный океан из водорода и гелия! — Иванов говорил немного обиженным голосом, будто перед ним сидел не Борьба Васильевич Макушкин, обычно-

венный ростовик, а железобетонный консерватор, которому плевать на научно-технический прогресс. — Понимаете: не Луна, не Марс, а Юпитер!

Борьба Васильевич уныло рассматривал обширную комнату, похожую на пещеру. С потолка сталактитами свисали провода, кабели, массивная люстра. Роль сталагмитов играли стеллажи, заполненные всевозможными приборами и радиотехнической аппаратурой. Между стеллажами змеился узкий проход, теряющийся в полутьме. Сходство с карстовой пещерой завершалось журчанием воды из крана и селитряными запахами.

Хозяин комнаты не вписывался в интерьер. Был он по-московски шикарен, холен, выбрит, отутюжен и благоухал. На Макушкина горохом сыпались непонятные слова:

— Магнетроны!.. Митроны!.. Объемные резонаторы!..

«Чушь собачья, — думал Борьба Васильевич. Ему было неудобно на высоком лабораторном табурете — ноги болтались в воздухе, сырые брюки липли к телу. — Зачем меня послали сюда? Какая связь между ростом кристаллов и Юпитером? Говорит и говорит... Скоро час, магазины закроются!..»

— Оксидно-ториевые катоды!.. Сверхвысокие частоты!..

«Сыру надо купить, — думал Макушкин. — Лёля любит сыр».

— Тороидальные диэлектрики с высокой проницаемостью!

— При чем здесь я? — вслух сказал Макушкин.

Иванов угас на полуслове. Минуту молчал, отколупывая от столешницы нашлепку канифоли. Просительно понизил голос:

— Кристаллы нужны, Борьба Васильевич.

— Какие кристаллы?

— Те, что вы растите.

— А Юпитер при чем?

— Я же рассказываю... Для низкочастотных волн атмосфера планеты непрозрачна. Поэтому телеметрическая и радиолокационная аппаратура на посадочном модуле будет оснащена магнетронами. То есть приборами для генерации и усиления колебаний в диапазоне сверхвысоких частот. Основное рабочее тело в них — объемный резонатор, выточенный из кристалла.

— Так пишите заявку на имя нашего директора...

— Видите ли, — Иванов еще более понизил голос, — нам нужны кристаллы с добавкой оксида тория.

«Ух ты! — Борьба Васильевич опустил голову и вцепился пальцами в клоч волос, свисающий на лоб. Мысли о сыре и масле мгновенно погасли. Ввести в кристалл радиоактивный элемент! Этого еще не делали. Заманчиво... Но у тория ионный радиус великоват. В мои кристаллы не влезет. Впрочем...»

— Сколько тория надо ввести? — быстро спросил Макушкин.

— Порядка трех процентов.

«Ну, это еще ничего. Столько-то втиснется. Решетка, правда, будет деформирована, в кристаллах появятся трещины. Но куски-то останутся. Куски-кусочки... Ах, черт! Торий четырехвалентен, а у меня все трехвалентно. Плешь!.. Почему плешь? Добавлю к торию какой-нибудь двухвалентник. — Борьба Васильевич посучил ногами, с ботинок посыпалась засохшая грязь. — В среднем получится трехвалентная пара элементов. Карош турка Джиурдина! — похвалил Макушкин сам себя, но тут же испугался: он не учел летучести оксидов. — Чушь собачья, я же работаю в глубоком вакууме! Торий, конечно, не испарится, а где взять нелетучий двухвалентник? Надо работать в газе, а это не моя епархия...»

— Вы обратились не по адресу, — сказал с сожалением Борьба Васильевич. — Вам надо в институт кристаллологии. — Почему? — Иванов недовольно поморщился.

— У них есть установки, работающие под давлением газа.

— Но нам нужен сверхчистый кристалл. Нам нужен кристалл, из которого удалены все вредные примеси.

— Сказки, — буркнул Макушкин. — В вакууме торий не войдет.

— А как же вы писали... — Иванов порывлся в груде бумаг на столе, вытащил книжку в бумажном переплете.

Борьба Васильевич поджал ноги и нахохлился как воробей. Лицо его покраснело, еще резче обозначился вертикальный шрам на правой щеке. Книга вышла два года назад, а до этого три года бродила по рецензентам, экспертам, редакторам. Да еще год пролежала в издательстве.

— Монография устарела.

— Не скажите. То есть, естественно, некоторые детали уже не новы. Но ваши идеи о зонной очистке и вакуумной кристаллизации весьма злободневны. Мы очень внимательно читали.

— Правда? А на многокомпонентные системы и на причины трещиноватости кристаллов обратили внимание?

— Поэтому мы выбрали вас, а не институт кристаллологии.

— Да?.. Ну, если так... Если вы считаете... — Макушкин помолчал и вдруг зажегся: — Так вы говорите — Юпитер? Ха!

— Вот и славно! Рад, что мы договорились.

Борьба Васильевич сполз с табурета и подхватил портфель, покрытый какими-то белесыми пятнами. Неловко потоптался, протянул растопыренную пясть:

— Так я пошел?.. Да! С оксидом тория не выручите?

Иванов смотрел на него со странной улыбкой. Уведя глаза в сторону, сказал:

— Торий мы привезем. Гм... Борьба Васильевич, у вас костюм не в порядке.

— Где? А-а-а... Ну, ладно. — И пошел между радиотехническими сталагмитами, застегивая ускользящие, как арбузные семечки, пуговицы.

Моросил апрельский дождик. Александровский сад и Манеж таяли в сизовой дымке. По проспекту Маркса шелестели машины, выпуская из-под передних колес красивые веера брызг. Борьба Васильевич поехал, поднял воротник костюма. Москвичи и гости столицы теснили его плечами, подталкивали в спину, осыпали с зонтиков холодными каплями. Они не подозревали, что от сгорбленного человечка, одетого в мешковатый вельветовый костюм, зависят сроки высадки на планету Юпитер...

Макушкин вынырнул из подземного перехода на другой стороне улицы Горького и засеменял вверх — мимо Елисеевского и прочих фирменных магазинов. Здесь делать было нечего, это он затвердил, как таблицу Менделеева. Его влекли магазины с небольшими уютными очередями. Таких в Москве много — стоит углубиться в переулки. Вскоре портфель был набит свертками, пахнущими сыром и колбасой, вареной грудинкой.

Несмотря на будний день, у поезда была толчея. «Мне-то надо, а они что?» — думал Борьба Васильевич, протискиваясь в вагон. Ему удалось сесть между двумя могучими тетками, которые загромоздили проход чемоданами и баулами. Макушкин устроил удобнее на коленях портфель, уткнулся в него лбом и задремал, успев зажечь в голове сигнальную мысль: не прозевать бы свою остановку. Бывало, он проезжал и за сто первый километр, вызывая гнев Лёли поздними возвращениями...

Борьба Васильевич стал академически рассеян не после защиты докторской. Он с детства отличался несобранностью и странной любовью к камушкам, в том числе и к тем, которые отец-хирург извлекал из печени и почек пациентов. Родители нарекли его Борьбой — дань моде тридцатых годов. Сверстники прозвали Борей-дурачком.

В войну он опозорил разведку Первой витебской партизанской бригады. Возвращаясь с задания, по рассеянности забрался в телегу немецкого обоза. Его обнаружили возчик-полицай, спрыгнувший помочиться. Решив, что Борька ворует зерно, он рассвирепел. Стрелять, однако, не стал, ткнул прикладом в лицо. Мальчишка провалялся в канаве до вечера, в бригаду вернулся только на рассвете. Командир уже беспокоился. Придумать правдоподобную версию не хватило хитрости, из разведки его турнули.

Отец забрал Бориса в медсанбат. Пришлось таскать воду, рубить дрова. Навидался и крови и грязи. В свободное время убегал к ручью, искал свои любимые камушки, читал невесть как попавшие в лес школьные учебники. Когда наши освободили Витебскую область, Борис наизубок знал программу десятилетки, а за боевые заслуги получил партизанскую медаль. Че-

рез два года к золотистому диску прибавилась золотая школьная медаль. Борьба поступил на геологоразведочный факультет...

Макушкин очнулся от ощущения, что ни справа, ни слева на него уже не давят. Непонимающе посмотрел по сторонам. Могучих теток не было, да и вагон изрядно опустел. Что такое, куда они подевались? В это время поезд остановился. Металлический голос угрожающе произнес:

— Станция «Юго-Западная». Поезд дальше не идет. Просьба освободить вагоны.

— Что такое?.. А?.. Что это?

— Кончай ночевать, мужик! — бросил парень в стройотрядовской куртке. — Конечная!

— Чушь собачья!

Борьба Васильевич сообразил, что на станции «Комсомольская» он задумался, забыл выйти на поверхность и сел в поезд метро, идущий в обратном направлении.

Пришлось опять пересекать под землей Москву. Теперь он ожесточился и контролировал каждый шаг. Горят люстры — это еще метро; моросит дождь — ага, уже вокзал; на крыше вагона токосъемники — значит, это действительно электричка; на табло знакомое название — это его электричка. На всякий случай спросил, куда идет поезд. И только потом сел у окна и поставил портфель на колени. Но дремать не стал. Будет, выспался.

Машины и вещи не подчинялись Борьбе Васильевичу. На улице под его ногами разверзались ямы, автомобили так и норовили зашибить, двери лупили по спине, внезапно гас свет и терялись документы. А лифт? Этот агрегат попортил-таки крови, дюжина доноров не поможет. Лифт ломался именно в тот момент, когда к нему подходил Макушкин, нагруженный продуктами. Ремонт длился неделями. Спускаться и подниматься на девятый этаж приходилось своим ходом. Для бывшего геолога это пустяки, но Лёля очень гневается... Потом лифт чинили и он начинал охоту на Макушкина: то с гильотинным лязгом защемлял плечи, то застревал между этажами. Не счастье, сколько раз он захлопывался перед носом, издевательски зажигал красную кнопку и гудел наверх.

Да, Борьбе Васильевичу не везло. Ему подчинялась только установка для выращивания кристаллов, и то если не вырубали электроэнергию, не отключали воду и не посылали операторов на сенокос или картошку. Еще его слушалась Танечка Петрова, юный специалист, которую за неимением другого места директор подкинул Макушкину.

Чтобы отвлечься от горестных мыслей, Борьба Васильевич решил думать о приятном. Закрыв глаза, и перед его мысленным взором вспыхнула таблица Менделеева. Красными огнями горели символы элементов двух первых групп, желтыми и си-

ними — главные и побочные подгруппы, зелеными — лантаниды и актиниды. Постепенно, словно на фотографии, проявились электронные орбиты, атомные массы, ионные радиусы. Зрелище было завораживающее, как новогодняя елка. «Ну, — подумал Борьба Васильевич, — где же здесь искомым двухвалентник?»

Вторая группа не подходит, это ясно. Титан, ниобий и железо тоже улетят из расплава. Прочь их! Туда же полетели палладий, олово, свинец. Символы элементов гасли, таблица теряла праздничность. Количество черных дыр росло с угрожающей быстротой. Осталась только одна строчка, только одна зеленая веточка обрубленной елки — лантаниды. Но все лантаниды трехвалентны... Борьба Васильевич вздохнул и потерял последнюю надежду. Однако один элемент гаснуть не желал. Напротив, он разгорался, мерцал, наливался густым изумрудно-зеленым цветом. «Ты кто такой? — удивился Макушкин. — Почему не подчиняешься законам? Ха! Так это же европий! Ну-ка, ну-ка...»

Макушкин принялся исследовать элемент № 63. Решающий фактор — электронная конфигурация. Она устроена так, что европий может быть и трехвалентным и двухвалентным. Правда, оксид двухвалентного европия промышленность не выпускает. Но это ничего. Бросим в шихту обычный триоксид, а в расплаве он перейдет в двухвалентное состояние. Никуда не денется... Так, уже ура. Борьба Васильевич откинулся на сиденье и заулыбался. Елки-палки, он нашел двухвалентник, который подходит по всем статьям. Как говорится, карош турка Джиурдина!

Присловье о турке Борьба Васильевич вынес из леса. В витебской бригаде сражалось много татар, с одним Борька подружился. Дядя Хусаин был необычайно силен и добр. Умел разобрать и собрать любое оружие — хоть наше, хоть немецкое. Порусски говорил правильно, без акцента, но любимую свою поговорку произносил именно так: «Карош турка Джиурдина!» Он погиб у пулемета, положив на снег два взвода карателей...

К своему дому Макушкин подошел в сумерках. Вымыл ботинки в луже перед подъездом, поздоровался со старушками, которых весна выманила на скамейку. Не взглянув в сторону лифта, пошел по лестнице. На площадке шестого этажа встретился Сидоров из рентгеновской лаборатории. Борьба Васильевич поздоровался, хотел поговорить о своих образцах, которые отдал на анализ. Но Сидоров не остановился, видно, спешил. На девятом этаже, облокотившись на перила, стояла Лёля в коротеньком халатике.

— Почему не на лифте? — недовольно спросила она, стряхивая сигаретный пепел.

— Так он же сломан...

— А я говорю — починили. Целый день парни возились.

Нормальные такие парни, из лаборатории автоматики. Блондины.

— Сидоров тоже пешком спускался, — оправдывался Макушкин.

— Мне до твоего Сидорова дела нет!.. Сыру купил?

3

После общения с блондинами-автоматчиками лифт изменил характер. Чутко реагировал на нажатие кнопки, стремглав летел вниз, вежливо раздвигал полированные дверцы, приглашающе зажигал верхний свет. На кивок Борьбы Васильевича подмигивал огнями и возносился, словно пушинка, без рывков и скрежета.

— Давно бы так! — радовался Макушкин.

Дом, в котором он жил, населяли в основном сотрудники института. За семь лет сформировались и устоялись группы на основе общих интересов. Были клубы любителей застолья и преферанса, книголюбы, меломаны, кружки кройки и шитья, секции по сбору грибов и лыжные отряды. Общительная Лёля блистала повсеместно, Борьба же Васильевич нигде ко двору не пришелся. Он не отличал карты от домино, сыроежку от поганки, не находил вкуса в коньяке и морщился от табачного дыма. С нетерпением ожидал отпуска, чтобы на свободе, отрешившись от семинаров, экономических учеб и вызовов к директору, наконец-то спокойно поработать.

Впрочем, зимой любил ворваться в лес. По просекам, затяжным подъемам и ухабистым спускам — палки под мышки, снег под лыжами свистит, ветер забивается в рот — отмахнуть двадцать километров. На другой день сходить в баньку, пропарить косточки, отвести душу. И все! Опять можно прыгать вокруг установки, подбадривая растущий кристалл. Раньше на лыжах и в бане напарником был сын. Но теперь он далеко, в Новосибирске, в академгородке...

И Борьба Васильевич подружился с лифтом. Разъяснял ему:

— Лифт — друг человека!.. Какая твоя задача? Твоя задача — беречь наши силы, сердце и нервы. Не будем ворошить прошлое — сейчас ты работаешь хорошо. Но делаешь ли все возможное?

Лифт непонимающе моргал.

— Неясно? Сейчас растолкую. Представь, что ты стоишь внизу, а я на девятом этаже. Я только что позавтракал или пообедал, в общем, полон сил, мне легко спуститься пешком или, позвав тебя, подождать две минутки... А теперь вообрази, что я возвращаюсь из института. Устал, промок, тащу сумку с продуктами. Или, еще хуже, вернулся поздно ночью из Москвы. А ты наверху. И вот я должен столбенеть, как перед директорским кабинетом, и ждать, пока ты снизойдешь. Мне плохо, не-

удобно. И любому на моем месте тоже. Понимаешь теперь, какое должно быть твое постоянное место?.. Правильно, внизу.

Чтобы лифт закрепил услышанное, Борьба Васильевич выходил на девятом этаже и тут же нажимал кнопку первого. Дверцы смыкались, кабина скользила вниз.

— Ну, усвоил?

Лифт понимающе гудел.

Так Макушкин воспитывал нового друга и добился своего. Когда бы он ни возвращался домой, лифт ожидал на первом этаже. И даже предупредительно распахивал дверцы.

— Вот молодец! Спасибо...

Между тем дела с кристаллами шли ни шатко ни валко. В первом же опыте Борьба Васильевич и Таня смешали порошок оксида тория, привезенный Ивановым в оранжевом контейнере, с белейшим оксидом европия и ввели в шихту. После кристаллизации в молибденовой лодочке получилось нечто угольно-черное. Так бывало, если на установке нарушался вакуум и расплав загрязнялся. Но ведь в этом опыте все было нормально! Макушкин пожал плечами и повторил эксперимент. Результат был прежний.

— Давайте уменьшим добавку оксидов, — предложила Танечка.

— Смысл?

— Может, кристалл посветлеет...

Таня Петрова могла пребывать в двух состояниях. К установке подходила в белом халате и тапочках — серьезный, хотя и юный специалист. Сняв халат, превращалась в серебряное облако. Туфельки казались выкованными из листового серебра, брюки отливали благородной чернью, в ажурной блузке просверкивали серебряные нити. Волосы и тени под глазами тоже серебрились.

Однако в любом состоянии перед доктором наук Макушкиным Таня стояла на цыпочках, не замечала причуд, безропотно выполняла просьбы, поила чаем.

— Нет, — сказал Макушкин, — добавку уменьшать нельзя.

— Тогда проведем фазовый анализ.

Они истолкли кусочек черного слитка в сапфировой ступке. Часть пробы Танечка понесла — цок-цок серебряными копытцами — на рентген к Сидорову. Остаток Борьба Васильевич посмотрел под микроскопом. Крупинки ничем не отличались от обычного кристалла, если не считать чернильного оттенка и тончайших включений непрозрачного материала. Определить, что это такое, было невозможно.

Петрова вернулась после обеда.

— Не хотел брать, — пожаловалась она, надевая халат. — Смена, говорит, кончается.

— Да, это долго. Через неделю хоть обещал?

— Так я же результат принесла!

— Ну, вы прямо партизанка...

Из рентгенограммы следовало, что оксиды тория и европия в решетку кристалла вошли. Это было хорошо. А вот с черной вкрапленностью дело обстояло плохо. Из чего она состояла, как попала в кристалл, Сидоров сказать не мог. Слишком мелка...

Еще через несколько опытов Макушкин и Таня беспомощно разглядывали целый ряд смоляных кристаллов. Работы, плешь собачья, зашли в тупик.

4

С утра они готовили очередной опыт. По настоянию юного специалиста навеску оксидов уменьшили вдвое. В это время зазвонил телефон.

— Борьба Васильевич? Сегодня в десять подшефная школа организует встречу с ветеранами войны.

— Но...

— Считайте себя мобилизованным. После торжественной части вы идете в седьмой «Б».

— Эксперимент...

— Наденьте боевые награды.

— Я не умею рассказывать.

— Давайте не будем срывать мероприятие!

Макушкин обреченно положил трубку.

— Борьба Васильевич, вы не волнуйтесь, — подбодрила Танечка. — Выступайте спокойно. Я загружу «лодку», создам вакуум и буду медленно поднимать температуру.

— Даже не знаю, о чем говорить...

— Да вы что! Это же семиклассники, мальчишки! Расскажите, как ходили в разведку, как взрывали поезда!

— Я больше в медсанбате сидел.

— Ну и что? Все равно партизанили. Дети любят про подвиги. Расскажите, например, как вас ранило.

— Такого не было.

— А шрам на щеке?

— Так это... Это я дома. Гвоздь заколачивал. Молотка не было, пришлось топором. А он сорвался...

— Да? А я думала — осколок.. Ну, все равно, расскажите о товарищах. — Таня критически оглядела шефа. — Домой зайдете?

— Зачем?

— Костюм сменить, награды приколоть. Заодно посмотрите на ботинки, у вас шнурки разноцветные...

День был безоблачный. Обочины зеленели молодой травкой, зелеными фейерверками распускались деревья. Грязь на улице подсохла, и Борьба Васильевич быстро добрался до своего многоэтажного красавца, который был отделен от института

длинной шеренгой частных домиков. Лифт, как обычно, ждал внизу.

— Ты чего? — недовольно спросила Лёля.

— Да вот... одну штуку надо захватить. — Борьба Васильевич выдвинул ящик стола, достал картонную коробку с медалями. — Лёля, у меня опыт задерживается, приду поздно.

— Когда?

— Не раньше одиннадцати.

— Ну и ужинай там. Не трогай, я намазанная...

Ветеранов в школе встретили тепло. Посадили в президиум, говорили разные хорошие слова. Ветераны смущенно улыбались и звенели наградами. Потом разошлись по классам. Осмелевший Борьба Васильевич рассказал о пулеметчике Хусайне Хасанове. Ребята оказались эрудированными. Мальчик с передней парты высказал предположение, что татары, воевавшие в витебских лесах, — это члены подпольной организации легендарного Мусы Джалиля, вырвавшиеся из плена. А одна очень красивая девочка связала крылатую фразу о турке Джиурдине с комедией Мольера «Мещанин во дворянстве». В общем, Макушкин узнал много нового.

В институт возвращался размягченный. Как будто первый раз в жизни ощущал теплое прикосновение солнечных лучей, слушал птичий щебет, видел голубое небо. Горьковатый запах тополиных листьев заполнял улицу. Макушкин нагнулся и сорвал травинку, чтобы пожевать ее, как в детстве. Из подворотни вылезла собака. Она совершенно не гармонировала с весенним днем: большая голова с висющими ушами тряслась, в коричневой шерсти круглились грязно-белые пятна, кривые ноги подкашивались.

— Тебя обидели? — пожалел Борьба Васильевич.

Песик поднял невыносимо печальные глаза и оскалится.

— Не хочешь, чтобы жалели? Гордый...

Пес хрипло заворчал.

— Ну-ну, не буду...

Макушкин повернулся и сделал шаг. В тот же миг пес словно бы пролетел над землей и вцепился ему в икру.

— Ты чего?!.. Отпусти!

Пес мотнул головой и еще крепче стиснул челюсти.

— Ах, плешь собачья! — Борьба Васильевич хлопнул по плешивой голове. — Дура!

Собака отскочила, припала на передние лапы и выверилась. Макушкин погрозил кулаком...

Неудачный день продолжался. К шести часам вечера установка вошла в режим. Расплав был хороший, бултыхался, как вода в кружке. Пока Макушкин выставлял под смотровое окошко начало затравки и набирал на программаторе задание, Татьяна написала в рабочем журнале пожелание ночной смене. Вдруг в лаборатории стало тихо — перестал тарыхтеть форвакуум-

ный насос. Сигнальные лампочки и плафоны погасли. Нет энергии. Таня уже набирала аварийный номер.

— Дежурный электрик слушает, — буркнул сонный голос.

— Почему обесточили?

— Не знаю... — Пауза. — Наверное, на подстанции...

— Быстрее проверьте!

«Если через десять минут не дадут энергии, — подумал Макушкин, — опыт пропал. Придется начинать сначала».

Прошло пять минут. Семь... Зазвонил телефон.

— Слушаю вас.

— На подстанции вырубил автомат.

— Да?..

— Через часок обещают починить.

Борьба Васильевич осторожно положил трубку на рычаг.

5

У подъезда сидели старушки и смотрели на него, как вахтеры на проходной. Борьба Васильевич замешкался, вытащил пропуск. Тыфу ты, это же не институт! Старушки проводили его многозначительными взглядами.

— Плохо дело, — пожаловался Макушкин. — Не везет.

Лифт угрюмо промолчал. Борьба Васильевич вошел в кабину и нажал кнопку девятого этажа. Лифт помедлил, с забытым гильотинным лязгом сомкнул двери. Рывками пополз вверх.

— Что с тобой?

Кабина дрогнула и застыла. Верхний свет потускнел.

— Не шути, пожалуйста, — грустно молвил Макушкин.

Молчание. Ну вот, лифт тоже подвел. Друг называется... Борьба Васильевич принялся нажимать разные кнопки. Безрезультатно. Попытался вызвать диспетчера — ни звука. И тут его осенило. Ха! Кристалл и должен быть черным! Он и не может быть иным, потому что состав насыщен молибденом. В шихту вводили трехвалентный европий. Так? Надеялись, что он перейдет в двухвалентное состояние. Он перешел, но при этом выделился избыток кислорода. А кислород, извольте видеть, поддерживает горение. Поэтому молибденовая «лодочка» окислилась, загрязнив расплав. Мелкие черные точки в кристаллах — это молибден и его оксиды.

Борьба Васильевич оперся спиной о стенку кабины и опустился на корточки. Заныла укушенная икра. Вот ведь поганая собака! Тянула ни с того ни с сего человека. Может, бешеная? Нет, не похоже. Взгляд был осмысленный, пена из пасти не падала. Просто побитая, озлобленная собака. Ее можно понять. Сорвала злость на первом встречном, сняла, так сказать, нервное напряжение...

Так, а что делать со свободным кислородом? Естественная мысль — связать его. Подкинуть в шихту какую-то добавку,

которая окисляется легче молибдена. Какую-то спасительную добавочку... Может быть, алюминий? Нет, не пойдет. Во-первых, он расплавится раньше шихты и стечет на дно «лодочки». Во-вторых, продукт окисления сам загрязнит состав. Алюминий ничуть не лучше молибдена.

Ага, вот как формулируется задача: добавка должна быть такой, чтобы ее оксид немедленно испарился из расплава. Углерод? А что, хороший восстановитель. Макушкин вовсе сел на пол, уткнувшись подбородком в колени. «Нет, — с сожалением подумал он, — углерод тоже не годится. Вместе с углекислым газом могут образоваться карбиды, которые вконец испортят кристалл...»

Борьба Васильевич тупо смотрел на угол кабины, обшитый металлической рейкой. В полутьме она отливала тускло-серым цветом. Тускло мерцающий металл... В сплошных сумерках забрезжила слабая мысль. Она разгоралась, как утренняя заря — мощно, неудержимо, празднично! Она сверкала и переливалась всеми оттенками красного. Стремительно выкатилось солнце, разгоняя мрак и выжигая туман. Борьба Васильевич вскочил на ноги. Европий! Как он, старый дурак, мог перебирать варианты, когда у него в шкафу вместе с другими лантанидами лежит металлический европий! Такой увесистый слиток, покрытый тусклой пленкой оксида. Европий лучше алюминия и углерода свяжет свободный кислород и спасет расплав от загрязнения молибденом.

Надо сейчас же бежать в институт. Макушкин вскочил и грудью ударился о дверцы. Лифт все еще держал его. «Друг, — подумал с благодарностью Борьба Васильевич, — вовремя же ты остановил меня, дал возможность раскинуть мозгами...»

— Спасибо, — сказал он и погладил подделанную под дерево стенку кабины. — А теперь выпусти. Время позднее, не колотить же ногами.

Вспыхнул верхний свет. Лифт заурчал и сначала медленно, а потом все ускоряясь, пошел вверх.

На площадке девятого этажа было темно. Макушкин нащарил выключатель, щелкнул несколько раз. Опять лампочка перегорела. Ключ никак не попадал в скважину. Пришлось позвонить, рискуя навлечь Лёлино недовольство.

Дверь открылась. Из темной квартиры пахло ароматом духов. Вокруг шеи обвили теплые руки.

— Что? — жарко шепнула Лёля. — Что-нибудь забыл?

— Н-нет... — неуверенно сказал Макушкин. — Темно на площадке.

Лёля отступила. Зажгла свет в коридоре. Она была в ночной рубашке, волосы растрепались по плечам.

— Спала-а-а, — сказала она, зевая. — Почему раньше времени?

— Так получилось... Установку обесточили.

Лёля смотрела какими-то странными глазами.

— Кушать хочешь?

— Вообще-то не отказался бы.

— Я кур сегодня купила, нормальные такие курочки. Сейчас согрею. — Лёля суетливо прошла на кухню. — И чай есть индийский. Со слонами!

Борьба Васильевич заулыбался. Объятия на пороге, ужин да еще индийский чай! Разве это не лучшая награда за озарение в удачно застрявшем лифте?

6

Девятого мая Макушкин проснулся рано. Накануне они с Лёлей провели вечер в институте. Годовщина Победы была отмечена торжественным заседанием, концертом, танцами и буфетом. Ветеранов войны осталось мало, они все поместились в президиуме. Борьба Васильевич оказался рядом с директором и чувствовал себя неудобно. Ему хотелось к Лёле. Однако к жене он не попал даже во время концерта — места были заняты. Сел в первом ряду.

Инструментальный квинтет, оснащенный усилителями, оглушал его; песни военных лет в современной трактовке не понравились. «Шульженко лучше», — подумал Макушкин. Потом он устроился в уголке и смотрел, как Лёля танцует то с Сидоровым, то с долговязыми парнями из лаборатории автоматике. На сцене дергался патлатый мэнэс и завывал: «Синий, синий иней лег на провода!» Дергались пары в зале.

Танечка Петрова старалась растормошить Борьбу Васильевича, вытащила на вальс. Потоптался немного, махнул рукой и пошел смотреть на установку. Здесь было спокойно. Тарахтел насос, уютно мерцали плафоны. Уже шло охлаждение. Макушкин пытался разглядеть в смотровое окошко кристалл, но ничего не увидел. Придется потерпеть до завтра...

И вот завтра наступило. Борьба Васильевич вылез из спального мешка и быстро оделся. Часы показывали половину восьмого. Кристалл вынимать рано. Раскрыл свежий номер «Кристаллографии», но чтение не пошло. Письмо, что ли, сыну написать?.. Настроение нетерпеливого ожидания погнало его на улицу.

Чтобы убить время, пошел на вокзал за газетами. Киоск оказался закрытым, привокзальная площадь пуста. На высоких флагштоках колыхались знамена. В центре высилось что-то массивное, упрятанное под белым покрывалом. «Памятник погибшим солдатам, — вспомнил Борьба Васильевич. — Сегодня открытие. Сколько людей унесла та война! Самые смелых, самых умных. Ребята из разведки, отец, дядя Хусаин... Будь они живы — сколько бы сделали! Давно освоили бы солнечную систему, не говоря о Юпитере...»

Макушкин взглянул на часы и заторопился в институт. Серебристая Татьяна сидела вместе с операторами и курила.

— А вы что не празднуете?

— Хочется кристалл посмотреть...

Борьба Васильевич не стал надевать халата. Выключил насос, напустил под колпак воздух. Медленно вывел «лодочку» из-под нагревателя. С едва слышным хлопком отошла приемная камера. Макушкин повернул ее на себя, выдвинул «лодочку». Екнуло сердце: сверху кристалл был совершенно черным.

— О-о-о!.. — разочарованно протянула Таня.

— Ничего, ничего... Может быть, это только поверхностное напыление. — Макушкин поддел «лодочку» отверткой, обжигаясь, отнес на стол. Операторы были наготове. Ловко орудуя стамесками и молотками, принялись вылушивать кристалл из молибденовой «лодочки», словно снимали шкуру с убитого зверя.

— Осторожнее, — умолял Борьба Васильевич.

— Отойдите, а то осколок в глаз попадет.

— И по бокам черный...

— Не черный, а какой-то в чернила макнутый...

— Сама ты макнутая!

Молибденовая чешуя летела в разные стороны.

— Готово!

Борьба Васильевич обернул кристалл тряпкой и посмотрел на свет. Он был прозрачный. Густой фиолетовый цвет с красными искрами преобладал в центральной части, затянутой паутиной мелких трещин. Но у носика и по краям были видны прозрачные густо-синие участки. За плечом возбужденно дышала Татьяна.

— Ну? — победоносно спросил Макушкин.

— Карош турка Джиурдина!

— То-то же...

Танечка завладела кристаллом.

— Почему синий?

— А я откуда знаю?

— И трещин много.

— Ха! Трещины мы уберем!

— Борьба Васильич, — осторожно сказал оператор, — на сегодня все?

— Как все? Ставим следующий опыт!

— Борьба Васильевич!

— Ладно, — сказал Макушкин. — Будем праздновать День Победы.

Обернул кристалл полотенцем и понес в сейф. Сзади в африканском танце дергались Таня и операторы:

Синий, синий иней лег на провода!

В небе темно-синем сияя звезда!

Тир-тир-дирьям!..

...Магазины уже работали. Макушкин купил хлеба, сухариков, конфеты, шоколад, две пачки сахара, селедку. Взял бутылку вина под названием «Салют». Гулять так гулять!

Лифт встретил его ярко горящим красным глазом. Борьба Васильевич торжественно вступил в кабину.

— Ну? — сказал он. — Видишь, обе руки заняты! Давай не стой, жми до самого Юпитера.

Дверцы мягко сошлись.

ВЛАДИМИР РЫБИН

ГИПОТЕЗА О СОТВОРЕНИИ

Сорен Алазян оказался невысоким, худощавым, очень подвижным армянином с небольшими усиками на тонком напряженном лице. Такой образ возник в глубине экрана. Алазян сказал что-то, заразительно засмеялся и исчез.

Гостев сунул в карман овальную пластинку с округлыми зубчиками — ключ от своей квартиры, который машинально крутил в руках, недовольно оглянулся на оператора — молодого парня с короткой, старящей его бородкой.

— Что случилось?

— Дело новое, не сразу получается, — проворчал оператор и зашелкал в углу какими-то тумблерами, заторопился.

А Гостев ждал. Сидел перед экраном во всю стену, как перед открытым окном, и ждал. За окном-экраном поблескивала матово-белесая глубина, словно висел там густой туман, насквозь пронизанный солнцем. Шлем с датчиками был чуточку тесноват, сдавливал голову, но Гостев терпел: совсем ненадолго собирался он погрузиться в свой «сон», можно было и потерпеть.

В тумане засветились какие-то огоньки, их становилось все больше, и вот они уже выстроились в цепочки, обозначив улицы. Вверху, в быстро светлеющем небе, помигивая рубиново, прошел самолет. Восходящее солнце живописно высветило заснеженный конус горы, затем другой, поменьше. Горы словно бы выростали из молочного тумана, заставшего даль, красивые, величественные. Их нельзя было не узнать, знаменитые Арараты, большой и малый. И улицы, выплывавшие из тумана, Гостев сразу узнал: это был Ереван последней четверти XX века.

Был Гостев историком, специализировался по XX веку, бурному, непохожему ни на какой другой. В этом веке история как-то по-особому заторопилась, словно ей вдруг надоело медленно переваливать из века в век, и она помчалась, все более набирая скорость.

Двадцатым веком занимались многие историки, а он все ос-

тавался непонятным, загадочным. Поэтому открытие компьютерного хроноканала-хроноперехода было воспринято всеми как долгожданная надежда разом разрешить все загадки истории, объяснить все необъяснимое. Хроноканал позволял историку-исследователю включиться в компьютер, который «знал» все о нужном времени и месте, «встретиться» с людьми, жившими в иные эпохи, и как бы заново прожить то, что было когда-то. Хроноканал надежно вел в прошлое, ему было недоступно только будущее. Пока недоступно, говорили оптимисты. Потому что, по их мнению, экстраполировать будущее машине, знающей все, тоже будет нетрудно. Ведь семена будущего высеваются в настоящем...

Гостев был помешан на прошлом, только на прошлом, и, когда ему предоставили возможность воспользоваться хроноканалом, он выбрал, по его мнению, самое интересное — XX век. Гостева привлекали непроторенные, малоизученные пути. В отличие от некоторых своих коллег он считал, что науку делают не гениальные одиночки, что, прежде чем Ньютоны и Менделеевы объявляют о своих открытиях, зачатки этих открытий долго вызревают в умах многих людей, порождая причудливые идеи. Он считал, что идеи, в свое время не получившие признания, заслуживают особого внимания. То, что не понято было современниками, в иных условиях, в миропонимании людей будущего, может послужить отправной точкой для очередных грандиозных идей, гипотез, открытий. Природа ничего не прячет от человека, у нее все на виду. Просто человек не всегда готов увидеть то, что лежит на поверхности. Так человек каменного века мог страдать от холода, сидя на горе, сложенной из каменного угля.

Поэтому-то и выбрал Гостев последнюю четверть XX века, город Ереван, в котором жил и работал один из «возмутителей спокойствия», в то время мало еще кому известный ученый Сорен Алазян. Компьютер, знающий все, выдавал о нем прямо таки удивительные сведения. Компьютер мог дать довольно точную обстановку, в которой жил Алазян, мог создать полную иллюзию реальности прошлого и даже представить возможность разговаривать с фантомом, то есть компьютерной копией ученого, которая воспроизводила характер Алазяна, его интеллект и речь. Алазян был неутомимым человеком, неистощимым на идеи, энергичным практиком в разрешении, казалось бы, неразрешимых проблем. Однажды уставшие от его энергии степенные академики, намереваясь погрузить коллегу в очень длительное научное предприятие, дали ему такую задачу, на которую, по общему мнению, требовались годы и годы труда. Но уже на седьмой месяц Алазян принес онемевшим от удивления академикам отчет о выполненной работе...

Сейчас Гостев, приготовившись к путешествию в прошлое, надел шлем, нажав клавиши компьютера, ожидал встречи с

фантомом Алазяна. Вот он почувствовал, как компьютер уносит его куда-то, как воображение создает ему реальную обстановку... Гостев напряг зрение и увидел, что находится в гостинице, из окон которой виден чуть ли не весь Ереван. Момент переселения из одной реальности в другую протекал нормально. Гостев встал и прошелся по гостиничному номеру. Обычный номер с телевизором, с кроватью, застланной желтым покрывалом. Сейчас предстояла встреча с фантомом. Малейшая ошибка в обстановке скажется на поведении и речи того, с кем предстоит беседа. Фантомы имеют чувствительность своих создателей — компьютеров. Теперь Гостеву предстоит позвонить Алазяну по телефону и, назвавшись приезжим журналистом, попросить разрешения навестить ученого или позвать его в номер гостиницы.

Как и должно было быть, Алазян ответил сразу, словно специально дожидался этого звонка.

— Я все понял, — сказал Алазян, не дослушав до конца длинную тираду Гостева. — Где вы находитесь?

— Я... — растерялся Гостев, чуть не сказав «я не знаю». — Пожалуй, в гостинице.

— В какой?

— В этой, как ее... Большая такая, на горе.

— Не знаете? — удивился Алазян. — Как же вы в ней поселились?

Гостев понял, что попался, и затосковал: так бездарно провалить сеанс, которого с трудом добился. Сразу заболела голова: тесный шлем даже в компьютерном сне напоминал о себе. Он с тоской поглядел в окно, увидел на соседней горе большой памятник — величественную фигуру женщины с мечом в опущенных руках.

— Тут передо мной на горе памятник...

— Ясно! — обрадованно воскликнул Алазян. — Это гостиница «Молодежная». Я сейчас приеду.

Гостев хотел возразить, что ехать никуда не надо, но в трубке уже зачастили, торопились короткие гудки.

В дверь постучали почти сразу: машина, как видно, сэкономила время. Улыбаясь, как в первый раз на экране, скромно и приветливо, Алазян быстро обошел гостиничный номер, посмотрел в окно на огромную фигуру женщины с мечом, кивнул удовлетворенно, присел к невысокому журнальному столику, снова вскочил, принялся выкладывать из портфеля яблоки, виноград, бутылку коньяка. Бросил пустой портфель в угол, снова заходил по комнате.

— Я очень извиняюсь, что не могу вас к себе домой пригласить, — быстро заговорил он, не давая Гостеву вставить слово. — У нас не полагается так гостей встречать, но не могу сейчас домой, неподходящая обстановка, не для гостя... А вы прямо из Москвы? Кто вам рассказал обо мне?..

— Да я ненадолго, — торопливо сказал Гостев. — Мне только поговорить с вами о теории абсолютных координат пятимерного континуума...

Алазян резко остановился посередине комнаты.

— Откуда вы об этом узнали?

— Из четырнадцатого выпуска трудов Армнипроцветмета. — Гостев с трудом выговорил длинное трудное слово, содержащее в себе целых семь слов.

— Как эта книжка к вам попала? У нее тираж-то всего пятьсот экземпляров. На пятнадцать авторов. Представляете? Весь тираж авторы разобрали.

— Попала, — неопределенно ответил Гостев. — Для истории и одного экземпляра достаточно.

— И вы все прочли?

— Вашу статью прочел.

— Поняли что-нибудь?

— Понял...

— Это не мое открытие, не мое, понимаете? — горячо перебил его Алазян таким тоном, словно ему возражали. — Еще Герман Вейль в тысяча девятьсот двадцать четвертом году утвердил в науке представление о пятимерном континууме и, можно сказать, осуществил предсказание Лейбница о необходимости рассмотрения пространства, времени и массы в качестве координат континуума... Вы меня понимаете? Континуум, коротко говоря, — компактное множество. Пятимерный континуум — это пять координат, к которым сводится все многообразие мира, — три измерения пространства, время и масса. Да, масса, которую до этих пор как-то не учитывали. Впрочем, вероятно, всему своя пора. Двухмерная физическая картина древности, соответствующая геометрии отрезков и плоскостей Евклида, уступила место представлениям трехмерной (пространственной) физики средневековья — натурфилософии Галилея — Ньютона. Затем пришла пора четырехмерной релятивистской физики Лоренца — Эйнштейна. Физика пятимерного континуума завершает этап выбора координат... Вы меня понимаете?..

Он недоверчиво посмотрел на Гостева и вдруг схватил бутылку, перочинным ножом принялся срывать с горлышка желтую фольгу.

— Прошу извинить, заговорился. — Он поднял стакан, на треть налитый темноватой, густой на вид жидкостью. — У нас говорят: гость в дом — радость в дом. Я очень рад вашему приезду.

Жидкость обожгла горло, приятным теплом растеклась внутри: машина, как видно, и впрямь знала абсолютно все, до мелочей учитывала правдоподобие «сна». Гостев испугался того, что она своими электроимпульсами вызовет и ощущение

опьянения, погасит ясность восприятия и тем самым сорвет сеанс или уменьшит его ценность.

— До дна, — словно догадавшись о его сомнениях, подсказал Алазян. — У нас пьяных не бывает. А знаете почему? У нас едят, когда пьют, много едят. Поэтому сейчас мы поедем обедать...

— Я не хочу обедать, — возразил Гостев.

— Пока доедем — проголодаетесь. Вы раньше были в Армении?

— Нет... не был, — сказал Гостев, чувствуя уже легкое радостное возбуждение.

— Вы не были в Армении?! — воскликнул Алазян таким тоном, словно Гостев признался в каком-то проступке. — Тогда так... Минуточку. — Он кинулся к телефону, быстро набрал номер, заговорил с кем-то по-армянски торопливо и страстно.

За окном вовсю сияло солнце, тучки скользили по синему небу, пухлые, неторопливые. Время шло, и Гостев начал подумывать о том, не прервать ли сеанс. Похоже было, что не он задает программу, а Алазян уверенно и властно втягивает его в свое привычное поведенческое русло. Достаточно было Гостеву произнести шифр — пять цифр: 8-17-80 — и все остановится. И хоть через час возобновится сеанс, хоть через день, все начнется с этого самого мгновения. Никакого перерыва Алазян даже и не заметит. Только, может, удивленно посмотрит на гостя, забормотавшего вдруг какие-то цифры. Но Гостев не стал называть своего магического шифра, решил, что лучше всего Алазян раскроется именно в своей обстановке. Все должно идти так, как шло бы на самом деле. Только тогда можно быть уверенным, что картина прошлого — истинна...

— Сейчас придет машина, и мы поедем в Гегард, — сказал Алазян, резко положив телефонную трубку.

— Зачем... в Гегард? — растерялся Гостев.

— Тому, кто не видел Армении, Гегард надо посмотреть обязательно. Так же как Горис, Гошаванк. И конечно, Эчмиадзин, Рипсиме... Но я предлагаю поехать в Гегард. Потому что там по пути храм Гарни и хороший ресторан, где можно понастоящему пообедать...

Он говорил это с завидной уверенностью, что иначе не может быть, иначе никак невозможно. Решительно вышел на балкон, заглянул с высоты через перила.

— Вот уже и машина идет.

— Может, поговорим, и все? — робко спросил Гостев.

— Дорогой поговорим. Где ваше пальто? Нет пальто? Как же вы из Москвы? Там ведь уже холодно. И вещей никаких не вижу. Налегке? — Он с недоумением посмотрел на Гостева. — Более чем налегке.

И снова Гостеву подумалось, что сеанс срывается. Потому что даже всезнающий компьютер не может учесть всего. Вот

ведь не догадался снабдить его в эту необычную командировку хотя бы чемоданом. Должен же он знать, что была во времена Алазяна такая потребность у людей, — отправляясь в поездки, брать с собой чемоданы с вещами, дополнительную одежду. В растерянности он сунул руку в карман, вынул большой, как раз по ширине кармана, блокнот и успокоился: все-таки компьютер сообщает, поправляется на ходу. Ведь Гостев только здесь решил объявить себя приезжим журналистом, и вот у него уже блокнот в кармане. Какой же журналист XX века без блокнота?! В то время еще не умели обходиться без того, чтобы все записывать...

Поколесив по улицам Еревана, машина вырвалась на загородное шоссе и помчалась по неширокой асфальтовой дороге, извивающейся вдоль крутых пологих склонов. Алазян, сидевший впереди, рядом с молчаливым шофером, непрерывно рассказывал о проблемах, изучением которых он в разное время занимался, — о постоянстве силы притяжения и непостоянстве скорости света, о влиянии приливных сил Галактики на вращение Земли и об эрозийном сейсмическом конусе — эрсекоме, о шкале температур ниже «абсолютного нуля», о зависимости распада системы от ее энергии, о гравитационной неоднородности пространства, о неаддитивности энергии и прочих и прочих.

То ли от частых поворотов, то ли от этого, обрушившегося на него, клубка теорий, идей, гипотез у Гостева разболелась голова, и он спросил устало, почти раздраженно:

— Как можно одновременно заниматься столь разными вопросами?

— Как разными? — удивился Алазян. — Все они имеют отношение к главному вопросу миропонимания.

— Какому?

— Основополагающему.

Следовало повторить вопрос, но Гостев не сделал этого. Он чувствовал себя очень уставшим, хотелось, чтобы прекратилась эта качка вправо-влево. И чтобы Алазян замолчал, перестал мучить своими то ли на самом деле гениальными, то ли бредовыми идеями. И вдруг он вспомнил, почему болит голова: слишком тесен шлем. И еще подумал, вот так же, наверное, уставали от бешеного фонтана идей Алазяна его современники — ученые и винули его, хотя виноваты были сами, привыкшие к медлительности и постепенности, разучившиеся с молодой бесцеремонностью тасовать доводы, выводы, идеи. И он устыдился своей слабости.

— Трудно, наверное, так много работать, думать обо всем сразу? — сочувственно спросил он.

— Трудно не думать, — ответил Алазян. — Перестать думать — значит умереть.

— Должен же человек отдыхать?

— Обязательно. Вот сейчас мы и отдыхаем.

— Ничего себе, отдых! Между делом, отдыхая, противоречить Эйнштейну...

— А кто противоречит Эйнштейну?

— Да вы же своим пятимерным континуумом...

— Такой неблагоприятной задачи я перед собой не ставлю. Разве геометрия Лобачевского — Римана противоречит геометрии Евклида? Разве физика Эйнштейна противоречит физике Галилея — Ньютона? Так и теория пятимерного континуума не противоречит представлениям классической и релятивистской физики, а дополняет, расширяет, обобщает и углубляет эти представления. Эйнштейн видел ограниченность физики Галилея — Ньютона в ее механицизме, обусловленном рассмотрением лишь пространственных координат. Теория относительности утвердила необходимость учета четвертой координаты — времени. Но она тоже оказалась ограниченной. Это скоро выяснилось. Несмотря на все усилия релятивистов, они не смогли создать единой теории поля. Причина, мне думается, не в недостатках теории относительности — это одна из самых стройных и завершенных теорий, — а в том, что в представлениях релятивистов отсутствовал пятый континуум — масса, внутреннее состояние системы...

— А почему только пять континуумов? Может, найдется шестой? — перебил Гостев.

— Я его себе не представляю.

— Ну, как же. Вы говорите: за пятое надо принять массу. Но если есть масса, то почему не быть ее отсутствию, просто пустоте.

— Вакуум? Это не пустота, это особое состояние массы. Эфир, как говорили раньше.

— Отсутствие есть присутствие?

— Вроде того. Ведь массу тоже можно рассматривать как отсутствие. Отсутствие вакуума-эфира. Если масса отсутствует в одном состоянии, то обязательно присутствует в другом. И при определенных условиях одно переходит в другое. Рождаются же миры вроде бы из ничего...

— Даже целые вселенные, — вставил Гостев, рискованно намекнув на сделанные уже в XXI веке открытия.

— Даже вселенные, — как ни в чем не бывало подтвердил Алазян. — Звезды, планеты и астероиды, вместе взятые, по расчетам, составляют лишь пятнадцать процентов массы Вселенной. Остальное приходится на вакуум. — Он помолчал, посмотрел на горы, на небо, испятнанное тучами. — Мне кажется, это можно сравнить с грозой. Бывает, тучка-то всего ничего, а льет и льет дождем. И получается, что воды выливается во много раз больше, чем ее было в туче. Туча как генератор, перерабатывающий влагу окружающего воздуха в дождь. В воздухе вроде и нет ничего, пустота, а оказывается, в нем огромное количество вполне реального дождя. Или возьмите рождение кри-

сталла... Так и с вакуумом. Теория первоначального взрыва утверждает, что наша Вселенная образовалась из точки. В результате какого-то импульса космос вдруг начал перерабатывать энергетические поля вакуума в материю. Масса начала бурно, взрывоподобно менять свое состояние...

— Но почему? — спросил Гостев. — Что-то ведь должно быть в основе, какая-то законсервированность, побудительная причина?

— Почему? — переспросил Алазян и задумался.

Вильнув очередной раз, дорога внезапно выпрямилась и, как лезвие меча, рассклала показавшийся впереди зеленый поселок. И там, за поселком, на фоне хаотического нагромождения гор вдруг поднялась поразительно стройная колоннада древнего храма. И эта колоннада, как последний мазок художника, словно бы завершила картину, став ее связующим центром: беспорядок цветowych пятен, изломанных линий вдруг стал живописным.

— Какая красота! — воскликнул Гостев, подавшись вперед.

— Красота! — с каким-то особым удовлетворением, словно все окружающее было его личным, подтвердил Алазян. — Это Гарни. Вечная красота!

Они вышли из машины и долго ходили вокруг храма, меж тесно поставленных колонн, а потом отдохали от жары в его сумрачной прохладе. И Алазян с уверенностью экскурсовода все рассказывал о многотысячелетней истории этого места, бывшего и энеолитическим поселением, и крепостью, летней резиденцией армянских царей, об этом храме, построенном без малого две тысячи лет назад, разрушенном землетрясением, триста лет пролежавшем в руинах и вновь, возрожденном, восстановленном людьми, верящими, что красота не умирает, не должна умирать...

— Как действует красота! — сказал Алазян. — Один дополнительный штрих, и хаотичное мгновенно становится гармоничным...

Потом, проехав еще немного по дороге, они увидели впереди монастырь Гегард. В тесном ущелье, вплотную прижавшись к высоченным изломам скал, как бы вырастая из них, поднимался белый остроконечный конус церковного купола с едва заметным издали крестиком наверху. Он, этот маленький конус, и несколько белых прямоугольников крыш, прилепившихся к нему, приковывали взгляд, казались центром, главным, ради которого создано все это нагромождение гор. И снова Алазян сказал свое загадочное:

— Один штрих, и все меняется. — Он помолчал, рассматривая выступ горы, на минуту заслонивший монастырь на изломе дороги. — Тысяча лет между храмом Гарни и монастырем Гегард. И верования разные — язычество и христианство, а законы красоты, пропорциональности, гармонии все те же...

Гостев не понял, что хотел этим сказать Алазян. Не ради же того, чтобы открыть очевидное. Непохоже это было на Алазяна, чья мысль купалась в парадоксах и находила все новые. Но он не стал спрашивать, веря, что мысль, как плод, должна дозреть сама. Даже если она рождена в таинственных скоплениях простейших электронных элементов, чутко прислушивающихся к логике ими же созданного фантома.

Они ходили по тесному монастырскому двору, уставленному хачкарами — ажурными крестами, вырезанными на плоских камнях. И на стенах построек, на скалах — повсюду виднелись кресты, местами образуя сплошное кружево. Плиты с крестами стояли и на соседних обрывах, словно часовые, охранявшие эту древнюю красоту от хаоса гор.

— Каждый крест — это же столько работы! — сказал Гостев. — Зачем?

— Для самоутверждения народа, — быстро ответил Алазян. — В любом народе, даже в каждом отдельном человеке живет потребность как-то утвердить себя.

— Можно строить дома, сажать деревья...

— Строили и сажали. Но дома сжигали завоеватели, деревья вырубали... Вы знаете историю армянского народа?

— Немного, — слукавил Гостев.

— Это смелый народ. В течение последних двух тысячелетий он только и делал, что защищался от многочисленных попыток уничтожить его, поработить, ассимилировать. Очень хорошо сказал об этом писатель Геворг Эмин: «Для того чтобы уберечься от захватнических притязаний своих агрессивных соседей, прикрывающихся дымовой завесой «общности интересов», «слияния», «единства целей», маленькая Армения издавна была вынуждена еще более обособиться, изолироваться, подчеркивая не то, что роднит ее с другими народами, а то, что отделяет от них, утверждает ее самобытность. Когда ей угрожала Персия, Армения, чтобы не быть растворенной в ней, оградила защитной стеной христианства. Когда под лозунгом равенства всех христианских стран ей угрожала поглощением Византия, Армения выдвинула свое толкование христианства, отделившись от вселенского. А когда осознала, что проповедь христианства (даже «своего», армянского) на греческом и ассирийском языках подвергает опасности существование языка армянского и способствует ассимиляции народа, она создала свой алфавит, свою письменность, чтобы проповедовать свое христианство на своем языке, сохранить независимость и самобытность...»

Алазян цитировал уверенно, словно читал текст, и Гостев недоверчиво посматривал на него: такая хорошая память или же это компьютер, войдя в роль, показывает свою осведомленность.

— Вся эта церковь вырублена в скале. Наружные пристр...

ки появились потом. Айриванк, как называли монастырь раньше, значит «Пещерная церковь». Впрочем, вы сами увидите...

Жестом хозяина он пригласил Гостева войти в маленькую дверь, но вошел первым, быстро прошагал тесным переходом и остановился посреди просторного зала с колоннами и высоким сводом. Здесь было сумрачно, свет, падающий через небольшое круглое отверстие в центре свода, придавал всему этому залу с черными провалами ниш некую таинственность. Но света было достаточно, чтобы понять, что все вокруг — колонны, своды, барельефные изображения на стенах — вырезаны в сплошном монолите горы. Каким же нужно было обладать терпением, настойчивостью и вместе с тем чувством красоты и соразмерности, чтобы вручную, примитивными инструментами, зачастую с помощью того же камня, вырубить все это, предусмотрительно сохраняя наросты скалы для барельефных украшений! Почему непомерный, наверняка изнурительный труд этот не убивал чувства красоты? Или именно постоянно живущее в людях это чувство как раз и побуждало на строительный подвиг?..

Гостев понимал, что он, тоже включенный в компьютер, думает обо всем этом не вполне самостоятельно, что машина подталкивает его к каким-то серьезным выводам, но каким именно, понять не мог. И только росло в нем нервное напряжение и от этого все больше болела голова. В какой-то миг ему захотелось произнести свой шифр, выкрикнуть его в темноту как заклинание. Вот было бы интересно внезапно исчезнуть, раствориться в таинственном полумраке!..

Они возвращались по той же горной дороге. На очередном повороте Алазян указал шоферу на придорожный ресторан, и они, оставив автомобиль на стоянке, вдвоем вошли в большой зал, гудящий возбужденными голосами. Алазян пошептался с официантами, и скоро на столе оказалось множество тарелок с закусками, бутылками.

— Зачем так много еды? — спросил Гостев. — Ведь не съедим.

— Сколько съедим, — неопределенно ответил Алазян и, разлив шампанское по бокалам, встал над столом. — Я поднимаю тост за великий русский народ, с которым армянский народ находится в близком родстве. Оба наши народа исходят из одного, затерянного в глубине тысячелетий индоевропейского арийского корня.

Он выпил до дна, сел и неожиданно запел чуть дребезжащим красивым голосом:

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит,
То мое сердечко поет...

Гостев тоже выпил шампанского и удивился, почувствовав, как ясность мыслей словно бы подернулась легким туманом. Захотелось обнять этого удивительного Алазяна и петь с ним вместе, тянуть из самого сердца сладкую печаль:

Догорай, гори моя лучина,
Догорю с тобой и я...

Этого он не ожидал, чтобы компьютер был так педантичен и, воздействуя на какие-то лишь ему известные центры мозга, вызывал подлинное чувство печали. Хотя следовало ожидать: если уж все по правде, так все по правде.

За высокими сводчатыми окнами ресторана начинался крутой склон, а дальше во всю ширь распахивалась панорама ближних и дальних гор. Гостев встал и пошел к окну, чувствуя как кружится голова, отяжелевшая то ли от слишком тесного шлема, то ли и в самом деле от опьянения. Ноги ступали твердо, и он, пошатнувшись, едва не облокотился о плечо какой-то женщины. Мужчина, сидевший с ней за одним столиком, свирепо поглядел на него и медленно стал подниматься с места.

— Восемь, семнадцать восемьдесят!..

На миг он зажмурился, а когда открыл глаза, увидел себя полулежащим в кресле перед огромным, слабо люминесцирующим экраном. Оператор удивленно глядел на него от пульта управления.

— Вы прерываете сеанс? Но у вас все показатели в норме.

— Голова болит, — раздраженно сказал Гостев.

— Небось выпили? — засмеялся оператор.

— При чем тут это? Шлем надо заменить.

— На замену шлема и переключение всех датчиков уйдет не меньше часа. Я не уверен, что компьютер столько времени продержит момент.

— А говорили: может держать сколько угодно.

— Теоретически. Но дело-то новое, и я боюсь, что уже теперь течение «сна» изменится и вы не попадете в ту же точку смоделированного пространства-времени...

Но он вернулся в ту самую точку. Вспомнил наметившееся доверие между ним и фантомом, предощущение открытия, вспомнил все это и решил отмучиться до конца, не меняя шлема.

— Пить не надо, — наставительно сказал ему оператор, обращаясь к своему пультау.

— Пить не надо! — как эхо повторил сердитый мужчина, все еще поднимавшийся из-за столика.

Ничего не изменилось вокруг. Казалось, его короткое отсутствие не было даже замечено. Подошел Алазян, заботливо увел Гостева на место, вернулся к сердитому мужчине и принял что-то говорить ему по-армянски. Через минуту он уже чокался там, за столом, и Гостев заметил, что сердитые мужчина и жен-

щина уже посматривают в его сторону с доброжелательным интересом.

«Вовсе не надо пить, — сердито сказал себе Гостев. — Не для того я погружался в прошлое». Он решил больше не тянуть и, сославшись на недомогание, сейчас же предложить Алазяну ехать и дорогой еще порасспросить его о разном.

Возвращались в сумерках. Дальние горы затягивала вечерняя мгла. Кое-где дорогу перегораживали полосы плотного холодного тумана — сказывалась осень. И всю дорогу Алазян говорил быстро и страстно, будто несколько не устал за день, не замечая, что повторяется, или не желая этого замечать, поскольку мысли его требовали повторения, чтобы убедить слушателя.

— ...«Вселенная» Эйнштейна была воспринята не сразу. Четырехмерный континуум, где время рассматривалось в качестве четвертой координаты, вначале не укладывался в сознание и воспринимался лишь одиночками. Но поразительно стройная теория Эйнштейна породила идола — ни от чего не зависимое постоянство скорости света. Эта универсальная константа была объявлена максимально возможной в природе скоростью взаимодействий. Позднее Эйнштейн и сам бросил тень на своего «идола», отказавшись от постоянства скорости света в гравитационном поле. Тогда была высказана идея, что свет обладает гравитационной массой и отклоняется у мощных гравитационных тел, то есть испытывает ускорение. Однако «идол» жил. Это было странно для быстро развивавшейся революционизировавшей физики, но никто не решался поставить под сомнение парадокс постоянства скорости света...

— Как же не пытался? — перебил Гостев. — А опыты...

— Опыты Майкельсона, — перебил его Алазян, — в действительности привели лишь к выводам относительно независимости скорости света от других движений. В этих опытах свет распространялся в условиях постоянного гравитационного поля Земли. Но результаты можно трактовать и так, что скорость света на Земле есть функция от тяготения Земли. Если бы измерительная аппаратура находилась в космическом пространстве и опыт проводился в состоянии невесомости, то там скорость света, вероятно, оказалась бы выше. Скорость фотона зависит от гравитации, от расстояния, пройденного им, и, стало быть, от времени его жизни. Старея и ускоряясь, он в конце концов превращается в поле...

— И что из этого следует? — спросил Гостев.

— Из этого следует важнейший постулат теории пятимерного континуума: скорости взаимодействия, универсальной для всей Вселенной, не существует. Из этого следует, что, рассматривая структуру мироздания, мы не можем сбрасывать со счетов состояние системы...

Он замолчал, взглядываясь в россыпь огней уже близкого

Еревана. И снова Гостеву показалось, что Алазян что-то напряженно обдумывает. Мелькнула мысль: может, его думы самые будничные, может, он озабочен одним — как поскорей отделаться от назойливого журналиста? Это будет неожиданным, если фантом первым устанет и откажется от контакта. Гостев отбросил эту мысль. Не потому, что такого в принципе не могло быть: мера терпения фантома должна быть равна безграничным возможностям компьютера. Просто не вязалось это с характером Алазяна, никак не вязалось.

— Итак, вы утверждаете, что все представления о мироздании укладываются в пять компонентов: три пространственных, время и массу. Но напрашивается вопрос: что же их объединяет?

— Они и есть единство. В природе нет ничего, кроме материи в пространстве и во времени. И выходит, что элементы пятого континуума по отдельности не существуют...

— Но ведь естественное состояние мира — хаос...

— Нет, не хаос! Только не хаос! — воскликнул Алазян.

— Тогда что же?

Алазян помолчал, снизу вверх рассматривая стройные ряды светящихся окон, рядами опоясывающие цилиндрическое здание гостиницы, к которой они подъезжали. Автомобиль obeжал этот вертикально поставленный цилиндр по круто поднимающейся дороге и остановился у ярко освещенного подъезда.

— Я вам завтра отвечу, — сказал Алазян, выходя из автомобиля.

— Почему не сейчас?

— Я подумаю. Вы ставите очень интересные задачи.

Он проводил его до двери гостиничного номера и ушел, трижды извинившись. Гостев принял ванну, лег в постель и, уже засыпая, все думал: какие такие задачи поставил он перед Алазяном? Когда?

Он уснул с неожиданной мыслью: компьютер не просто воспроизводит характер человека в фантоме, а как бы продолжает его жизнь. Гостеву чудились в гармоничном компьютерном смещении времен и пространств сияющие перспективы человеческого бессмертия...

Ему казалось, что только на миг закрыл глаза, как уже проснулся бодрым, совершенно выспавшимся. В широкие окна заглядывало солнце. Город внизу еще кутался в прозрачную вуаль тумана. Дальше, за городом, туман был плотнее, белым половодьем захлестывал пространство до самого Арарата, живописным конусом возвышавшегося на горизонте.

С предощущением чего-то нового, необычайного Гостев встал, босиком прошелся по холодному паркету. И тут в дверь постучали. За дверью стоял Алазян, широко, радостно улыбался.

— Едем завтракать, нас ждут...

На такси они добрались до района новостроек, где рядами стояли одинаковые пятиэтажные дома. Их действительно ждали. Стол был уже накрыт, и за ним сидели человек шесть, которых Алазян представил как своих друзей. Снова пришлось немного выпить, и снова Гостев почувствовал раздражение, поскольку опять заболела голова. Но он, решивший все терпеть до конца, заставил себя улыбаться и выразил на лице глубокую заинтересованность, даже когда Алазян стал читать свои стихи. Сначала это была длинная поэма о Заратустре, потом столь же длинный стихотворный пересказ легенды о несчастной любви красавицы Ахтамар, каждую ночь зажигавшей огонь на берегу, чтобы ее любимый не заблудился в темноте.

Гостева стихи утомили. Он хотел было напомнить Алазяну о вчерашнем разговоре, но тут в комнату вошла молодая, очень красивая девушка — дочь хозяйна этого дома, скромно села к столу, послушала стихи, высказала несколько зрелых замечаний и ушла. И сразу разговор за столом пошел только о ней. Все наперебой хвалили родителей, школу, где она училась. Хвалил и Гостев, не в силах удержать теплое чувство нежности и благодарности, вдруг охватившее его. Скоро девушка вернулась и подала Гостеву сувенир — чеканку с изображением стройной и гибкой Ахтамар, держащей огонек в поднятых руках. На обороте красивым ученическим почерком с наивным простодушием было написано: «На долгую память от Тамары».

«Дать бы себе волю влюбиться, — с радостным злорадством думал Гостев, пока они спускались по узкой лестнице во двор и усаживались в автомобиле. — Интересно, справился ли бы компьютер со всей полнотой томящих и возвышающих чувств?..»

Сколько открытий сделал он за этот сеанс! Оказывается, не только бессмертные богов и мудрость всех мудрецов может подарить человеку машина, но и, наверное, само счастье, светлое лекарство любви!..

На этот раз ехали с эскортом. За их автомобилем, непонятно зачем, следовал точно такой же. Тамара сидела рядом, и это для Гостева многое меняло. Исчезло нетерпение поскорее заставить Алазяна высказаться и на том закончить сеанс, неожиданные и частые его экскурсии то в историю, то в архитектуру, то в эстетику уже не раздражали, и вообще вся эта поездка, еще недавно выглядевшая для Гостева вынужденной, теперь казалась совершенно необходимой, прямо вытекающей из задач хроносеанса.

Они выбрались на загородное шоссе, напрямую пересекавшее обширную долину, и тут Алазян сам вспомнил о вчерашнем разговоре. Ничего он, оказывается, не забывал, просто следовал древней истине, что всему свое время и не место в гостях деловым беседам. А то, что разговор предстоял серьезный,

это Гостев понял с первых же фраз, заумных, непростых даже для него, человека из будущего.

— Почему наше пространство трехмерно? — спросил Алазян. — Почему из бесчисленного множества формально возможных размерностей в нашем мире реализовалась именно трехмерность?

— Возможно, это обусловлено нашей психофизиологической организацией? — в свою очередь, спросил Гостев.

— Существует и такое объяснение. Но не законами логики или психологии объясняется трехмерность пространства. Это объективный физический факт, его происхождение связано с глубокими законами нашего мира...

— Это и есть ответ на вчерашний вопрос? — не без иронии спросил Гостев.

— Лишь попытка ответа. Вы задали очень интересный и очень трудный вопрос: хаос ли, случайности ли в основе сотворения? Я всю ночь думал об этом.

— Когда же спали?

— Подремал немного. Но я всегда сплю немного. А тут еще этот ваш вопрос: почему все так, а не иначе?..

— Детский вопрос...

— Дети порой бывают мудрее нас, взрослых, связанных догматическим мышлением. Право же, стоит задуматься, почему все так, а не иначе. Кант полагал, что бог перед сотворением мира был свободен в выборе размерностей пространства. Кант ошибался: даже бог не мог бы позволить себе волюнтаризма. Расчеты показывают, что число пространственных измерений может быть только нечетным и что при «п» больше трех электрон был бы неустойчив и падал на ядро. И круговые траектории планет были бы неустойчивы, планеты или падали бы на притягивающий центр, или улетали в бесконечность. В нашем мире все подчинено, если можно так выразиться, высшей энергетической целесообразности. Вы меня понимаете?

— Пытаюсь, — сказал Гостев. Он не совсем понимал, что хочет сказать Алазян, но сейчас, в присутствии Тамары, ему нравились рассуждения об устойчивости, о целесообразности, о красоте.

— При «п» больше трех атом не может существовать. В этом случае нет ни пространства, ни материи, ни, разумеется, времени, ничего нет...

Машины стремительно въехали в улицы города Эчмиадзина и остановились возле высоких ворот древнего монастыря. Словно обрадовавшись возможности переменить разговор, Алазян, едва выйдя из машины, с новым энтузиазмом начал рассказывать об этом монастыре, в котором будто бы есть постройки, сохранившиеся с начала четвертого века, того самого, когда Армения «отгородилась крестом от персидской экспансии». За ними ходила толпа людей, решившая, как видно, что Алазян —

экскурсовод, так уверенно говорил он об арке царя Тиридата, о патриарших покаях, о древнейшей урартской стеле, о еще не потемневшем от времени обелиске — комплексе хачкаров, возведенных в память о двух миллионах мучеников-армян, жертв турецкого геноцида...

Снова Гостев заподозрил, что компьютер подсказывает Алазяну. Не может же один человек знать все.

«Почему не может? — спросил себя Гостев. — Гений может все. На то он и гений, чтобы быть гармонично развитым. Недаром же многие гениальные писатели были и поэтами, и художниками, музыкантами, и даже учеными. Гению все дается, потому что в нем, как говорил поэт, живет «божественный глагол». Если для Сальери сочинительство было тяжким трудом, то для Моцарта — игрой. Моцарт, несомненно, был универсален, и, если бы Сальери из зависти его не отравил, он выразил бы себя и во многом другом. Гениальность есть универсальность — высшая степень гармоничности...»

Так думал Гостев и все пристальнее приглядывался к Алазяну, находя в нем новые и новые черты — добросердечие, бескорыстие, какое-то открытое беззащитное благородство... И остро, до тоски душевной, жалел, что между ними, реальными, — пропасть времени. Иначе они бы стали друзьями. Обязательно стали бы, потому что постыдно быть рядом с гением и не обогатиться от этого редкого соседства...

— Сардарapat! — представил Алазян очередной мемориал, к которому они вскоре подъехали.

Несоразмерно длинные и тонкие арки тянулись ввысь, и там, наверху, в небесной голубизне, призывно плакали колокола. У подножия арок, опустив головы, стояли крылатые быки, с каменным терпением слушали печальный перезвон. И естественно вплетался в эту мелодию быстрый рассказ Алазяна о последней из многих за долгую историю Армении попыток уничтожить армянский народ. С того трагичного года не прошло и трех четвертей века, и еще живы люди, чьи родители в те страшные дни были растерзаны и брошены в придорожные канавы, выселены в пустыни, изгнаны из родных мест. Земли, на которых народ жил тысячелетиями, обезлюдели. Гармоничное, соответствующее естественным внутренним закономерностям развитие народа застилал хаос распада, смерти. Но не исчез народ. На оставшейся у него крохотной территории он сохранил гармонию души своей в традициях, трудовых навыках, в песнях и верованиях, сохранил национальную гордость, стихийную жажду единства.

В том 1915 году численность народа уменьшилась вдвое. А еще через три года турецкие порабитители решили совсем стереть Армению с лица земли. И простой народ, не организованный ничем, кроме наследственного чувства единства, почти невооруженный, толпой вышел на эти сардарapatские поля на-

встречу хорошо оснащенному турецкому регулярному войску. И одержал победу. Спас то, что создавал века и тысячелетия.

— Да будут разрушены
Все дьявольские ловушки
И распознаны все приманки удилищ,
И обнаружится темная западня коварства...
И зубы грызущих
Да будут вырваны с корнем!..

Алазян произнес эти стихи, как молитву, взметнув руки к гудящим колоколам, и, не оглядываясь, быстро пошел по длинной аллее, уставленной громадными фигурами сидящих каменных орлов, к кроваво-красной стене, за которой в отдалении виднелось такое же кроваво-красное здание, похожее на древний замок. И словно подчеркнутая этой краснотой, густо синела даль горизонта с пронзительно красивым конусом горы Арагат.

Возле массивных деревянных дверей этого здания Алазян остановился и, обращаясь к Гостеву, произнес успокоенно и торжественно:

— Это были стихи гениального нашего поэта Григора Нарекаци, жившего тысячу лет назад. — И отступил в сторону, церемонно открыл тяжелую резную дверь. — Теперь прошу в музей.

Он водил Гостева, и Тамару, и всех других приехавших вместе с ними людей по музею и снова с завидной уверенностью экскурсовода говорил и говорил, сообщая многочисленные сведения едва ли не о каждом экспонате. И снова Гостев с недоверием косился на него, мучаясь сомнениями: неужели сам все знает? И снова думал о какой-то неуловимой, но ясно ощущаемой общности между законами микро- и макромира, и историческими судьбами народов, и судьбами отдельных людей, и закономерностями, определяющими красоту поэзии, живописи, архитектуры, даже обычной, вроде бы не подчиняющейся никаким законам интимной человеческой любви...

Потом все они оказались в ресторане за столом, уставленным с безумной щедростью. И снова поднимали бокалы под тосты, один за другим произносимые все тем же неугомонным Алазяном. И грохотал оркестр, и юная Тамара мило улыбалась Гостеву, наполняя душу сладкой печалью. И Алазян уводил Тамару танцевать на середину зала, свободную от столиков, упоенно, по-молодому кружился вокруг нее, и она, маленькая и худенькая, каким-то волшебством вдруг превращалась во время танца в гордую стройную и высокую богиню, снисходительно-поощряюще улыбалась со своей высоты, сама, по-видимому, не понимая того, электризовала, подбадривала Алазяна, музыкантов, Гостева, сидящего за столом.

Своды ресторанного зала, выложенные из красного кирпича

ча, тянулись ввысь, и там, в вышине, пронизанной солнцем, бьющим в стрельчатые окна, клубился розовый дым...

— Что-то вы все думаете, думаете... — Тихий голос Тамары, прозвучавший над самым ухом, заставил Гостева вздрогнуть.

— Так уж надо, — переведя дух, растерянно пробормотал он.

— Танцевать надо. Танцы помогают думать.

— Разве не отвлекают?

— Нет, нет. Это у нас все девушки знают. Когда перед экзаменами ум за разум заходит, лучшее средство — потанцевать...

— Она правильно говорит. Она знает. — Алазян наклонился с другой стороны, запыхавшийся в танце, улыбающийся, пахнувший почему-то сухой полевой травой.

— А до чего додумались вы, танцуя? — тотчас спросил Гостев, решив, что случай для продолжения беседы самый подходящий.

— Пока ни до чего. Но что-то интересное вырисовывается. Этой ночью я просмотрел некоторые работы. — Он сел рядом и, не сводя глаз с какой-то точки на столе между тарелками, заговорил быстро, словно боялся, что не успеет высказаться: — Английский теоретик Поль Дирак записал однажды, что «физический закон должен быть математически изящным». Он, да разве только он один, был убежден, что если найдено симметричное, «красивое», как говорят физики, обобщение теории, то это первый признак каких-то важных физических закономерностей, которые непременно должны реализоваться природой. Бельгийский ученый, один из создателей научной статистики, Адольф Кетле, писал, что «все элементы организмов колеблются около среднего состояния, и... изменения, происходящие под влиянием случайных причин, подчинены такой точности и гармонии, что их все можно перечислить наперед».

Обратите внимание, и тот и другой подчеркивают основополагающее значение красоты, гармоничности... Авиаконструкторы считают, что красивые самолеты лучше летают. Педагоги в один голос твердят о необходимости гармоничного развития личности... Все ученые пробираются сквозь хаос фактов к идеалам универсальных теорий с явным желанием придать картине мироздания максимальную красоту и гармоничность. Что означает всеобщая жажда гармонии? Случайна ли она?.. Нам кажется, что мир многолик. Но это, пожалуй, лишь потому, что мы плохо его знаем. У каждого человека своя точка зрения, зависящая от меры его знаний и способностей. И от времени, в котором он живет.

У времени множество обликов, соответствующих формам пространства и состояния масс. Так и должно быть для единства пространства-времени-массы... Но существует нечто объ-

единяющее, существует! Есть ли общее, скажем, между жизнью отдельного человека и «жизнью» целой галактики! Абсурдное сравнение, не правда ли? Но все-таки давайте сравним. Известно, что размер нормальной галактики самое большое в сто тысяч раз превышает размеры ядра, из которого она образовалась. Известно, что активное состояние ядра галактики длится не более одного процента от времени ее жизни. Почти те же самые соотношения, что и у человека. Из ядра половой клетки размером в десять в минус третьей степени сантиметра вырастает организм размером около пятидесяти сантиметров — рост в пятьдесят тысяч раз. Время «сотворения» человека — девять месяцев — равно примерно одному проценту его жизни... Совпадения ли это?.. Жизнь, как считал академик Вернадский, — явление вселенское, она результат взаимодействия макро- и микрокосмоса. Жизнь — не случайность, не выхлест слепого хаоса. Она необходимый элемент эволюции Вселенной, результат взаимодействия высших законов гармонии, которым в конечном счете подчинено все. И разум, возможно, он для того и создан, чтобы ускорить процесс упорядочения, гармонизации. Возможно, на нас, носителей вселенского разума, возложена природой особая миссия. Миссия миссий...

— А мы неразумно копим атомные бомбы, — неожиданно сказала Тамара, и Гостев вдруг увидел, что все сидят за столом, не притрагиваясь к еде, благоговейно слушают.

Алазян как-то сразу сник, потянулся к бутылке, принялся разливать по бокалам шампанское.

— Я что-нибудь не то сказала? — растерялась Тамара.

— Что ты, девочка! — Алазян погладил ее по тонкому плечу и встал: — Я предлагаю тост за наших милых дам, присутствующих и отсутствующих, которые не дают нам взлететь слишком высоко и ожечь крылья о солнце.

Тамара покраснела и поставила бокал.

— Нет, нет, — успокоил ее Алазян. — Это неплохо, совсем неплохо. Я говорил о разуме как о вселенском явлении. Разум каждого отдельного человека — это как элементарная частица, возникающая и исчезающая, переходящая в поле. Особая частица, обладающая индивидуальной волей. Разум каждого отдельного человека нуждается в напоминании, что он лишь гость в потоке вечности, призванный выполнить свою небольшую, но непременно добрую миссию. И безропотно уйти...

Произнесла последние слова, Алазян как-то по-особому пристально посмотрел на Гостева, и Гостев заволновался, приняв это за намек на свой слишком затянувшийся визит. В эту минуту он совсем забыл, где и почему находится.

— Да, — сказал он смущенно и посмотрел на часы. — Мне уже пора.

Он медленно поднялся. Ему захотелось уйти эффектно,

цифру за цифрой произнося шифр, прерывающий сеанс. Но вдруг увидел погрузневшие глаза Тамары и снова сел.

— Мне в самом деле пора... Я не говорил раньше... Но мне нужно сейчас... сегодня... Улететь самолетом...

— А у вас вещи в гостинице, — лукаво напомнила Тамара.

— У меня все с собой. Вы оставайтесь здесь, а я прямо на аэродром.

Он собирался отойти куда-нибудь за угол и там назвать свой шифр. Но Алазян властно усадил его на место.

— У нас так не принято. Если надо — не смеем задерживать. Но позвольте уж проводить как полагается...

Почти все время, пока ехали до аэропорта, Алазян молчал, то ли обижаясь на Гостева, то ли обдумывая что-то свое, очередное.

Возле билетной кассы гудела толпа, и Гостев растерялся, не зная, как поступить в этом случае. Ему не удавалось остаться одному, чтобы прервать сеанс, и улететь самолетом при таком обилии желающих, как видно, нечего было рассчитывать. Выручил Алазян, сбегал куда-то, пошептался с кем-то и принес билет на ближайший рейс. Снова исчез и вынырнул из толпы с двумя бутылками коньяка.

— Наш, армянский, разлив ереванского завода. Такого в Москве не найдете.

— Зачем же, — растерялся Гостев, принимая бутылки. — А мне и подарить нечего. — Он порылся в карманах, нащупал ключ — овальную пластинку с частыми окатанными зубчиками по краю. — Разве вот это. Ключ от моего дома. Как символ, что я всегда рад видеть вас.

— Как же вы домой попадете?

— У меня еще есть...

Ключ растрогал Алазяна едва не до слез. Он обнял Гостева, расцеловал в гладкие щеки и отстранился удивленный.

— Чем вы так чисто бреетесь?

— Жидкостью, — не задумываясь, сказал Гостев.

— Какой жидкостью?

Гостев вспомнил, что эта жидкость для бритья в конце XX века еще не была известна, и покраснел, не зная что и как ответить. Выручило радио, вдруг оглушительно прокричавшее, что объявляется посадка на самолет. И он, так ничего и не ответив, заторопился к выходу, возле которого за высокой загородкой дежурные и милиционеры проверяли билеты и багаж.

Он все ловил момент, когда можно будет назвать шифр, но всякий раз, оглядываясь, видел наблюдающие за ним глаза. Так он и вошел в самолет, протолкался среди оживленных пассажиров к своему креслу, сел и задумался о словах Алазяна, сказанных там, в ресторане. Ясно было, что, говоря о всеединстве Вселенной, он пытался сформулировать какую-то важную мысль. Какую?

Вспомнилось парадоксальное сравнение Алазяном человека с целой Вселенной. Удивительно, что сравнение это не так уж и поразило. Только теперь он понял почему: нечто похожее ему уже приходилось слышать. Давно, очень давно. И вдруг он ясно вспомнил — или это компьютер помог вспомнить? — тот разговор. Не слишком известный, но, по общему мнению, весьма перспективный поэт, с которым Гостеву однажды пришлось беседовать, говорил со страстью едва ли не то же самое, что и Алазян:

«...Еще ничего нет, еще неизвестно, что будет, и будет ли вообще, еще тихо и спокойно вокруг, и только чувствуется неясное томление, неслышимый гуд, заставляющий пристальнее вслушиваться и всматриваться в окружающее, — что это? откуда это? Как будто мелодия звучит в абсолютной тишине, мелодия, которую не разобрать. Как будто ритмы отбивают невидимые тамтамы, но какие — не слышно. И мучаешься в предчувствии неведомого, и ждешь, и боишься его.

И вдруг... Что побуждает к этому «вдруг» — никто не знает. Но что-то происходит, и ты словно прозреваешь, и внезапный свет заливает и прошлое и будущее, и на тебя обрушивается торжествующая музыка понимания. И ты из мятущегося ничтожества вдруг становишься богом, всевидящим, всеслышающим, всезнающим...

Так видимая пустота мироздания, вроде бы полнейший вакуум, вдруг исторгает из себя бездну материи, наполняет Вселенную торжествующе-пульсирующими ритмами волновых полей, рождает планеты, звезды, галактики, заставляет их гнаться наперегонки к неведомой цели... Куда? Зачем?..

Не одним ли и тем же законам подчиняется всякий акт творения?!»

Да, он именно так и сказал, тот поэт, именно так...

Машинально, по требованию бортпроводницы, Гостев пристегнулся ремнем, выглянул в овальное окошечко. Отворачивая на север, самолет круто набирал высоту. Заваливалась назад белая шапка Арарата, подернулись дымкой сады Приараксинской долины. Гостев почувствовал, что ему грустно, по-настоящему грустно улететь отсюда. Он достал блокнот, сам не зная зачем, записал на первой чистой странице:

Прощай, страна гор и легенд, страна вечного народа!

Армения, как я устал от твоего гостеприимства!

Армения, когда я снова увижу тебя!..

— Никогда! — вслух сказал Гостев, и пассажир, сидевший рядом, с удивлением посмотрел на него.

— Никогда! — повторил он про себя. — Анализ этого сеанса займет немало времени, а затем захлестнут другие интересы, другие дела...

«А как же с недосказанным? — спросил он себя. — Как без

Алазяна понять его слова о вселенском порядке, о господстве гармонии?..»

И тут он ясно, совершенно ясно понял, что Алазян, по существу, пытался сформулировать закон. Совершенно новый, неизвестный науке закон природы. ЗАКОН ВСЕМИРНОЙ ГАРМОНИИ. Фантом не просто повторялся, копируя свою земную жизнь. Фантом творил. О подобном Гостеву не приходилось слышать, и он в волнении принялся расстегивать привязной ремень, чтобы пройти куда-нибудь и поскорей назвать шифр. Хотелось срочно сообщить обо всем кому-нибудь из своих коллег, удивить, огорошить.

Фантомы могут творить! Да не как-нибудь, а по самому высокому счету. ЗАКОН ВСЕМИРНОЙ ГАРМОНИИ!.. Интересно, если это войдет в анналы науки, кого будут считать автором — его, Гостева, компьютер или Алазяна?.. Ах, не все ли равно! Главное, какую интеллектуальную мощь может использовать человечество, воскресив для творческой жизни гениев прошлого!..

Ему захотелось вернуться в Ереван, еще поговорить с Алазяном, выпросить. Но вернуться было невозможно. Время в этом сеансе, копирующем жизнь, как и в самой жизни, не имело обратного хода. Он мог остановить время, назвав шифр, но не повернуть. Была лишь одна возможность: вернувшись, хлопотать о новом сеансе и в иное смоделированное время явиться к Алазяну как к старому знакомому. Теперь Гостев знал, что он сделает это, обязательно сделает...

— Сядьте, пожалуйста, на место! — Бортпроводница возникла перед ним словно из небытия, красивая и невозмутимая.

— Мне нужно...

— Вставать с кресла до полного набора высоты не разрешается.

— Но мне обязательно нужно!

— Сядьте, пожалуйста, на место!

Загадочно улыбаясь, Гостев поманил ее пальцем, наклонился к аккуратно причесанной головке, слабо пахнувшей тонкими духами, и, разделяя слова, четко произнес:

— Восемь... семнадцать... восемьдесят!..

ГЕОРГИЙ ГУРЕВИЧ

ОНИ ЖЕ ДЕРЕВЯННЫЕ

Надо же!

Всегда так получается: поспешишь, засуетишься, понадеешься, дескать, тысячу раз сходило, авось сойдет... И — крах! Кори себя потом: не так нужно было, нужно было с умом; беда мимо прошла бы...

А день складывался так удачно, такой пронзительно бирюзовый, по-весеннему ликующий, бодрящий по-зимнему. Не я шел, лыжи несли меня. Не скользили, парили над снежными рельсами. Я в азарт вошел, кричал как мальчишка: «Темп, темп! Лыжню мне!» Ладная бежевая фигурка приближалась толчками, ножками семеняла, не могла уйти. Но тут трасса свернула в чащу, запрыгала по корням. Кажется, я еще успел заметить это позревшее пятно, следы капель от тающих сосулек. Кажется, подумал: «Ледок, наверное». Но когда я увидел это пятно? Метра за три, за секунду. Притормозить все равно не успел бы. Мелькнуло: «Ледок... скользко... лыжня сбита... но проскочу авось...» И вот уже левая лыжа вильнула с бугорка вправо, правая наехала на пес, и я... — о позор!.. — лежу на боку в сугробе. Метнул взгляд вперед: бежевая мчалась не оглядываясь, не видела моего крушения. Скорее, скорее на ноги! Палка на снег во всю длину, оперся, приподнялся, ноги не разобрал как следует, правой наступил на левую, и... крак! У нижней лыжи отлетел носок.

Пришлось окликать бежевую, признаваться в поражении.

— Ну что ж, вернемся, — сказала она. И столько разно- речивых чувств было в ее голосе: и вежливая жалость, и готовность пожертвовать собой из жалости, и раздражение на себя за излишнюю деликатность, печаль об испорченном празднике, обида на меня, упреки всех оттенков, презрение и обещание никогда-никогда в жизни больше не связываться со мной.

Я осторожно подвигал искалеченной лыжей.

— Может, попробуем? Идите своим темпом. А я сзади потихонечку.

Получилось, представьте себе. Передвигался я. Не парил, конечно, возил ногами помаленьку. На буграх осторожно притормаживал, чтобы не воткнуться в снег носом. Бежевая мелькала впереди между стволами, потом поджидала меня у красных столбиков на перекрестках просек. Не так уж долго поджидала: минуту-полторы. Оказалось, что лыжа работает и без загнутого носка. Я даже вспомнил, что охотники в тайге делают плоские лыжи-снегоступы. Узкая и длинная — пригородное изобретение, не для чащи — для парков, исчерченных гладкой лыжней.

— Видишь, не трагедия же, — сказала мне сломанная лыжа. — Мы еще ходим по зимнему лесу сегодня... и не только сегодня. Зря ты махнул на меня рукой.

Я не оговорился. Это лыжа сказала: Дело в том, что в моем доме вещи умеют говорить... с некоторых пор. Разговаривают только со мной и только с глазу на глаз (впрочем, это неточное выражение, у них же нет глаз). От посторонних таятся, возможно, стесняются.

Со мной мои вещи словоохотливы, я немало узнал об их вкусах и переживаниях. Оказывается, все они любят быть в

деле, томятся на полках, сетуют, если я редко пользуюсь ими. Когда я открываю гардероб, рубашки начинают ерзать на вешалках, выставляют воротнички и рукава, чтобы напомнить о себе, шепчут: «Меня... меня... меня надень сегодня». Избранница гордится, красуется, жеманится, переливаясь на свету. Оставшиеся кричат ей с завистью (черной или белой?): «Смотри там хорошенько! Когда вернешься, расскажешь, что видела». Понимаю: тоскливо им на плечиках, каждой хочется выйти в свет, на людей посмотреть, себя показать.

Рубашки любят, чтобы я их носил, стаканы, чашки — чтобы пил из них, стулья — чтобы на них сидел, кушетка — чтобы полеживал. Вещи любят обслуживать меня, не служить, не прислуживать, а обслуживать. Я для них не хозяин-барин, не общество, не владыка, не обожаемый кумир. Я только клиент, объект забот, член их семейства, пожалуй. Ко мне относятся заботливо, снисходительно и ворчливо, как пожилые медицинские сестры к больным, как воспитательницы к малышам, как закройщики к заказчикам. Я объект, клиент. Меня обслуживают, но критикуют. «Наш» называют меня за глаза. «Наш» опять бросил меня где попало... Наш опять не почистил меня... Погулять? Как бы не так! От Нашего дождешься. Опять целый вечер валялся с детективом в руках».

Но и детектив просился же в руки! На всех не угодишь.

Книги любят, чтобы их читали, ботинки — чтобы в них ходили. Какое удовольствие им в том, чтобы топтать по грязи и по лужам? Но вещам, оказывается, нравится действовать, осуществлять свое жизненное назначение. Назначение ботинок — ходить по дорогам, назначение щеток — счищать пыль, они даже не любят чистой обуви. Назначение сковородок — жарить котлеты, назначение котлет — быть съеденными. Впрочем, с пищей я мало разговариваю. Пребывание ее в доме мимолетно, да и сама она бессловесна. Насколько я знаю от тарелок, у пищи своя философия, приблизительно буддийского толка. Высшая ее цель, ее жизненное назначение — слияние с мыслящим Я, то есть со мной. Наипугающее наказание за грехи (главный грех — быть невкусной, еще хуже — несъедобной, еще хуже — недоброкачественной) — ссылка в мусорное ведро для слияния с бродячими кошками, голубями, плесенью и гнилью. И на Востоке так: праведник сливается с божеством, грешник переселяется в червяка.

Я еще не успел разобраться во всех подробностях. Вещи заговорили у меня не так давно... вскоре после посещения той странной женщины в черном платке.

Появлению ее предшествовало не менее странное письмо в смятом конверте без адреса, я нашел его в почтовом ящике. Почерк был корявый, безграмотный. Орфографические ошибки не привожу.

«Товарищ Клушин!

Немедленно прекратите ваши выступления в газете. Я знаю, от кого они идут. Немедленно пойдите в газету и заявите, что вы все выдумали из головы, иначе будет плохо. Я за вами слежу, от меня не уйдете...»

А потом появилась и она сама: мрачная, небольшого роста женщина в потертой кацавейке и черном платочке, с тонкими поджатыми губами и насупленными бровями. Я думаю, моя мать тут же захлопнула бы перед нею дверь, решила бы, что это воровка. Бабушка, наоборот, пригласила бы на кухню и усердно потчевала бы богоугодную странницу. А прабабушка, вероятно, долго бы крестилась и прыскала на порог святой водой, чтобы избавиться от дурного глаза и наговора ведьмы. Но в наше время не верят в святых и колдунов. Парнишка из соседней квартиры про всех странных людей спрашивает, не пришелец ли. Хотя пришельцам не полагается разгуливать в черном платочке и кацавейке, не принята в фантастике такая форма одежды. Что же касается меня, то, как человек трезвый, я первым делом подумал: не с приветом ли? В редакции газет нет-нет да и приходят такие. В самом недуге их сочетается внутреннее напряжение мозга и полнейшая глухота к внешнему миру. В уме они строят волшебные воздушные замки, истово верят в свои построения и не слышат ни одного слова критики.

— Ты писал? — спросила женщина сиплым шепотом, вынимая из-за пазухи мою недавнюю статью «Вопросы гостю из космоса».

Я признал вину полностью.

— Зачем писал? — так же сипло и сурово.

Я попытался объяснить, что «Вопросы» — чисто литературный прием. По существу, я просто перечислял желательные открытия. Поскольку же гостей из космоса пока нет, нам следует самим создавать все перечисленное: энергетический океан, вечный мир, вечную молодость, научиться читать мысли, понять язык дельфинов, собак научить говорить и так далее, так далее...

— Вечная молодость зачем? — переспросила она. — Мысли читать зачем? Собаке говорить зачем?

— Мало ли зачем? Служебные собаки не всегда понимают, чего мы от них хотим, а что чувствуют — совсем не могут объяснить. И когда дома сидишь один, хочется поговорить с лохматым другом. Вообще, для науки важно разобраться в психологии другого существа, сравнить с человеческой...

На лестничной площадке мои объяснения звучали почему-то убедительно.

— Пишешь незнамо что, — фыркнула черноплаточная. — Что в голову взбредет, все лепишь. Псы говорящие! Умное что просил бы. Еще бы дверь тебе говорящую...

— А что? Неплохо бы! — Меня начал раздражать этот на-

ставительный тон. — Подошел и спрашиваешь: «А кто там снаружи? Дельный ли человек?» У плиты спросил бы: «Что приготовить на ужин?» Сел за машинку: «О чем писать будем?»

— Язык без костей! — проворчала бабка. — Прочишь кашу, какую не пробовал. Съедобна аль несъедобна — не ведашь. Вопросник! Гостям! Плетешь незнамо что!

И с тем ушла. И забыл я о ней. Но дня через три, пристраиваясь к подушке вечером, услышал ворчливый шепот пиджака, брошенного на спинку стула:

— Наш-то бросил меня как попало. Мнет, пачкает, не бережет. Потом скулить будет: «Нечего надеть на прием!» А я вторую неделю жду свидания со щеткой.

— У щетки легкая жизнь: полживай себе в тумбочке, — посочувствовал стул.

— Тоже не обрадуешься. Лежит во тьме, плесневеет.

А там пошло и пошло. Вся квартира наполнилась журчаньем. Звенела посуда в буфете, книги шелестели на полках, скрипела мебель, в ванной кряхтели краны, гудел холодильник, стрекотала электробритва, ходики тикали на стене.

Я употребляю слова «звенели», «шелестели», «журчали», но это все образные выражения. У вещей не было голоса, они говорили беззвучно. Мои уши не воспринимали ничего, но слова как-то входили в мозг. Говорящих я различал не по голосу, а по манере. По желанию мог прислушиваться, мог и отключить каждого.

В общем, жаловаться я не стал бы. Каша оказалась не такой уж несъедобной. Глухая тишина так томительна иногда, для старого холостяка в особенности, и не всегда удается эту ватную тишину отодвинуть книгой, даже хорошей. Иногда хочется побеседовать с какой-нибудь личностью, слушающей тебя, возражающей, отвечающей на вопросы, сочувствующей, даже и несогласной. поговорить о простецком: с форточкой — о погоде, с кастрюлями — о вкусном обеде, с галстуком — об изменчивости моды, с зеркалом — о том, что годы не красят.

Не могу сказать, что беседования с вещами так уж обогащали меня. У вещей был узкий кругозор, уже, чем у меня. Большинство не выходило из комнаты, многие годами не покидали полку. Даже книги — самые содержательные из вещей — могли, только пересказать свое содержание, в лучшем случае добавляли кое-что о раннем детстве, когда их набирали, печатали, брошюровали, продавали. Больше других видели вещи, которые вместе со мной ездили в город. Эти гордились интересной службой, по вечерам рассказывали впечатления вещам-домоседам. Я и сам слушал их с удовольствием. Как ни странно, человеку приятно читать или слушать отчеты о событиях, которых он был свидетелем. К тому же нередко пальто или шапка замечали такое, что я сам упускал из виду. Я-то прислушивался к словам собеседника, а они глазели по сторонам,

замечали выражение лиц окружающих, тон голоса. Я слушал, что мне говорят, а они видели — как говорят.

Повторяю: вещи оказались на редкость трудолюбивы. Им нравилось выполнять свой долг, осуществлять предназначение. Они ворчали, что я их не берегу, но еще больше ворчали, что редко использую. Прочитанные романы смертельно завидовали тем книгам, которые вынимались часто: словарям, справочникам, всем томам энциклопедии в нарядных, красных с золотом, мундирах. Не раз книги агитировали меня передать их в библиотеку, на худой конец — одалживателям. Но очень опасались, что их зачитают, разрознят и не вернут. В гостях хорошо, а дома лучше. Первый том привык стоять рядом со вторым, хочет, чтобы и третий был тут же.

В книжном шкафу все время шел спор между справочниками и романами. «Мы полезнее», — твердили справочники. «А мы зато интереснее». — «А нас смотрят чаще». — «Вас листают, а нас читают подряд». В гардеробе же соперничали будничные и парадные. Выходной пиджак, побывавши в ресторане, безмерно хвастался, как угощали его и Нашего; будничный же дразнил его баснями о государственно важных беседах в редакции. А в посудном шкафу рознь была между бокалами и стаканами: стаканы выполняли свою функцию ежедневно, а бокалы редко и все реже с каждым годом, потому что спиртное мне уже запрещено категорически. Но, сочувствуя их вынужденному безделью, я по вечерам иногда ставлю их все на стол и выпиваю из каждого по глоточку сока. Пусть тешатся, хвалятся, каким нектаром их наполняют.

Правда, мыть их приходится после этого целую дюжину. Но чего не сделаешь ради своих домашних?

Физически не мог ублажить я каждую ложечку, каждый платочек хоть раз пустить в дело. Насморка не хватало. Понимаю: обеспеченно живу, с запасом. Но ведь так удобнее.

Знаю, что все мои домочадцы — стеклянные, деревянные и матерчатые — смертельно завидуют пишущей машинке. С нею я беседую по несколько часов ежедневно, больше всех уделяю ей внимания. «Эрикой» ее зовут, она немка, родом из Дрездена, добротная, добросовестная и занудно грамотная ценительница высокого искусства. Ее идеал — глубокомысленный Гёте или страстно-романтичный Шиллер. Увы, все «Эрики» мечтают о Гёте и Шиллере, а потом отстукивают платежные ведомости в канцеляриях. Вот и моя разочарована, хотя платежных ведомостей нет в моем репертуаре. Все пилит меня: «Раньше ты писал больше, раньше ты писал лучше, выразительнее. Не ленись, вынь страницу, перепиши еще раз».

Но тут уж протестуют листы бумаги — самое многочисленное, суетливо-шелестливое наследие моей квартиры. Требуют! Отстаивает свое «я» каждый. Сами посудите, какая жизнь у бумажного листа? Нарезали тебя, уложили в стопку, жди оче-

реди, надейся, что на тебе напишут что-нибудь эпохальное. А когда дождался, когда тебя исписали, храни это вечно. Хорошо, если выпадет что-нибудь членораздельное, а то вдруг: «Проба пера». Или бутерброд завернут. И каждый лист трепещет: что же выпадет на его долю? Только заправишь в каретку, а он уже звенит: «Не то, не так, плоско, банально, тривиально. Было уже, было неоднократно». Задумаешься, перечитаешь, согласишься: «И впрямь банально!» Вынимаешь испорченную страничку, а она в истерике: «Неужели все конечно? Неужели я испорчена? Жизнь впустую! Ужас, ужас! Как уйти в небытие, в корзину — без единой толковой фразы? Но где же взять толковую для каждой страницы? Жалеючи, вынимаю какую-нибудь надежную книгу, например «В мире мудрых мыслей», раскрываю наугад:

«Извинить бога может только то, что он не существует».

Хорошо сказано. Не я сказал, Стендаль.

Ну и все. Иди с богом, страница.

Пуще всех теребят меня бумажные листы.

А кроме того, лыжи.

Их тоже можно понять. Восемь месяцев — с конца марта и до декабря — стоят они за шкафом в темном углу. Восьмимесячное заключение в углу — за что такое наказание? Стоят молча, недвижно, вытянувшись, как в карауле, только изредка с грохотом валяются на меня, напоминают о своем существовании. Стоят и ждут всю весну, ждут летом, пережидают осень. Но вот приходит ноябрь, ползут с севера тучи, сыплется из них белый пух. Падает, тает, падает... побеждает в конце концов. Идет парадная уборка земли к Новому году. Скрыты все огрехи мусорного лета, неряшливой осени. Земля-невеста готовится к обручению со следующим годом. Даже воздух промывается дождями, очищается от микробов морозом. Пора! Лыжи тянут длинные шеи из-за шкафа, пытаются заглянуть в окна. По ночам они постукивают, переминаясь от нетерпения, мои застоявшиеся рысаки. И вот я собрался отнести их в мастерскую про-smолить. И вот я собрался принести их из мастерской. Еще надо дожидаться воскресенья. Лыжи потеют смолой от волнения: вдруг сорвется, вдруг меня пригласят в гости, в театр, пошлют в командировку? И кто знает, какая будет погода? Вдруг оттепель? Или вдруг мороз в тридцать с лишним: на окнах белые бананы, жжет щеки и нос, лыжня визжит, не идетя по ней, даже с синей мазью, ниже минус восемнадцати.

Ведь не каждый день лыжня хороша, не при любой погоде лыжам удовольствию. То снега мало, по песку возишь, тормозишь, царапаешь. А в оттепель мокровато, на мокрое снег липнет, тут уж не летишь, лыжню пашешь. Еще хуже мороз после оттепели, снежная корка словно наждак, так и стругает, так и стругает подошву, что твой рубанок. И в снегопад плоховато. Работа лыжам — снег приминать, кому-то лыжню накатывать.

И если давно не было снега — плохо то же. Тогда лыжня разъяренная, сбитая, лыжа на ней вихляет. Гнать уже нельзя, следи, чтобы ноги не перепутались. Добрый час идешь от автобуса, все надеешься на нехоженные места.

Так что за всю зиму шесть-семь, от силы десяток приятных походов. А там уже и март, в ложбинках проталины, шлеп-шлеп по воде... И снова восьмимесячное заключение за шкафом.

Вот и на этот раз дело шло к заключению. Зима вообще выдалась неудачная: декабрь бесснежный, в январе присыпало чуть-чуть, и сразу морозы; с начала марта оттепель, сырость в пизинах. «Так что простите, дорогие, — сказал я пятнадцатого числа, — загорайте за шкафом». И занавеской завесил угол.

— А может, сходим еще разок? — вздохнули обе лыжи разом, левая и правая.

— Вы же сами видите — весна на дворе. Да и работы невпроворот. — Я нарочно выложил на стол все папки, чтобы глаза мозолили мне и домашним. Сам вижу — нельзя отвлекаться.

Но в пятницу вдруг пошел снег, и всю субботу шел снег... А в воскресенье утром меня разбудило солнце. Так и било в веки с пронзительно бирюзового неба. И крыши слепили белизной, а во дворе звенели детские голоса: школьники бомбардировали друг друга снежками.

— Можно и в лес, — робко сказали лыжи.

Я игнорировал.

— Самый лыжный день, — сказали лыжи настойчивее. — Последнее воскресенье такое. Больше не будет, нельзя упускать... Мы же о тебе заботимся, — добавили наставительно. — Каждый день охает: в груди давит, спина ноет, голова тяжелая. Клянешься с завтрашнего дня отдыхать регулярно на свежем воздухе. Ну вот: пришел завтрашний день, и где же свежий воздух? Есть у тебя слово или нет?

Но я был тверд. Делу время, потехе час. Я человек солидный, что наметил — выполняю. В девять тридцать, покончив с яичницей и кофе (соединив их с моим мыслящим Я), усадил себя за стол, чтобы помыслить, с яичницей совместно, над рецензией на третье издание «Введения в системологию».

А небо было такое неправдоподобно синее, такое бесстыдно лазурное! Ни одного облачка, хотя бы для приличия. И солнце грело, грело по-весеннему. Выйди на балкон и загорай!

— Один только разок, раз в жизни уступи, — канючили лыжи.

— Порядок превыше всего, — отвечал я поучительно. — У людей есть характер. Что намечают, то и выполняют.

— Ра-а-азочек, — хныкали лыжи.

— Хватит!

Я злился, потому что мне не хотелось выдерживать харак-

тер. Тошнило от этого «Введения». Швырнуть бы книгу под стол, нырнуть ласточкой в белое и голубое.

И тут появилось Искушение.

Как и полагается искушению, явилось оно в образе молоденькой девушки — курчавой, курносой, смуглой, с чуть вывороченными, как у мулатки, губами и несуразно зелеными веками. Моя соседка с верхнего этажа. Давно ли была школьницей в черном передничке, бегала ко мне решать задачки по стереометрии, а вот уже веки мажет зеленью, глазками научилась стрелять.

— Доброе утро, Викапалыч, — пропела она.

Обычно я называюсь «дядя Витя». Обращение по имени-отчеству — предисловие к умильной просьбе.

— И чего же ты хочешь, егоза?

— Викапалыч, вы не пойдете сегодня на лыжах? Пойдемте! День такой расчудесный!

— Я работаю, — сказал я мрачно. — Пойди с Толей.

— Лучше с вами, вы мне расскажете интересное. Они же такие ну-у-удные!

Толи — «они», потому что их двое. Один — офицер, другой — инженер. У одного серьезные намерения, у другого неведомо какие, кажется, он просто мямля. Один по душе папе за твердость, другой — маме за мягкость. Сама девушка не спешит с выбором. Ей нравится нравиться. Нравится, что ее фигуркой любят все подряд офицеры, инженеры, мамыны подруги и папины друзья, даже соседи по лестнице, пожилые холостяки вроде «дяди Вити».

— Викапалыч, ну один разок, ну прошу вас, ну пожалуйста! Беда с тобой, Искушение!

И через полчаса мы уже тряслись в метро: она — в изящном бежевом костюме и красной шапочке с миленьким помпоном, я — в мешковатом коричневом, с носками, натянутыми на шаровары, и тоже в вязаном колпаке с помпоном... нелепым. Она прижимала к сердцу свои немые крашенные деревяшки, и я прижимал свои — немые от восторга. Впрочем, я уже упоминал, что мои говорящие вещи на людях помалкивают. Зато вечером будет конференция в моей квартире. Там уж меня обсудят, там пропесочат, там посмеются, как же быстро поддался умильным глазкам твердохарактерный проповедник твердых планов на каждый день.

Пока все шло хорошо, просто великолепно. Даже на последней станции не было очереди на автобус, видимо, в других домах лыжи уже были законсервированы на лето. Мы сидели рядом в автобусе, я шеголял цитатами из классиков («Ах, дядя Витя, вы всегда были такой умный, с самого детства?»). И лыжня была подготовлена в Мешкове, укатана слающими нормы и освобождена от воскресных ковылял. Сразу же у оставки застегивай крепления и кати под горку, через овражек,

в выемку. Летом в этой выемке тенисто и грязно, не просыхает, а сейчас чистенько, прибрано, рассыпчатый снежок, сосновая колоннада ведет в анфиладу полян. А там высоковольтная линия, проспект, залитый солнцем. Подмерзший снег, как толченное стекло, слепящие искры в каждой снежинке. Переливаются, перебегают, меняясь местами, как в игре «третий лишний». И небо голубое, и лыжня голубая, тени в ямках голубые, или же синие, или лиловые. Каждый след от валенка — цветное пятно, а вдоль опушки кружевной узор ветвей — суздальское узорочье, ярославские наличники. В основном голубое и белое, белое и голубое. Но чтобы глаз не скучал, там и тут цветные брызги на снегу: лыжники в алом, малиновом, шоколадном, зеленом, оранжевом и... бежевом.

Все сияло, и сиянье вошло мне в душу. Япил свежесть, кусал кислотоватую свежатищу, глотал ее, не прожевывая. Грудь, набитая кислородом, расширилась, плечи расправились, налились силой. Я откидывал метры палками: мах! мах! И стряхивал на снег годы. Так они и посыпались: пятидесятый, сорок девятый, сорок восьмой... сороковой, тридцатый... Несся за девчонкой лохматый студент с журналистского, азартно орал во все горло: «Ходу! Ходу! Темп давай, козявка!» Нарочно приотстаивал, давал фору, чтобы пагнать шутя. Сердце у бежевой было здоровое, дыхание хорошее, а ножки все-таки коротенькие, не чета моим ходулям. Да и трудно ли было мне переставлять ноги, когда лыжи сами несли меня. Несли! Я стоял, в сущности, то на правой ноге, то на левой. Приседал перед впадинами, выпрямлялся на горбах, вбок клонился от веток, но стоял. Слегка пританцовывал, исполнял «па-де-лыж». Не бывало такого танца? Я отработывал его в лесу. Плечами, локтями набирал скорость, задниками отбивал чечетку и замирал на пуантах: одна лыжа несет меня, другую я сам несущу в воздухе, наготове.

— Ой, не могу, — сказала девушка, останавливаясь у красного столбика на перекрестке. Очень полезные эти столбики, мешают заблудиться в лесу. Счет у них как на картах: с запада на восток, первый ряд — самый северный, второй — южнее. Смотришь на затесы, как на компас. — Ой, не могу, дядя Витя, загоняли совсем!

Щеки у нее блестели, глаза блестели. Пуще всего блестел кончик носа.

— Хорошо? — спросил я самодовольно, как будто именно я посадил этот лес и обсыпал его свежим снегом.

— Ой, спасибо, дядя Витя! Можно, я поцелую вас?

Сейчас-то я понимаю, что целовала она не меня. Целовала голубизну и белизну, кружева инея, кислотоватый воздух и пахучий снег, подвенечную чистоту каждого сугроба, красоту леса и свою собственную юную красоту. Радость бытия надо было выразить поцелуем, и только мои губы были поблизости.

Но тогда я принял ее благодарность как должное, словно впрямь я заготовил для нее этот сияющий день, преподнес его спутнице, как букет. Ну, конечно, она должна была поблагодарить за такой подарок.

— Только один поцелуй за всю красоту? — возмутился я.— За каждый километр надо в отдельности.

— Ой, не мелочитесь, дядя Витя! Посчитаемся на обратном пути.

— А ты хотел дома сидеть, — сказали лыжи тихонько, нарушая заповедь молчания.

— Что вы сказали? — насторожилась девушка. — Ах, ничего, мне показалось! Ну, ловите тогда!

И метнулась влево, на боковую дорожку.

А с той дорожки лыжня вывела нас на горбатое поле, а с поля — в березовую аллею. Кора на солнце казалась оранжевой, неправдоподобно оранжевой, а верхние веточки были розовыми и почти прозрачными: растопыренные детские пальчики наивно хватали небо. По аллее мы скатились в канаву, снова на горку, оттуда в сероствольный ельник.

— Догоняйте, дядя Витя!

Зачем задирается? Не уйти ей от меня. Семенит, коротконожка, а у меня мах, лыжи-сороходы, трехметровый шаг.

Вот за три метра и заметил я то ноздреватое пятно. В голове мелькнуло: «Ледок... скользко...» Мелькнуло: «Лыжня сбита... но проскочу авось...» Левая лыжа скользнула на бугорке, соскочила на правую лыжню, правая лыжа наехала на напарницу, и, скособочившись, я позорно плюхнулся в снег.

Э-эх, те-па!

Ничего не поделасшь, пришлось окликать бежевую, признаться в своем позоре.

Помаленечку, кое-как передвигался я теперь, не парил — возил ногами. Бежевая мелькала впереди, уходила на полкилометра, потом поджидала меня у красных столбиков, уже не сияющая, недовольно хмурая.

— Видишь, не трагедия, — сказала мне сломанная лыжа.— Иду, могу идти. Мы еще походим по зимнему лесу... и не только сегодня.

— Молчи уж, — огрызнулся я. — Неслась не разбирая дороги. Правая, левая где сторона? Съехала бы в снег, а то на чужую лыжню...

Конечно, я несправедлив был. Моя вина. Что спрашивать с бедняги? Куда вел, туда и шла.

Итак, путь наш лежал через ельник. После снегопада нет ничего удивительнее ельника. У лиственных только бордюры на сучьях, только горностаевая опушка на веточках. Сосны, те натыкают себе комья на иглы, этакие шары, словно собираются пивыряться снежками. А в ельнике выставка сугробной скульптуры. На каждой лапе распластался зверь: белый медведь, или

белый тюлень, или белый удав, или белый крокодил даже — в ельнике и такие есть. А вон девица в платочке, а там мать с ребенком, а там ребятишки сцепились в борьбе, парочка обнимается, носатый леший, лошадиная голова. Дед Мороз, еще один... Шли бы мы с бежевой вровень, через каждый шаг окликались бы друг друга: «Смотри туда! Смотри сюда!»

Но бежевая мелькала впереди. И я сказал лыжине:

— Гляди в последний раз, несчастная. Любуйся перед пенсией.

— Я же работаю, не жалуясь, — проскрипела она. — Мы еще ходим по зимнему лесу, правда же? Даже лучше, когда не несешься сломя голову. Видишь больше.

Зимняя красота успокаивала. На опушку мы вышли в благодушном настроении. Не в первый раз выходили на это место и все же ахнули: «Какой простор!» Перед нами расстилалась долина замерзшей речки, маленькой речонки, даже имя толковое ей не придумали, называют Незнайкой. Но лежали перед ней снега незапятнанной белизны, а за ней высились крутейшие склоны: никто оттуда не катился, лесенкой спускались даже самые отчаянные. А за склонами, насколько взор хватал, синели и синели леса, на каждом холме синяя шапка. И хотя знал я (по карте), что за этими лесами и деревни, и садово-огородные участки, и поселки городского типа, но поселки не были видны, и представлялось, что тянутся эти леса до полюса и через полюс неведомо куда, до самого края света. Войдешь туда и утонешь, не выберешься вовеки.

Девушка поджидала меня на опушке. Красота и ее убила, успокоила.

— Дядя Витя, можно, я с горок покатаюсь немножечко? Вы не обидитесь?

Я обещал не обижаться, хотя в восторг не пришел. Неуютная роль: любоваться девичьей отвагой. Я предпочел бы помечтаться: мчаться вниз на ногах-пружинах, а поднявшись, встречать восхищенный взгляд: «Ой, дядя Витя, какой же вы молодец! Я бы нипочем... я бы со страху умерла на полпути...» Тьфу!..

Вот носилась она, разрезая тугой воздух помпоном, а я стоял, опершись на палки, как на костыли, дрог на ветру... и годы-годы-годы, сброшенные час назад, один за другим взбирались на плечи: тридцатые, сороковые... сорок седьмой, сорок восьмой, сорок девятый... и пятидесятый, и пятьдесят первый... все, обозначенные в паспорте.

Между тем спутница моя сразу привлекла внимание каких-то бесшабашных парней. Сначала они сбили ее с ног, потом предложили поучить или поучиться у нее — безразлично. Самый развязный представился. Конечно, Толей его звали. Толь-третий! А я стоял на горе, протирал очки. Даже съехать не мог, чтобы вмешаться. И надо ли вмешиваться? Смешно!

— Молодости смех, взрослым мудрость, — заметила лыжа наставительно. — Всему свое время, как сказано у Екклезиаста. Есть время кататься с гор, есть время степенно прогуливать старые лыжи.

Так сказано у Екклезиаста? В самом деле!

— Ты не скули напрасно, — огрызнулся я. — Есть время ходить по лесу, есть время уйти из леса. Твое отошло. Вот погляди на дали за Незнайкой, попросайся. Мириться надо с судьбой.

— Я мирюсь, — вздохнула лыжа. — У нас, деревянных, известная судьба: все кончаем в костре. Все же лучше, чем помойка, кому-то отдаешь тепло души. И в сущности, это же не конец. Дымом уйдем в воздух, но листья выпьют тот дым, и снова я стану деревом. Может быть, из него сделают лыжи потом. Вечная жизнь, в круговороте наше бессмертие.

«Ну-ну, — подумал я. — Жизнь, да не твоя».

Но возражать не стал. Пусть тешит себя, бедняга, если самообман утешает ее.

Наконец девушка накаталась. Устала, вывалялась в снегу, ушиблась даже. Кажется, Толя-третий постарался. Но я был высоко-далеко, не мог вмешаться.

Она ушиблась и потому дулась на меня. Молча пустились мы в обратный путь. Солнце уже присаживалось на колючие верхушки елей, стволы раскрашивало, румянило, но не грело. Тени выползали из-за сугробов. Потешные фигуры уже не возились, не смешили нас. Они затаились, подстергали в снегу, вот-вот кинутся на спину. И лесные квадраты почему-то растягивались, все дальше было от столбика до столбика. Девушка, как и раньше, поджидала меня на перекрестках, но не сочувственно, а нетерпеливо все спрашивала:

— Дядя Витя, вы не можете чуть побыстрее? Темнеет уже. Я к ужину хочу быть дома.

Не домой торопилась она, какие-то планы лелеяла.

А лыжа просила:

— Потише, нельзя ли потише? Я донесу тебя, я же сколько, я так стараюсь! Мне только на рытвинах тяжело.

Но девушка как раз, со мной не советуясь, свернула с просеки на боковую тропку, думала срезать угол, быстрее выйти к автобусу. Как отстающий, я не возражал, хотя и знал отлично, что шоферу километры по асфальту не крюк, а лыжнику не крюк — километр хорошей лыжни. Конечно, боковая тропка петляла, скакала по корням и рытвинам, с ухаба на ухаб, с ухаба на ухаб. И на первом же ухабе моя калека воткнулась в снег. Почувствовал я, для чего лыже загнутый носок! А там пошло и пошло, разлохматилась, щепки от нее летели. Я с трудом удерживал равновесие, раза два чуть не ткнулся носом, клял свою разнесчастную лыжу почем зря.

— Я дойду, дойду, — уверяла она. — Только не спеши.

— Дядя Витя, нельзя ли чуть скорее? Как выйдем на линию, бросайте эту проклятую доску!

— А ты меня не бросай, — уговаривала лыжа. — Ты меня почини лучше. Вспомни, как хорошо было со мной. Я же легкая, клееная, сортавальская. Купишь новую крашеную доску, намучаешься с ней. Не она тебя, ты ее будешь носить, шсю сияжестью мять. Будешь смолить, умасливать, обхаживать, все равно легче не станет.

Но я ожесточился... от усталости, от холода, от недовольной мины моей спутницы, от того, что испорчен день, начавшийся так хорошо.

— Не приставай. Брошу...

— Ты уж и сам не молоденький, к новым-то лыжам привыкать, — продолжала труженица. — У новых капризы. Не они к тебе, ты к ним приспосабливаешься, они тебя воспитывают. А мы так дружно ходили вместе, столько прошли хороших маршрутов. Вспомни Подрезково, ты тогда отчаянный был, с каждой горы норовил съехать. Вспомни Переделкино: как мы с тобой горделиво проезжали мимо пешех, гуляющих. Вспомни, как заблудились в Малеевке. Шли-шли по темному лесу, по синеющему снегу, по лиловеющему, при лунном свете шли. Я же вынесла тебя, не скрипнула. Если бы тогда сломалась, ты же замерз бы, пропал бы, признайся.

Не хотел я признаваться. Ожесточился. Одно думал: «Дойти бы и бросить».

— Всю молодость отдала тебе, — напоминала лыжа. — И я была красивая, свежепокрашенная. Ты меня с гордостью показывал. Друзья завидовали: ох и жох, где подцепил сортавалочку?

Наконец мы выбрались на высоковольтную. Тут лыжня шла в несколько рядов, гладкая, прямая, укатанная. Можно бы и рядом с девушкой идти, но у меня уж и ноги не гнулись, еле-еле переставлял ходули. А на лыжу смотреть было противно: торчат ободранные щепки, ни на что не похоже.

— Дядя Витя, я вперед пойду, замерзла, — сказала девушка.

И умчалась.

Лыжа тут же воспользовалась одиночеством.

— Ты меня не бросай все-таки, — просила она. — Довези до дому. Я хоть за шкафом постою... со своими.

«Этого еще не хватало, — подумал я. — Буду я забивать дом старым хламом! Сломанные стулья, рваные бумаги, разбитые тарелки, стоптанные ботинки. Не квартира — склад утиля».

А впереди уже сияли огни. Автострада гудела монотонно, трепетали фары на повороте, мигал светофор. Вот и фонарь автоинспекции. за ним табличка с буквой А.

— Дядя Витя, скорей! — звала меня девушка. — Скорей,

автобус подходит. Да не возись ты с этой рухлядью! Я не буду ждать, я уеду.

И бросил я обломок, швырнул в кювет, поскакал к автобусу с одной лыжей, словно на одной ноге. Между прочим, молчала, подлая, всю дорогу, боялась, что я и ее тоже брошу. И надо бы. Ведь это она обломала носок товарке. Все равно пару к пей не скоро подберешь, сортавальскую. Но мне раздумывать было некогда. Автобус подходил.

Да и какую жалость ждать от лыжи? Что с нее спрашивать? Деревянная!

О возвращении рассказывать не хочется. Я трясся сзади, прижимая к груди единственную лыжу и поеживаясь под насмешливыми взглядами. Девушка сидела где-то впереди. Очередной Толя уступил ей место и что-то говорил, наклонясь... насчет любви и дружбы, наверное. И в метро мы с ней сидели врозь, и на лестнице простились сухо. Я не предвещивал ей счет за пройденные километры, она не вспомнила. Даже не сказала спасибо. Глянула на часики, пробормотала: «Кажется, не успею в кино». Подразумевалось: «Из-за тебя опаздываю, неуклюжий дядя Витя».

Ну и ладно, обойдемся. Молодым гулянки, пожилым шлепанцы, как сказал бы Екклесиаст. Сейчас отпущу дверь, объявлю громогласно: «Встречайте, ваш пришел!» Первым делом в ванну: «Погрей мои косточки, эмалированная». Потом на кухню, к плите: «Ну-с, что приготовим на ужин, чугунная?» Отогреюсь, поем... и с газетой — в кресло: «Понежь меня, красноспиное!»

Хлопнула дверь. Дома я, дома!

— Привет, братва. Ваш пришел!

Не слышу ответа.

— Погрей мои косточки, эмалированная.

Молчит!

Тишина, плотная, ватная, давящая, гнетущая!

Замолчали вещи в моей квартире.

И молчат с той поры.

АЛЕКСАНДР МОРОЗОВ

ЕСЛИ ЗАПЛЫТЬ ПОД ПЛОТИНУ

I

Итак, все позади. Не только мучительное напряжение и нервы, борьба с подкрадывающейся усталостью и кофе в три утра, осточертевшая правка и перепечатьвание одного и того же, уже сделанного. Позади не только эти, ставшие вдруг мелкими, неприятности, позади и все, что свалилось на него по-

том: поздравления, вручение синей с золотым тиснением корочки, банкет, бесперебойные звонки по телефону, телячий восторг родственников и «болельщиков» из числа знакомых и поздравления, поздравления, поздравления.

Семен Кирпичников вышел из тихой безлюдной аудитории. Он пришел сюда очень рано, в восемь утра. Левый верхний угол доски был уже окрашен в дымчато-розовый цвет юрким лучом, проскочившим сквозь верхнее окно, которое выходило прямо в синь, повисшую над Ленинскими горами. Но этот луч то было единственное, что оживляло пустую, празднично-гулкую аудиторию.

Утром Кирпичников проснулся в своей квартире на Ломоносовском проспекте и сразу не понял, почему ему так хорошо. С полминуты лежал неподвижно, а потом вдруг дошло: все, кончена вся дребедень с защитой диссертации, весь научно-административный политес исполнен — можно приступать к нормальной человеческой жизни, то есть к работе.

Он встал, не спеша оделся и вышел из дома. И пока он все это продвигал, прислушивался к себе, как опытный шофер к работе двигателя: нет ли перебоев или просто посторонних шумов. Он был доволен собой. Все в порядке, самочувствие отличное, хоть сейчас вести трехчасовой семинар. Неизбежные возлияния, имевшие место за последнее время, казались нереальным сном.

Прислушался к сердцу — вроде бы нормально. Перебоев нет, шумов тоже. Прислушался еще раз и понял — есть ощущение. Вернее, воспоминание об ощущении.

Воспоминание посетило его полгода назад, когда он подбирался к главному бухгалтеру. К тому самому, который явился непосредственным виновником всех последующих утомительных событий, которые в совокупности называются защитой докторской диссертации.

Ему надо было найти необходимые и достаточные условия градуирования пучка локально-компактных пространств. Он долго уже ходил вокруг этой задачи, потихоньку вытаскивая ее на свет божий из неразличимых глубин предположений и догадок. Теорема сопротивлялась, как большая рыба, то чуть всплывая, то, резко вильнув, уходила на глубину.

Кирпичников делал все как полагается. Он не спешил и постепенно с большим искусством и терпением сматывал лесу логических раздумий. Да, он делал все как полагается. Как полагается профессиональному математику, каким он и был.

Но в какой-то момент он вдруг понял, что топчется на месте. Это не было паникой слабонервного после очередной неудачи. Просто однажды во время очередного ночного бдения кольнуло сердце и подсказало ощущение, впервые испытанное им в раннем детстве.

Семен вырос в деревне, что стояла по берегам неширокой русской речки Истры. Мальцы с утра и до вечера пропадали на реке, и в их делах и забавах если не первым, то уж и не из последних принимал участие Семен.

Надо ли говорить, что Истру на километры вверх и вниз по течению знали они досконально. Знали не только каждый куст или укромное место на берегу, но и каждый камень или колдобину на дне.

Было, правда, одно место, которого боялись даже они, послевоенные дети, с коричневыми от солнца, острыми, как торпеда, телами.

В километре от села, если пойти вверх по течению, была небольшая плотина из камней, песка и кусков пришедших в негодность строительных материалов, невесть откуда взявшихся в их глуши. Перед плотиной Истра образовывала, конечно, водоем, пусть не очень глубокий и обширный, но, без сомнения, в тысячу раз более приспособленный для купания и рыбной ловли, чем сама река. И конечно, этот водоем был излюбленным местом деревенских мальчишек.

А за водоемом, куда речка падала с плотины негромко урчащим водопадом, и было то место, о котором спустя столько лет вспомнил теперь Семен. Если, склоняясь к левому берегу, плыть к плотине, и, не доплывая пяти-шести метров до водопада, нырнуть с головой в воду, и продвигаться дальше — вглубь и влево, то вдруг ощутишь, что вода резко похолодала и ее мощные, скручивающие жгуты неодолимо тянут тебя в каком-то своем, тайном направлении.

Все ребята знали про это место, и все они выскакивали на поверхность, не проплыв под водой и нескольких метров.

Никто не знал, откуда берется там такое мощное течение и куда оно может нести столько воды, но инстинкт самосохранения подсказывал ребятам, что лучше в последний момент вынырнуть на поверхность.

Как можно дальше проплыть под водой в этом месте было излюбленным занятием смельчаков и заводил. Занимался этим и Семен. И каждый раз, когда холодная, тугая струя подхватывала его детское тело, сердце сжимала острая тревога и через мгновение его голова уже была на поверхности воды.

Был какой-то барьер, не позволяющий ему углубиться в подводное путешествие, барьер страха или неуверенности в себе. Тогда Семен не мог еще разобраться в этом.

И вот теперь, когда деревня и сороковые годы остались далеко позади и Семен Кирпичников пытался градуировать пучки множеств, в тот момент, когда он увидел, что топчется на месте, и коснулось его то самое ощущение, которое заставляло в детстве выныривать на поверхность Истры, ощущение барь-

ера и некой опасности, связанной с его преодолением, он ясно понял, что от незаконченного дела никуда не уйти.

Чтобы решить задачу, надо было преодолеть барьер недоверия к себе и плыть дальше в глубине.

Семен сделал это, и нашел необходимые и достаточные условия градуирования, и защитил докторскую диссертацию, и вот теперь это все позади.

II

Все вспомнив и все продумав, Кирпичников принял решение закрепить в себе ощущение преодоленности барьера. Закрепить, чтобы сделать частью своей натуры.

Он сложил в портфель полотенце и плавки, доехал на автобусе по Волоколамскому шоссе до Нового Иерусалима, а там на попутке к шести вечера добрался до своей деревни.

Стояла хмурая, неудобная погода, и никто в деревне не обратил внимания на городского человека, быстро прошагавшего от сельмага, где остановилась машина, к берегу Истры и скрывшегося в направлении плотины.

Кирпичников дошел до нужного места, разделся и пожегся. Хотя ветра здесь не было, теплым воздух назвать было нельзя. Кирпичников надел плавки и осмотрелся. На черной воде кружились первые опавшие листья — пожухлые желтые кораблики, а над рекой стоял призрачный белесый пар.

Семен аккуратно, без всплесков зашел в воду и поплыл. Место, где надо было нырять, он почувствовал безошибочно и, набрав в легкие воздуха, с силой ушел в глубину, загребая вперед и влево.

Тут же он почувствовал, как холодные полосы подхватили его тело и понесли в неведомое...

Надо сказать, что Кирпичников отнюдь не был безрассудным человеком. Просто он понимал, что никакой сверхмощной реки от Истры, с ее пологими берегами и мелководьем отходить не может. И если в том месте под плотиной и был омут, опасный для десятилетних пацанов, то вряд ли он мог представлять серьезную угрозу для сильного, тренированного тела взрослого мужчины.

В тот момент для Кирпичникова было важно проплыть под водой как можно дальше, по крайней мере, до тех пор, пока его снова не коснется чувство прорыва через барьер, пока он не поймет и не овладеет этим чувством.

Когда Семен понял, что проплыл под водой уже с десяток метров, а его не стукнуло о плотину и не вынесло на мель, гадкое чувство страха чуть было не приказало рукам и ногам срочно доставить его тело на поверхность. Он удержался, но через несколько секунд почувствовал, что воздух в легких на исходе. Но в ту же секунду, когда воздуха почти не осталось

совсем, он ощутил, что его пронесит через какое-то узкое место, и мгновенно сгруппировался.

Течение несколько раз беспорядочно переворачивало его и наконец вынесло в спокойные воды. Семен нащупал ногами дно и понял, что путешествие окончено.

Когда он, встав ногами на дно, выпрямился во весь рост, оказалось, что вода доходит ему только до пояса. Он огляделся, но ничего не смог различить. Плотные, белые клубы пара стояли вокруг него и скрывали окружающую местность.

Семен уловил, в каком направлении подымается дно, и пошел туда, стараясь сквозь редееющие клочья тумана разглядеть, куда его вынесло подводное течение. По мере того как он выходил из воды, туман все редел и редел. Он не верил своим глазам и все ускорял шаг, и, когда вышел из воды и никакого тумана не осталось и в помине, сомневаться было уже невозможно: он находился в той же аудитории в Московском университете на Ленинских горах, в которой сегодня утром он принял решение ехать к себе в деревню.

Более того, когда оглянулся, то увидел, что никакой воды за ним нет, а сам он одет в свой обычный коричневый костюм, который надел утром, выходя из дома.

«Да, пожалуй, следует отдохнуть. Надо же, померещится такое», — подумал Кирпичников и потер себе лоб. Он уже шагнул к выходу из аудитории, но что-то остановило его. Он ощутил, как что-то мешало ему идти, связывало шаг. Еще через секунду он понял, что мешает ему идти. Под брюками у него были надеты плавки, и они были мокрые, совсем мокрые, хоть выжимай.

Семен провел рукою по волосам и посмотрел на ладонь. Ладонь была мокрая, такая мокрая, что с нее капали на пол светлые капельки воды...

И Семен Кирпичников понял, что он действительно совершил сегодня путешествие к реке своего детства. И что то глубинное течение, которого недаром боялись мальчишки, выносило человека к свершениям его зрелости. Всю свою недолгую жизнь он непрерывно пытался одолеть этот, выросший перед ним еще в детстве барьер. И теперь, когда он сделал это, стало неопровержимо ясно, что этот барьер разделяет потенции человека от их осуществления.

Семен хорошо теперь знал, что преодолевать противное чувство, гнавшее его на поверхность реки, придется еще не раз и не два. Но так же хорошо он знал и то, что сегодня он настоящему научился делать это.

И то, что пришло к нему полгода назад ночью, во время отчаянного штурма прекрасной теоремы, пришло как вдохновенный, но полубессознательный порыв, сегодня было поднято им из тайников подсознания, рассмотрено на свет и бережно положено рядом с сердцем.

ПРЕСТУПНЫЙ МУТАЛИБ

*Фантастическая юмореска с прологом
и незаконченным эпилогом*

Как известно, почти все таинственные события случаются в темное время суток, поэтому нет ничего удивительного, что наш односельчанин Муталиб по прозвищу Всезнающий пропал именно ночью. Несмотря на свое столь высокое прозвище, Муталиб не имел никакого отношения к ученым. Родом он был из простых дехкан — вплоть до сорокового колена. Однако это не мешало ему пускаться в ученые рассуждения по поводу и без повода. Рассуждения эти всегда начинались излюбленной Муталибовой присказкой: «Оно, конечно, мы самые что ни пасть простые люди, дехкане, но не глупее всяких там разных образованных выскочек. Вот я, к примеру. Кто я такой? Простой дехканин. А чем я хуже какого-нибудь там ученого зауды? То-то. Главное — до всего дойти своим умом».

После такого льстивого по отношению к простым людям заявления кто высунется с возражениями? Ясно, что никто, и прежде всего сами дехкане Муталибу, не возражал, и обсуждение той или иной проблемы в конечном счете сводилось к монологу Муталиба по прозвищу Всезнающий.

Что касается самого прозвища, то оно явилось из небытия в один из тихих звездных вечеров, после того, как кто-то из стариков, отстаивавших до хрипоты гипотезу о множественности разумных миров, в запальчивости обозвал Муталиба всезнайкой. Правда, он тут же спохватился, ибо по этическим нормам нашего XXI века за подобное словцо могли привлечь к строгой моральной ответственности. Спохватившись, старик быстро исправил всезнайку на всезнающего, инцидент посчитали исчерпанным, а уж о том, чтобы громкий эпитет никем не был забыт, позаботился в дальнейшем сам Муталиб.

На следствии по поводу таинственного исчезновения нашего односельчанина выявились довольно тревожные подробности. Вспомнили, что последние 10 лет всезнающий Муталиб никаким общественно полезным трудом не занимался. Источником существования для него был собственный приусадебный участок, где Муталиб не выращивал ничего, кроме дынь. Да, одни только дыни и выращивал пропавший, хотя, по правде сказать, никто ни разу ни ломтика от него не получил. Даже супруга Муталиба заявила следователю после долгих колебаний, что запропадившийся муж хотя и не был особенно скаредным, но к дыням не подпускал ее на пушечный выстрел. Правда, он и сам их не ел, даже тогда, когда они окончательно поспевают, а некоторые даже переспевали.

Из расспросов соседей вырисовывалась будоражащая воображение картина. Каждый год, самолично собрав урожай, Муталиб сваливал дыни огромной кучей в геометрическом центре бахчи. Гора была столь высока, что ее тень от заходящего солнца накрывала конусом семь соседних участков и упиралась в правый берег реки. А наутро гора исчезала. Если бы ночью на участке Всезнающего тарактели грузовики или зависали в лунном свете грузовые вертолеты, никто бы на них не обратил особого внимания. Дело для нас, дехкан, привычное, пельзя, чтобы урожай гнил на корню. Но незаметно сбыть за ночь целую гору дынь — тут попахивало или уголовщиной, или чертовщиной. Возможно, за эти десять лет кто-либо и подавал сигналы бедствия куда надо, но, видимо, соответствующие инстанции не посчитали дело заслуживающим внимания по причине его незначительности или по какой другой причине.

А кончилось все тем, что исчез и сам Муталиб.

Случись такое в прошлом, XX веке, все начали бы хвататься за голову, строить десятки самых разнообразных предположений, возможно, даже появилась бы хлесткая статья под рубрикой «Антология таинственных случаев», после которой наш тихий кишлак прославился бы на всю планету. А многие граждане, склонные к мистике, намекали бы в разговорах друг с другом кто на загадку Бермудского треугольника, кто на снежного человека. Но мы, жители третьего тысячелетия, далеки от мистики, в чудеса не верим поголовно, и потому-то во избежание кривотолков автор этих строк оставляет для потомства единственно правдивое и убедительное объяснение «феномена Муталиба», каковое и приводится в главе первой (она же последняя), следующей сразу же за прологом.

Глава первая и последняя

Нет худа без добра, а черного кобеля не отмоешь добела. Ведь как аукнется, так и откликнется. Ибо неженатому хоть удавиться, а женатому хоть утопиться. В общем, нет дыма без огня.

Неукоснительным следствием подобного устройства мироздания (а также согласно закону галактической симметрии) является тот факт, что планете Земля сопутствует ее неотвязная тень — антипланета. Ее обитатели, антипланетяне, впервые ступили на нашу матушку-Землю еще в прошлом веке, однако вступать в дипломатические отношения с нами не очень торопятся — возможно, из-за таких субъектов, как наш бывший односельчанин Муталиб по прозвищу Всезнающий.

Нет нужды скрывать, что антипланета носит вполне благозвучное имя, но, поскольку оно столь длинно, что займет несколько пухлых тетрадей убористого текста, назовем ее просто Альфа или Бета, а еще лучше Зета. Само собою разумеется,

зетяне на нас не очень-то похожи, причем различия тут не только внешние. Но начнем по порядку. Что нам нужней всего для полнокровного существования? Конечно, кислород. А зетяне наслаждаются угарным газом. Нам нет ничего милей пресной воды, особенно в жару. А в их рационе — сплошь соленая, морская. У нас счет начинается с единицы, у них же единица — непредставимо огромное число, больше, чем атомов (и антиатомов) во всей Вселенной.

Или взять акселерацию: у нас она вот-вот закончится, и физические параметры девчат и парней опять будут вровень с их умственным багажом. А на Зете акселерация еще в самом зародыше, причем не акселерация, а анти: у них поголовно у всех рост уменьшается с каждым поколением. Тамошние светила футурологии подсчитали: не пройдет и тысячи лет, когда самыми высокорослыми на Зете окажутся граждане не выше четырех вершков.

Угроза выродиться ниже собак, петухов, кошек и, стало быть, потенциально зависеть от их прихотей страшно разволновала ученых зетянские умы. Загромыхали шквалы дискуссий. Каждый старался высказаться, притом как можно быстрее, ибо на Зете в отличие от Земли любой вопрос разрешается просто: предложение либо принимается немедленно, либо отвергается без словопрений.

На первый взгляд интереснее прочих выглядел проект, по которому группа ученых-генетиков угрозе вырождения противопоставила идею перекрестных браков зетян с землянами. Но это автоматически означало появление на Зете алкогольных напитков, табачных изделий, азартных игр и самое печальное — множества болезней, тогда как известно по всей Галактике, что зетяне не пьют, не курят и никогда ничем не болеют, кроме меланхолии. Посему перекрестную идею признали аморальной, а генетиков для острастки сурово наказали.

После этого полноводная река смелых проектов начала иссякать, превратившись в робкий ручей. Между тем угроза вырождения придвинулась вплотную. Повсеместно царило уныние. Эпидемии меланхолии принялись гулять по всем шести полушариям Зеты (да, именно шести, поскольку наша антипланета имеет довольно сложную конфигурацию).

И вот тут-то явился тот, кто вполне мог остаться в анналах истории Зеты и даже был провозглашен в спешке ее Вечным благодетелем, хотя, как выяснилось вскоре, с анналами несколько поспешили. Да и как было не спешить, если благодетель открыл-таки реальный способ не только предотвратить обращение в карликов всех своих соотечественников, но даже пленил умы возможностью всепланетной прибавки в росте.

Следует сказать, что ко всем прочим достоинствам развенчанный Вечный благодетель носил довольно звучное и красивое имя, но, поскольку с некоторых пор оно предано анафеме

и никем вслух не произносится, мы условимся называть бывшего благодетеля просто Иксом.

Проницательный читатель, без сомнения, уже заметил парадокс: с одной стороны, ныне безымянный Икс всем сердцем вроде бы рвался облагодетельствовать родную Зету, а с другой — низвергнут за рвение с пьедестала.

Для объяснения этого парадокса не остается ничего другого, как обратиться к некоторым архивным документам Суда Мудрейших Зеты (сокращенно СМУ). При этом автор считает своим долгом еще раз напомнить, что Зета — полная противоположность нашей Земле буквально во всем, включая юриспруденцию. Суд Мудрейших, к примеру, сначала единогласно

выносит приговор, а уж затем начинается следствие, которое при желании подлежит обжалованию в отличие от приговора. В общем, ведомство Фемиды на Зете еще сложнее нашего, и, чтобы повествование окончательно не запуталось, попытаемся изложить документы СМУ так, как если бы дело слушалось здесь, на Земле.

Из материалов следствия

«...прискорбно, но лжеметодика Икса поначалу была воспринята профанами от науки как панацея от вырождения всех зетян. И действительно: те, кто решался пройти курс лечения в возглавляемой Иксом лаборатории, вроде бы заметно прибавляли в росте (и весе). Легковерные коллеги Икса и падкая на сенсации пресса закрепили успех лжеметодики. Голоса немногих скептиков тонули в хоре похвал. Однако, к чести нашей науки, нашлись настоящие ученые, доказавшие неукоснительно: деятельность Икса и его приспешников, безусловно, вредна для нашего потомства. Чуть позже те же ученые установили: проникшие на Зету инфекционные заболевания — печальное следствие все той же лжеметодики.

Поднявшаяся волна протеста позволила уличить махинаторов от науки, которые вместо проверенных медицинских препаратов врачевали своих легковерных пациентов остродефицитным соком дыни. Следствие неопровержимо установило, что вышеупомянутые дыни контрабандой доставлялись с Земли...»

Из протокола допроса молекулярного стража *

Вопрос: Считаете ли вы методику вашего коллеги Икса в чем-то вредной?

Ответ: Сказать «в чем-то вредной» — значит ничего не сказать. Лжеметодику моего бывшего коллеги я считаю преступной. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Вопрос: Не могли бы вы пояснить свою мысль? Только, пожалуйста, без сложных формул и непонятных слов.

Ответ: С большим удовольствием. Анализы, произведенные лично мною, показали, что сок контрабандно завозимых к нам земных дынь представляет собою концентрированный раствор селитры. Прошу прощения за непонятное Суду Мудрейших мерзкое слово «селитра», но именно так называют земляне этот пока еще малоизвестный у нас яд. Да, яд, хотя селитра убивает не сразу, а исподволь, медленно. Более того, поначалу под воздействием селитры рост подопытных заметно увеличивается. Но в дальнейшем в организме будут происходить необратимые явления, вплоть до поражения центральной нервной системы. Оговорюсь: пока что угроза поражения чи-

* Звание, соответствующее на Земле члену-корреспонденту.

сто теоретическая, ибо преступная деятельность Икса вовремя пресечена. Однако все, кто длительное время принимал сок дыни, поверив лжеметодике Икса, как вы знаете, ныне страдают желудочно-кишечными заболеваниями.

Как молекулярный страж, я со всей ответственностью заявляю: ребенок каждого, кто травит себя селитрой, получает от рождения полный набор порожденных ядом недугов. Это касается в равной степени внуков, правнуков и так далее.

Вопрос: Вы полагаете, ваш коллега Икс заранее знал о вредных свойствах названного Вами вещества?

Ответ: Готов допустить, что мой бывший коллега стал преступником по недомыслию, хотя это не может послужить обстоятельством, смягчающим его вину. Видимо, его ввело в заблуждение, что на Земле селитру употребляют с пищей. Остается лишь удивляться, почему земляне до сих пор еще не выродились...

Вопрос: Вы считаете, что земляне ничего не знают о ядовитых свойствах названной вами селитры?

Ответ: По всей вероятности. Впрочем, если принять во внимание уровень развития земной науки, там должны были бы знать.

Вопрос: Итак, плоды дыни насыщены названной вами селитрой. Это их природное свойство?

Ответ: Наука Зеты информацией на эту тему пока что не располагает.

Из протокола допроса свидетеля

Председатель СМУ: Суд Мудрейших в моем лице приносит свои сожаления, что вас доставили сюда столь спешно и, возможно, против вашего желания. Но у нас не было другого выхода, свидетель Му-та-либ. Я правильно вас называю?

Свидетель: Исключительно правильно. У нас на Земле меня обычно называют еще Муталибом Всезнающим. Оно, конечно, мы самые что ни на есть простые люди, дехкане, то есть крестьяне, но не глупее всяких там разных образованных выскочек. Вот я, к примеру. Кто я такой?

Председатель СМУ: Сожалею, но Суду Мудрейших нельзя задавать вопросы. Свидетель Му-та-либ, как давно вы знакомы с подсудимым Иксом, сидящим напротив вас в невидимых электронных кандалах?

Свидетель (*заикаясь*): С товарищем, то есть, извините, гражданином Иксом, я знаком лет десять. Да не меньше десяти.

Председатель СМУ: При каких обстоятельствах произошло ваше знакомство с подсудимым Иксом, сидящим против вас в невидимых электронных кандалах?

Свидетель: Дело было так. У нас в райцентре каждую осень устраивается на базаре выставка-продажа дынь. Ну и я в

них никогда не отказывался участвовать, чем я хуже других. Оно, конечно, мы самые что ни на есть...

Председатель СМУ: Не отвлекайтесь, свидетель.

Свидетель: Стою я, значит, у своих дынь, а тут подходит этот ваш Икс, он тогда помоложе был и одет не в водолазный костюм, как сейчас, а в обыкновенные штаны и пиджак. Да еще шляпа и темные очки. Оказалось, страшно ему мои дыни понравились. «Я, — говорит, — весь урожай готов скупать на корню и увозить собственным транспортом». Что ж, дело прибыльное, я и согласился. Правда, когда на другой год его штукавина без всякого шума зависла среди ночи над моим участком и всю гору дынь в себя всосала, я малость струхнул. Понял, с кем имею дело. С инопланетянами. Но свое слово я и пред дьяволом не нарушу, хоть у кого спросите в кишлаке. Платишь деньги вперед — забирай весь урожай. К тому же вопреки всяким сплетням я всегда был сторонником учения о множественности обитаемых миров. Почему бы не помочь братьям по Галактике, ведь правда?

Председатель СМУ: Повторяю, Суду Мудрейших вопросы не задают. Вы сказали, что ваши дыни понравились подсудимому Иксу, сидящему против вас в невидимых электронных кандалах. Почему именно ваши дыни? За то, что в них было много селитры?

Свидетель: В то время селитры не так уж было и много...

Председатель СМУ: Сравнительно с дынями других земель?

Свидетель: У других в ту пору селитры и вовсе не было, а я свою подсыпал в почву тайком. В каком-то журнале вычитал, что так в Америке делают. Ну и попробовал. И весом и размером мои дыни сразу же обогнали соседские. Правда, на счет вкуса не то... Потом, на меня глядя, и соседи потянулись за селитрой. Но этот ваш Икс ни к кому другому не переметнулся, тоже умеет держать слово. Правда, попросил добавлять селитры побольше, но зато и цену надбавил...

Председатель СМУ: Можно ли выращивать дыни без добавления в почву селитры?

Свидетель: Так предки-то наши испокон веков выращивали. Не дыни были — объедение. Помню, в детстве придешь на бахчу...

Председатель СМУ: Отражается ли употребление селитры на вашем здоровье?

Свидетель: На моем? Да я в жизни ни единого такого куска не отведал. И жене строго-настрого заказал. Для себя я брал дыни у моего прадедушки в горном кишлаке. Езды туда два часа с лишним, но зато о селитре там пока и слыхом не слыхивали. Оно и понятно: глухомань.

4а. Методику, предложенную бывшим Вечным благодетелем Зеты, подсудимым Иксом, единогласно признать лженаучно-преступной. Махинатора Икса, вступившего в преступный сговор со свидетелем Муталибом, как посягнувшего на здоровье обитателей Зеты, сослать на меньшую из тринадцати Лун Зеты, с тем, чтобы помянутый махинатор Икс пожизненно разводил на таковой Луне плантацию дынь без внесения в почву селитры.

4б. Подобному же наказанию подвергнуть свидетеля Муталиба, сковав его невидимой цепью с помянутым махинатором Иксом и присвоив свидетелю звание «дынного пастыря».

6. Во имя благоденствия грядущих поколений учредить специальную лечебницу для тех, кто легковерно предоставил махинатору Иксу возможность на самих себе ставить отвратительные опыты с селитрой.

9. Перечень товаров, ввозимых с Земли, еще раз уточнить. Принять необходимые меры для пресечения контрабандного ввоза дынь с селитрой.

Эпилог

Случись столь необычный судебный процесс у нас на Земле, следовало бы, как положено, закончить нашу драматическую историю эпилогом. Но поскольку, как уже указывалось, Зета — антипланета, автор поставлен перед необходимостью сочинять антиэпилог, а это ему явно не под силу. В земных условиях читать мораль по поводу происшедшего нет никакого смысла. Да и кому читать? Тем, кто выращивает дыни (впрочем, не только дыни) на селитре? Они, как правило, фантастику не читают...

*Перевел с узбекского
Г. Мечков*

СВЕТЛАНА ЯГУПОВА

А ВЫ НЕ ВЕРИЛИ...

Открытие Рады Северюк было прямым следствием того далекого дня, когда детсадовской малышкой в коротком сарафанчике она тайком от воспитательницы убежала в городской парк, который всегда казался ей лесом из старинных сказок. Мягкую тишину оберегали толстоствольные каштаны и платаны, и сердце обмирало в ожидании: вдруг вон из-за того дерева выйдет олень с золотыми рогами или из-за кустов боярышника выскочит пушистохвостая лисица. Намеренно обманывала она чувства, воображая, что идет не по ухоженной аллее, а дремучими лесными тропами. Обходя аккуратные газоны, забиралась

в отдаленные уголки парка, сбрасывала сандалеты и с древним, первобытным упоением бегала по траве.

Старичка с бородкой-облачком она увидела неподалеку от вековой секвойи, где двадцатитрехлетние каждое воскресенье давали Клятву Предкам. Он смешно ползал на коленях в траве с биоскопом в руках, чуть ли не касаясь бородкой земли.

Она подбежала к старичку и присела рядом, пытаясь рассмотреть, что он там ищет в траве.

Старичок оторвал глаза от биоскопа и обернулся к ней.

— Какой прекрасный шмель! — сказал он глуховатым, будто из-под земли, голосом, наводя на нее окуляры. — Нет, пожалуй, это не шмель, а голубая стрекоза. Но как она залетела сюда? Ведь до августа еще далеко.

Шутка понравилась. Она вскочила и, оттянув юбочку голубого сарафана, закружилась напевая: «Стрекоза! Стрекоза!» Еще один поворот, и — стоп! — опять присела возле деда.

— А что ты ищешь?

— Вчерашний день, — усмехнулся он, блеснув синевой неожиданно ярких глаз. И как бы прислушиваясь к собственным словам, повторил: — Да-да, именно вчерашний день.

Пыхтя в бородку-облачко, он встал и положил руку на ее плечо:

— Ты и не представляешь, какой мир затерян в этой траве. Нынче все ходят с поднятой головой, все смотрят на звезды, а что под ногами, не ведают. А между тем... Взгляни-ка! — Он протянул ей биоскоп.

Похожий одновременно на бинокль и фотоаппарат с двумя объективами, биоскоп тяжело оттягивал руки. Все же она заглянула в его стекла, но увидела лишь размытый зеленый туман. Старичок прикрепил аппарат ремешком к ее шее, покрутил стекла объективов, наводя резкость, и она замерла при виде развернувшейся перед глазами картины. Трава превратилась в крупнолистные деревья, застывшие среди гор и валунов. Огромные крылатые существа с длинными усами и мохнатыми лапами сидели, покачиваясь, на ворсистых стволах, увенчанных сиреневыми, белыми, желтыми солнцами. Прямо из-под земли, изгибаясь, вылез коричнево-красный змей, в котором отдаленно можно было узнать обычного дождевого червя. Ошеломленно рассматривала она этот диковинный мир, и вдруг радостный возглас вырвался из груди: гигантская, с радужными крыльями птица-бабочка села на фиолетовое солнце и мелко завибрировала в радостном танце.

— Я так и знал, — сказал старичок, услышав девочкин восторг, и предложил: — Идем к пруду, там и вовсе сказочно.

Он поднял с травы портфель, и они пошли туда, где в воде полоскалась ива. По раздвоенному корявому стволу вскарабкались на ветки, висевшие прямо над водой, и уселись поудобней. Жизнь пруда открылась сразу в трех слоях. По его поверх-

ности, затянутой ковром пышных ярко-зеленых цветов — так выглядела в биоскоп обычная ряска, — прыгали длинноногие чудовища, в которых совсем нельзя было узнать обычных водомеров. Сотни личинок и куколок плавали в воде белыми и желтыми сундуками, коробочками, бревнышками. Солидным пародом маневрировал между ними жук-плавунец. Сквозь пыльную в зеленых цветах просматривался подводный мир с длинными стеблями и густыми кронами водяных растений, облепленных раковинами моллюсков. Огромной скоростной подлодкой пронеслась сквозь дебри водяного леса серая рыбина и скрылась в зарослях. На каждом сантиметре роились, копошились членистоногие, усатые, хвостатые, червеобразные, бесцветно-студенистые и мягко окрашенные существа. Тритон и лягушка, попадая в объективы, казались инопланетянами.

— И все это память Земли, — выдохнул старичок ей в ухо.

— Как это? — не поняла она.

— Память, — повторил он. — Записанная, закодированная в миллионах живых существ. Своего рода Книга Земли, прочесть которую удастся лишь очень талантливому и терпеливому человеку. Но если эти письмена будут разгаданы, мы сделаем еще один шаг навстречу Предкам.

Он хотел сказать что-то еще, но спохватился — ведь перед ним шестилетняя кроха... Она же, замирая, слушала его речь, и память прочно фиксировала сказанное, чтобы вернуть все это, когда она подрастет. Старичок погладил ее по голове, слез с дерева и, как полагается волшебникам, исчез, растворился в зарослях сирени.

Сколько она потом ни прибегала сюда, больше его не встретила. С тех пор зажила в ней мечта расшифровать Книгу Земли, и она не раз спрашивала у родителей, где можно этому научиться. Ее уверяли, что старичок говорил образно, вероятно, имея в виду биологию, ботанику или терралогию, изучающую живую структуру почвы. Но воображенная ею или, точнее, внушенная старичком наука не походила ни на одну из тех, что позднее она изучала в школе, а затем на факультете генной реконструкции живых организмов.

В двадцать семь лет имя Рады Севернюк прозвучало во всех информационных службах земного шара, а сделанное ею открытие легло в основу новой науки — террорепликации. Севернюк доказала экспериментальным путем, что микросущества, составляющие структуру почвы, и есть те зерна, из которых со временем должны практически восстать все когда-либо живущие на Земле поколения. Не только для того, чтобы в будущем можно было переиграть миллиарды несостоявшихся или незавершенных судеб, но и затем, чтобы одухотворить людьми множество безмолвных планет. Оказалось, что некоторые из простейших и микроорганизмов, которыми кишит почва, путем клеттогенеза становятся носителями реплигенов скончавшихся. До сих пор

информбиоматрицы получали из клеток людей, живущих в данное время, то есть надежду на жизнь в будущем имели только прямые родственники тех, кто сегодня ходил по земле, и то не более чем в трех обратных поколениях. Теперь же некогда примитивная, варварская вера обрела новую, вполне реальную научную плоть.

После пяти лет долгих, упорных поисков Севернюк нашла на одном из старинных южных захоронений реплиген своей трижды прабабки по материнской линии Галины Швеца.

«Друг мой! Я хочу утешить Вас и внушить Вам удивительную надежду. Знаю — до сих пор оплакиваете своего дорогого мальчика, и темные мысли о том, что уже прожито больше половины земного срока и впереди тот самый проклятый бугор, отравляют оставшуюся жизнь. То, о чем Вы сейчас узнаете, возмущает, покажется Вам из арсенала христиан или клиентов психиатрических больниц, в то время как мечта об этом испокон веков согревала лучших людей Земли. Жаль только, что ее сделали своим знаменем невежды и религиозные фанатики, извратив до такой степени, что многим внушили к ней страх и отвращение. Помните легендарную птицу Феникс, восставшую из пепла? Так вот, современные ученые узнали в ней будущую судьбу человечества...

Шлю Вам научный журнал. Из него многое станет понятным и уже не будет пугать своей фантастичностью. Мы живем в замечательное и страшное время. История поставила наше поколение перед выбором: атомный пожар, смерть и, значит, забвение или жизнь прекрасная.

Вы не найдете в статье никакой мистики — все строгий расчет, законы физики плюс страстная мечта, которая сбудется, если... если... И тогда не в каком-нибудь загробном мире, не на райском облачке, а здесь, на нашей грешной и многострадальной Земле, мы когда-нибудь обнимем всех, кого потеряли...»

Письмо было ветхое, дважды пропитанное фиксатором. Перечитывая этот желтый, истонченный временем листок, Рада Севернюк отчетливо представляла его автора, женщину из далекого двадцатого столетия, Галину Швеца. Запечатленная семейными преданиями память о скромной учительнице физики была так ярка, что иногда казалось, будто жизнь Галины совпала с ее жизнью, и что она была свидетелем того, как прабабка вышла замуж за геолога Леонида Трофимчука, как однажды посадила свой восьмой «Б» на мотоциклы и во главе лихой мотоколонны отправилась путешествовать по югу страны. И как потом доживала старость наедине с грустью, о чем говорят ее письма старому другу, с которым ее всю жизнь связывала редкая по тем временам эпистолярная дружба.

Сейчас, после первого сеанса с биоматрицей, Севернюк по-

новому прочитала это письмо прабабки. Оно показалось ей рукой, протянутой за помощью из глубины веков, и вот теперь у нее была возможность если не пожать эту руку, то хотя бы душевно прикоснуться к ней.

В последнее время Севернюк тщательно изучала литературу и был той эпохи, в которую жила Галина Швед, ходила в зал исторического фильма, пытаясь проникнуть в психологию людей двадцатого столетия, понять их жизнь, чаяния. Ее поражало противоречие того времени: человек расправлял крылья для дальних полетов и в то же время ковал смертельное оружие, могущее разнести на клочки земной шар. На фоне кровопролитных войн росло осознание величайшей ценности и неприкосновенности человеческой личности.

Некоторые кинодокументы настолько ошелесляли, что она долго не могла прийти в себя. Казалось, само мировое зло упражнялось в придумывании различных способов убийств: людей гноили в концлагерях, загоняли в деревянные дома и поджигали их, расстреливали перед рвами, вырытыми руками самих жертв. Но каким-то чудом из этого кровавого века вылучился гуманный человек. Еще много дел было на Земле, однако он уже не мог оторвать очарованного взгляда от неба, так и жил, прильнув сердцем к земле и звездам.

Связь с биоматрицей возобновилась лишь на вторые сутки. После напряжения бессонной ночи Севернюк поначалу растерялась, услышав контрольный сигнал, но быстро взяла себя в руки, и речевой биоимпульс матрицы, перекодированный фоносинтезатором в звук, не застал ее врасплох.

— Где? Почему так темно?—раздался отнюдь не старческий, приятного тембра голос.

С этими словами будто ветер столетий ворвался в лабораторию. От волнения пересохло во рту. Это уже была связь, не то что при первом сеансе, когда вдруг пошло нечто похожее на бред.

Чувствуя, что может сорваться и закричать от радости и одновременно какого-то инстинктивного страха перед случившимся, Севернюк как можно спокойнее сказала:

— Здравствуйте, Галина Петровна. Вас приветствует двадцать третий век. — И, помня о прабабкиной мечте, решила открыть сразу все карты: — Вы находитесь в первой стадии репликации.

— То есть воскрешения? — уточнила матрица.

— Да.

Наступило молчание. Севернюк оцепенело следила за бешеным миганием лампочек и уже было совсем потеряла надежду на дальнейшее общение, когда вдруг прозвучало:

— Это более чем новость. Однако со мной часто случались необыкновенные вещи, поэтому не бойтесь, я не сойду с катушек. К тому же от эмоционального шока у меня хорошая при-

вивка научной фантастикой, которую я обожала. Но почему в вашем тотсветовском веке не реконструируют полностью? Где мои руки? Ноги? Драгоценная голова? Точно сажу в мешке. И еще такое состояние, будто я сейчас вроде студня, желе. Даже странно, как это мы переговариваемся.

А после некоторой паузы потрясенное сомнение:

— Мне и вправду это не снится?

— Все наяву. Но окончательной репликации, к сожалению, придется подождать. Жизнь в форме биоматрицы, конечно, не полноценна. Чтобы стать прежним человеком, необходимо обрести телесность. Наука прогнозирует такую возможность лет через тридцать-пятьдесят.

— Ничего, я терпеливая. Больше ждала. Нет, все это потрясающе. Но неужели вы победили смерть?

— Не совсем. Пока что мы смертны. Точнее, смертно наше первичное тело. Однако печаль наша, когда мы расстаемся с ним, не столь велика, как у вас, потому что знаем — впереди новая жизнь.

— Как долго я буду пребывать в таком вот аморфном состоянии?

— Если пожелаете, я могу выключить ваше сознание в любую минуту.

— Но где гарантия, что я опять оживу?

— Все учтено.—Севернюк улыбнулась опасению родственницы — другой долго переваривал бы сам факт реконструкции, а она заботится о том, чтобы не умереть вторично. — Есть вариант: до нового шага науки вы можете жить как сейчас, в форме биоматрицы.

Швец долго молчала. Узор биоимпульсов на экране репликатора говорил о том, что она в глубоком раздумье.

— Я хочу быть узнанной, — наконец сказала она.

— Кем?

— Теми, кто любил меня и знал. Надеюсь, их тоже восстановят?

— Разумеется. Только не всех сразу — для этого у нас пока не хватает человеческих ресурсов.

— Сколько же лет новой жизни вы подарите мне? Или теперь я никогда не умру?

— Как только почувствуете усталость, можете спокойно уснуть.

— Но перед сном всегда надеешься на пробуждение.

— Вам не захочется его, когда будет исчерпана вся духовная энергия.

— Боюсь, что она долго не иссякнет! — развеселилась прабабка. — Не зря я любила Гёте: «Смерть старая уж не разит как гром. Глядишь на труп, но вид обманчив. Снова недвижимое задвигаться готово». От всей этой фантазмагории дух захватывает. Выходит, у меня есть шансы когда-нибудь встретиться с

Львом Толстым или Жанной д'Арк? Но учтите, кроме гениев и героев, на земле жило много чудовищ, и если они тоже воскреснут...

— Пока не будем касаться проблем Высокой Морали. Все это не очень просто.

Ответ заметно взволновал прабабку.

— Как?! — воскликнула она. — Куда яснее — нельзя оживать злодеев! Какая же в этом проблема? В противном случае в вашем гармоничном мире вновь будет посеяна преждевременная смерть.

— Я тоже такого мнения, — согласилась Севернюк. — Но, к сожалению, у меня есть оппоненты.

— Вероятно, те, кто плохо знает историю? Какая досада, что я лишена подвижности, иначе сейчас же развернула бы кампанию против репликации тех, в ком сидело зло.

— Это излишне. Дело в том, что у воскрешенных преступников настолько сильны и невыносимы муки совести, что жить они уже не в состоянии и умирают почти тут же в форме биоматрицы, сколько бы раз их ни реплицировали. Почему так происходит, загадка — ведь при жизни их мало что мучило. Вопрос: надо ли тратить средства на восстановление людей с отметиной в реплигене?

— Что за отметина?

— Мы назвали ее черной точкой зла. Оказалось, в реплигене зафиксированы не только биологические, но и приобретенные, нравственные параметры человека... Как же все-таки быть с вами?

— А что такое? — всполошилась Швец.

Севернюк тяжело было признаться в том, что она должна прекратить сеанс, но иного выхода не было.

— Значит, меня оставят в покое до нового шага науки? — В вопросе прабабки прозвучала печаль.

— Этого требует Основная Инструкция.

— В нашем роду никогда не было бюрократов, — сердито сказала прабабка. — Мы легко нарушали инструкции, если они устаревали. Я хочу жить в любом состоянии. Даже в такой вот кромешной тьме, как сейчас, когда не поймешь, каким образом без языка и ушей я общаюсь с вами. У меня просто нет терпения ждать еще тридцать-пятьдесят лет.

Это заявление вызвало улыбку — вот уж поистине фамильная жажда жизни!

— Первая глава начата. Значит, будут и другие, — пообещала Севернюк, сожалея о том, что вынуждена прекратить сеанс — и так слишком много информации выдано для первого раза.

— Как вы сказали? — оживилась прабабка. — Глава? Прекрасно! Выходит, и впрямь творчество самой жизни стало главным искусством. Но все же я в огромном нетерпении и беспо-

койстве — не продолжить ли нам эту главу сейчас, не теряя ни минуты? Кто знает, что будет завтра. Мы, люди двадцатого столетия, привыкли ценить сегодняшний миг, и поэтому я спешу. Пожалуйста, возьмите бумагу и карандаш. Письма — мой любимый вид общения. Неважно, что моего адресата еще нет. Он был и, я теперь знаю, будет! Пишите:

«Друг мой! Прежде чем случится наша встреча через столетия, хочу напомнить Вам о давнем споре, когда Вы обругали меня беспочвенной фантазеркой. Переспросите-ка своих избавителей, какой нынче век. Еще раз. И еще. Ну вот, а Вы не верили, что птица Феникс где-то совсем рядом приветно машет крылом».

АЛЬБЕРТ ВАЛЕНТИНОВ

МИККИ

— Бол-ван! — потеряв самообладание, изо всей силы рывнул Платон, и оконные стекла задребезжали, в микроскопе что-то тренькнуло, а пробирки в штативе отозвались жалобным колокольным перезвоном. — Хватит! Чтобы я больше слова об этом не слышал.

— Почему? — удивился Микки.

Над дверями лабораторий горят предостерегающие транспаранты: «Не шуметь! Идет опыт». Платон сорвался, и вот результат: жидкость в пробирках дрогнула, нарушилось неустойчивое химическое равновесие, и ядра атомов нуклеиновой кислоты снова прочно закрыты для посторонних веществ. Пропали впустую трое суток, в течение которых пробирки с кислотой облучали мощной ионизирующей струей, расшатывая прочные внутримолекулярные связи. Придется начинать сначала, и все из-за этого болтуна Микки.

— Почему? — снова спросил Микки.

Платон мысленно застонал. С каким бы удовольствием дал ему по башке, но бесполезно: не поймет.

— Потому что ты просто не представляешь, чего просишь.

Микки упрямо замотал головой. Этот жест, как и все прочие, он перенял от людей.

— Отлично представляю. Я хочу любви.

Михаил и Евгений, работающие за соседними столами, поползли на пол, а Рита, тарировавшая раствор, откровенно хихикнула и спряталась за бюретками.

Хохотали не над Микки. Это Платон сразу понял. Багровый от ярости, он вскочил на ноги, и стул с визгом проехался по паркету. Впрочем, Платон тут же пришел в себя. Человек не имеет права злиться на работа: всегда виноват создатель, а не машина. Но... на Микки нельзя было не злиться. Он как Бура-

тино из детской книжки. Щуплое тельце в красном комбинезончике, щуплые ручки и ножки. Голова-бочонок в дурацком колпаке с бубенчиками, весело поблескивают бусинки-индикаторы. А вместо носа лабораторные шутники приделали кенотрон от древнего радиоприемника. И это забавное недоразумение требует любви!

— Вот что, — сказал Платон, придвигая стул обратно и сядя на него верхом, — я понял, в чем дело: ты просто взбесился от скуки. Тебе нечего делать, ты не загружен. С сегодняшнего дня я запрягаю тебя в работу.

Последняя фраза прозвучала весьма внушительно, тем более что предназначалась не только для Микки. Платон не знал, как правильно сказать: «запрягаю» или «впрягаю». Черт знает, из каких глубин пришел этот термин и каково, собственно, было его первоначальное значение?

— Я не могу работать, — печально сказал Микки, покачивая головой, и получилось очень смешно, потому что интонация умерительно не соответствовала забавному облику, а звон колокольчиков еще сильнее подчеркивал это несоответствие. — Я не создан для работы. Я создан для развлечения. Когда человек расстроен, утомлен, когда не ладится опыт и пробы так и норовят выскользнуть из пальцев, достаточно взглянуть на меня, и невольно улыбнешься. Потом вы говорите: «Микки, анекдот», и я выдаю анекдот каждый раз новый, а вернее, очень старый, потому что новые анекдоты вы сами рассказываете друг другу. Впрочем, неважно. На эмоции влияет не только качество информации, но и манера ее преподнесения. А потом вы уходите и запираете дверь, и Рита уходит, а я остаюсь один до утра.

— И что же ты делаешь здесь по ночам, Микки? — ухмыляясь, спросил Евгений.

Микки старательно пожал плечами: на очевидный вопрос полагается пожимать плечами. И как всегда, вышло смешно, но сейчас никто не расхохотался, даже Рита.

— Я сажусь на пол, подключаюсь к розетке и читаю книги.

Платон снова смутился. Это была его идея — робот-посмешище. Когда Микки объяснял свое назначение, он не упрекал, он просто констатировал факт.

— Ну хорошо, — сказал Платон, — но ведь можешь же ты что-то делать.

Микки задвигал головой вправо-влево, вправо-влево.

— Нет, я узкоспециализированный робот. Я могу только читать книги и рассказывать анекдоты.

Этого ответа Платон ждал и заранее подготовил сокрушительный логический нокаут.

— Но в таком случае ты не можешь и любить.

Все-таки приятно иной раз поговорить с роботом! Тренировка ума: всю беседу рассчитываешь на много ходов вперед, как в шахматы со слабым противником. Иногда они на пари состав-

ляли логические посылки, и робот точно следовал программе. Эта игра заменяла домино в обеденный перерыв. Чемпионом был Михаил: он наловчился рассчитывать на тридцать ответов вперед. Платон шел вторым. И хотя до обеда оставалось еще два часа, его вдруг охватил спортивный азарт. Вот сейчас Микки забавно разведет ручками и скажет: «Ну, если любовь — это работа, тогда я действительно...»

— Любовь — это не физическая или умственная деятельность. Это сильнейшая эмоция организма. К тому же не приобретенная в процессе эволюции, а заложенная изначально природой. Я хочу знать, что это такое, чтобы понять, в чем смысл существования.

Рита вышла из-за своих бюреток и медленно направилась к ним. Ее пышная юбка колоколом, раскачивающаяся на ходу, и блузка-безрукавка не очень-то подходили для лаборатории, но Риту нельзя было заставить одеваться иначе, чем по последней моде. Четверть годового бюджета лаборатории уходила на ее наряды, и болтаться с ней по магазинам было тяжелой обязанностью, на которую шли строго по очереди. Ее карминные губы улыбались, и даже в глазах, не в индикаторах, а в настоящих человеческих пересаженных глазах, плавала усмешка. Она тронула Платона за рукав, а он никак не мог опомниться.

Робот одолел его в логическом споре! Не дал себя запутать, вскрыл глубинную связь явлений и вышел победителем в том, в чем человек просто по складу своего ума не имеет себе равных — в подспудной логической связи, иначе называемой алогичностью. Но ведь робот не способен, не имеет права оперировать алогичными связями, на то он и робот, черт побери!

— Он уже надоел мне с этой любовью, — ехидно сказала Рита. — Когда все уходит, он названивает мне по видеку и спрашивает, спрашивает, спрашивает... И что такое любовь, и что такое ненависть, и что такое жизнь, и зачем мы существуем, и чем отличаемся от людей, и другие нелепые вопросы. А потом сам все рассказывает, каждый раз по-новому, и читает мне книги, и не дает спать.

Евген и Михаил тоже подошли к ним. Близорукие глаза Михаила за толстыми линзами бегали по лицам, очевидно, он тоже начинал понимать, что происходит.

— А не объяснялся он тебе? — выпалил Евген, и Платон еле сдержался, чтобы не вклеить этому сосунку по физиономии.

— Нет, но интересовался, могли бы мы полюбить друг друга.

— А ты как думаешь?

— Разумеется, нет. Андроиды не способны любить, а кроме того, мы качественно разные: он робот, а я кибер.

У Платона все лпыло перед глазами. Голоса сквозь шум в ушах доходили искаженными, глухими, словно из далекого далека. Неужели этот олух не заткнется? Он протянул руку, чтобы одернуть Евгена, но не успел.

— Микки, но раз ты все знаешь, чего же ты от нас хочешь? И робот ответил именно так, как боялся Платон.

— Я знаю, но не понимаю. Не могу уловить сути. А без этого мое знание рождает лишь новые и новые вопросы. Я знаю, что смысл жизни состоит из ограниченного количества констант, среди которых любовь одна из главных. Из-за нее греки развязали кровавую Троянскую войну. Пенелопа десять лет делала заведомо бесполезную работу, Ромео и Джульетта умерли. Любовь — это радость, это ликование души, она делает человека безмерно счастливым и несказанно добрым. И тем не менее из-за нее люди отказывались от всего, что им давала жизнь, совершали тягчайшие преступления. Абеялр и Элоиза, Паоло и Франческа, Герасим и Муму... Что лежит в основе их поступков? Я знаю, что любят не только себе подобных или животных, но и вещи. Один симпатичный литературный герой завещал написать на своей могиле: «Он любил и страдал. Любил деньги и страдал от их недостатка...»

Платон взвыл и схватился за голову. Какой идиот подсунул этому жестяному чуду Ильфа и Петрова? А Евгений хохотал. Он повалился на пол и самозабвенно сучил ногами, перекачиваясь с боку на бок, надрываясь, и кашлял, и вытирал слезы...

— Встать! — крикнул Платон, бледнея, и в лаборатории установилась нехорошая тишина. Евгений медленно поднялся, осоловело хлопал ресницами и вдруг тоже побледнел: понял.

— Все за работу! Рита, вылей раствор, сегодня он не понадобится. — Ты, юморист, — ткнул он пальцем в Евгения, — выдели новые кислоты и поставь под облучение. С тобой, Миша, мы еще раз проверим расчеты...

Весь день Платон гонял людей и Риту, не давая им передышки. А вернее, гонял себя, чтобы все улеглось, устоялось... Микки он не трогал, будто не замечал. И тот не вертелся, как обычно, под ногами, а забился потихоньку в уголок. Однако перед уходом Платон не запер его в лаборатории, как всегда, а разрешил расхаживать по коридорам и даже гулять в институтском саду. А выйдя на улицу, он вдруг остановился, замер на мгновение, страдальчески хмурия брови, и вдруг кинулся обратно. Микки в лаборатории уже не было, очевидно, отправился шататься, обрадовавшись свободе. Озираясь и чувствуя, что делает глупость, Платон сгрел все книжки, которые только увидел, в том числе и технические, и запер в сейфе. Но облегчения это не принесло.

Он шел домой с тем выражением лица, какое бывает у человека, изобретающего крем для ращения волос, а получившего взрывчатку. Вряд ли он сознавал, куда идет. Ноги сами вышагивали привычный путь, огибая встречных. Несколько раз его окликали знакомые, кто-то подошел и удивленно заглянул в лицо. Платон ни на что не реагировал. Перед его мысленным взо-

ром бушевал водопад — огромная масса воды, тугой и плотной, как резина, вздыбясь горбом, стремительно летела меж узких берегов. И вот уже выворачиваются камни и прыгают по стрелю, как мячики, обламываются берега, падают, беспомощно трепеща кронами, деревья, бушует слепая стихия, и нет силы, которая могла бы ее обуздать. Этот водопад — поток сознания, забивший вдруг в сложном переплетении магнитных ячеек и электронных связей искусственного мозга робота. Во что это может вылиться?

Платон затормозил, будто влетел в лужу с клеем, судорожно вздохнул и стиснул зубы, собирая разбегающиеся мысли. Надо было сегодня, сейчас, немедленно понять, что же, собственно, произошло. Завтра, он чувствовал, могло быть поздно.

Любовь? Чепуха! Внезапный интерес робота к этому, казалось бы, несовместимому с искусственным механизмом явлению, логически вполне оправдан. В роботах заложена способность к самосовершенствованию, и они постоянно суют нос во все щели, заполняя свободные ячейки информацией. Но всегда интересуются тем, что имеет отношение к их деятельности. Логика: зачем изучать то, что не может пригодиться? А какая деятельность у Микки? Он-то как раз и имеет дело с эмоциями — забавник, шут гороховый, слепленный в веселую минуту из подручных материалов. И вдруг Платона, точно плазменный разряд, обожгла мысль: как Микки определяет, какой анекдот смешной, а какой нет? Ведь роботы не обладают чувством юмора...

Стоп, приятель, ты заврался. Роботы обладают чувством юмора, только их юмор совсем непохож на человеческий. Их смешит все логически несообразное.

Платон внезапно рванулся с места, будто за ним гнались. Ему всегда легче думалось на ходу, а тут показалось, что нашлась зацепка. Юмор роботов... Они не умеют смеяться, за исключением биокиберов-люкс типа Риты, но свои критерии смешного у них есть. Робот не поймет, почему хохочут люди в цирке, когда клоун наступает на грабли и от удара на лбу вздувается огромная шишка, а из глаз сыплется искры. И шишка и искры — логические последствия неосторожного шага. Но его индикаторы засветятся ярче, температура смазки подскочит на несколько градусов, а подключенные приборы покажут резкое увеличение расхода энергии, если человек, скажем, выпьет спиртного, нарушив этим работу участков мозга, координирующих движения, перегрузив сердце и печень, притупив остроту реакций и зрения, короче, нанеся себе неоправданный вред. На этом и основана «Роботиана», над которой хохочет весь мир, — цикл анекдотов, будто бы рассказанных старым роботом Микки и смешных именно тем, что они вскрывают нелепость самых обыденных, издавна привычных человеческих поступков... с точки зрения робота. Их Микки назван в честь этого легендарного героя. Но как он определяет смешное с челове-

ской точки зрения? Быть может, «алгеброй гармонию поверил»? Нет, не то, не то.

Платон торопливо, выворачивая подкладку, зашарил по карманам в поисках сигареты. Неподалеку в воздухе плавал голубоватый шар-светильник, и Платон вступил в самый центр светящего пятна, словно это могло принести ясность мышления. Сделав несколько затяжек, он постепенно начал успокаиваться.

А что, собственно, случилось? Из-за чего такой переполох? Платону стало стыдно. Что подумали сотрудники, когда он как помешанный помчался по улице, высоко вскидывая голенастые ноги и широко размахивая, по дурацкой привычке, руками? Всегда он так: воспринимает факты эмоциями, а не точной логикой рассуждения. Вот сейчас начал думать, и все встало на свои места.

Микки ведь не приспособлен ни к какой работе. Его дело — читать книги, рассказывать смешные истории, а главное — улавливать и нейтрализовать отрицательные эмоции окружающих. Оставим пока в стороне вопрос, как он определяет юмор, хотя... Микки ни разу не рассказал ни одного анекдота из «Роботианы». Тоже, между прочим, заслуживает внимания.

Шар над головой слегка двигался, колеблемый ветром, и Платон машинально перебирал ногами, все время оставаясь в центре круга.

Нет, определенно ничего страшного не произошло. Просто Микки начался романов, благо по просьбе сотрудников ему выдают книги из библиотеки на ночь. Платон сделал быстрый подсчет: Микки семь месяцев, за ночь он может одолеть пять-шесть томов и все запомнить слово в слово. Ого! Немудрено, что он свихнулся. Ведь каждая книга так или иначе про смысл жизни. И любовь... Все правильно: самая сильная эмоция. А он не понимает, что рассудком это не схватишь, только сердцем... Нет, надо будет приставить его к работе.

Платон откинул со лба взмокшую прядь и вышел из круга. На душе стало легко, так легко, что даже ноги расслабились, заныли в коленях. Конечно, во всем виноват он. Робот с неограниченными степенями свободы не игрушка. Он постоянно соотносит свои возможности с возложенной на него деятельностью. Решено, Микки будет заниматься делом. Вот Рита, она же не думает о всякой чепухе...

А почему, собственно, не думает? И вообще, кто знает, о чем она размышляет одна в своей комнате при институте, которая обставлена как у любой молодой девушки? Платон опять остановился и полез за новой сигаретой. Рита — модель-люкс индивидуального изготовления. Она киборг — кибернетический организм, сделана из белковой плоти, наращенной на пластиковый скелет, а особый раствор в ее жилах разносит по телу гораздо больше кислорода, чем кровь. Она употребляет пищу, чтобы кожа была гладкой и красивой, но может долгое время обхо-

диться и без нее, потому что «вечная» атомная батарейка — лучший источник энергии. От человека ее по внешности не отличишь. Микки и считает ее почти что человеком. А она сама?

У нее свои симпатии и антипатии. Она терпеть не может этого мальчишку Евгена, донимающего ее плоскими шуточками, под любым предлогом старается выскочить в коридор, если услышит голос Льва Козырева, баскетболиста и великана. И не слишком ли часто в последнее время она повторяет, что андрюиды не способны любить? Кого она уговаривает? Она точная копия женщины, и не только биологически. Машина, руководившая ее созданием, считывала генетический код у самой красивой девушки института.

Теперь Платон избегал световых пятен и шагал по дальней стороне тротуара, не замечая шарахающихся прохожих. От недавнего душевного покоя не осталось и следа.

Вопросы, вопросы, вопросы... Их начали задавать, когда еще не было роботов. Не считать же за них первые примитивные электронно-счетные машины. И задают сейчас. И нет на них ответа. То есть ответ, разумеется, есть. Удобный ответ, успокоительный, как валериановые капли, которые приносят видимое облегчение, не излечивая болезнь. И такая же в этом ответе фальшь, как и в валерианке. Конечно, лучше всего делать роботов не человекообразными, но...

Человек чувствует себя богом, создавая роботов по образу и подобию своему. Они отличные слуги — верные, исполнительные, никогда не устают и всегда в хорошем настроении. И облик их нужен именно такой: ведь все, созданное человеком, — машины, станки, жилища, инструменты — подогнано по своей мерке. Не делать же все это другим специально для роботов, гораздо легче роботам придать привычную форму. Но есть еще один аспект: попробуй пообщайся с механизмом, у которого, скажем, четыре руки и восемь глаз по окружности туловища. Делались такие монстры, очень удобные и ловкие в работе, только никто больше недели рядом с ними не выдерживал. Вот с Ритой приятно работать. Она очень женственна, мягка, застенчива... С ней так приятно, что даже не задумываешься, зачем она так похожа на человека. И то, что она нежнее человека, и хуже переносит перепады температур, и может употреблять только высококачественную пищу, кажется совершенно естественным. Рита — переходная модель, опытная. На ней отработывалась методика выращивания организма в искусственной среде. А вот они сейчас изо всей силы «вбивают» в молекулы рибонуклеиновой кислоты кремний, чтобы киберы обладали каменными телами, могли проходить сквозь огонь и выдерживать марсианский холод... Это необходимо, потому что органические роботы гораздо лучше ориентируются в сложных, постоянно меняющихся условиях других планет, чем стальные гиганты с электронным мозгом. Но неужели они тоже будут искать смысл жизни?

Проклятье! Платон попал ногой в выбоину на тротуаре и едва не растянулся. Недаром дурное предчувствие тяжелой глыбой лежало на сердце. Как ни крутись, а главное, самое страшное — поток сознания. Робот осознал себя, понял смысл своего существования, вернее, отсутствие смысла. Риголетто прозрел и должен взбунтоваться. Ибо ничто мыслящее не может служить забавой для других — только равным партнером, а мы, его создатели, как раз к этому еще не готовы. Не предусматривали такой возможности. Разумеется, Микки не станет подстерегать с дубиной за углом. Интересно, в какую форму выльется его бунт?

Платон закурил третью сигарету, но теперь уже с облегчением. Когда вскрыты причины опасности, нетрудно их устранить. Микки не приспособлен для физической работы, но считать-то он может. Завтра же надо будет заменить ему кристаллы и подключить к большому компьютеру. Из него выйдет отличный математик — деловой, прагматичный, без капли романтики. Правда, это уже будет не Микки... Он забудет все, что вычитал и понял, — опаловые рассветы над морем и нежный шелест вечернего ветра в кустах, лунную дорожку на реке, и задорный женский смех, и неумное стремление к познанию, когда сажаешь корабль на незнакомую планету, и радость победы, и горечь поражения, и жажду жизни, и безудержную ярость, когда вступаешь в единоборство с темными слепыми силами... Он забудет все, что познается эмоциями, но взамен приобретет другое — красоту математических формул, скрывающих в себе все законы Вселенной, откроет для себя новый мир — мир всемогущих чисел, научится управлять ими. Замена, конечно, не равнозначная, но это единственный выход. А согласился бы он сам, Платон, на такую замену?.. Хорошо, что Микки можно не спрашивать. К счастью, у него рядовой электронный мозг, вот с Ритой было бы сложнее...

Платон швырнул сигарету в цветочную клумбу и нырнул в двери дома, которые запахнулись при его приближении. Уже засыпая, он лениво подумал, что было бы интересно узнать, чем занимается сейчас Микки.

...Что-то подбросило его, и Платон сел, держась за одеяло и уставившись в темноту расширенными глазами. Дикий сон: куда-то он проваливался, а вокруг со страшным звоном рушились стены. Только несколько секунд спустя до него дошло, что это надрывается видеофон.

Ночь за окном сгустилась в липкий грозовой мрак, как всегда перед рассветом. Еще не нажав кнопку, Платон знал, что произошло непоправимое. На экране выступило искаженное лицо Риты.

— Платон, приезжай немедленно. Микки в лаборатории...

— Что, что? — кричал он, не в силах вот так сразу принять случившееся.

— Не знаю, я боюсь. Во всем институте выключен свет. Это Микки...

Платон громыхал по лестнице, натягивая пиджак прямо на пижаму. Как назло, возле дома ни одной свободной машины. Он бежал по мостовой, задыхаясь, размахивая руками, забыв, что надо просто нажать кнопку на ближайшем столбике вызова. Наконец где-то через два квартала его нагнала «черепашка». И, уже набрав индекс маршрута и откинувшись на сиденье, Платон понял, чем занимался Микки этой ночью: анализировал ход мыслей его, Платона. Недаром он специализирован по человеческим знаниям. Микки прошел вместе с ним по улицам, стоял в световом круге, нервно затягивался сигаретой, переходил от надежды к отчаянию и отыскал наконец то вынужденное решение, к которому привела жестокая логика. А отыскать, нанеся контрудар.

Рита ждала в воротах парка, стягивая у горла края кофточки неестественно белыми в темноте руками. Пижамную куртку она сняла, но осталась в брюках.

— Он пришел ночью, схватил меня за руку и потащил в вестибюль к большому зеркалу. Долго разглядывал нас обоих и анфас и в профиль, а потом, ни слова не сказав, ушел. И вот...

Первое, что увидел Платон, когда ворвался в лабораторию и чиркнул спичкой, — сорванная предохранительная решетка с шин высокого напряжения, а под шинами, черными, обгорелыми, — капли застывшего металла. Микки был сделан из обыкновенной, нетугоплавкой стали... Платон включил рубильник аварийного освещения и, тяжело ступая, прошел к своему столу, на полированной поверхности которого чужеродным телом белела записка. Он вдруг почувствовал себя старым и одиноким. Рита неотступно шла рядом, и в ее глазах он увидел жалость и смятение — чувства, конструкцией роботов не предусмотренные. Но теперь это его не пугало. И, распиная себя каждым словом, он прочел записку, а потом медленно разорвал бумажку на мелкие клочки.

— Болван! — сказал он.

Но это относилось не к Микки.

АЛЕКСАНДР ЗИНУХОВ

В ЛЕТО 6454

Древляне же спросили: «Что хочешь от нас? Мы рады дать тебе мед и меха». Она же сказала: «Нет у вас теперь ни меду, ни мехов, поэтому прошу у вас немного: дайте мне от каждого двора по три голубя да три воробья. Я ведь не хочу возложить на вас тяжкой дани, как муж мой, поэтому-то и прошу у вас этой малости». Древляне же, обрадовавшись, собрали от дво-

ра по три голубя и по три воробья и послали к Ольге с поклоном. Ольга же сказала им: «Вот вы и покорились уже мне и моему дитяти. Идите в город, а я завтра отступлю от него и пойду в свой город». Древляне же с радостью вошли в город и поведали обо всем людям, и обрадовались люди в городе. Ольга же, раздав воинам — кому по голубю, кому по воробью, — приказала привязывать каждому голубю и воробью трут, завертывая его в небольшие платочки и прикрепляя ниткой к каждой птице. И, когда стало смеркаться, приказала Ольга своим воинам пустить голубей и воробьев. Голуби же и воробьи полетели в свои гнезда: голуби в голубятни, а воробьи под стрехи. И так загорелись — где голубятни, где клетки, где сараи и сеновалы. И не было двора, где бы не горело. И нельзя было гасить, так как сразу загорелись все дворы...

Из «Повести временных лет»

1. Знамена

«...в лето 6454...»* были в Древлянской земле знамена страшные. В сечне вдруг загредел гром, и появились в небе три огненных столба, один из них вскоре превратился в небольшой, изменчивой окраски шар. Покружив над коростенским торжищем, что за рекою Уж, он разорвался на бесчисленное количество огненных брызг, испепеливших городище и всех, кто там был. Коростенские мальчишки, рывшиеся на пепелище, часто находили желтые капельки янтаря, привозимого гостями** с берегов Варяжского моря, оплавленные серебряные монетки из арабских стран и другие следы былого торгового величия.

Когда сошел снег, неизвестно откуда налетели полчища воронов, усеяв черно-сизыми телами леса близ Коростеня. Вместе с их траурными голосами вошла в каждый дом тревога. Тогда собрались старейшины и решили обратиться к ведунье. Старая ведунья, издавна живущая при дворе князя Мала, высыпала в огонь магнетический порошок, вдохнула розоватый дым и предрекла голод и смерть от вулканова горшка. Старейшины не знали, что такое вулканов горшок, зато хорошо знали голод и смерть, поэтому по обычаю ведунью, предварительно связав ей руки, бросили в реку, быстро и жадно поглотившую тщедушное тело.

Старейшины принесли в жертву богу солнца и неба черного бычка с белой звездочкой на лбу, прося отвести от древлян беду и покарать тех, кто замышляет против них дурное.

— ...злой лик, злой взгляд, злой рот, злой язык, злые губы, вредный яд, — шептали они вслед за старейшиной Фарнге-

* 946 год. Далее все цитаты по изданию «Повести временных лет» по Лаврентьевской летописи 1377 г. М.—Л., 1950.

** Гость — купец (древнерус.).

том, — о, бог солнца Нисс *, закляни их, испепели, высуши их злобный разум...

Но бог не услышал их просьбы.

2. И ста около града...

«...и ста около града...», надолго увязнув под каменной твердыней Коростеня. Ожидание, как кислота, разъедало войско.

— Будем ждать! — пытаюсь придать голосу твердость, сказала великая княгиня. — Можете идти.

Первым, скрипнув новой кожей высоких сапог, вышел воевода Свенельд. Казалось, даже серебряные молоточки, висящие на его шейной гривне, прозвенели: «Не согласен».

За ним почти одновременно вышли из походного шатра княгини его сын Мистиша, воспитатель молодого князя Асмуд, начальник отряда озоров Якуна и князь Святослав. На мгновение долгий червневый закат заглянул в жилище княгини своим воспаленным глазом, порождая в душе беспокойство.

Мужчины ушли, но напряжение последних дней не оставляло княгиню. Взять Коростень приступом не удалось. Дружина Святослава потеряла треть, а дружина Свенельда четверть воинов. Еще одна такая попытка, и походу конец, а вместе с ним и ей, Ольге. Она прислонилась затылком к высокой спинке стула и задумалась. Иногда ей хотелось стать обычной бабой, ходить в простой холщовой рубаше, может быть, единственной, жить в полуземлянке где-нибудь на Подоле, рожать детей и быть битой мужем, грубым, но сильным, а самое главное, настоящим.

Усилием воли она отогнала эти мысли. Она княгиня. Великая княгиня и поэтому всегда и за все отвечает сама. Никто не может ей помочь, а как хочется опереться на сильную руку! Как хочется почувствовать себя слабой через чью-то уверенную силу, которая защитит, и все решит, и за все ответит.

Она невесело усмехнулась и снова вспомнила вчерашний разговор с Якуной. Он был одним из тех немногих людей, которым она доверяла.

Когда князь Олег привез ее из Плескова и обручил с недонском Игорем, сыном Рюрика, Якуна буквально заменил ей отца. Девочка-жена со славянским именем Прекраса играла куклами, сделанными его руками, заслушивалась страшными сказками, которых Якуна знал множество, а ложась спать, брала ручонками его огромную руку. Теперь он больше чем отец, потому что знает ее тайну, горькую тайну взрослой женщины.

Ольга вспомнила его слова:

— Когда мы ходили под Царьград с князем Игорем, не греки побили нас, а «греческий огонь». Страшное оружие, подоб-

* Нисса — древнеугр. «солнце». О наличии древнеугрского компонента можно судить по названию города Искоростень. Сравните марийский Йошкар-Ола.

ное гневу Перуна. Если достанем его, возьмем Коростень.

— У меня сильное войско, — возразила она, — а голод сам откроет ворота.

— Осада равнозначна поражению. Погубим людей и потеряем время. Ходят слухи, что ты из-за древлянского князя Мала не хочешь брать Коростень.

— Кто распускает их?

— Ты же знаешь, люди Свенельда. Не возьмешь град, погибнешь, а с тобою и весь род князей славянских, правивших Русью.

Беспокойство давно перешло в тревогу, железными пальцами сжимая виски, доводя до безумия. Единственное средство — купание в реке. Летом и зимой, в любую погоду, она прибегала к нему, поэтому, где бы ни появилась княгиня, слуги первым делом строили купальню.

— Сунильда! — позвала она сенную девуку.

Та неслышно появилась из-за перегородки, отделявшей спальные покои княгини от остального помещения.

— Купаться! — повелительно сказала Ольга и легко встала со стула.

В свои пять с небольшим десятков лет она выглядела молодой женщиной. Жесткий режим полностью подчинил себе тело, но вот душа... Она жила сама по себе, и царили в ней раскол и хаос.

Вернулась Сунильда, неся полотенце, гребень для волос и небольшой флакон зеленовато-синего египетского стекла, из которого обрызгала одежду княгини желтой, остро пахнущей жидкостью.

— Теперь комары не страшны. — Сунильда натянуто улыбнулась.

Ольга брезгливо взглянула на ее смуглое лицо и молча вышла из шатра. Сунильда как тень скользнула за ней. Она и была тенью, которая подслушивала, подглядывала, доносила Свенельду о каждом шаге княгини.

На краю земли желто-красными перьями догорала заря. На ее изменчивом и прекрасном теле тремя огромными бороздками громоздились каменные укрепления Коростеня.

«Все могло быть иначе», — подумала она и, поправив накидку, быстро прошла мимо воина, охранявшего вход в шатер.

Река была рядом, напоминая о себе сочностью трав, с хрустом гибнущих под ее сапожками, пахучей влажностью воздуха и безудержными песнями лягушек.

По узенькой тропинке она подошла к купальне, устроенной на небольшой песчаной отмели — редкости для каменистой реки Уж. Ольга уже успела раздеться, когда слышались торопливые шаги и учащенное дыхание Сунильды. Девушка держала в руках факел, и его неверный свет пятнами разлегался на воде. Она собрала одежду княгини и стала развешивать на железных

крюкал, вбитых в дощатые стены купальни, а княгиня смело вошла в воду и поплыла.

Течение тут же подхватило ее. Она почувствовала нестерпимое желание отдаться его ласковой силе и хотя бы ненадолго почувствовать себя слабой женщиной. Ольга перевернулась на спину, широко раскинув руки, словно пытаясь обнять небо, на котором загорались лукавые глаза звезд.

Епископ Григорий, или поп Григорий, как зовут его киевляне, говорил, что где-то там находится бог. Живя в небесном доме, он очень хочет, чтоб присутствие его ощущалось в доме земном. Ольга вспомнила Марию. История этой женщины, родившей сына божьего, так напоминала ее собственную историю.

В крохотной церкви святого Ильи, что уютно примостилась в устье реки Почайны под Киевской горой, была старая, почерневшая от времени икона, изображавшая Марию с младенцем на руках. Подолгу всматриваясь в ее лицо, Ольга видела в Марии себя, а в себе чувствовала Марию и не верила епископу Григорию, старательно рассказывавшему историю о непорочном зачатии. Ее сомнения разрешил хазарский гость, который на пути из Саркел в Новгород остановился в Киеве. Мария, или Мариам, как называл он ее на иудейский лад, тоже вела двойную жизнь. Жена туповатого плотника из Вифлеема полюбила начальника Калабрийского легиона, стоявшего в Иудее, красавца Иосифа Пандеру, который и был отцом Иисуса.

Ольге, имевшей двух незаконнорожденных детей от древлянского князя Мала, городище которого ее войско теперь осаждает, было понятно горе, и скорбь, и отчаяние, застывшие в выразительных глазах Марии.

«Все могло быть иначе», — снова подумала она. Успей Мал после гибели Игоря в Древлянской земле приехать в Киев раньше Свенельда. Теперь не пришлось бы ей осаждать град человека, которого она всю жизнь любила, а ему не пришлось бы прятаться в тайных покоях ее замка в Вышгороде.

Голос служанки, звавшей ее, прервал размышления. Она поплыла к берегу, ориентируясь по свету факела.

Одеваясь, Ольга смотрела, как жгучие капли конопляного масла, падающие на дощатый пол, прожигали его почти насквозь.

«Огонь! Только огонь! — подумала она. — Нужно решаться!»

3. Коростень

«...не можаше взяти града...», поскольку расположен Коростень на высоком каменистом берегу реки Уж, впадающей в Припять. Тройные валы, реки и болота надежно защищали город от врага.

Издавна был Коростень главным градом некогда обширной

земли древлян. Торговые пути из западных стран вели в Коростень, а оттуда по реке Припяти в Киев, который раньше также принадлежал древлянам.

Ближайшими соседями древлян были поляне. Многочисленное их племя вело свой род от ляхов, заселявших плодородные равнины у реки Вистулы. Может, тесно стало на родине, а может, враг выгнал, только пришли поляне на Днепр и поселились южнее древлян по течению рек Роси и Тясмина. Так и жили, вреда друг другу не причиняя, поляне и древляне, пока зависть не посеяла вражду. Захватили поляне Киев, да так уж больше и не отдали.

Много времени прошло с тех пор. При князе Олеге вновь примирились племена. Вместе в Царьград ходили. Силу славян миру показали, только не нравилось это многим. Умер Вещий Олег от укуса змеи, но не в чашу ли с вином пустила яд та змея? Не норманским ли именем прозывалась? Кто теперь знает? А дружба прошла, как и все проходит. Киевские полки стоят у Коростеня. Крепостные валы отделяют жизнь и смерть, пока отделяют. Что же будет завтра?

4. Сын Нискин *

«...поимем жену его Вольгу за князь свой Мал...», но не так все получилось. Послы древлянские погибли в яме, а он, предупрежденный Ольгой о замысле Свенельда, ночью бежал в Вышгород. Позор! Второй год в тайнике, не имея возможности вернуться в родной Коростень. Его там не ждут, ибо для них он погиб вместе со всеми послами. Для всех, кроме Ольги, он умер. Только ее голосом он может сказать: «Я есмь».

В этом бесконечном сидении были и свои преимущества — он научился думать. Старый Фарнсет когда-то говорил: «Повелители должны действовать, думать за них будут другие». Теперь он сам ощутил сладость рождения и созревания мысли. Дома в его библиотеке хранились копии вырезанных на дереве древних письмен. Когда-то с помощью Фарнгета он научился их читать и узнал об истории древлян, переселившихся на Припять после прихода в их землю множества змей. Под названием «змеи» следовало понимать кочевые племена, которых эллины называли скифами. Они стали посредниками в хлебной торговле древлян с эллинами и баснословно разбогатели.

Он прочел о стране Шамбале, куда в древности прилетали воздушные корабли, порождавшие ураган и похищающие людей, которые иногда возвращались через много лет и приносили с собой знания о Земле и Вселенной, учили видеть будущее, читали чужие мысли и имели необъяснимую связь с планетой Са-

* В Густинской летописи древлянский князь Мал назван сыном Нискиным.

турн. Они распространились по земле, называясь то халдеями, то друидами, то волхвами.

Однажды в земле древляни появился волхв Пигрет, который умел управлять вулканическим горшком. С его помощью он выжигал леса, очищая место для посевов, рушил скалы, добывая камень, учил, что если сделать большой «горшок» особой формы, то на нем можно полететь в небо. Ему не поверили и, избив камнями, изгнали из своей земли.

Скованному обстоятельствами Малу больше всего понравилась мысль о возможности летать как птица. Часто, выходя по ночам на двор, смотрел он в небо. Смотрел до тех пор, пока не начинало ломить шею, и звезды стремительно приближались к нему. Появлялось ощущение, будто летишь среди неведомых миров, свободный и вместе с тем связанный каждой клеточкой, каждым нервом с этой таинственной необъятностью.

Он перестал обращаться к верховному божеству Ниссу, ибо обрел в себе не только бога, но и целый мир.

5. Тайное посольство

«...аще мя хощеша крестити, то крести мя сам...»

Еще затемно конный отряд разведчиков-озоров покинул лагерь и скрытно направился к реке Припяти. Во главе отряда ехал Якуна.

Ночью его вызвала к себе Ольга.

— Я решилась, — сказала она. — Возьмешь полусотню разведчиков и до рассвета отправишься в Киев...

— Понятно, — перебил ее Якуна, но Ольга остановила его:

— ...зайдешь в Киеве к епископу Григорию и уговоришь ехать с вами.

— Зачем мне этот поп?

— Посольство тайное, поэтому нужен будет человек, обладающий достаточными связями в Царьграде.

В лесу надрывно вскрикнула ночная птица. Ольга замолчала и прислушалась.

— Где Сунильда? — понизив голос, спросил Якуна.

— Послала к Святославу отнести теплый плащ. Мальчик совсем свихнулся, спит на сырой земле.

— Почему не прогонишь ее?

— Не она, так кто-то другой, но следить за мной будут все равно, поэтому лучше пусть она, ибо я об этом знаю. Знание всегда дает преимущество. Ну, хватит об этом! Вот ярлык, будет тебе пропуском через земли хазар. Из Киева заедешь в Вышгород за деньгами и подарками для императора и сановников и... — Она на мгновение запнулась, но затем, словно решившись, продолжала: — ...и проведай его и девочку.

Ольга не хотела называть имен, но Якуна знал, о ком речь — в Вышгороде были Мал и их дочь Малуша.

«Не это теперь главное, — думал старик, вглядываясь в полутьме в прекрасное лицо княгини, тронутое внезапной грустью, — главное добыть «огонь», но так просто греки его не дадут».

Он сказал о своих сомнениях Ольге.

— Знаю, — тяжело вздохнув, ответила она. — Несколько лет назад патриарх Феофилакт через епископа Григория предложил мне креститься, забыть веру нашу и стать христианкой. Но разве можно забыть то, во что веришь?.. Теперь придется забыть. Скажешь, что я согласна, только крестить меня должен сам император Константин. Это мое условие.

Якуна понимал, как дорога плата, но жизнь состоит из вереницы жертв, которые приносит человек во имя им придуманных идолов — славы, власти, успеха. Сделай Ольга так, как подсказывает ей сердце, — отведи войска от Коростеня, объяви Мала своим мужем, и завтра же Свенельд подымет бунт. За ним пойдут подкупленные богатыми подарками дружинники, купцы и горожане, ожидающие новой военной добычи. Уже много лет именно на их деньги содержится дружина, поскольку княжеская казна пуста. И тогда падет власть славянских князей, спрятавшихся под варяжскими именами.

— Возьми. — Она сняла с пальца серебряный перстень-печатку со своим изображением и положила в ладонь Якуне. — Покажешь императору.

Якуна быстро вернулся к себе и, подойдя к спящему на шкуре оленя юноше, положил ему на плечо руку. Тот мгновенно проснулся. «Молодец», — в который раз уже подумал о нем старик и приказал собираться в дорогу. Не задавая лишних вопросов, парубок пошел исполнять приказание.

Звали его Вакула. Прошлым летом пришел он в Киев наняться в дружину княжескую. Как водилось, принимали в дружину на пиру в княжеской гриднице. Во главе стола на золотой стуле сидел молодой князь Святослав. Рядом с ним за передними белодубовыми столами — воевода Свенельд, наставник молодого князя Асмуд и именитые бояре киевские. Якуна сидел за средним столом и хорошо видел, как вошел в гридницу невысокий юноша в порванной свитке, надетой прямо на голое тело. Его босые грязные ноги неуверенно затоптались на выложенном изразцами полу. Однако лицо было спокойно, а взгляд холодно и даже, как показалось Якуне, высокомерно скользнул по лицам присутствующих.

При виде его тщедушной фигуры Свенельд, а за ним и другие бояре засмеялись.

— Вот так воин! — давась от смеха, прохрипел Свенельд. — Да тебя сначала на кухню надо на годик отправить, а то в поле с коня сдует.

Казалось, юноша не слышит насмешек, так бесстрастно было его лицо.

— Испытаем его, — прервав общее веселье, сказал Свято-слав.

Свенельд, согнав с лица улыбку, мигнул своему парубку Власу, считавшемуся лучшим борцом в дружине. Влас нехотя подошел к испытываемому и вдруг выбросил вперед правую руку, словно пытаясь накрыть ею и враз раздавить этого червяка, но тот ловко поднырнул под нее, и, когда оторопевший Влас попытался сделать то же самое движение левой рукой, Вакула ловко схватил его за кисть и дернул вниз и на себя. Потеряв равновесие, Влас тяжело упал на колени и тут же, охнув, осел всем телом на пол от удара ребром босой ноги в грудь.

Это была уже не борьба, а убийство. Многие дружинники вскочили, намереваясь броситься на юношу, но Якуна остановил их и попросил князя отдать парубка ему. Светослав согласился, и никто не посмел перечить.

6. Тень без хозяина

«...и взяла главу его». Когда Святослав уснул, Сунильда легко коснулась губами его лба и выскользнула из-под плаща, принесенного ею же. Святослав улыбнулся во сне и внезапно сказал:

— Схороните!

Сунильда бросила тревожный взгляд на спящего и поспешила к шатру княгини. «Наверное, княгиня давно спит», — успокаивала она себя. Когда она выбежала на тропинку, ведущую к шатру, то услышала чьи-то тяжелые шаги. Она затаила дыхание и неслышно отступила в сторону, припав к земле всем своим испуганным телом. При свете луны она увидела Якуну. Он быстро шел, ничего не замечая вокруг, то и дело произнося имена славянских богов, перемежаемые проклятиями.

Сунильда затрепетала — он был у княгини. Почему так поздно? «Свенельд меня прибьет», — подумала она. Опять не уследила, но как уйти от ласково-настойчивых рук Святослава? Сунильда вспомнила его бритую, украшенную длинным чубом голову, крепко сидящую на мощной шее, широкие плечи и блестящие, почти синие глаза. Конечно, он о ней завтра даже и не вспомнит, но она... она готова быть его рабыней, тем более что жить ему осталось недолго. Такие, как он, сами ищут смерти. Она видела на его лбу две вертикальные морщинки — бычий рог — печать скорой смерти. Дочь ведуньи Догей, утопленной древлянами, хорошо знала эту приметку. Знаком этим были отмечены, как говорила ее мать, люди яркие, но кратковременные в жизни, ибо родились наперекор воле богов.

«Все для него сделаю», — решила она, вытерла ладонью слезы и, отряхнув с одежды приставшие травинки, побежала к шатру. Она решила ничего не говорить Свенельду о ночном посещении Якуны.

7. Схожахуся на игрища на плясанье...

В Киев отряд прибыл в день летнего солнцестояния, когда киевляне весело собирались на гульбище. Доставали мед стоялый — выдержанный в погребах, готовили попьянный — с добавлением перца, выкатывали для угощения чаны дубовые с вином и пивом сыченым.

Женатые гуляли дома, приглашая к себе всех родичей; на княжеском дворе собирался цвет киевского общества во главе с князем и воеводой. Молодежь переправлялась через реку на низкий, поросший густым сосняком берег или на острова. Заранее искали поляну недалеко от реки и разводили вечером костер. Прямо на земле раскладывали корчаги с медвяными напитками, пивом и вином, да большие миски с всевозможными закусками.

Помня просьбу Ольги, Якуна распустил дружину, строго наказав завтра к вечеру быть подле лодок, а сам, взяв у посадника коней, в сопровождении десятка озоров собрался в Вышгород. Когда он уже садился на коня, к нему подошел Вакула.

— Я хотел бы остаться в Киеве, — взявшись рукой за повод, сказал он.

— Что, на острова захотелось, к девкам? — понимающе подмигнул развеселившийся вдруг Якуна. — Если так, оставайся.

Он заметил, как покраснел и словно напрягся Вакула.

— Нет, это не для меня, — отрезал он.

По дороге в Вышгород Якуна думал об этом странном юноше. Вспомнил его ответ, и помимо воли всплыл в памяти тот день, когда все только начиналось и был такой же праздничный день, завязавший в тугой узел жизни многих людей.

8. Умыкаху жены себе...

Когда заиграли скоморохи песни и первые чары поднялись во здравие княгини и молодого князя, Ольга тоже вспомнила тот день.

Тогда она еще откликалась на свое славянское имя Прекраса. Помнила Плесков и родную весь Выбутовскую, где жила с дедушкой Гедимином. Прошлое живо, пока мы живы.

Однажды в праздник она упросила Якуну поехать на острова. По рассказам дворовых девок она знала, как и что будет. Сначала будут есть и пить. Парни и девки отдельно. Ближе к полуночи принесут в жертву белую курицу и черного петуха, их кровь выльют в миску с горящим маслом и будут вдыхать пьянящий священный дым. Они забудут обо всем, забудут, что за рекой Киев, что у них есть матери и отцы, род, имя, дом. Страшно и одновременно сладко. Даже сейчас у нее так часто забились сердце.

Она помнит, как около полуночи небольшая лодка-однодрев-

ка пересекла Днепр. Помнит поляну, где девушки водили хоро-вод. Взявшись за руки, они быстро и плавно двигались вокруг костра. Но вот из-за деревьев, из лесной темноты, выскочили парни в белых расшитых рубахах и широких, подвязанных новыми поясами шароварах. Они разорвали девичий круг: один прошелся колесом, другой завертелся юлой, а третий запрыгал на полусогнутых ногах, выкрикивая: «Гоп, гоп, гоп-ля!»

Среди всеобщего веселья самые молодые и нетерпеливые парни уже тащат девок в лесную неизвестность. Те же, кто постарше, ждут того сладкого часа, когда ночное светило скроется за лесом, погаснет костер и густой предутренний туман придавит и воду и землю. В этот час девки будут бросать в воду приготовленные заранее венки. Чей раньше утонет, та и выйдет скорей замуж; потом они будут купаться. В этот предрассветный час вода теплей, чем воздух. Она ласкает ступни ног, мягко подбирается к коленям и манит, манит... Руки сами сбрасывают одежду: скорей! скорей! Темно, только зеленые глаза водяных видят в воде их тела. Они ждут. Сегодня все можно. И вот чьи-то руки прикасаются к плечам! Руки парня или лапы водяного? Не все ли равно! Только бы не кончалась эта ночь беззакония!

Она помнит и ночь, и руки, и воду. Помнит, как убежала к реке, как звал ее встревоженный голос Якуны, и тихий плеск воды позади, и руки Мала, любимые с первого прикосновения и навсегда. Мал! Какая радость! Но радость кратковременна, потому она и радость. Железные руки Якуны вырывают ее из любви, которая стекает по ее обнаженному телу капельками речной воды. Ее крик, и шум борьбы, и стон Мала она помнит. Даже сейчас под аккомпанемент визгливых скомороших песен ей хочется закричать, изойти криком, но опять железные руки обязанности зажимают рот. Так всегда!

9. Тень заговорила и исчезла

Второй раз за сегодняшнюю ночь идет Сунильда к стану Святослава. Она не выдержала и все рассказала Свенельду про ночное посещение Якуны.

— Чучело! — швырнув в нее костью со стола, зарычал Свенельд.

Она почувствовала на себе взгляд колючих, как у бешеного вепря, глаз Мистиши, слышала, как урчит в животе у Свенельда, и ужас заполнил душу. Она пробует оправдываться, но Свенельд, положив обе руки на живот, огромным шаром выпирающий из-под рубахи, командует Мистише:

— Возьми ее!

И тот хватает ее за волосы, и тащит вон из палатки, и давит, и душит медвежьими лапами. Он близко наклоняется к ее лицу, и она слышит смрадное, как у зверя, дыхание и теряет сознание.

— Осталось ждать недолго, — успокаивает воеводу Асмуд. — За Якуной пошлешь в погоню Мистишу. Если не догонит до Киева, возьмет на порогах.

Свенельд знает: поражение под Коростенем — дорога к власти, он представляет себя на княжеском стуле. Видение это настолько приятно, что он даже забывает о проклятой девке. Как долго пришлось ждать, и вот теперь цель близка. Он устранил князя Олега, руками древлян разорвал на части придурковатого Игоря, но еще жив Мал. Его не было среди древлянских послов, погибших в Киеве. Это все она, проклятая ведьма, выродок Олегов, сучка. Пора! Пока Святослав не набрал силы, нужно садиться в Киеве. Нет, он, Свенельд, не узурпатор, он берет то, что когда-то принадлежало его отцу Аскольду, погибшему от руки Олега.

Мистиша принес истерзанную Сунильду и швырнул на пол.

— Упарился с ней, — довольно сказал он и выпил полную чашу вина.

— Собирайся! — сказал Свенельд. — Догонишь Якуну, и чтоб я о нем больше не слышал.

— А с этой что делать? — спросил Мистиша, указывая на очнувшуюся Сунильду.

— Пусть умоется и идет на свое место, но только чтоб... — Свенельд угрожающе поднял оплывший жиром кулак. Все было понятно.

Теперь она решила все рассказать Святославу.

Хуже всего, когда тень обретает дар речи, для нее это уже не дар, а несчастье, потому что тень должна молчать или...

На рассвете дружинники Святослава затеяли ссору с мужами Свенельда, не поделив, кому первым понть коней. Дело дошло до драки, в которой пострадал Мистишин вороной. Мистиша был вне себя. Он бегал с обнаженным мечом по лагерю, грозясь найти и убить виновного, пока его не остановил Асмуд.

— Хватит бегать, — прошипел Асмуд, — бери другого коня, и скорей в путь. Кстати, захвати с собой Сунильду. Это ее работа.

Мистиша успокоился — злость нашла себе выход.

К вечеру того же дня провиантский обоз, идущий в лагерь, привез труп Сунильды, изуродованный до неузнаваемости; Святославу, который пришел посмотреть на нее, показали огромный железный костыль, которым тело несчастной было пригвождено к сосне.

10. Волхв

«...от волхвования случается чародейство...»

Старый Пигрет встретил его так, словно они только вчера расстались или не расставались совсем. Ни удивления, ни радости не отразилось на его высохшем лице, и ни слова не сказал он в знак приветствия.

Вакула молча положил сверток с едой и уселся в углу прямо на куче всевозможных трав, кореньев и листьев. Они долго молчали, занятые каждый своими мыслями. Вакула вспоминал, как четыре года назад он пришел сюда слабый и больной, проделав длинный и трудный путь из Новгорода до Киева. Старик выхлудил его. Исчезла горячка, пропали и перестали беспокоить ночные видения — мать, разорванная сторожевыми псами, улыбающаяся рожа богатого новгородского купца и тут же его труп, пожираемый огнем...

Пигрет сделал для него все. Не только вылечил его, но и создал нового человека, пробудив в нем разум и душу. Мудрый старый Пигрет! Сколько лет ему? Сам Пигрет говорил, что только дураки считают свои года, потому что убивает человека именно сознание того, что он стар. Пигрет считал себя вечным, вероятно, это так и было. Он почти ничего не ел и, приготовив похлебку из самых невероятных трав и кореньев, вдыхал только ее запах. «Запах — это существо жизни, — говорил он. — Запах и вода». Он никогда не пил сырую воду из реки, а заставлял Вакулу ходить далеко в лес к роднику с кристально чистой и очень холодной водой.

Старик первым нарушил молчание.

— Мечтаешь? — спросил он, вонзив взгляд почти белых, но удивительно блестящих глаз в лицо Вакулы. Взгляд причинял почти физическую боль, словно тысячи тоненьких иголок воткнулись в лоб, нос и щеки Вакулы.

— Опасайся! — снова отрывисто произнес Пигрет.

Он взял металлическую посудину с отполированным до блеска дном, налил в нее воды и стал пристально смотреть. Когда Вакула хотел подойти ближе, то старик властно приказал:

— Сиди! Мечта и меч — одного корня. Меч для сильных, а мечта для вечных. Опасайся мечтать! У тебя нет времени. Когда-то я изучил рисунок на твоей ладони. Линия жизни твоей прерывается на полпути.

— Когда? — одними губами спросил Вакула.

— Кто знает? Возможно, завтра или через десять лет. Не это важно, важно то, что времени у тебя осталось мало.

Он снова надолго замолчал. В лесу пробовали голоса пропнувшиеся птицы. Пигрет снял с жердочки несколько пучков трав и подал их Вакуле.

— Возьми! Это смерть-травы, а это сон-травы, а это травы алинда, дающая силу и даже зимой согревающая тело человека. Там, куда ты идешь, это может пригодиться.

Вакула в который раз удивился необыкновенной способности волхва угадывать.

— Знаю куда и знаю зачем. У вас нет другого выхода, только если б люди не были забывчивы, то ехать вам никуда не нужно было. С тем, что вы называете «греческим огнем», были

знакомы сиры, живущие на краю света, где заходит солнце. Знали его и халдейские мудрецы, а ваши предки из славянского города Винета называли его «вулканов горшок» и применяли не только для войны. Все это забыто, а я побит камнями за то, что хотел вернуть людям знание, но разум большинства людей спит, хотя они сами уверены в обратном.

С тяжелым сердцем пришел на пристань Вакула, где понемногу уже собирались опухшие с похмелья дружинники. Все вместе пошли к требищу и попросили защиты у Перкуна, удачи у Хорса, богатства у Дажьбога. Затем вернулись к лодкам, где их ждал крохотный человечек, весь в черном, с большим серебряным крестом на узкой груди.

«И приде... к порогам, и не бе лъзе проити порог».

Всю дорогу от Киева вниз по Днепру до порогов и дальше через земли хазар до моря Якуна был более обыкновения молчалив. Мрачные предчувствия не давали покоя старому воину. Он не был провидцем, как князь Олег, но чувствовал, что своими руками меняет судьбу Руси. Он, давший клятву Перкуну, должен привезти новую веру, чуждую русскому человеку. Якуна недобро поглядывал на епископа Григория, уютно примостившегося на корме ладьи.

Однажды днем, когда все, кроме караульных, спали, Якуна подошел к Григорию, сидящему под раскидистой ветлой и по обыкновению шепчущему слова на непонятном языке.

— Что это ты бормочешь? — грубо спросил он.

— Молюсь, сын мой, — кротко ответил Григорий, снизу вверх глядя на великана.

— Молишься? — словно размышляя вслух, переспросил Якуна. — Призываешь своего бога?

— Не совсем. Я хочу, чтоб он меня услышал, чтоб снизошел в мою грешную душу...

— Мы тоже призываем своих богов, — перебил его Якуна.

— Есть только один бог. — Григорий гневно посмотрел на Якуну, но тут же овладел собой и уже спокойно продолжал: — Ты убедишься в этом, когда мы приедем в Царьград, увидишь величие церкви и поймешь сердцем, а не разумом.

— Мне этого уже не понять.

Якуна поднялся и пошел проверить караулы, а епископ Григорий, перекрестившись, прошептал ему вслед слова, которым в ту пору было более трех сотен лет:

Против черного язычества.

Против ложной ереси.

Против обмана идолопоклонства.

Против чар женщин, и кузнецов, и друидов.

Против всех знаний, которые ослепляют душу человека*.

Слова рождались и умирали в глухих зарослях камыша под неумолчный шум могучей славянской реки.

Перед порогами Якуна разделил караван на две части: одну лодку понесли сухим путем по берегу, а две должны были преодолеть пороги по воде. Якуна хорошо знал, что пороги — излюбленное место бродников, где они перехватывали купеческие караваны, поэтому решил не рисковать. Свирепые ватаги бродников беспрестанно бороздили степные просторы в бассейне Днепра. Говорили, что обосновались они за порогами на острове Хортица и других близлежащих островах. Мрачные легенды ходили об этих людях, не знавших ни рода, ни семьи, ни обя-

* Молитва святого Патрика, VII век нашей эры,

занностей. У них был свой закон, свой суд и свой выборный глава — атаман. Иногда, когда зимы случались особенно лютыми, они захватывали какое-нибудь отдаленное село и там зимовали. Мужчин обыкновенно убивали, а с женщинами жили как с женами. По весне, собираясь в свой бесконечный путь, женщин и детей убивали — сердце не должно быть привязано ни к какому месту, ни к какому человеку, так гласил их неписанный закон. Закон был суров — за любую провинность на кол. Чаще всего в бродники шли преступники, скрывающиеся от наказания, поэтому в одной ватаге, связанные узами побратимства, были хазарин, алан, рус, грек или угр. Порвав все связи со своим племенем, они забывали и племенные различия, язык, веру, чтоб создать нечто новое и в языке, и в вере, и в человеческих характерах. Только родины они себе создать не могли.

Следить за передвижением лодок должен был Вакула.

— Будь осторожен, — с внезапной и непривычной для него нежностью сказал Якуна, когда небольшой отряд уже трогался в путь.

Вакула кивнул в ответ. Внезапная догадка пронзила его мозг: Якуна знал, что лодки и почти четыре десятка воинов обречены.

Вакула догнал шедших по берегу только под утро, когда плотный туман под напором солнечных лучей начал редеть, создавая причудливые фигуры.

— Они погибли все... — выдавил он слова, словно выдохнул боль, скопившуюся в душе.

— Бродники?! — не столько спрашивая, сколько утверждая, произнес Якуна.

— Да, и еще Мистиша.

— ???

— Среди них был Мистиша и с ним воины из дружины Свенельда. Мистиша сам пытал взятых в плен озоров, подвешивал на крюк, прижигал огнем, но никто не признался, каким путем вы пошли.

— Ты говоришь так, будто сам все это видел? — удивленно спросил Якуна.

— Я плывал ночью на остров. Мистиша обещал атаману деньги, если тот согласится отправиться за вами следом, но тот отказался.

Якуна был доволен — его маневр удался, хотя и стоил трех десятков жизней отборных воинов, но за все нужно платить, иногда даже дорогими жизнями. Теперь путь открыт.

12. Идоша Царюграду в Греки

Беспокойство не покидало Якуну. На Руси уже липовый мед собирают, а они еще ничего не добились, даже с императором встретиться не смогли. Десять дней назад под видом простых

купцов, торговавших мехами русскими, они прибыли в Царьград. Здесь первую роль начал играть Григорий, который разместил их в своем доме, строго-настрого запретив выходить на улицу.

Воины объедались восточными сладостями, спали или забавлялись со служанками, говоря им срамные слова.

Вакула целыми днями не выходил из дома, где библиотекарь Диоген обучал его греческому языку.

— Любый язык можно выучить за два дня, — говорил Диоген, — потому что в голове у человека остались все знания еще со времен вавилонского смешения языков.

Успехи, которые делал молодой воин, радовали Якуну. Знание языка всегда пригодится в этом хитрейшем из городов.

Дом епископа Григория располагался в аристократическом квартале недалеко от ипподрома. Якуна часто подымался на террасу и смотрел на золотой купол церкви святой Софии, на прямые линии улиц, днем и ночью заполненные шумными толпами. Поистине город этот никогда не спал, видимо, поэтому была учреждена должность ночного епарха.

В одну из ночей, взяв богатые подарки, Якуна вместе с епископом Григорием пошли к паракимомену Василию. От этого человека зависело многое. После смерти своего отца Романа Лекапина, фактически сумевшего отстранить от власти императора Константина, Василий сосредоточил в своих руках огромную власть. Константин, который с неохотой отрывался от научных изысканий для дел государственных, полностью ему доверял, предоставив все необходимые полномочия.

Встреча произошла в доме Василия, который находился неподалеку от императорского дворца, так что, миновав роскошный сад и пройдя сквозь тщательно охраняемые ворота, можно было легко попасть в дворец.

Побочный сын Романа Лекапина был невысок, склонен к полноте, но чрезвычайно подвижен. Усадив Якуну в кресло, богато украшенное золотом и слоновой костью, он продолжал двигаться, стараясь движением заворожить собеседника, отвлечь внимание и получше его рассмотреть.

— Я с большим интересом слежу за успехами великой княгини Ольги, — быстро произнес он. Это была правда. — И очень рад...

А это уже была ложь. «Одни варвары должны убивать других варваров, и чем больше их погибнет, тем лучше будет Византии» — так говорил Василий, и теперь он предполагал использовать Русь как заслон против печенегов, начавших тревожить своими набегами пограничные районы империи.

«Снова война, — думал Якуна, слушая толмача, переводившего речь Василия, — война, которой нет конца. Мы воюем только потому, что нас стравливают друг с другом, как цепных

псов. Прочной сетью интриг империя опутала весь мир и благоденствует на нашей крови».

Василий предложил продолжить разговор в саду, большую часть которого занимал зверинец. Здесь были собраны звери со всего света: индийские тигры, африканские львы, верблюды из Аравии и бурые медведи из Булгарии. Тигры и львы особенно поразили Якуну, который не смог скрыть удивления. Увидев людей, звери забеспокоились. Удары мощных лап все сильнее и чаще сотрясали клетки.

— Так и у нас, — сказал Василий, наблюдая за Якуной. — Путь клетки защищают от ярости зверей, а законы — от беззакония. Нарушая законы, мы выпускаем на волю зверей более страшных, чем тигры и львы.

— Вокруг меньшей клетки можно поставить большую, — сказал епископ Григорий, присутствующий при разговоре.

Василий внимательно посмотрел на него и с легкой улыбкой спросил:

— Сознаетесь, это не ваши слова. За их надежной мудростью чувствуется отточенный в боях за веру христианскую ум патриарха.

Глава православной церкви патриарх Феофилакт стал настолько активно вытеснять Василия из сферы влияния на внешнюю политику империи, что не считаться с ним было нельзя.

— Если слова не просто звук пустой, то повторять их не грешно, — спокойно произнес епископ Григорий.

— Да, да, — на ходу бросил Василий и устремился в боковую аллею, чтоб погладить огромного мохнатого пса, гордо стоящего между благоухающих кустов роз.

— Прекрасный экземпляр, — вернувшись к гостям, сказал он.

— Арчил! На родине моего отца в Армении такие собаки стерегут скот и охраняют людей от диких животных.

— Мы готовы оказать помощь империи в войне против печенегов, — решительно проговорил Якуна толмачу.

Василий внимательно выслушал перевод и нахмурился.

— Мы не нуждаемся в помощи. Просить ее пришли вы, а мы предлагаем вам союз против диких кочевников.

— Пусть будет так, — поправился Якуна. — Нам нужен «огонь», и мы готовы за него заплатить. Цену назначаете вы.

— Я готов содействовать успеху вашего посольства, но есть одна трудность...

— Закон Маркиана? — спросил Григорий.

— Да, закон, запрещающий продажу оружия варварам.

— Но в нем не упомянут «огонь».

— Это не меняет сути дела. Император не согласится на это. Василий на секунду присел на садовую скамейку и тут же вскочил.

— Вы должны взять «огонь» сами. Это единственный выход!

С императором я поговорю, но вас принять он не сможет, поскольку посольство ваше неофициальное.

Прощаясь, Якуна передал Василию перстень с портретом княгини Ольги.

— Красивая женщина, — любясь изображением, сказал тот. — Очень красивая. Вы сказали, что она готова принять христианство?

— Да, только крестить ее должен сам император, — хмуро посмотрев на Василия, произнес Якуна.

13. У императора

«Насилие — это основная форма взаимоотношений между людьми», — подумал Константин и вспомнил то благословенное время, когда все государственные вопросы решал Роман Лекапин.

Император взял золоченый стиль и записал мысль, которая тут же утратила новизну, став похожей на тысячи мыслей, которые он долгие годы выписывал, систематизировал, изучал. Теперь у него не было уверенности, что эта мысль принадлежит ему.

Господи, почему его не оставят в покое! Он ничего не хочет решать. Ему хочется прочесть древнее каббалистическое сочинение «Захер» («Свет»), но он должен принять Василия и выслушать его рассказ о тайном посольстве русов...

Вскоре пришел Василий. Он был, как всегда, вежлив и предупредителен. Не утруждал Константина поисками решений. Неназойливо подсказывал их сам, казалось, будто идея принадлежит Константину. Император спокойно выслушал его доклад о тайном посольстве русской княгини, об осаде Коростеня и просьбе дать им «огонь», но, когда Василий напомнил о законе Маркиана и невозможности его обойти, кроме как совершив кражу в государственном арсенале, император вспыхнул.

— Я не нарушаю законов империи! — сам себя распаляя, закричал он. — Какой я император, если не уважаю законы, установленные моими предками!

«Действительно, какой ты император?» — подумал Василий, а вслух произнес:

— Законы призваны укреплять империю, но принятие русской княгиней христианства также послужит укреплению империи, кроме того, русские будут вынуждены вести войну против печенегов, а это вдвойне выгодно для нас, ибо и те и другие будут слабеть.

— Сказал, не хочу, и все, все!

— Но если ничего не знать, то и нарушить невозможно, — крадчиво заметил Василий.

Слова эти не прошли мимо ушей императора.

— Кроме того, княгиня Ольга просит вас крестить ее и передает вам это.

Он подал Константину перстень. Тот нерешительно взял.

— Это она?

— Да.

— Так ты говоришь, что она хочет, чтобы я сам ее крестил?

— Да, государь. Она просит у вас об этом как о величайшей милости.

— Отчего же... я конечно... — залепетал Константин, не выпуская перстень из рук. — Только я ничего не хочу знать ни о каком похищении. Слышите! Ни о каком.

«Ничего, — выходя из покоев императора, думал Василий, — говори что хочешь, а в этом двойном обмане ты участвуешь наравне со всеми».

14. Чудеса да и только

«...всюду и в градах и в селах бесовская чудеса».

Ночной епарх Константинополя был разбужен дежурным, который теперь стоял перед грозным начальником, стараясь не смотреть на диван, где безмятежно спала наездница из заезжего цирка. Дежурный не мог знать, что там и как, но епарх явно не был небесным жеребцом из императорской конюшни, поэтому очень устал и хотел спать.

«Чертовщина какая-то, — в который раз с досадой подумал епарх. — Нужно менять работу. Ни минуты покоя не бывает в этом самом беспокойном на свете городе. Вчера ночью, например, привели индийского мага, обвиняемого в убийстве. Маг тряс седой бородой и долго рассказывал, что хотел показать этим кретинам фокус, когда из пшеничного зерна вырастает ребенок, который тут же поднимается по канату, уходящему прямо в небо, а за ним поднимается туда маг. Через некоторое время с неба падают отрубленные руки и ноги ребенка».

— Это же элементарный фокус! — кричал он. — Фокус!

Пришлось его высечь и отпустить, но скольких сил это потребовало.

— Ну, что там? — хмуро глядя на дежурного, спросил епарх.

— Пришел таксиарх исаврийской сотни, которая охраняет особый...

— Ну!

— ...особый арсенал. Он говорит, что...

— Господи! Скорей говори, понимаешь, скорей!

— Чертовщина...

— Что?

— Он говорит, что в арсенале завелись демоны.

— Он, наверное, пьян, — зло сказал епарх и запахнул халат.

— Гони его в шею.

— Но...

— ???

— Он говорит, что исчезли трубы и заряды для «огня».

Взбешенный и одновременно испуганный, а чем больше испуганный, тем больше взбешенный, епарх прибыл к особому арсеналу; могучие исавры стояли перед взломанной дверью, похожей на широко раскрытый черный рот. Епарх в сопровождении таксиарха прошел в помещение, где хранились трубы и уже готовые заряды.

Из сбивчивого рассказа таксиарха он узнал, что вскоре после первой стражи караульный, стоящий у ворот, заметил странного юношу, который словно что-то искал. В руках у него был большой и, видимо, тяжелый бурдюк. Оказалось, что юноша только сегодня прибыл в столицу и заблудился, а в бурдюке у него (после тщательной проверки, конечно) было обнаружено прекрасное критское вино.

— А вы откуда знаете, что оно было прекрасным, — спросил епарх и подозрительно поглядел в глаза таксиарху.

Тот опустил глаза.

— Дальше! — приказал епарх.

Качество напитка выясняли все, даже те, которые стояли в карауле. Скоро весь караул крепко спал, а один любитель вина был оглушен ударом по голове и уже несколько часов не приходил в сознание.

— Что украдено?

— Десять больших корабельных труб и заряды к ним, — четко доложил таксиарх.

Ночной епарх, кляня все на свете, вернулся к себе в канцелярию и тут вспомнил, что надо бы дать приказ обыскивать повозки, выезжающие из города. Он вызвал дежурного:

— Приказываю обыскивать все повозки, покидающие пределы Константинополя. Подозрительных задерживать.

— Уже сделано, — молодцевато доложил дежурный. Теперь он не казался смущенным.

«Каков, бестия, — подумал епарх, — явно метит на мое место». Но дежурный во время отсутствия епарха успел побывать на его месте на диване рядом с прекрасной наездницей и остался весьма доволен.

Через десять дней приказ был отменен, таксиарх исаврийской сотни отправлен в сирийские каменоломни, brave исавры спешно переведены в отдаленный гарнизон на фракийской границе, бывший дежурный стал ночным епархом, бывший епарх вместе с прекрасной наездницей уехал в Египет. Весь случай был отнесен к разряду необъяснимых. Одним словом, чертовщина.

Старейшина Фарнсет сделал последние распоряжения и пошел в спальню молодого князя. Последний представитель древнейшего княжеского рода вторую ночь плохо спал. Он говорил, что ему снится похожее на огромного вепря, только без щетины, страшилище с острым рогом на носу. Фарнсет приказал поить мальчика на ночь сонными отварами, но это мало помогло. Вот и сейчас он не спал.

— Что не спишь, Добрынюшка? — ласково спросил старик.

— Я, дедуня, думаю.

— Ночью спать надо, а не думать.

— Погоди, я думаю, что им от нас нужно?

— Кому?

— Полянам, конечно. Ты же сам рассказывал, что раньше мы жили с ними в мире.

— Мы и сейчас с полянами не воюем.

— А кто же осаждает Коростень?

— Князя и бояре. Этим мы мешаем. Силу в Киеве взяли норманны, а у этих с нами давние счеты.

Мальчик лежал на спине, заложив обе руки за голову, и внимательно слушал.

— А когда отец вернется? — внезапно спросил он.

Фарнсет не умел лгать, но что было делать?

— Скоро. Спи лучше.

Он наклонился, поцеловал мальчика в теплую щеку и почувствовал влагу. Добрыня беззвучно плакал.

— Я знаю... знаю... — быстро зашептал он. — Отец скоро придет и прогонит их. Он сильный, он не умер. Скажи, он не умер?

— Нет, что ты, глупенький, — как мог успокаивал его старик.

— Он в походе и скоро вернется. А знаешь, деда, мамкина кошка убежала.

— Найдется.

— Нет, она насовсем убежала, потому что все птицы улетели, вот и она за ними убежала.

Глаза мальчика начали закрываться, и скоро он уже спал.

Голод стал хозяином в городе. Если в княжеском замке, где в подвалах хранилось все необходимое, чтобы выдержать многолетнюю осаду, он почти не ощущался, то среди многочисленных беженцев из окрестных сел уже начались болезни, предвещающие мор.

Фарнсет вспомнил слова мальчика о сбежавшей кошке. «Я сам, как кошка», — подумал Фарнсет. Старик чувствовал, что город обречен. Чувствовала это и голубая египетская кошка, поэтому и ушла. Но куда уйти человеку?

Человек одинок. Мал убедился в этом на собственном опыте. Всегда и всюду осужден человек на одиночество. Потому что нельзя жить с людьми и не врать.

Люди ходят на оборотней, а жизнь на колесо превращений. Сплошное волхование: был он князь, а стал узник по доброй воле, был воин, стал раб, хотя это очень сладкое рабство, к которому он всю жизнь стремился.

Люди не те, за кого они себя выдают. Девочка со славянским именем Прекраса вдруг превратилась в великую княгиню Ольгу и теперь осаждает его родовое гнездо. Но это не так просто. Он почувствовал, что впервые за много лет подумал о ней как о чужом человеке и испугался. Неужели все кончено?!

Словно в горячке метался Мал по своим покоям, не находя места. В который раз вспоминал свою встречу с Якуной.

— Она с войском стоит под Коростенем, — признался Якуна, избегая смотреть в глаза Малу.

Они сидели за широким белодубовым столом. Оба широкоплечие и чем-то неуловимо похожие.

Мал смотрел на большие, еще очень сильные руки Якуны и представлял, сколько крови пролито этими руками. Зачем?

— Зачем? — не сдержав свои мысли, повторил он вслух.

В ответ короткий колющий взгляд, который красноречивей слов.

— В нашей земле хозяйничают норманны. Они правят в городах, они возглавляют войска, а мы, славяне, мыкаемся по свету. Добываем славу в чужих землях; в Царьграде, в Риме, в Хазарии и Булгарии. Все дальше расходимся мы, перестаем понимать язык друг друга, теряем силу. Мы один народ — славяне! Кто объединит могучие славянские племена. Так думал князь Олег, то же завещал и Ольге.

— Разве объединять можно только силой?

— Сегодня да, а завтра?.. Завтра, может, будет и другое средство. Но пока сила решает все.

«Он прав, — подумал тогда Мал, — сила только тогда сила, когда она действует. Жаль, что я поздно это понял, а то не сидеть бы мне в этом тереме».

На следующее утро, взяв деньги, меха, оружие драгоценное, Якуна в сопровождении своих озоров выехал в Киев. Когда прощались, Мал сказал:

— Увидишь Ольгу, передай, что за сына моего, Добрыню, она в ответе.

Якуна молча кивнул и вышел во двор.

Мал слышал, как заскрипели ворота и по мосту через крепостной ров громко простучали копыта застоявшихся сытых жеребцов.

«Если даже она обманула, — подумал тогда Мал, — то верить нельзя никому. Значит, человек всегда должен оставаться один».

17. Горящие птицы

Дважды родился молодой месяц, прежде чем вернулось тайное посольство. За это время некогда могучий Якуна как-то сразу состарился, бессильно опустили широкие плечи, взбухли на руках похожие на синие канаты вены. Старик загрустил, перестал брить голову и, когда миновали Киев, слег. Командовать отрядом стал Вакула. Он тоже изменился — возмужал, в голосе появились властные нотки, а во взгляде еще большая холодность. Его снова стали мучить кошмары. По ночам, лежа на дне лодки, он вспоминал Константинополь, библиотекаря Диогена, книги, которые успел прочесть. А еще учебу под руководством греческих инструкторов, которые показывали русам, как пользоваться «огнем». Он видел силу этого оружия и, как и все, был потрясен. Но еще больше он был потрясен, когда Якуна приказал удавить греков — нельзя было оставлять свидетелей. И он это сделал!

Смерть шла за ним по пятам. Он чувствовал ее холодное дыхание, видел ее в остекленевших глазах задушенных греков, в окаменевшем лице Якуны, в самом себе.

Когда миновали Киев и вошли в устье Припяти, навстречу вышли четыре ладьи, переполненные воинами. На одной, которая шла впереди всех, он заметил Мистишу. Ладьи стремительно приближались, и спасения, кажется, не было. Двум десяткам озоров не справиться с доброй сотней.

Кто-то сказал:

— К берегу нужно. Там можно спрятаться.

«Спрятаться?» — подумал Вакула, с каким-то болезненным интересом вглядываясь в приближающиеся ладьи. Он видел, как отдавал приказания Мистиша, как выстроились на корме лучники, вооруженные тяжелыми луками, как они вложили первые стрелы и ждали только, чтоб лодки подошли ближе.

— Прятаться не будем, — обернувшись к воинам, сказал Вакула. — Давай трубу и заряды!

Казалось, озоры его не поняли. Они стояли молча, никто даже не шевельнулся.

— Живей! Давай «огонь» сюда! — закричал Вакула.

Все засуетились: кто-то побежал за зарядами, кто-то лихорадочно укреплял на носу большую деревянную трубу на тяжелой медной подставке, снабженной устройством для установки трубы в нужном направлении. Прикинув расстояние до передней ладьи, Вакула установил трубу на нужную высоту и вложил в нее зажигательный заряд, похожий на небольшой глиняный горшок.

«Действительно, вулканов горшок, как называли его вены», — подумал он и зажег трут. Из трубы вырвался небольшой горящий шар и со свистом полетел в направлении первой ладьи. Вакула проследил за его полетом, слегка уменьшил уровень наклона трубы и сам себе скомандовал:

— Огонь!

Ударившись о борт ладьи, заряд разорвался, превратив ладью в большой костер.

— Огонь! Огонь! — снова и снова кричал Вакула.

И река горела, и не было спасения! Густой черный дым на какое-то время скрыл из виду ладью; когда он рассеялся, все увидели обгоревшие остовы лодок. Людей видно не было.

Победа не радовала. Всего полтора десятка зарядов потребовалось для того, чтоб уничтожить сотню людей, которые только что были живы, гордились своей силой, умом, красотой, а теперь, превращенные в уголь,плыли по реке.

Вакула вспомнил рассказ Диогена о гибели Содомы и Гоморры. Он показывал ему выписку из древней летописи, где говорилось: «...пустил господь камни горящие и потопил их...» Содом и Гоморра погибли от такого же оружия, которым сейчас владел Вакула. «Ум человеческий развращен, и сердца наши слепы», — говорил Диоген. Любые достижения человеческого ума оборачиваются во зло людям. Никто не хочет увидеть в «огне» только оружие для разрушения.

Скоро, сменив ладью на коней и уложив трубы и заряды на повозки, подошел маленький отряд к Коростеню. В лагере было беспокойно. Свенельд, потрясенный гибелью сына, не выходил из своего стана. Святослав после гибели Сунильды замкнулся в себе и все реже появлялся в шатре у матери. Они становились чужими людьми. Ольга осталась одна со своим горем и своей надеждой.

Той же ночью Ольга перевезла к себе в шатер больного Якуну.

— Что с тобой? — спрашивала она у старика. — Может, болит где?

— Ничего у меня не болит, — слабым голосом отвечал Якуна. — Сломался я, душа задыхается в старой клетке.

Ольга как могла утешала старика, но он не слушал ее.

— Я сделал все, что ты приказала, — тихо, одними губами говорил он. — Обменял веру на «греческий огонь» и привез тебе. Я знаю его силу — Коростень будет взят.

— Ты видел Мала? — спросила княгиня.

— Видел. Он ничего, только сильно опечалился, когда узнал, что ты хочешь взять Коростень. Просил спасти сына Добрыню.

Старик надолго умолк. Он лежал с закрытыми глазами, пугая Ольгу своей неподвижностью.

— Прощай, Прекраса! — сказал он, усилием воли открыв глаза. — Не хочу ждать смерти. По нашему старому обычаю

пойду сам ей навстречу. — Он глубоко вдохнул воздух и задержал дыхание. Все было кончено.

Тело Якуны еще не успело остыть, когда десяток огненных игл, пронзив тьму, вонзились в стены Коростеня, растекаясь огненной жижой по камню. Ольга видела, как они возникали на холме, расположенном за болотом, пролетали больше двух тысяч шагов и взрывались в граде. Она, оцепенев, сидела на стуле перед шатром, не замечая, как руки ее все сильнее сжимают пушистое тельце кошки, прилудившейся недавно к лагерю. Животное, взвизгнув, вонзило коготки в ее руку. Ольга пришла в себя. Траурным костром полыхал Коростень. Кровавую тризну справляла она, окончательно похоронив свое прошлое, а в нем

Вещего Олега, Якуну, Игоря и даже Мала. Теперь ничего нет, как нет девочки Прекрасы и женщины по имени Ольга, а есть только Великая княгиня, которая в крещении получит имя Елены. Она услышала чьи-то тихие шаги. Это был Асмуд.

— Любуешься, — усмехнулся он. — Вот пришел высказать восхищение твоим умом. Ты не только великая, но и мудрая.

В его узеньких глазках плясали огоньки пожара.

— Только ты забыла об одном.

— О чем ты?

— Что, если люди узнают, какой ценой взят Коростень?

— Чего ты хочешь? — нетерпеливо спросила Ольга.

— У Свенельда погиб сын, Мистиша, он хочет отомстить...

— И тогда вы будете молчать?

— Да. Отдай ему Вакулу и его людей, а мы будем молчать и что-нибудь придумаем, например, как с помощью птичек ты сожгла Коростень.

— Пусть берет, — коротко произнесла Ольга. — Уходи!

— Истинно государственный ум, истинно... — забормотал Асмуд и неслышно исчез.

Утром Святослав привел к ней Добрыню. Старейшина Фарнет, когда город загорелся, спрятал его в пещерах над рекой, где мальчика отыскивали дружинники Святослава. Добрыня смело посмотрел на княгиню, и в этом взгляде Ольга узнала Мала.

— Мамкина кошка нашлась! — вдруг закричал он, указывая пальчиком на голубого зверька, свернувшегося на коленях княгини.

— Возьмешь мальчика к себе, — холодно посмотрев на Святослава, сказала Ольга.

Когда они выходили, Ольга вдруг поняла, что они братья и чем-то напоминают отца.

«...СДЕЛАТЬ БОЛЬШЕ ТОГО, ЧТО МОЖЕШЬ»

Слово о Теплове Л. П.

Жил он тогда в удивительном доме под метромостом близ Смоленской площади, и я приходил к нему в гости в этот одноэтажный, неповторимый, как сам Теплов, особняк, в котором уже давно никто не живет. Было мне тогда двадцать, я писал первые свои рассказы и с нескрываемым интересом внимал собеседнику, умудренному жизнью и долгими размышлениями над судьбами всех земных и небесных наук. Многие из того, о чем он тогда поведал, запечатлено на страницах главной книги его жизни «Очерки о кибернетике». К тому времени относятся и его рассказы. Однажды на семинаре популяризаторов науки в декабре шестьдесят первого года журналист Борис Ляпунов спросил Льва Павловича Теплова:

— Как вы попали в фантастику?

— Всегда хочется сделать больше того, что можешь, — был ответ.

Многие из нас, начинающих писателей и журналистов, сопротивлялись желанию поверить в искренность его ответа. Ведь Теплов мог писать, да еще как! Именно фантастические его рассказы больше всего нравились нам, и мы читали и перечитывали его удивительную «Вертикаль», напечатанную в «Технике — молодежи», его «Всевышний-1», поражались точности интонаций, естественности и насыщенности художественной ткани. Пршли годы, и стал понятен точный смысл этого ответа: призвание — это всегда ученичество, сомнения, терзания. Во всяком случае, таким оно представляется писателю. И всегда, сегодня и завтра, хочется сделать больше, чем можешь. Иногда это удается.

Может ли быть продукт человеческого мозга умнее создателя? Вопрос этот относят к электронным машинам. Его можно соотнести и с творениями писателя. Рожденные в порывах вдохновения, они могут быть чуточку умнее автора. Это и есть подлинная творческая удача, лучшего и желать нельзя. Лев Теплов много лет отдал журналу «Техника — молодежи», он был вдохновенным популяризатором науки.

Сейчас, когда перелистываешь страницы, написанные талантливим пером, словно наяву видишь человека с лицом мудреца. Сегодня ему исполнилось бы только шестьдесят. Вот он поднимает глаза, его лицо освещает яркая неожиданная мысль. Он, как всегда, ищет емкие слова, незримо для собеседника взвешивая их на ладони. Послушаем же, что он нам расскажет...

Владимир Щербаков

ЛЕВ ТЕПЛОВ

ВСЕВЫШНИЙ-1

*Мы — атеисты. Мы за силу разума,
против мистики и мракобесия.*

Мир сверху как яма, края которой тонут в синей полумгле, прикрытой плоскими облаками. Слева скучнейшую гладь океана, отливающую холодным серебром, бороздят кораблики, которые тянут за собой роскошные хвосты вспененной воды. Справа — расплосованный на квадраты муравейник, куда втиснуты блюдца площадей, кудрявая цетина парков и блестящая змейка реки, перехваченная мостами. Внизу — светло-желтая лента пляжа, устланная в ряд спичечными коробками отелей. Из дымки над горизонтом неожиданно четко поднимаются сверкающие горные цепи.

Нечто, не имеющее облика и названия, опускается над городом. Трескучей стрекозой сквозь это нечто пролетает вертолет кинохроники. Нечто несет людям горькие, сбивчивые слова. Отчаяние сменяется в них надеждой, а проклятия — смутной верой в счастье, в солнце, встающее из-за гор.

Развязные парни, увешанные камерами, лампами и магнитофонами, толкуются в тесной кабине вертолета. Крах панамской компании, гибель «Титаника», сараевское покушение и проигрыш «Квинты» в футбольном матче на первенство мира, случись они сегодня, не займут в газетах больше десяти строк: первые полосы отведены тому, что скажет голос с неба.

Ждут и внизу. Улицы и площади залиты темной толпой, пестрой от развернутых газет. Нестройный колокольный звон несется над городом. «Первый раз со времен Моисея! Видение кардинала Спиллейна! В воскресенье утром бог обратится к людям», — орут плакаты со стен, газетные заголовки, лысые проповедники на папертях и небритые личности в толпе, юркие, как голодные крысы. А толпа велика и молчалива, крики гаснут в ней как в вате.

Напряженно улыбаются мальчишки в синих, отстроченных белыми нитками штанах — стоять неловко, уйти тоже неловко. Бледное, застыло лицо женщины, судорожно обнимающей испуганную дочь; крикни кто-нибудь рядом — и она страшно закричит. Крестятся старухи. Служащие в котелках, с достоинством выпрямившись, ждут, краем глаза следя за шефом. Вытирая губы салфеткой, на балкон вышел розовый мэр; в ближайших рядах прошел шепот — и утонул в толпе.

Пока не прозвучал голос с неба, только один человек в мире знает, что произойдет. Но его нет в толпе. Он стоит сейчас у борта океанского лайнера, солидно выбирающегося из порта. Его звали здесь Кси, а настоящее имя его — Александр Волошин.

Саша Волошин родился в Харбине, учился в Калифорнийском институте у нобелевского лауреата Гленнера и уехал в Южную Америку по приглашению известной физической лаборатории. Родители его были русские, но он уже плохо понимал их язык, хотя свободно владел английским, французским и испанским. Город его детства чаще всего вспоминался позывными местной радиостанции, после которых певучий голос говорил по-китайски: «Харби-ин, Харби-ин!» — по-русски это звучало сожалением. Между пестрыми улочками китайского Фудадяна и серо-синими приземистыми кварталами японского городка была зажата чистенькая провинциальная русская часть города — вокзал, собор, рынок, кладбище. Свое кладбище жители, кажется, не любили: в конце концов сколько ни живешь на чужбине, всегда можно считать, что временно, а если умираешь там — это уже навсегда.

Первый раз он был по-настоящему счастлив, когда ему по-

дариди золотую рыбку с радужным хвостом-вуалью. Семья выезжала в Корею, чтобы провести там лето. Ехали всю ночь, а утром автобус остановился, и отец сказал Саше, что вон за той сопкой — Россия. Они полезли по склону. Мальчику было очень неудобно лезть, потому что он боялся оставить в машине банку с золотой рыбкой и взял ее с собой. Наверху папа и мама долго вглядывались в ряды лесистых сопок за невидимой чертой границы. А Саша все глядел на рыбку — и не увидел земли своих дедов. В Корее рыбку отняли мальчишки.

Теперь он любил светлые костюмы и загар, жил в пансионе, который содержал бывший русский князь, а ныне безнадежный морфинист. Встречался с девушкой Минной, она имела огромные зеленые глаза, приятный голосок и два чешуйчаточерных платья. Это позволяло ей петь в ночном клубе. Белозубый, высокого роста, Александр выглядел как голливудский герой. Но где-то в глубине его души всегда таился тяжелый страх, что у него опять отнимут золотую рыбку, как он называл про себя счастье, эти чужие, с безукоризненным произношением и кучей влиятельных родственников неподалеку.

В лаборатории высоких напряжений Волошин занимался измерительными приборами, особенно электронно-оптическими преобразователями радиации в видимый свет.

Он сам сделал очень чувствительный преобразователь и однажды, отлаживая его в лаборатории, обратил внимание на непонятное явление, видимое только ему одному на экране прибора.

Посредине лаборатории стоял электростатический генератор Ван-Граафа, нехитрая машина с шаром наверху, накапливающим заряды. На экране он изображается чем-то вроде черного тотемного столба из фильма об индейцах. И странно: от головы-разрядника тянулась вниз голубая тонкая змейка, похожая на мгновенный снимок молнии. Малейший поворот верньера — и она таяла.

«Что же это такое? — размышлял Александр. — По-видимому, произошел разряд на землю. Но почему ионизация не исчезла? Теперь воздух стал проводником электричества. Надолго ли?»

— Кси, иди сюда! Третий день мы почему-то теряем заряд, — закричали ему.

Волошин сбил верньер, выключил локатор, выбрал подходящую улыбку и пошел к генератору.

— Наверно, пробило изоляторы.

— Мы меняли их по три раза.

— Бывает... А что если сдвинуть генератор в этот угол?

— Зачем?

— Мало ли что: влажность, подпочвенные воды... Ну-ка, взглялись!

Через минуту одобрительное ворчание из угла показало, что

неприятность исчезла. Но Александр не обернулся. Опустив голову, он пересчитывал плитки пола от одной, случайно разбитой, стараясь запомнить прежнее положение генератора.

Шеф разрешил ему остаться на ночь, кончить отладку, предупредив, что сверхурочные оплачены не будут. Едва последний мотор автомобиля, взыв, затих за окном, он перетащил генератор на прежнее место. Полтора часа он двигал тяжелый столб — чуть вправо, чуть-чуть влево... Вот стрелка гальванометра упала к нулю — и так же, замерев на миг, упала сердце. Шар разрядника словно коснулся невидимого провода, стал терять заряд.

До утра Александр измерял и записывал. Светящаяся змейка стояла на экране, счастье шло в руки, золотая рыбка открытия барахталась в сетях формул, натянутых на частотол интегралов.

Это было удивительнейшее явление, которое Александр назвал панцирной ионизацией, а про себя — эффектом Волошина. После того как искра определенной величины пробивала в воздухе себе дорожку, ионизированные частицы воздуха не рассыпались, и проводящий канал оставался висеть невидимой проволокой. Одни частицы воздуха уходили, но другие занимали их место и становились новыми. Теория этого явления была изящным следствием одной полузабытой формулы Гленнера, и Александр раскусил это на пятый день. Еще сутки потребовались ему, чтобы рассчитать и построить разрядник, который мог давать точно дозированную искру и прокладывать в воздухе панцирные цепи — то отличные проводники тока, то полупроводники. Когда есть формула — это уже нетрудно. Он не ходил в лабораторию неделю, и натуро князь-хозяин дрожащей рукой вручил ему почтовый конверт с чеком и вежливым уведомлением об увольнении. Чек он разменял в банке и купил радиодеталей, чтобы построить радар и генератор; на обороте увольнения написал записку Минне.

В задней комнате ночного клуба вяло переругивались девушки из кордебалета. Они раздобыли Александру толстую сигарету с золотым обрезом, и Кси решил выкурить ее сразу, а не делить на две части. Минна была в зале, с гостями.

«Можно ли считать человека дураком, когда он не отличает катод от анода? — размышлял Александр. — А если он астроном или археолог? К чему я это?.. Ах да! Минна. Она в совершенстве знает то, чем интересуется: новые прически, джазовые певцы, моды... Это ведь тоже очень много всяких тонких подробностей, а я, например, их не знаю. Глупа ли она? Почему она не идет за меня замуж? Говорит: зачем? А я не могу иначе: страшно ее потерять...»

— Дай покурить, Кси! — К нему подседа девчонка, жадно

затянулась, оставив на обресе сигареты след губной помады. — Ждешь Минну? Не думай о ней плохо, она строгая, ты у нее один, слышишь? Работы нет?

— Нет.

— Почему?

— Русский.

— А что ты умеешь делать?

— Все. Но больше всего я люблю математические машины, кибернетику. Слышала? Я могу сделать машину, с которой можно разговаривать. Электронный мозг.

— Зачем? Твой мозг никому не нужен, а разве он хуже электронного?

— Нет, наверное. Еще я люблю делать электронных зверей. Они честные, им можно верить. С ними можно жить.

Девчонка исподлобья поглядела на него.

— Да, плохи твои дела, если так... Сегодня будешь показывать зверей?

— Нет. Я хочу показать невидимые машины.

— Глупо. Невидимые — кто же будет смотреть?

Он не ответил. Позвали на эстраду.

И когда Минна кончила свою детскую песенку о Мэри и ягненке — в сочетании с зачесанными на лоб волосами и синими обводами вокруг глаз это производило в клубе щекочущее впечатление, — она представила следующий номер:

— Сейчас великий изобретатель Кси Волошин, ученик знаменитого Гленнера, мой друг, покажет вам свои сногшибательные открытия. Только у нас! Впервые в мире!

Сделав улыбку, Кси вышел на площадочку, прикидывая на глаз, где именно из пола торчат до высоты груди два невидимых провода. Он поклонился, достал из кармана обыкновенную электрическую лампочку и, взяв ее за баллон, выставил перед собой. Лампочка вспыхнула, на мгновение ослепив его.

В темной дыре зала вяло похлопали. Личности, которые пили и ели там, никогда в жизни не интересовались, почему горит лампочка. Второй свой трюк — невидимый радиоприемник, на который он убил неделю и остаток средств, — он решил не демонстрировать: кто поверит, что это не магнитофон за сукном?

Руки стали липкими, ноги ослабли, и, удерживая на лице улыбку, Александр вспомнил утреннее письмо из «Физикал абстрактс» — «...не может быть напечатано по недостатку места и отсутствию рекомендаций». Он покосился за кулису: бледная Минна стояла у трансформатора, глаза ее светились в темноте, как у кошки. Надо было решать немедленно. Знаком приказав ей прибавить напряжение, он хрипло спросил зал:

— Может быть, кто-нибудь из гостей пожалует сюда?

Зал молчал. Толстяк со столика во втором ряду, видимо, фермер, желающий за свои деньги испытать все соблазны боль-

шого города, оглянулся, поднялся, сделал два неуверенных шага и остановился.

«Сейчас он вернется за столик, а меня погонят с эстрады, — думал Александр. — Последняя карта будет бита. Неужели это ходячее пузо — моя судьба, моя золотая рыбка?»

Толстяк, поколебавшись, все же полез на помост. Два невидимых высоковольтных провода ждали его. Сопя, он надвигался на Александра, но вдруг подскочил на месте, ахнул, словно беззвучно пролаял, и свалился на столик первого ряда. Девушки, сидевшие там, завизжали. Узкоплечий юнец из их компании скинул пиджак, полез на эстраду драться и упал на толстяка, задрав ноги в узких брючках.

Жалобно зазвенела посуда, бокалы посыпались со столика. Полицейский, надвинув на нос фуражку, расшитую золотом, поспешно удалился: ему давно было известно, что в зале сидит сам Вольф, глава местных уголовников, — возможна стрельба.

Тогда из задних рядов поднялся высокий человек в темных очках и, не меняя равнодушно-брезгливого выражения толстых губ, державших сигару, решительно зашагал к помосту. Те, кто знал его, и прежде всего переодетые сыщики, побледнели:

— Эй ты, парень! Иди сюда.

— Сам иди, — плохо соображая, отвечал Александр.

Как метнулся этот страшный человек снизу, почти у пола, как получил свой разряд и вылетел в общую свалку, он не успел разглядеть. Человек уже стоял на ногах, чрезвычайно довольный.

— Сильно загородился, только пулей и возьмешь. Давай иди, не бойся, — негромко повторил Вольф. — Счастье само в руки лезет. Сколько тебе надо за эту штуку?

Князь, которому было уплачено за полгода вперед, сидел у Александра в комнате, превращенной в мастерскую, довольный, вода расширенными зрачками по столбцам газеты.

— Опять пишут о летающих блюдцах. Это, конечно, рука большевиков. Военный самолет погнался за блюдцем и взорвался.

Александр возился над столом, то заглядывая в экран электронно-оптического преобразователя, то снова двигая в пространстве маленьким разрядником. Он монтировал из панцирно-ионизированных цепей кибернетическую схему, которая должна была сама находить источник питания, заряжать невидимые аккумуляторы и выполнять множество других операций.

Главную часть — аккумулятор — составляли десятки решеток, составленных из тончайших панцирных линий. Изогнутая сетка спереди была зеркалом направленной антенны, а множество полупроводящих пересечений еще одной решетки — логической схемой и памятью. Ионизированный воздух стекал с то-

чек высокого потенциала и мог перемещать всю схему в любую сторону. На экране преобразователя эти подробности вырисовывались очень отчетливо, хотя для невооруженного глаза стол был пуст. Только разметочные рейки окружали пространство под ним, которое теперь было наполнено не беспорядочно мечущимися молекулами газов, как во всей комнате, а сложно организованной, устойчивой системой из этих молекул, связанных электрическими силами. По ней-то уверенно двигалась рука Александра с разрядником — иглой в эбонитовом чехле, на которой трепетала голубая искра.

— Чертей ловишь? Это хорошо, — лениво сказал князь.

Когда он удалился пошатываясь, Александр подошел к радиопередатчику. Четыре схемы у него уже гуляли где-то в горах, отыскивая грозовые тучи. Любимая из них, Никси, имела довольно приличную память и немножко говорила.

— Никси, Никси! — позвал Волошин в микрофон.

Движения его рта и голосовых связок взбудоражили сумятицу молекулярных скачков в воздухе, волны дошли до микрофона, и электронный поток в кристалле унес их отпечаток через усилительные лампы радиостанции на антенну, а потом в бесконечное пространство над спящим городом, над всем миром. Со скоростью света они разлетелись во все стороны, а ничтожная часть их мощности влилась в невидимую антенну, затерянную среди туч над заснеженными провалами горного хребта. «Ник-си, Ник-си», — повторили элементы анализатора, что-то слегка изменилось в состоянии воздуха под антенной: это сработало реле, позывные были опознаны. Импульсы тока рванулись по решеткам логических схем, выхватили из памяти невидимой машины другие комбинации импульсов и погнались на антенну.

— Я здесь, хозяин, я здесь, — сквозь треск дальней грозы донесся размеренный голос.

— Иди сюда, Никси, — говорил Александр. — Что с тобой было? Отчет, Никси, отчет.

— Я убила самолет. Высота четыре-пять, координаты...

— Говори мне что-нибудь. Мне плохо, Никси! Минна пропала. Полицейский комиссар вызывал меня...

Той же дорогой радиоволны понесли тихую жалобу. Но теперь импульсы не находили в памяти Никси подходящих комбинаций, и схема выдавала стандартную формулу неопознания:

— Я не знаю, хозяин, не знаю...

Александр выключил передатчик, уронил голову на руки.

Он проснулся от громкого треска. Голубые искры усеяли радиатор парового отопления под окном, в котором бледнело рассветное небо. На экране прибора он увидел пустой стол; еле заметная, на глазах тускнеющая схема оказалась под окном.

— Как она ушла со стола? — забеспокоился Александр.

Когда треск прекратился, схема отплыла от радиатора и че-

рез всю комнату последовала к выпрямителю, припала к контактам. Начала заряжаться... Теперь она наливалась на экране ярким светом. «При перезарядке она может стать видимой, — размышлял Волошин, — и это погубило беднягу летчика. Он погнался за светящимся призраком, попал между контактами, а двести тысяч вольт не шутка!»

Реле перезарядки сработало, и схема доплыла по комнате. Она явно искала место, куда сбросить ток. Светящийся чертеж рос на экране.

«Она идет сюда», — понял Александр и отскочил от прибора.

Согнувшись, он судорожно копался в хламе, скопившемся в углу комнаты, выхватил длинный медный прут, бросил наугад. Прут разбил люстру. В комнате стало темно — жидкая предрассветная мгла. Ползком подобрившись к пруту, Александр снова бросил его, оглушительно лопнула трубка преобразователя. Тогда он забился в самый угол, снова подобрив прут. Легкий зуд прошел по голове, под волосами.

«Так, что ли, они встают дыбом?»

Искр на радиаторе отопления не было. Смертоносный заряд бродил где-то рядом. Ищет... В мутном свете утра комната казалась чужой, никогда не виданной. Что это? Искры на водопроводном кране... Бросить! Взмах — и вспышка с грохотом озарила комнату. Почерневший, исковерканный прут валялся возле раковины. В это время внизу раздался длинный звонок. Александр взглянул в окно. У дверей стояла длинная черная машина, и человек в черном, сияя выбритой макушкой, расспрашивал полуодетого князя.

Черный человек ввел Александра Волошина в большой зал, тускло освещенный сквозь цветные стекла высоких стрельчатых окон, и бесшумно удалился. Стены и пол зала были сложены из грубо обтесанных плит в раннеготическом стиле, но пол зеркально блестел, залитый прозрачным пластиком. Черное распятие на стене, черный полированный стол с белым телефоном и два уютных, низких кресла — вот все убранство зала.

Кардинал Спиллейн в белом одеянии выплыл из маленькой боковой двери, тщательно запер ее за собою.

— Я просил позвать вас, сын мой, — вкрадчиво сказал кардинал, опуская подкрашенные веки, — потому что надеялся внести мир в вашу беспокойную душу. Святая церковь в эти трудные дни должна стать прибежищем для каждого.

— Что нужно от меня святой церкви? — дерзко спросил Волошин.

Кардинал разглядывал рукав его костюма, светлый, но в пятнах, мятый.

— Иногда мы можем нашими ничтожными силами способ-

ствовать славе творца, — почти пел кардинал. — В своей благодати бог забыл о дерзости и самомнении человеческом. Ни очищающих громов с небес, ни проповеди малым сим мы не слышали от неба с библейских времен.

— Я понял, чего вы хотите, святой отец, — улыбнулся Волошин. — Но на мелочи не размениваюсь. Чудеса поштучно — это не по мне. Поднимать на прозрачном шаре магнитофон с динамиком или учинять дебош с искусственными молниями — мне не к лицу. Я, знаете ли, первый инженер своего века. Вот что... Хотите, я вам сделаю настоящего бога? Так и назовем: «В-1, всевышний, первая модель».

Он почти грубил, надеясь, что его выгонят, но Спиллейн только наклонил голову и светски улыбнулся:

— А разве это возможно?

— Вы сомневаетесь в возможности существования бога?

— Нет, конечно. Но сделать...

— Почему бы и не сделать то, что принципиально возможно? Современная техника в силах сделать бога, и ангелов, и самого дьявола, если есть средства, время и инженер с ясной головой.

— Скажем, два миллиона, семьдесят дней и вы, мистер Волошин?

Это было сказано почти без выражения.

— А есть у вас техническое задание на проектирование, мистер заказчик?

— Что мы вкладываем в наше представление о боге? — Кардинал раскрыл книжку. — Он должен быть всемогущ, вездесущ и всеведущ...

— Вот что, святой отец, — сказал Волошин, с ненавистью глядя на белые холеные пальцы кардинала, сцепленные на животе. — Мы, инженеры, метафор не любим. Говорите точно. Всемогущ — в смысле побьет любой танк, самолет, корабль, пехоту или толпу — пожалуйста! Он сможет нагонять панику, воздействуя на мозг подходящими частотами, — это ли не чудо? Нажмите кнопку — он отнимет волю, память, растопчет личность, ее гордость и независимость. Всеведущ? Скажем, миллиард битов памяти довольно? Машины, которые сейчас рассчитывают полеты на Луну, не имеют и половины этого. Вездесущий — на что вам такой большой? Сделаю пятьсот на пятьсот и на триста.

— Он должен исцелять болезни.

— Рентген, физиотерапия? Это можно.

— Он должен быть нечувствителен к мирским соблазнам.

— Все мои машины таковы, хотите — верьте, хотите — нет.

Они не пьют, не курят, не заводят себе легкомысленных подруг и не нарушают без особой команды ни одну из заповедей Моисея.

— Он должен вещать слова истины. Возможно громче...

В децибелах это сколько? — свирепо переспросил Волошин.
— Мм... Не знаю.
— Ну так узнайте, посоветуйтесь. Еще что?
— Он должен изгонять бесов.
— Где, откуда? Вы уже имеете этих бесов? Знаете технологию изгнания?
— Нет, — заюлил кардинал. — Но я думал, что бесы ком-
плектуют... вашу установку.
— Только за особую цену. Работа мелкая, нудная, партия
большая. За ту же цену не берусь.
— А если он будет как бы изгонять... Понимаете?
— Понимаю. Не выйдет. Фокусами не занимаюсь. Что вас
все тянет на фальшивку, когда я предлагаю настоящего бога?
Где ваша вера?
— И дорого обойдется партия бесов, скажем, сотня? — по-
интересовался кардинал, уклоняясь от диспута о вере.
— Три тысячи с носа или пары рогов, если угодно в
рогах.
— Да?.. Ну, я думаю, бесы отпадают. Что ж нам перепла-
чивать? Тем более за такую нечисть, врагов рода человече-
ского?..

К утру семидесятого дня инженер Александр Волошин вы-
мотался до конца. В наглухо огороженном высоченном эллинге
на краю города под наблюдением десятков лаборантов на ре-
шетчатых лесах сновали автоматически действующие разрядни-
ки. Александр лично проверял через преобразователь квадрат
за квадратом. В шесть утра все было закончено, проверено,
исправлено. Он задремал в машине. Но и во сне перед ним вста-
вали клетки гигантского радиомозга: однообразные сплетения
усилителей, емкостей и сопротивлений, множество датчиков и
эффекторов, сложных излучателей, гигантский аккумулятор и
всевозможные связи между узлами машины. Все это суще-
ствует, все это пришлось создать, затратив массу сил и време-
ни, но когда снимут леса, эллинг окажется пустым. Нечто, на-
полняющее его решетчатый свод, уйдет в атмосферу, для непо-
священных исчезнет. И вместе с тем оно будет повиноваться
шифрованным радиосигналам. Сможет говорить и выполнять
логические действия, сможет обрушить электрическую бурю,
лгать, интриговать, а главное — сковывать цепями невежества,
лицемерия и животного страха...

И перед засыпающим сознанием неслись смутные виде-
ния — грозно светящаяся радиосхема, которую, как дубину,
занес над миром обезьяно-человек в белой сутане.

Когда Александр проснулся, солнце было уже высоко. Ма-
шина стояла у пансиона, князь сидел на ступеньках с газетой
в дрожащей руке и плакал.

— Смотри, Саша, смотри, — лепетал он, мешая русские и испанские слова, — наши, русские, на Юпитере еще вчера...

Волошин вырвал газету. С листа на него смотрел ряд портретов, русские имена... Он уронил бумажный лист, откинулся на подушки машины, как от пощечины. Князь проворно подбрал газету, усталился в нее.

— Гляди-ка, Саша, а этот, третий, так похож на тебя. Бортинженер. У тебя случайно нет брата?

Нет, не было у Кси Волошина брата, никого в мире, и родители его давно нашли последний приют на неудобном эмигрантском кладбище.

Хлопнув дверцей «кадиллака», он бесцельно побрел по улице. Навстречу ему попался спешащий куда-то монах. Через два квартала монах по-прежнему деловито, по-военному размахивая руками, пересек ему дорогу.

«Следят, — догадался Волошин. Оглянулся, сквозь скудные слезы заметил: сзади медленно едет машина, в ней рыжий, в черной шляпе. — И эти тоже следят».

Он вошел в респектабельную контору Вольфа. Человек в темных очках поднялся ему навстречу.

— Кончили заказ церкви, мистер Кси? Теперь для нас. Невидимые панцири, радиоуправляемые шаровые молнии... Наш бизнес требует техники.

— Хорошо. Только мне нужен новый паспорт.

— Этого добра сколько угодно. — Щелкнул несгораемый шкаф.

— Мне заграничный.

— Пожалуйста, хоть дипломатический. Э! Не хотите ли вы удрать от нас, мистер? Не выйдет. Найдем, — сказал человек, подавая ему паспорт.

Из автомата он позвонил Спиллейну.

— Завтра в десять утра. Пророчествуйте, — не называя себя, сказал Волошин.

— Деньги перевел, — деловито отвечал Спиллейн, — полтора миллиона. Понимаете, комиссионные неудобно ставить отдельно. Но я слышал, вы имеете новый отличный заказ.

Равнодушно услышав, что его обокрали, Волошин повесил трубку. Лицо неизвестного астронавта, похожего на него, стояло перед глазами, и все остальное было так мелко, грязно, не нужно: и Минна, и князь, и кардинал, и сам новенький, как никелевая монета, всевышний, последняя модель. Первый инженер века, он мог бы на стартовой площадке подать шлем...

Когда Волошин вернулся домой, он застал в комнате полицейского комиссара.

— Вашу знакомую нашли позавчера ночью на пляже. Мертвой. Вот.

На глянцевом листке удивленное лицо, разбитое, жалкое, чужое.

— Самоубийство, мы так понимаем. Опознаете? Подпишите здесь.

— Да... Рыба ударила хвостом.

Офицер покосился, откланялся и ушел.

Микрофон стоял на стене. Под окном бродили гангстеры и монахи, все на одно лицо.

Волошин сел за передатчик, лицо его окаменело.

— Ка-два, эс-шесть, ка-четыре, — четко диктовал он команды, выводящие бога в небо. Потом передал серию настройки и выглянул на улицу.

Рыжий детина в мятом белом плаще и черной шляпе проигрывал в кости монаху с выправкой армейского сержанта. Монах ржал и хлопал рыжего по плечу. Полицейский комиссар остановился, покровительственно сострил и стал наблюдать игру.

Волошин вернулся к микрофону.

— Люди, — сказал он, — слушайте слова правды, которые вам обещали.

Бога нет. И не было, и не будет. Это я говорю, я, инженер, построивший всевышнего, первую модель. Он, всевышний, подтвердит это сам. Он — хорошая штука, но это не бог, а машина. Математическая машина из невидимых проводов и усилителей. Законы природы нерушимы, что, впрочем, сегодня меня мало интересует.

Есть нерушимые законы сердца. Нарушающий их умирает, часто незаметно для себя... Жизнь без родины, без дружбы, без любви — незаметная смерть.

Волошин рассказывал о себе, о своем открытии, о его бесславной, преступной судьбе.

— Я, рядовой инженер, был мертвым среди мертвых в этом городе. И сегодня я говорю вам голосом моего электронного всевышнего: живите! Любите, верьте, боритесь за счастье. Разум человеческий не будет скован вечно, он рвет путы, он знает, что будет, и творит будущее.

Кто не борется, тот мертв.

АЛЕКСАНДР ПЛОНСКИЙ

ЗВЕЗДЫ НА ЛАДОНЯХ

— Природа рациональна и экономична, — сказал Милютин, — ее девиз — простота.

— Наоборот, — возразил Леверрье. — Мир движется от простого к сложному. Взять нашу прародительницу амебу...

— И вас, Луи, для сравнения, — саркастически перебил Милютин. — Спору нет, вы сложнее. Самую малость, но сложнее.

Леверрье обиженно насупился.

— Если бы вы не были моим давним другом...

— То вы вызвали бы меня на дуэль, а вместо шпаги вооружились бы лазером. Полно! Сделайте скидку на мой вздорный характер и перестаньте дуться. Конечно же, природа идет по пути усложнения, но она никогда не позволяет себе ничего лишнего. Ничто в ней не сложнее, чем это необходимо.

— Допустим, — сдался Леверрье. — Ну и что из этого?

— Дайте руку, — потребовал Милютин. — Да не так, а ладонью вверх. Ого, у вас могучая линия жизни. Долго будете жить, Луи!

— Что за чушь! Сегодня вы меня удивляете. Ведь не станете же вы утверждать, что верите в хиромантию.

— Не стану. Хотя... Хорошо вам, Луи, вы человек категорических суждений, мыслите в двоичном коде: да, нет, ноль, единица... А круглые цифры всегда врут, так утверждал один древний философ, и я, знаете ли, с ним согласен. Но дело не в этом. Посмотрите на собственную ладонь: какие изощренно сложные линии, какие причудливые папиллярные завитки на пальцах! Не напоминает ли это галактику или хотя бы звездную туманность?

Леверрье пожал плечами.

— Вы фантазер, Милютин. И если хотите прочитать лекцию по дактилоскопии, то напрасно. Мне хорошо известно, что отпечатки пальцев сугубо индивидуальны и никогда не повторяются, по крайней мере в одном поколении...

— Вот, вот... Но не передаются ли они от поколения к поколению?

— Какая разница? — равнодушно произнес Леверрье. — Кого, кроме полицейских, это интересует?

— Меня, — сказал Милютин. — И все человечество. Вот уже не первое столетие пытаемся мы вступить в контакт с инопланетянами. Поиски сигналов, посланных миллионы лет назад, возможно, уже не существующими цивилизациями, бум с летающими тарелками и вездесущими гуманоидами, сенсационные находки примитивных наскальных изображений, якобы оставленных пришельцами. Даже в полярном сиянии усмотрели источник взземной информации. А все гораздо проще! Галактические письма на наших ладонях!

— Вы с ума сошли! — вскричал Леверрье.

— Возможно, — холодно согласился Милютин. — Но почему, скажите на милость, природа пошла на неоправданное усложнение? Почему кожа на ладонях не такая, как на груди, спине, животе? Почему папиллярные линии нельзя стереть, они восстанавливаются даже если содрать с пальцев кожу? Для чего понадобился колоссальный запас надежности? Если допустить, что папиллярные линии несут в себе информацию, то она идеально защищена.

Леверрье забарабанил пальцами по колену.

— Остается пустяк, — сказал он нарочито бодрым тоном, — расшифровать информацию.

— Я это сделал, — помолчав, проговорил Милютин.

Леверрье остолбенел.

— Но это немыслимо... Нет, вы понимаете, что говорите?.. А если на самом деле... Тогда нужно немедленно, слышите, немедленно...

— Информация должна быть полной, Луи, только в этом случае игра стоит свеч. Моих и ваших ладоней, увы, недостаточно. Понадобились бы руки всех людей Земли. И, самое главное, чистые руки, иначе информация принесет не пользу, а вред. Огромный, непоправимый вред.

— Все, что угодно, можно отмыть до стерильной чистоты! — заверил Леверрье.

— Все, кроме рук, жаждущих власти, денег и смертоносного оружия...

ИНТЕЛЛЕКТ

— Природа милостива к человечеству, но безжалостна к человеку, — произнес Леверрье задумчиво.

— Превосходная мысль, Луи, — похвалил Милютин. — И, главное, очень свежая!

Они сидели в маленьком кафе на смотровой площадке Эйфелевой башни и любовались Парижем, заповедным городом Европы.

— Мы не виделись почти четверть века, а желчи у вас...

— Не убавилось? Увы, мои недостатки с годами лишь усугубляются.

— И все же я люблю вас, Милютин! — признался Леверрье. — А ваша язвительность... Иногда мне ее не хватало. Было плохо без вас, как было бы плохо без Парижа. И вот мы снова вместе, но время вас не пощадило.

Милютин рассмеялся.

— Вы делаете мне честь, Луи, сравнивая мою язвительность с красотой милого вашему сердцу Парижа.

Леверрье пожал плечами.

— Вот видите, — сказал Милютин, закуривая. — Города стареют, как и люди... Только не так быстро. Впрочем, я ведь куда старше, чем вы думаете. Помните слова Эдгара Дега: «Талант творит все, что захочет, а гений только то, что может»? Так вот, моя мать, уже получив Нобелевскую премию за вакцину от рака, сказала мне: «Если бы я могла начать жизнь сначала, я никогда не стала бы врачом. Слишком во многом чувствую себя бессильной».

Несколько минут оба молчали.

— Мало кому посчастливится предугадать свое истинное призвание, и уж совсем реже случается разглядеть в себе талант — он виден лишь со стороны. К вам, Милютин, это не относится. Вы, как и ваша мать, гений.

— Ах, бросьте, Луи, — саркастически усмехнулся Милютин. — Слово «интеллект» в переводе с латинского означает «ум». Но почему-то мы предпочитаем называть человека интеллектуалом, а не умником. Да и «умник» приобрел в наших устах иронический оттенок. Мы вроде бы стесняемся ума, но гордимся интеллектом.

— Вы правы, — согласился Леверрье. — Франсуа де Ларошфуко, помнится, даже несколько иронически классифицировал типы ума.

— Словом, сколько голов, столько и умов. И какой же ум согласно этой классификации у меня?

— Ваш ум нельзя классифицировать, — серьезно сказал Леверрье. — Я бы назвал его дьявольским.

— Старо, Луи. Еще тридцать лет назад вы заявляли, что я и бог, и дьявол в одной ипостаси. Ну да ладно. Вот вы говорите: «интеллектуал». Однако человеческий интеллект — интеграл способностей, знаний, опыта, навыков. Расчленить эти слагаемые невозможно, как невозможно сказать, что здесь свое, природное, а что воспринятое, впитанное, позаимствованное. Человек «сам по себе» подобен электрону в вакууме. И пусть электрон-одиночку называют свободным, толку от такой свободы мало. Лишь упорядоченный, целенаправленный поток способен освещать жилище, приводить в движение роторы машин, обогревать... И лишь в сотрудничестве друг с другом люди находят силы для преодоления преград, воздвигаемых природой... и самими же людьми.

— К чему вы клоните?

Милютин раскурил очередную сигарету.

— Я индивидуалист, вы знаете. И чувствую себя таким электроном-одиночкой. Что дали человечеству мои открытия?

Леверрье протестующе повысил голос:

— Ну это уж слишком! Благодаря таким построен Париж, ликвидированы эпидемии...

— Испытание благополучием, возможно, самое трудное, из всех, выпавших на долю последнего поколения, — нахмурился Милютин. — А интеллект не может успокоиться, смысл его — работать...

— При всей вашей гениальности вы лишь ячейка общечеловеческого мозга. И человечество, а вовсе не вы, одиноко во Вселенной. Звезды на ладонях... Как жаль, что ваша прелестная гипотеза до сих пор не восторжествовала!

— Вы полагаете, что я работаю от имени человечества? Сам того не сознаю, но запрограммирован? Да?..

ГОЛОСА
МОЛОДЫХ

«ПРОИСШЕСТВИИ НЕТ»

Гигантское тело планеты выросло на экранах совершенно неожиданно. Пальцы судорожно вцепились в рукоятки тормозных двигателей, но было уже поздно. Упругая струя пламени лишь ненадолго смягчила чудовищный удар. Алексей долго не мог опомниться, уткнувшись шлемом своего скафандра в разбитый пульт управления. Когда же все-таки ему удалось поднять голову, он увидел вокруг себя лишь смятые переборки отсеков, вырванную из гнезд путаницу проводов и схем бортовой аппаратуры да тусклые стекла разбитых экранов. Его собственное кресло было сорвано с амортизаторов и врезалось в приборную панель. Самого Алексея спас только скафандр, который он поленился снять после проверки регулятора маршевых двигателей. Но какое это сейчас имело значение... Ему пришло в голову, что лучше было бы умереть сразу. От ракеты осталась груда покореженного металла, которую нечего и пытаться как-то привести в порядок. Легче уж соорудить новую ракету...

Все еще пошатываясь от слабости, Алексей вылез наружу через аварийный люк на корме. Спрыгнув на поверхность и увидев результат падения, он только тихо присвистнул. Корпус ракеты наполовину ушел в почву, напоминающую лунный реголит, и среди дымившегося горючего, которое выплеснулось из лопнувших баков, походил на развалины разбитой башни. Алексей огляделся вокруг. Как он прозевал столкновение с планетой? Откуда же она взялась на его пути?

Ведь он совершал патрульный полет выше плоскости эклиптики солнечной системы, и здесь не то что планет, а даже пыли космической не было — полный вакуум! Все планеты солнечной системы уже давно известны, их орбиты рассчитаны на тысячи лет вперед, и они исправно по ним движутся. Откуда же тогда могла взяться эта?

Алексей еще раз огляделся, настороженно рыская взглядом по сторонам. На первый взгляд планета не представляла собой ничего особенного и походила на Луну. Атмосферы нет, скалы, кратеры, камни... Но откуда тут взяться Луне?! У Алексея возникла шальная мысль, что он сбился с курса и на самом деле находится сейчас около Земли. Однако он сейчас же опомнился. Какая Земля, если он перепроверил курс за час до столкновения!

Алексей сделал несколько шагов в сторону и застыл от изумления. Перед ним стоял человек и смотрел на него. Алексей потряс головой и даже, вероятно, протер бы глаза, не будь перед ним силиколовое стекло шлема. Но человек продолжал стоять и угрюмо смотреть на космонавта. Видимо, он был чем-то недоволен.

— Кто вы такой и зачем вас сюда принесло? — не очень дружелюбно осведомился он.

Алексей ошарашенно заморгал глазами.

— Я и-не хотел... — выдавил он. — Это случайно... Какое-то недоразумение... Но что это все значит?! И где я нахожусь? Кто вы? Что это, наконец, за планета?

— Это наша планета, — сообщил незнакомец. — Мы ее приобрели и сейчас путешествуем по космосу, отыскивая подходящую для нас звезду.

Алексей обессиленно опустил на обломок скалы.

— Какую звезду? — тихо произнес он. — Я ничего не понимаю. Или я сошел с ума, или мне все это снится. Откуда здесь могла взяться планета, да еще с людьми!

— Я не человек, — отозвался незнакомец. — Это всего лишь модель. Моего истинного облика вам лучше не видеть. Мы встревожены вашим присутствием. Зачем вы посадили свой аппарат на нашу планету?

— Посадил! — несмотря на всю исключительность ситуации, Алексей не удержался от саркастического смеха. — Да это вы на меня налетели, как футбольный мяч на иголку! — Он устался на незнакомца. — Но что же мне теперь делать?

— Ваше присутствие на планете нежелательно, — сообщил незнакомец.

— Да я бы хоть сейчас убрался отсюда! — разозлился Алексей. — Весь вопрос в том, как?

Незнакомец посмотрел на остатки ракеты и еще дымившиеся лужи горючего.

— Вы землянин? — осведомился он.

— Да, — ответил Алексей, — хотя мне показалось, что вам это известно. Осталось выяснить, кто вы?

— Это хорошо, — игнорировал иронию Алексея незнакомец. — Значит, вы впервые встречаетесь с иной жизнью.

— Что, по-видимому, нельзя сказать о вас, — добавил Алексей.

Незнакомец промолчал, что-то обдумывая. Алексей смотрел на него, удивляясь в глубине души такой, по меньшей мере странной, встрече, но внешне оставался совершенно спокойным, зная, что в запасе имеешь всего несколько часов жизни. Однако подсознательно он надеялся, что поскольку судьба свела его с инопланетянами, то не оставят же они родственное по разуму существо в беде. Хотя встреча, надо признаться, вышла более чем нескладная. Хозяева планеты отнюдь не в восторге от его присутствия здесь, это ясно. Но разве он мог знать, что путь их планеты именно здесь пересечется с траекторией его патрульной ракеты? И вообще, если уж они путешествуют, то могли бы предупредить как-то...

Интересно, где они обитают? Под поверхностью? Во всяком случае где-то устроились. Только сомнительно, чтобы их дом

был гостеприимен для человека. Да и гостям они, по-видимому, не радуются...

— На всякий случай сообщаю, что кислорода у меня осталось на восемь часов, — подал голос Алексей. — Если вам известно...

— Известно. — Незнакомец поглядел на Алексея каким-то странным взглядом. — Мы — странники. Мы уже долго путешествуем по космосу. Нам не нашлось места на родной планете и в родной системе. Мы были изгнаны и остались без родины.

Незнакомец опять внимательно посмотрел на Алексея, словно оценивая, какое впечатление произвело на землянина это печальное сообщение. Алексей ничего не ответил, недоумевая, что заставило хмурого незнакомца разоткровенничаться.

— Мы несчастный народ, — продолжал тот, — мы не знаем покоя и счастья. Нас постоянно преследуют. Хотите нам помочь? Мы очень нуждаемся в вашей помощи.

Алексей опешил от такого признания. Несколько минут назад незнакомец говорил совершенно в ином тоне. К тому же неизвестно, кому нужнее помощь. Эту мысль он и высказал.

— Несомненно, мы понимаем всю сложность вашего положения, — охотно согласился незнакомец, — но это будет недолго и несложно. Понимаете, мы беглецы. Мы долго были подневольными. Нами управляли, нам не давали свободы собственных действий, мешали жить самостоятельно. С нами обращались, как с маленькими детьми, хотя мы вполне зрелы. Мы долго думали, как нам быть, и наконец украли планету и пустились в долгое странствование по космосу, отыскивая для себя новое пристанище. Однако наши прежние опекуны не оставляют нас в покое, они преследуют нас, они хотят вернуть свою прежнюю власть над нами. Вот и сейчас они где-то недалеко. Ты должен помочь нам, человек!

— Как? — растерянно произнес Алексей.

Он не совсем понял смысл исповедальной речи незнакомца и сейчас соображал, что бы все это значило на самом деле. Опекуны, подневольные, путешественники... Странная история. И почему незнакомец сначала сказал, что они купили планету, потом украли... Интересно, где это можно купить планету, а тем более украсть. Что за всем этим кроется? Еще не хватало влипнуть в скандальную историю в космическом масштабе.

— У меня кислорода на восемь часов, — на всякий случай еще раз напомнил Алексей. — К тому же я не имею ни малейшего представления о характере помощи, которую я должен оказать.

— О, это совсем несложно, — обрадовался незнакомец. — Сюда скоро прилетят. Вас, конечно, заметят и начнут спрашивать, что да как. Вам надо будет сказать, что это ваша планета и вы просто потерпели аварию. Вам окажут помощь и на

этом ваша миссия закончится. Вы сможете полететь домой, а мы — дальше своим путем. Это просто и выгодно, соглашайтесь. В любом случае вам придется ожидать помощи, а тут ее верная гарантия.

Незнакомец благожелательно смотрел на Алексея, ожидая ответа. Алексей только подивился его наглости. Он умудрился так сформулировать свое предложение, что ответ мог быть только один.

— Хорошо, — вздохнул Алексей. Что он мог еще сказать. — Но кислорода у меня действительно только на восемь часов, — настойчиво повторил он.

— Вам не придется долго ждать, — успокоил его незнакомец. — От силы часа два-три. Наши преследователи уже близко.

— Но это все так неожиданно, — попытался еще сопротивляться Алексей. — Смогу ли я...

— Можете, — твердо уверил его незнакомец. — Итак, у нас нет больше времени. Поистине вас послал нам сам Космос. Помните о своей миссии и ответственности. Судьба планеты и наша судьба в ваших руках. Прощайте.

И незнакомец исчез. Пропал мгновенно, словно выключили проектор, высвечивающий изображение в пространстве. Алексей несколько минут ошалело смотрел на то место, где секунду назад стоял его странный собеседник, даже пошел туда и пошаркал ногой по камням. Камни были крепкие и держались прочно. Алексей глубоко вздохнул. Идиотская ситуация. Но ничего не поделаешь. Деваться ему все равно некуда. С Базой не свяжешься, передатчик вместе с остальными приборами превратился в кучу электронного хлама. Оставалось покорно ждать этих таинственных преследователей, опекунов или как еще так их называл незнакомец.

А если их не будет? Алексей разволновался. Откуда этот незнакомец знает, что они должны появиться именно сейчас. А не через сутки? Или через девять часов? Впрочем, это уже все равно. И почему они должны оказывать ему помощь? Если уж эти несчастные оставили его на произвол судьбы, то что уж говорить об их преследователях?..

Алексей мысленно проклял свою судьбу, а заодно и этих космических скандалистов, так некстати подвернувшихся на его пути. Патрульные полеты всегда считались самым нудным делом в космонавтике, но Алексей сейчас бы согласился отбыть десять месячных патрулей, чем проторчать на этой дурацкой планете два часа в ожидании неизвестно чего или кого. Хоть бы радиостанция уцелела, что ли. Впрочем, с Базы все равно не успеют помочь, а в ближайших окрестностях не было ни одного корабля. Да и что им делать в этой глуши и абсолютном вакууме. За двадцать минут до столкновения он как раз передал на Базу стандартное сообщение: «Патруль на мес-

те. Происшествий нет». Накаркал... Сейчас даже опостылевшая кабина патрульной ракеты показалась ему райским уголком.

Алексей с тоской оглянулся на искореженные остатки корабля. Их безнадежный и жалкий вид производил удручающее впечатление и он, уставившись перед собой, задумался о несправедливости судьбы человеческой...

— Простите, — раздался вежливый голос. Алексей поднял голову. Перед ним стоял приятного вида человек и вежливо улыбался.

— Простите за беспокойство, но я хочу задать вам несколько вопросов, — сказал человек, не переставая улыбаться.

Алексей часто, часто заморгал и огляделся вокруг. Плана была все так же пустынна, если не считать обломков его ракеты, которые уже перестали дымиться. Затем взглянул на часы, вмонтированные в перчатку скафандра. Судя по времени, как раз должны появиться таинственные преследователи и заодно его вероятные спасители. Алексей изобразил на лице не менее вежливую улыбку.

— Я вас слушаю, — сказал он. — Присаживайтесь.

— Спасибо, — ответил человек, продолжая стоять. — Я бы хотел знать, что вы здесь делаете?

Алексей разозлился. Ясное дело, что он не отдыхает здесь после приятной прогулки! Неужели не видно.

— Сижу, — с ледяной вежливостью пояснил он.

— Как вы попали на эту планету?

Алексея начала забавлять наивность собеседника. Черт возьми, да любой ребенок с первого взгляда сам нашел бы ответы на эти вопросы.

— Случайно. Вынужденная остановка, — растягивая до ушей рот в улыбке, ответил он.

Человек в задумчивости пожевал губами и уставился на него, словно взвешивая в уме ценность полученной информации. Затем он поднял голову и окинул взглядом обломки за спиной Алексея.

— Это ваша ракета? — осведомился он.

— Да, — ответил Алексей. — Если это еще можно назвать ракетой... — после некоторого раздумья добавил он. Человек снова уставился на него.

— Вы потерпели аварию, — констатировал он.

Ценный вывод! Его собеседнику делает честь столь быстрая сообразительность. Благосклонным кивком головы Алексей подтвердил правильность предположения.

— Могу только добавить, что кислорода у меня осталось на пять часов. Так что наша беседа не может продолжаться дольше, поскольку я умру, — с искренним сожалением сообщил Алексей.

Человек продолжал молча созерцать его.

— Признаться, меня бы очень огорчил подобный исход, — заметил космонавт.

— Мы не допустим этого, — человек огляделся вокруг. — Вы были предупреждены о нашем появлении тут?

— Кем? — осторожно осведомился Алексей.

Его странный собеседник промолчал, все еще оглядываясь. Алексей пока имел возможность оценить его элегантный вид, правда, несколько неуместный на этой пустынной планете. Во всяком случае, он еще не видел человека, дышащего вакуумом...

— Вы не заметили здесь ничего странного? — подал голос его собеседник.

— Странно ваше появление, — лаконично ответил он. — Кстати, я все же хотел бы узнать, с кем имею честь беседовать?

Алексей снова разозлился. Ему начинала падоедать эта затянувшаяся канитель с космическими незнакомцами.

— Извините, — человек снова заулыбался. — Я из Галактического патруля.

Услышав слово «патруль», Алексей оживился и даже встал с камня, на котором сидел.

— Значит, мы в некотором роде коллеги, — радостно сообщил он. — Я тоже нес патрульную службу.

Кивком головы и улыбкой человек дал понять, что ему приятно встреча со своим коллегой.

— Итак, вы потерпели аварию, совершая патрульный полет. Вы не заметили планету до столкновения?

— Нет, — виновато развел руками Алексей, — она появилась внезапно... — Он вдруг умолк, сам пораженный сказанным. Она действительно появилась внезапно! Экраны были чисты, а через минуту на них будто выпрыгнула планета. А локаторы! Алексей даже похолодел. Дальнобойные круговые локаторы, реагирующие на ничтожные крупинки вещества на расстоянии тысячи километров оставались глухи и немы до самого столкновения! Он растерянно посмотрел на своего собеседника.

— Да, внезапно, — повторил механически. — Черт побери...

— Откуда же тут появилась эта планета? — поинтересовался человек.

Алексей снова насторожился.

— Это наша планета, — неуверенно сказал он. — То есть нашей солнечной системы.

— Это не ваша планета, — вежливо возразил человек.

— Чья же она? — поинтересовался Алексей.

— Наша.

Алексей с сомнением посмотрел на своего собеседника.

— Вы ее купили? — не без интереса любопытствовал он. Человек непонимающе уставился на космонавта.

— Мы ее построили, — пояснил он таким тоном, словно этим должно быть все сказано. Алексей уже не удивился. Он понимающе кивнул головой.

— И она от вас сбежала.

— В некотором смысле да, — согласился человек, — и это не простая планета, это передвижная база, используемая для долговременного наблюдения и контроля какого-нибудь сектора Галактики. Она, видимо, по ошибке пристыковалась к вашей планетной системе. Планета еще совсем юная, она не полностью отрегулирована и обучена, поэтому не удивляйтесь некоторым странностям, с которыми вы бы могли тут столкнуться.

Алексей вспомнил первого незнакомца. Это его, что ли, регулировать? Он изумленно глянул на своего собеседника. Тот на несколько секунд умолк, словно к чему-то прислушиваясь, затем улыбнулся и чуть склонил голову.

— Мы приносим вам искренние и глубокие извинения за причиненные по нашей вине беспокойства, — неожиданно окончил он свою речь. — Я только что получил от контрольных устройств информацию о происшедшем здесь. Но сейчас все стало на свои места. Вы были введены в заблуждение еще не отрегулированными управляющими службами планеты. Сейчас вы свободны и вам необходимо покинуть ее.

— На чем? — зло осведомился Алексей. Его выводила из себя бесцеремонность и наивность непрощеных знакомых.

— Ах да, — его собеседник в задумчивости посмотрел на обломки ракеты. — Сейчас мы вам поможем.

Алексей вдруг с глубоким изумлением увидел, как обломки его ракеты вместе с замерзшими лужицами горючего в буквальном смысле слова провалились сквозь землю. Точнее, сквозь поверхность этой удивительной планеты.

— Вам придется несколько минут подождать, пока анализаторы и ремонтные службы разберутся в конструкции вашего аппарата и восстановят его, — отозвался человек.

Алексей перевел свой взгляд на него.

— Черт возьми, — пробормотал он и добавил с подозрением, — но почему же она от вас удрала?

— Кто? — не понял собеседник.

Алексей постучал ботинком скафандра по камням.

— Ну, эта ваша... — он на мгновение зашнуровался, — планета... Человек мягко улыбнулся.

— Скажите, случилось ли вам в глубокой юности совершать необдуманные и легкомысленные поступки, которые, однако, с вашей точки зрения были вполне правильными и достойными, чтобы доказать вашу самостоятельность?

Алексей на несколько мгновений нахмурился и затем удовлетворенно хмыкнул.

— Знаете, мне еще никогда не доводилось видеть плане-

ту-ребенка, — сообщил он. — Думаю, в своем детстве я бы на-шел с ней общий язык.

Его собеседник согласно кивнул.

— Ваш аппарат восстановлен.

Алексей оглянулся. Его ракета, сияя полированной обшивкой, стояла в стартовом положении, словно на учебном космодроме.

— А сейчас мы вынуждены расстаться. У нас мало времени, — человек, вежливо склонив голову, выжидающе смотрел на космонавта. Алексей кивнул, растерянно потоптался на месте, затем повернулся и быстро зашагал к ракете.

— Прощайте, — обернулся он уже в проеме люка.

Прощание прозвучало в пустоту. Человек исчез.

Взревели стартовые двигатели. Алексей по привычке окинул взглядом экраны и тихо чертыхнулся. Вокруг расстилался безбрежный вакуум. Планета исчезла также неожиданно, как и появилась. Его ракета неслась в пустоту с работающими на полную мощность двигателями. Алексей выключил их и быстро проверил курс. Хорошо еще, что не успел выскочить из своего сектора патрулирования. Затем он откинулся в кресле и, ухмыльнувшись, представил себе лица диспетчеров на Базе после того, как он расскажет обо всем происшедшем. Кстати, как раз подошло время очередной связи. Рука Алексея потянулась к клавишам передатчика. Через полчаса База примет его сообщение. Алексей вообразил свой рассказ со стороны и палец на мгновение замер над клавишей. Затем вдавил ее в гнездо. На панели вспыхнул зеленый глазок.

— Говорит патруль 33159Н, — сказал Алексей ровным и спокойным голосом. — Нахожусь в своем секторе. Происшествий нет.

МИХАИЛ ГЛЕБОВ

ЭКСПЕРИМЕНТ КАЛЬВИСА

Пока единственным достоверным фактом во всей этой истории может считаться лишь то, что 6 января 1763 года было воскресенье.

С утра день выдался удивительно ясным и солнечным для этого промозглого времени года, когда Вена, казалось, погружалась в зимнюю спячку. Только что закончилась месса в соборе святого Стефана; из центральных дверей бесконечным потоком выходили прихожане. Улица Грабен и площадь Угольного Рынка были полны гуляющих горожан. Проезжали кареты и коляски, раздавались приветствия, детский смех. Во всех церквах звонили в колокола.

Примерно в половине четвертого, когда большинство вен-

цев предавались послеобеденному отдыху в кругу семьи, некоторые могли заметить ослепительно белую вспышку, исходящую откуда-то с восточной стороны небосклона. Спустя несколько мгновений донесся глухой рокот, напоминающий раскаты грома.

— Гроза? В январе, при совершенно безоблачном небе?

Этот вопрос был задан одним венским нотариусом, по всей вероятности, самому себе, поскольку в гостиной особняка на Кернерштрассе он был один. Грузный старик с двойным подбородком в этот час сидел у камина и дремал, держа на коленях раскрытый томик сочинений Лютера. Услыхав гром, он поднялся и подошел к окну.

По небу неслись рваные черные тучи, которые быстро сгущались. Вот уже шпиль Шоттенкирхе совершенно скрылся во мгле. Повалил снег, да такой обильный, что через некоторое время площадь и окрестные переулки, черепичные крыши и каменные кружева на церковном фронтоне были укутаны белым пушистым покрывалом.

Нотариус с изумлением взирал из окна на разбушевавшуюся январскую стихию. Быстро стемнело. Когда стоявшие в углу часы пробили четыре, он подошел к письменному столу и позвонил в колокольчик. Вошедший слуга, уже предугадывая приказ хозяина, внес канделябры и зажег свечи.

Жители Вены, привыкшие к капризам январской погоды, не придали особого значения вспышке, грому и последовавшему за ними внезапному снегопаду. На другой день снег растаял, и главной темой светских бесед стал блестящий прием в Хофбурге, который император дал в честь прибывшего в Вену французского посланника.

Замок князя Миклоша Эстергази в Эйзенштадте был полон необычного, даже для предпраздничных дней, оживления. То и дело подъезжали экипажи и фургоны, слуги тащили рулоны материи, цветочные гирлянды, сундуки и доски. В огромной центральной зале стучали молотками плотники, сколачивая балдахин над праздничным столом. На кухне суетились повара, уже начавшие приготовления к пиру. Ожидались хорошие три сотни приглашенных из Вены, Зальцбурга, Будапешта, Брюна и Триеста.

Дело в том, что на 10 января 1763 года была назначена свадьба старшего сына хозяина замка — Антона и Марии Терезии Эрдеди, юной красавицы, наследницы несметного состояния одного из самых прославленных графских родов.

Хозяин замка, князь Миклош Великолепный, снискавший славу покровителя искусств, с особым нетерпением предвкушал день своего триумфа — ведь совсем недавно он заключил договор с новым вице-капельмейстером, сочинявшим превосходную

музыку. Кроме того, для участия в торжествах была специально приглашена из Болоньи труппа итальянских певцов.

В малом зале, где был расположен орган, обрамленный позолоченными декоративными решетками, репетировали музыканты. Возглавлял их молодой человек лет тридцати с живым, пронизательным взглядом черных глаз и энергичными движениями. Это и был недавно назначенный вице-капельмейстер — Франц Йозеф Гайдн.

— Еще раз, господа! Попробуем немного тише басы. Мне плохо слышна мелодия флейты!

Снова зазвучала музыка. В это время дверь отворилась, и появился слуга, шепнувший что-то на ухо вице-капельмейстеру. Тот прервал музыкантов.

— Господин Финке, прошу вас заменить меня, — обратился Гайдн к первому скрипачу. — Его светлость требует меня к себе.

Пройдя вслед за посланным через анфиладу пышно украшенных комнат, он вошел в покои хозяина.

Кабинет князя Эстергази поражал всех, кто видел его впервые, невысказанной роскошью. Стены были отделаны японскими лаковыми панно, на черном фоне которых сияли золотом причудливые цветы и пейзажи. В углах стояли огромные китайские фарфоровые вазы на драгоценных подставках. Доска письменного стола была выложена мрамором, яшмой и ониксом. Кресла и диваны, обитые золотой парчой, люстры из горного хрусталя и инкрустированный перламутром клавесин довершали убранство кабинета.

Когда Гайдн вошел, князь, сидевший за столом, поднял голову и жестом указал на кресло. Эстергази уже имел возможность убедиться в том, что его новый вице-капельмейстер — человек необычайного таланта, и, безусловно, выделял его среди более чем полтора десятка своих капельдинеров, лакеев, поваров, грумов, егерей, придворных музыкантов и певчих. Однако как человек вспыльчивого нрава, он не терпел, когда ему в чем-то перечили и легко приходил в ярость.

— А, вот и вы, милейший Гайдн! Как идут репетиции праздничного концерта? Готова ли ваша пастораль на сюжет Овидия?

— Она уже написана, ваше сиятельство. Сейчас я разучиваю с оркестром увертюру. Мой помощник проходит с итальянцами их партии...

— Не забудьте — через четыре дня премьера! Мои гости уже оповещены, что их ждет музыкальный сюрприз.

— Ваше сиятельство, я уверен, что «Ацис и Галатеея» станет украшением концерта!

— Смотрите же, — строго сказал князь и поднялся с кресла. Подойдя к камину, он взял в руки изящную табакерку. —

Если гости останутся довольны, вы получите от меня вот это...

Гайдн поклонился.

— Вы очень добры ко мне, ваше сиятельство.

— Да, кстати, я хочу, чтобы вы написали еще и симфонию. В ней смогут блеснуть своим мастерством все мои музыканты.

— Но это невозможно! Осталось так мало времени, а я занят репетициями пасторали и кантаты...

— Мне кажется, — нахмурился князь, — что четыре дня для вас — срок более чем достаточный. Я отлично помню, что вы написали симфонию для графа Морцина за одно утро!

— Ваше сиятельство, симфонию мне вряд ли успеть! Я могу написать лишь дивертисмент или квартет. И к тому же...

— Не спорьте, господин вице-капельмейстер! Симфония должна быть готова к четвергу, не позднее. Вы свободны!

С этими словами князь Эстергази, до сих пор вертевший в руках табакерку, так сильно ударил ею о стол, что тончайший фарфор рассыпался на куски...

Гайдн низко поклонился и вышел. Сперва он было направился в залу, откуда доносилась музыка, но остановился в раздумье и затем решительно свернул в боковую галерею, соединявшую основное здание с флигелем. Здесь, в своей небольшой комнатке, он почувствовал себя в относительной безопасности и, усевшись к столу, принялся за работу.

Уже через пару часов десяток нотных листов, исписанных четким, уверенным почерком, указывал на то, что первая часть симфонии близка к завершению. Кто-то постучал в дверь.

Гайдн не любил, когда его отрывали от сочинения музыки, поэтому он довольно грубо крикнул:

— Ну, кто там еще?

Дверь отворилась, и на пороге появился странного вида человек среднего роста, одетый в блестящий черный балахон, который облегал все тело, не образуя складок. Голова, пожалуй, слишком крупная для его изящной фигуры, была обрамлена густой гривой седых волос.

«Монах?» — подумал Гайдн. Но незнакомец, предупредив возможные вопросы, начал сам низким приятным голосом, немного нараспев:

— Я рад приветствовать вас, о славный Йозеф Гайдн! Я прибыл сюда, чтобы своими глазами увидеть того, чье небывалое искусство пережило столетия и покорило нас, людей будущего, в году две тысячи двести двадцать девятом новой эры.

Гайдн в изумлении не нашелся, что ответить, и молча поклонился. Он не понял, откуда появился незнакомец, а последняя цифра ему мало о чем говорила, поскольку в ту пору в мире существовало множество систем летосчисления, и сказать с уверенностью, который теперь год, могли немногие.

Гайдн любезным жестом пригласил гостя войти и сесть в кресло, а сам присел на грубую деревянную кровать.

— Да, да... Именно таким я вас себе и представлял, господин Гайдн! Почему-то в наше время вас почти никогда не изображают без парика... Однако что это я болтаю!

Незнакомец встал с кресла и торжественно произнес:

— Мое имя — доктор Кальвис. Среди своих современников я считаюсь крупнейшим знатоком творчества Франца Йозефа Гайдна, Франца Шуберта и Вильгельма Зильберта!

— Франц Йозеф Гайдн, придворный вице-капельмейстер, перед вами, — отвечал Гайдн. — Простите, я не расслышал остальных имен... Это тоже музыканты? У кого они состоят на службе?

— Франц Шуберт жил, а точнее будет жить, в Вене немного позже — через тридцать четыре года он только родится. А вот о Вильгельме Зильберте музыкальный мир услышит лишь через двести лет, когда при реставрации собора святого Стефана в стене найдут замурованный сундук с его рукописями. Зильберт был потомственным каменщиком и сочинял музыку, которую никто из музыкантов не хотел играть, находя ее неблагозвучной. Он так и умер в неизвестности, чтобы родиться композитором в двадцать первом веке, почти через двести лет после смерти!

Гайдн слушал пришельца из будущего внимательно и серьезно.

— Можно посмотреть, над чем вы сейчас работаете? — попросил Кальвис, взглянув на стопку исписанной бумаги.

Гайдн взял со стола нотные листы и протянул ему.

— Ну да, я так и думал... Симфония ре мажор, — бормотал тот себе под нос.

— Князь только что заказал ее мне ко дню свадьбы своего сына... Если бы вы знали, как он донимает меня своими заказами! — сокрушенно пожаловался Гайдн. — А на прошлой неделе ему понадобилась кантата...

— Достопочтенный господин Гайдн! — торжественно произнес гость. — Отныне ваш труд будет состоять лишь в сочинении прекрасных мелодий! Я доставил из будущего аппарат, который облегчит ваш труд, взяв на себя развитие и разработку музыкального материала.

С этими словами он вышел за дверь и вернулся с огромным ящиком на ножках, напоминающим с виду клавесин. Откинув переднюю крышку, гость открыл спрятанную в недрах ящика обычную клавиатуру. Передняя стенка была сплошь покрыта кнопками и лампочками. Последние вызвали живейший интерес Гайдна, и он дотронулся до одной из них пальцем:

— Странно... Эти огоньки не дают тепла!

— Это долго объяснять, мой дорогой маэстро. Называется эта штука «Компиграф». Наиграйте на клавиатуре любую мелодию.

Гайдн недоверчиво взглянул на гостя, но все же начал играть.

— Чудесно! Достаточно! Теперь смотрите.

Крупнейший специалист по творчеству Гайдна, Шуберта и Вильгельма Зильберта нажал подряд несколько кнопок. «Компиграф» зажужжал, и из боковой стенки через узкую щель начала вылезать лента с нотными знаками. Гайдн схватил ее и с изумлением увидел, что это строка партитуры квартета, записанная по всем правилам искусства, причем наигранная им тема уже была развита и видоизменена в партии виолончели.

— Великий боже... — тихо произнес он. — Возможно ли такое?

Доктор Кальвис потирал руки в восторге от произведенного эффекта.

— Ваша задача — сочинять темы да резать ленту на куски по формату страниц. Вы создадите столько прекрасной музыки, сколько еще никому не удавалось написать. Это будет сто восемнадцать симфоний, двадцать четыре оперы, четырнадцать месс, тридцать пять инструментальных концертов, восемьдесят пять струнных квартетов, сотни других ансамблей...

— Свыше ста симфоний! Не может быть... — вымолвил Гайдн, совершенно подавленный перечнем «своих творений».

— Именно, сто восемнадцать! — радостно подтвердил Кальвис. — Сейчас я научу вас управлять аппаратом и прошу обращаться с ним поосторожнее. Недавно мой коллега оставил «Компиграф» одному венецианцу по имени Антонио Вивальди, и тот испортил его так, что пришлось возвращать этот чудоклавиесин к нам, в двадцать третий век, для ремонта. Вот теперь он у вас. Кстати, вы не были знакомы с Вивальди? Одно время он жил в Вене. Ах, да, ведь он умер, когда вам было только девять лет...

Итак, смотрите — сначала вы нажимаете вот эту красную кнопку...

Подробно объяснив назначение каждой кнопки и рукоятки, показав, что и в какой последовательности надо нажать, чтобы «Компиграф» сам написал мессу, кантату, оперу, симфонию или квартет, не говоря уже о таких простых вещах, как клавирные сонаты, доктор Кальвис вежливо откланялся и удалился. Перед уходом он пожелал Гайдну прожить долгую и славную жизнь и встретить свое 77-летие всемирно известным композитором.

Оставшись один, вице-капельмейстер с интересом принялся испытывать аппарат. Он проиграл на клавиатуре мелодию второй части симфонии и нажал нужные кнопки. Из прорези вновь полезла нотная лента. Черные значки на ней лаково блестели. Пробежав глазами начальные такты, Гайдн одобрительно кивнул, и, вооружившись портновскими ножницами, стал резать ленту на страницы и складывать в кипу...

За этим занятием его застала жена, Мария Анна, урожденная Келлер, пухленькая блондинка с вечно обиженным выражением лица. Скинув теплый капор и отороченную мехом накидку, она присела у камина и стала ворошить щипцами угли.

— Анхен! Посмотри, что за чудо, — позвал ее Йозеф.

Жена нехотя подошла к волшебному клавишному.

— Откуда этот ящик, Йозеф?

— О, ты все равно не поверишь! Человек, принесший его, сказал, что он явился из будущего. Но я полагаю, что он англичанин, хотя довольно чисто говорил по-немецки. Англичане — большие мастера всяких изобретений... Эта штукавина, которую он назвал «Компиграф», сама записывает музыку, стоит мне только сыграть начальную тему... Смотри-ка!

Йозеф нажал еще одну кнопку и сыграл быструю энергичную мелодию, потом повернул несколько ручек с латинскими буквами. Аппарат зажужжал, и из прорези появился край нотного листа.

— Вот и все... Это финал симфонии, Анхен! Вполне прилично для свадебного заказа. Теперь у меня будет столько свободного времени! Я не буду больше сидеть при свете свечи, всю ночь переписывая бесчисленные партитуры!..

Их прервало появление первого скрипача.

— Господин капельмейстер, оркестр уже вполне разучил увертюру. Не соблаговолите ли вы проработать с нами первый акт?

— Сейчас иду, дружище! Анхен, я скоро вернусь — ничего не трогай без меня...

Затворив дверь, Анна подошла к чудесному аппарату. Особенно ее восхищало то, что из прорези в изобилии появлялась отличная, твердая белая бумага. Дело в том, что супруга господина вице-капельмейстера употребляла черновики мужа на папильотки, и вот теперь она лишалась этой возможности — ведь «Компиграф» сразу выдавал написанные набело партитурные листы.

Подталкиваемая любопытством, она нажала несколько кнопок. Аппарат вновь застрекотал, но уже как-то надсадно, и из щели появился край листа. Анна схватила его и потянула. На передней стенке часто замигали красные лампочки. Анна с силой дернула лист. Что-то щелкнуло, и лента пошла свободно, но уже без нотных знаков.

Скручивая бумажную ленту в рулон, Анна напевала забавную песенку, которую слышала от Йозефа:

А всего их восемь надо,
Чтоб резать кабана.
Двое тут, они и вяжут,
Двое там, они и режут,
А всего их восемь надо,
Чтоб резать кабана.

Решив, что бумаги уже достаточно, она захотела остановить аппарат и снова дотронулась до нескольких кнопок наугад. «Компиграф» зажужжал басом и начал трястись. Анна в испуге отбежала в угол комнаты. Раздался металлический щелчок, и лампочки погасли. Из щели повалил густой синий дым.

В этот момент вернулся Йозеф. Он сразу все понял, бросился к аппарату, стал нажимать кнопки и дергать за ручки, но тщетно — «Компиграф» не подавал признаков жизни.

Тогда вице-капельмейстер сел на деревянную скамью, снял парик и обхватил голову руками. Его жена, стоя в углу, виновато молчала. Синий дым постепенно рассеивался и струйками эплозал в дымоход камина.

Сорок шесть лет спустя, в середине мая 1809 года, в Вену входили войска Бонапарта.

Сухой треск выстрелов и тяжелое уханье снарядов раздавались совсем близко от городских окраин. На фоне идиллических пейзажей венских предместий яркие мундиры французов и распускавшиеся, как цветы, облачка порохового дыма выглядели будто на театральной сцене.

В тихом местечке Гумпендорфе, в Мариенкирхе, разрывы снарядов порой даже заглушали проповедь, и тогда священник умолкал и смиренно подымал глаза к небу.

Неподалеку, в небольшом двухэтажном особняке, утопающем в зелени цветущих каштанов, у открытого окна сидел в кресле старик. Его морщинистое лицо обрамлял длинный напудренный парик, узловатые пальцы нервно перебирали четки. При каждом разрыве снаряда он вздрагивал и крепко сжимал ручку кресла.

Сидевший рядом на скамеечке его слуга Иоганн Эльслер вслух читал больному письма, поступившие сегодня на имя всемирно прославленного маэстро, из Лондона и Парижа, Петербурга и Венеции, со всех концов Европы, покоренной его искусством.

Да, то, чего Бонапарт хотел добиться шпагой, давно уже было совершено пером этого немощного старца!

Однако Гайдн уже три месяца был тяжело болен. Последний его выход в свет на концерт в зале старого университета, где исполнялась месса «Сотворение мира», и восторженный прием нового произведения так взволновали его, что по возвращении домой он слег в постель, и вот уже долгое время не покидал своей комнаты на втором этаже.

Теперь он сидел у открытого окна, устремив невидящий взор куда-то вдаль и вдыхал свежий весенний воздух, смешанный с легкой горечью порохового дыма.

Многие из друзей старого композитора уже умерли, остальные разъехались по Австрии и Европе. Рядом с ним, кроме

верного Иоганна Эльслера, были только ученик Сигизмунд Нейкомм, привратница Тереза да повариха Анна.

В таком обществе и встретил недавно Франц Йозеф Гайдн свой семьдесят седьмой день рождения.

Под окном проехала повозка с австрийскими солдатами. Кровавые пятна выступили на белоснежных повязках раненых.

«Какая ужасная несправедливость — война, сколько горя причиняет она ни в чем не повинным людям! — размышлял Гайдн. — Быть может, моя работа послужит иногда источником, из которого обремененный заботой или сломленный страданиями человек будет черпать отдохновение и бодрость. Ведь эта мысль всегда была для меня стимулом, заставлявшим стремиться вперед, и она же является причиной того, что я с радостным воодушевлением оглядываюсь на длинный пройденный мною творческий путь».

Его раздумья прервало настойчивое треньканье колокольчика у входных дверей. Тереза пошла открыть и вернулась в растерянности.

— Какой-то господин, весь в черном, хочет поговорить с маэстро наедине!

Не отрывая взгляда от распустившихся каштанов за окном, Гайдн приказал проводить гостя к нему и оставить их одних.

Предчувствие не обмануло угасающего композитора. Человеком в черном оказался тот самый доктор Кальвис, пришелец из будущего, посетивший Гайдна полвека назад в Эйзенштадте. Как ни странно, выглядел он совершенно так же, как и тогда.

— Я счастлив вновь видеть вас, дорогой Гайдн! Как я и предполагал, мой аппарат помог вам в создании прекрасной музыки на радость многим поколениям! «Компиграф» верой и правдой служил вам, и я доволен, что моя задача выполнена. Я пришел забрать его с собой.

Гайдн улыбнулся и жестом указал гостю на запылившийся ящик, стоявший в углу комнаты. Доктор Кальвис бросился к нему, открыл крышку и стал нажимать кнопки. Быстро определив, что аппарат не проработал и дня, он в растерянности повернулся к Гайдну — и все прочел в его взгляде. Тогда он закрыл крышку аппарата и запер ее на ключ.

Не говоря ни слова и только низко поклонившись великому труженику музыки, человек в черном вышел, осторожно прикрыв за собой дверь

«Однако странные люди эти композиторы! Совсем не умеют обращаться с техникой. Казалось, я все разъяснил ему так доходчиво — и все равно неудача! Да и тот венецианец тоже сломал наш «Компиграф» на следующий же день после того, как получил его от профессора Фарро!»

Так рассуждал доктор Кальвис, шагая теплым майским днем по липовой аллее, ведущей из Вены в сторону Нейштадта. Весенний воздух был напоен ароматом цветов, на лугах, усеянных желтыми точками одуванчиков, кое-где виднелись оставленные войсками при отступлении разбитые повозки.

Кальвис резко свернул с дороги и уверенно направился напрямик через поле к видневшейся на холме деревушке. Отмерив сотни шагов от ближайших деревьев, он остановился и вытащил из кармана плоскую серебристую коробочку...

В этот день жители окрестных деревень слышали глухой гром и увидели яркую даже для такого солнечного полудня вспышку. Однако, как и сорок шесть лет назад, это никого не удивило. Бои в этих местах еще продолжались.

Выйдя из камеры дальней связи, Кальвис сдал дежурному серебристую коробочку и буркнул положенную формулу: «Никаких происшествий». Пройдя по коридору Института Исследования Истории Искусств и поднявшись в гравелифте на 112-й этаж третьего уровня, он в дверях чуть не столкнулся с профессором Фарро.

— А, коллега, наконец-то! А я уже иду в диспетчерскую узнавать, не случилось ли чего...

— Все нормально, Фарро, если не считать того, что наш «Компиграф» годится только как подставка для цветов!

Фарро удивленно поднял брови.

— Да, да, мой дорогой! Все, над чем работала наша лаборатория последние три года, пошло прахом, — Кальвис вздохнул пятерней свою седую шевелюру. — Оказывается, наш прибор не проработал у Гайдна ни единого дня. Он все написал сам и только сам!

Фарро взял рассерженного коллегу под локоть и загадочно произнес:

— А у меня для вас сюрприз.

— Какой еще сюрприз? — недовольно спросил Кальвис.

Оба ученых шагнули на движущуюся ленту, проложенную вдоль всего коридора.

— Представьте себе, — начал Фарро, пощипывая бородку, — неделю назад я рылся в старинных рукописях, и вдруг меня осенила идея. Я тут же пошел к Архонту и получил внеочередную командировку в XIX век, да еще из директорского фонда!

— Воображаю, как вы упрашивали старика! — язвительно заметил Кальвис.

— Представьте, я только изложил ему свои догадки, и он настоял, чтобы я отправился немедленно, — Фарро слегка дотронулся до стены. — Сейчас вам все станет ясно!

Панели мягко расступились, пропуская обоих ученых. В центре комнаты стоял «Компиграф».

Кальвис лишился дара речи. Он в недоумении смотрел то на аппарат, то на лукаво посмеивающегося Фарро.

— Позвольте... Но ведь он безнадежно сломан! Я даже бросил его в 1809 году, не пытаюсь вернуть к нам...

Хозяин кабинета упивался произведенным эффектом.

— Совершенно верно! А вот двадцать пять лет спустя один молодой человек купил его в Вене на барахолке. Этот юноша оказался гениальным изобретателем. Без схем и чертежей, не имея представления об электронике, вслепую, он устранил неполадки, и «Компиграф» начал действовать почти так, как прежде!

— Почти?

— Да, кое-какие гармонические и мелодические связи восстановить не удалось, но он так переделал аппарат, что тот стал писать музыку в оригинальной, неожиданной манере, не скованной множеством строгих ограничений и правил теории музыки...

— Но тогда этого юношу можно смело поставить рядом с Ньютоном и Менделеевым! — воскликнул пораженный Кальвис.

Фарро молча подошел к «Компиграфу», открыл крышку и нажал несколько кнопок. Затем он с загадочной улыбкой обратился к Кальвису:

— А ну-ка, попробуйте!

Тот наиграл мелодию из «Прощальной симфонии» Гайдна, а затем впился глазами в нотный лист, появившийся из прорези.

— Ничего не понимаю! Позвольте, но это же...

Фарро встал и торжественно произнес:

— Дорогой Кальвис! Вы, конечно же, узнали почерк мастера. Этот отрывок мог бы принадлежать перу Вильгельма Зильберта, если бы его истинный автор не был перед вами!

Он похлопал ладонью по деревянной крышке аппарата и продолжал:

— Разве мы могли предположить, что наше детище так прославится под псевдонимом? Пойдемте, Кальвис! На факультете Древней Греции мне ради такого случая припасли амфору отличного фалернского...

МИХАИЛ ШПАГИН

КОРОЛЕВСКИЕ ПЕРЧАТКИ

— Кончилось чем, спрашиваешь? Вот чем кончилось...

Толя Афанасьев глубокомысленно поглядел на туго набитый бумажник из отливающей серебром ткани, мерцающей красным и желтым, любовно огладил его тугие бока и, видимо, уже хотел объяснить, чем же все кончилось, да передумал.

— Давай я лучше сначала, по порядку, — извиняясь взглядом, попросил он.

Мне осталось лишь согласно кивнуть, такой он, Толя, и в институте был — что ни рассказывает, обязательно от Адама начнет.

Афанасьев между тем сосредоточенно углубился в содержимое бумажника. Нет, не деньги там были — мотки разноцветных нитей, какие-то бумажки. Наконец с торжеством извлек небольшую, ксерокопию текста из какого-то старого журнала, предусмотрительно запаянную в целлофан — чтобы зря не трепалась. Целлофан был весь исцарапан, а некоторые строчки прямо по нему подчеркнуты чем-то острым. «Гвоздем, наверное», — подумал я, и тоже попытался сосредоточиться. Текст представлял собой отдельную заметку под несерьезным названием «Кому нужна паутина». И сказано в ней было буквально следующее:

«Когда-то давным-давно одной из французских королей были преподнесены перчатки, искусно сотканые из... паутины. Это, пожалуй, один из немногих случаев использования натуральной паутины человеком. А вот на киностудии «Мосфильм» как-то столкнулись с прямо противоположной задачей — потребовалось создать искусственную паутину. Пришлось сконструировать «паука». В ванночку насыпали термопласт, нагрели его электрическим током, и художник стал выливать расплавленную массу так, чтобы она застывала, образуя естественные паучьи узоры. Паутина вышла на славу».

— С этого все и началось, — торжествуя пояснил Афанасьев. — Улавливаешь?

Я ничего не улавливал и поэтому повернул закупоренную в целлофан бумажку обратной стороной. Там красовалась копия иллюстрации все к той же заметке: сказочная старуха у сказочной гигантской паутины. Надпись сбоку указывала и источник информации: это был журнал «Юный техник» двадцатилетней давности.

— Видишь, — постепенно входил в хорошо мне знакомое азартное состояние Афанасьев, — журнал детский, старый, а так проблему поставил — точно, ненавязчиво — сам, мол, догадайся.

Я по-прежнему ни о чем не догадывался и потому изумленно уставился на приятеля. А тот, не замечая моего смятения, продолжал увлеченно:

— И в самом деле, кому, кроме пауков, нужна паутина? Побежал в библиотеку, выяснил — жители Новой Гвинеи из нее сачки делали. Подложат пауку изогнутый кольцом бамбук, тот кольцо оплетет — и снасть готова — универсальная, крепкая. Ловили ею и бабочек, и птиц, и летучих мышей, и рыбу по полкило весом. Но что было, то было. А сейчас-то где ее приме-

нить! Говорят, в приборостроении, оптике используют. Крохи! А резервы — неисчерпаемы. И я таки додумался.

Гляди на фото, какая красивая, словно модный тюль! Вот именно — «паучьи узоры», наверное, и у тебя дома на окнах висят. Да нет, не паутина, а тюль, что в магазине «Уют» на проспекте Вернадского продают. Верно угадал? Ну так вот, никакой это не тюль, а самая настоящая паучья работа. Что? Говоришь, в инструкции было написано — из натуральных нитей? Так ведь пауки и плетут из натуральных. Только на слово «паучьих» торговая сеть не соглашается. Говорят, вызывает кое у кого неприятные ощущения. Словом, некоммерческое слово! Чепуха, суеверие какое-то. Но я своего добьюсь!

Впрочем, не в этом дело, а в том, что научил пауков ткать оконный тюль я. Благодаря вот этой самой заметке. Фотография напомнила мне тюль, и я решил, что его изготовлением вполне могли бы заняться не художники, конечно, а самые настоящие пауки. Их больше, чем художников, дело им знакомо, так сказать, сызмальства, да и какая копия сравнится с оригиналом? Правда, «термопласт» будет попрочнее, однако ознакомившись со специальной литературой, я узнал, что пауки разнообразят не только свои узоры, но и материал для них. Они могут делать нити эластичными и, наоборот, не поддающимися растягиванию, могут сплести их в миниатюрные канатики, гофрировать... Встречается даже трехцветная паутина — и черная, и желтая, и красная. Словом, технология уже есть, осталось только кое-что подправить да усовершенствовать.

И я своего добился. Рисунок выбрал самый традиционный — паучий, хоть мне и не советуют в магазине упоминать о пауках, паутинный тюль на окнах, словно частица природы в жилище, потому и нарасхват. А проблему прочности нити тоже решил путем традиционным. Надо сказать, паутина и так крепка, прочнее стали, почти такая же, как нейлон, и даже лучше — когда тот рвется, она растягивается. Но уж больно тонка — в тысячу раз тоньше волоса — в этом вся загвоздка. Чуть больше трехсот граммов достаточно, чтобы весь земной шар по экватору опоясать. А нам опоясывать не надо, нам просто прочная паутина нужна. Ну и выручили «канатики», о которых я уже говорил. Дал заказ генетикам, те поколдовали, вывели мне длинноногих красавцев. Носятся, как чистокровные скакуны на ипподроме, только с большей пользой — вместо следов тюль остается. На счет цвета — сам видишь...

Толя с видимым удовольствием похлопал по колену бумажником, провел по мерцавшим красным и желтым звездочкам. Собственно, я уже был готов к этому. Раз одной из французских королев, которой давным-давно и в помине нет, были преподнесены перчатки из паутины, то уж Афанасьев-то спусти столько лет просто обязан был придумать что-то посущественнее. И придумал. К тюлю «из натуральных нитей» я уже с год приглядел-

ся дома, а вот бумажник был просто великолепен. Да, «скачуны», видимо, знали свое дело отлично. Но ведь надо было еще и сооткать полотно из созданных ими нитей.

Однако стоило заикнуться об этом, как Толя нетерпеливо меня оборвал. Сказал, что не это главное, и сунул мне под нос еще одну целлофанированную вырезку-копию. «Это, — говорит, — из старинного номера журнала «Изобретатель и рационализатор». Про архитектора Алевтину Лукашину — я сначала имени не знал, только инициал — А. Вот и прозвал ее про себя Ариадной. За что? Нить путеводную она мне в руки дала. Только через нее до настоящего дела дошел».

Ссылка на хитроумную дочь критского царя, снабдившую Тезея клубком ниток, чтобы, разматывая его от самого входа в лабиринт, он смог потом найти дорогу обратно, мало что мне объяснила.

Ясно было лишь одно — нужно прочитать и вторую заметку. И тогда скорее всего что-нибудь действительно прояснится. Заметка была на рукодельную тематику, но с эпическим началом.

Как-то из поездки на юг архитектор А. Лукашина привезла живой сувенир — богомола. Она часто наблюдала, как привыкшее к свободе насекомое источает особую жидкость, буквально на глазах застывающую в нить, и строит из нее кокон для потомства. Однажды ее осенило: а ведь таким же образом можно сделать модную шапку. Попытка завершилась более чем успешно: Алевтине выдали авторское свидетельство. Так богомол помог изобрести оригинальный головной убор.

Дальше объяснялось, что сделать себе такой же нетрудно каждой женщине, правда, начать придется с прабабушкиного веретена — свить толстый шнур из шелка и шерсти. А затем берут подходящую по размеру стеклянную банку, вылепляют на ней пластилиновую «голову», обтягивают капроновым чулком. На него надевают основание из фетра или сукна и начинают обвивать шнуром, пристегивая его нитками к материалу.

Я оценил остроумие и простоту незнакомой мне Алевтины. Изобретение, несомненно, выдвинуло ее в самый авангард тогдашней моды. Но почему же Алевтина стала для моего друга Ариадной? Какой путь она ему подсказала?

— А такой, — горячился Афанасьев. — Она, можно сказать, суть углядела — как эту самую модную шапку соорудить. Не из чего, понимаешь, а как и что! Паутина ерунда, не я первый. Ты правильно про перчатки королевы заметил. А вот позаимствовать у богомола технологию сооружения кокона — совсем другое дело. Да еще какое! Я-то, по молодости, увлекся, кроме пауков, вокруг ничего не видел, гусениц не замечал. И зря! Ведь паук — он обычно ловчую сеть плетет, а гусеница кокон строит, если хочешь, защитную одежду своего рода. И перчатки тоже своего рода кокон — для рук...

Я, кажется, начинал кое о чем догадываться. И одновременно переставал верить ушам, даже ушипнул себя за мочку — не во сне ли...

— Ты научил гусениц прясть перчатки?!

— Нет, конечно. У паука волокно крепче, с шелковым не сравнить.

Анатолий, досадуя на мою непонятливость, машинально поправил модный узел галстука, а я также машинально отметил его неброскую, но необычайно нежную, причудливую расцветку.

— А галстук?

— Ну да, и галстук тоже.

Мой взгляд заскользил по ладной фигуре товарища, и будто глаза открылись. Шелковистые даже на вид манжеты и воротник сорочки. Идеально пригнанный костюм чем-то неуловимым отличавшийся от шерстяного. Ну а о носках и говорить нечего. Одет он был, что называется, с иголочки. И вся эта одежда была...

— ... из паутины?

— Разумеется, из чего же еще!

Он явно удивился моему удивлению, то и дело поминал королевские перчатки, а себя обзывал эпигоном. Когда мне снова наконец удалось последовать за логикой его рассуждений, картина получилась примерно такая. Во-первых, оказывается, перчатки из паутины фигурировали в истории как минимум трижды. Первая пара (с чулками вместе!) была преподнесена Людовику XIV. Вторая — с острова святого Маврикия — любимой Наполеоном Жозефине. Третья в начале XVIII века попала в Парижскую академию наук вместе с докладом о возможных производствах паутинных тканей. Да что там чулки с перчатками — в минувшем столетии натуралист Орбиньи разгуливал по французской столице в завидно носких панталонах из бразильской паутины. Но особенно хорошо зарекомендовали себя ткани из паутины мадагаскарских нефил и галаба. Последними занимался аббат Камбуэ, создавший удивительное ткацкое производство в миниатюре. Паутина от сидевших в крошечных ящиках галаба тянулась прямо к оригинальному ткацкому станочку, который тут же превращал ее в тонкое полотно и одновременно побуждал живые источники сырья выдавать его еще и еще...

После ряда экспериментов Анатолий наладил производство самой разнообразной паутинной ткани. В пригодных для практики масштабах, на самом современном уровне. И все-таки в принципе это было почти то же самое, чего некогда достиг Камбуэ. Шагнуть дальше аббата никак не удавалось. И если бы не Алевтина Лукашина...

Слово за слово — мы вернулись к середине разговора. Только теперь меня осенило. «Не из **чего**, а как и что... Кокон, защитная одежда... Перчатки — кокон для рук...»

Но ведь носки — кокон для ног, костюм — для тела, а шляпа для головы. «Шагнуть дальше аббата», «используя технологию богомола», могло означать только одно.

Наконец-то я угадал — Толя заставил пауков ткать готовые вещи!

В том, что научил пауков укладывать свои шелковые нити, скажем, на поверхности пластмассовых манекенов, и не вразрядку, а плотно переплетая между собой, я ни минуты не сомневался — современным генетикам таких выдрессировать под силу.

Оказалось, что так все оно и было. Причем, если у аббата пауки трудились каждый в своем ящичке, то здесь над крупной вещью, костюмом, например, они работали большим коллективом на зависть дружно, что, как известно, в природных условиях для них совсем не характерно. Костюм — я это сам потом видел — рос буквально на глазах.

...Вот куда завела моего старого товарища «нить Ариадны»? А может, и не она, а импровизированный новогвинейский сачок для ловли рыбы? Или паучий тюль? Или... Словом, пока даже не представляю, как я все это опишу. Утром я пообещал сдать в журнал «Текстильное производство» сенсационный материал о новом способе изготовления одежды из натурального волокна. Только вот беда — редактор там женщина, которую и в самом деле зовут Ариадна и которая при слове паук...

АЛЕКСАНДР ТЕБЕНЬКОВ

ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ ЛЕБЕДЯ

— Вы никогда не обращали внимания вон на ту звездочку? — этот вопрос я задаю самым небрежным тоном, на который способен. И даже отворачиваюсь к телескопу, демонстрируя тем самым свое полное равнодушие к ответу. Но боюсь, делаю это так неловко, что моя нарочитая небрежность бросается в глаза каждому. Всякий раз, распрощавшись с очередным посетителем, я убеждаю себя прекратить бессмысленное притворство, вести себя естественней, ведь тот, кого я жду, мгновенно разоблачит мои наивные приемы доморощенного сыщика, и я его все равно не узнаю, если он сам не захочет раскрыться, а остальным же мое поведение покажется, мягко говоря, просто глупым издевательством зарвавшегося звездочета над бедными посетителями. Найдутся, еще и жалобу напишут... Всякий раз я говорю себе: плюнь, забудь, не бери душу, другой такой случай не повторится. И все же...

— Вы никогда не обращали внимание вон на ту звездочку?.. Какую? А вот эту! Видите, почти прямо над нами пять ярких звезд образуют нечто вроде креста?.. Не видите? Странно. При-

смотрите внимательней: вот звезда, вот, вот и вот... Отлично! Это созвездие Лебеда — голова, крылья, хвост... Что?.. Да, созвездие Рака действительно есть, а что касается Шуки... Ну что ж, значит, упущение астрономов, видимо, дедушку Крылова они не читали. Но вы посмотрите сюда — под крылом Лебеда есть маленькая слабая звездочка. Именно о ней я вас и спрашивал... Жаль, очень жаль, что не замечали... Нет, ничего особо примечательного на первый взгляд в ней действительно нет. Просто вокруг нее вращаются такие же планеты, как наша Земля. И там живут разумные существа, очень похожие на нас с вами. Меня интересует, как они называют эту свою звезду, свое солнце. Вы, случайно, не в курсе?.. Что?.. Да, время уже позднее... До свидания, всего хорошего. Приходите еще... Осторожней, там лестница, сейчас я зажгу свет... Всего хорошего... Ну вот, опять не он. И снова ожидание.

— Вы никогда не обращали внимания вон на ту звездочку?.. Это созвездие Лебеда... Очень жаль... Вы, случайно, не в курсе?.. Сейчас я зажгу свет... Всего хорошего!..

И опять не он.

— Вы никогда не обращали внимания...

Снова не тот.

— Вы никогда не...

В летнее время в обсерватории много посетителей.

После дневного зноя, когда асфальт плывет под ногами, а от сухого жара и духоты не скрыться ни в тени, ни в закупоренных наглухо квартирах с занавешенными окнами, вечер вытягивает на улицы самых замшелых домоседов. Мажутся «Тайгой», гвоздичным маслом, диметилфтолатом — кто чем, и выходят навстречу вечерней прохладе и комарам.

Ходят-бродят по улицам и скверам, спускаются к самой Волге посидеть на бережке. Но нет-нет, да и забежит кто-нибудь сюда, ко мне. Вход бесплатный, почему бы не забежать. Глянут осторожноенько стократно усиленным взором в звездное небо, таинственное до жути, и уходят, гордые и довольные, полные тщеславного сознания своего приобщения к тайнам вселенной.

Насмотрелся я на них за восемь-то лет...

Некоторых влечет сюда действительно любознательность, и я никогда не тороплю их уступить место у телескопа очередному. А иные... Хуже всего самонадеянные юнцы, думающие, что они еще помнят кой-какие факты из школьного курса астрономии, и имеющие за плечами пару-тройку ненароком прочитанных брошюр научно-развлекательного характера. Ах, как пыжятся они перед своими такими же юными подругами! А те полны гордости за них. А как же иначе, иначе нельзя, ведь он так здорово потряс своей эрудицией этого старикашку, чуть не наповал сразил его несколькими фразами такого рода: «А до

самой близкой звезды ужас как далеко! Миллион лет будешь лететь — все равно не долетишь!» В том, что я для них старик, сомнений нет. Для таких вот птенчиков любой человек, которому перевалило за тридцать, уже глубокий старик. Знаю, сам таким был... Ну а в категорию стариков — по их разумению, конечно, — я перекочевал уже шесть лет назад.

Этим я никаких вопросов не задаю.

Неплохие посетители — пожилые люди. С ними большей частью отдыхаешь. Они ахают, восторгаются — совершенно искренне! — задают массу порой даже не бессмысленных, хоть и наивных вопросов. Им приятно рассказывать, и тут обычно выдаешь на сверхпопулярном уровне самый сенсационный и потрясающий воображение материал. Прощаясь, они горячо благодарят, обещают прийти сюда еще раз. Я совершенно уверен, им этот вечер доставляет немало пищи для всевозможных переисудов и разговоров, и долгое время они потом вспоминают, как ходили смотреть Луну и звезды. Некоторые спустя неделю-другую приходят снова и еще на приступочках у входа под купол громогласно объявляют, что они-де уже бывали здесь. «Вы нас не помните?» Они чувствуют себя на этот раз под куполом легко, и свободно, и уважительно, хотя с некоторой долей фамильярности стараются погладить трубу или станину телескопа. Я становлюсь для них добрым старым знакомым, иногда меня удостоивают чести быть поверенным их маленьких семейных проблем и тайн. Но редко кто из этих «старых добрых знакомых», хотя бы из простой вежливости, спросит, как меня зовут... И к ним у меня нет никаких вопросов.

Есть еще одни посетители, пожалуй, наихудшие из всех. Глядя на них, я готов терпеть даже «эрудированных» юнцов и хихикающих юниц... Бывают же люди, для которых губительно само сознание, что они чего-то могут не знать! Снисходительность, с которой они принимают мои объяснения, делая вид, что им это все давным-давно известно, бесит меня. Исключительно ради собственного удовольствия, своего рода маленькая месть, я начинаю пороть ахинею. Они, естественно, ничего не замечают, всезнающее выражение не сходит с их лиц, и головы мерно кивают в знак одобрения — молодец, мол, правильно говоришь... К этим я тоже не пристаю.

Но стоит появиться другим... О, их я распознаю сразу! И если они приходят в компании, я прилагаю все силы, чтобы поговорить с ними без свидетелей. В большинстве своем это веселый народ моего возраста, иногда старше, но не намного. Звездами и небом они почти не интересуются, так, постольку-поскольку. Их, как и тех, кого я жду, интересует другое. Они почти квалифицированно спрашивают об устройстве телескопа и поворотного купола, о способах шлифовки линз и варке стекла для них, спрашивают, везде ли в обсерваториях подвижный пол, и о многом другом, столь же мало относящемся непосредственно к не-

бесным делам. Вот тогда я настораживаюсь еще больше, начинаю присматриваться к их лицам, заглядываю в глаза и, улычив момент, говорю:

— Вы никогда не обращали внимания воп на ту звездочку?..

Они появились у меня под куполом вдвоем. Он и она.

Только что отсюда ушла большая группа, судя по их разговорам и поведению, сослуживцев, отправившихся в очередной культурный поход. В прошлом месяце местком организовал им, конечно, театр с заезжими знаменитостями, в этом — лекцию в планетарии и прогулку по небу, сочетание, так сказать, приятного с полезным; стало быть, вероятная программа будущего — коллективный просмотр нового заграничного кинофильма с последующим обсуждением в рабочее, свободное от работы время... Шумная компания. Устаешь сильно от них...

Они пришли посмотреть небо, сказал, поздоровавшись, мужчина. Женщина молчала, равнодушно глядя прямо перед собой.

Я навел телескоп на Луну.

Картинка была великолепной. Луна недавно прошла первую четверть и стояла высоко над горизонтом. Ветер стих часов с шести, воздух был спокоен, а это довольно редко случается в наших местах. Пыль улеглась. Даже на пятисотке изображение почти не дрожало и не размывалось.

Они по очереди сели в кресло перед телескопом, сначала она, потом он; посмотрели, не выказывая, однако, особенного восторга. Потом он спросил о разрешающей способности нашего инструмента. Я охотно ответил, наладилась небольшая беседа. Иногда приятно поговорить с человеком, который разбирается в таких вещах. Он разобрался. Потом он попросил разрешения самому посмотреть Луну. Не могу объяснить, почему я нарушил правила и показал ему, как пользоваться микрометрическими винтами. Может, потому, что он показался мне знающим тонкие приборы человеком, а может быть, просто действовали его вежливые слова. Говорил он с каким-то легким, едва заметным акцентом, который так живо напомнил мне Прибалтику, где я отдыхал минувшим летом... Словом, я разрешил... Впрочем, микрометрическими винтами может пользоваться и ребенок, штука простая.

Прильнув к окуляру, он крутил ручки винтов. Я отошел в сторону, к столу, и рассеянно следил за его движениями, насколько позволял тусклый свет настольной лампы у меня за спиной. Женщина стояла вполоборота чуть впереди меня, как раз в прямоугольнике пронзительно-белого лунного света, падавшего через раздвижную щель купола. Освещенная таким двойным светом, она стояла молча, и, скосив глаза, я мог видеть правую половину ее лица. Не помню, что именно привлекло меня, не в моих привычках разглядывать посетительниц, их

столько проходит за вечер... А тут я принялся рассматривать ее, благо лицо мое находилось в тени.

Женщина как женщина, но что-то в ней было такое... ну, необычное, что ли. При дневном свете она была, вероятно, даже красива. Ладная, подтянутая фигура, спокойная, уверенная манера держаться... Привлекательная женщина.

Сейчас я склоняюсь к мысли, что ее необычность забывается днем ярким светом, и тогда она выглядит как все вокруг. Но в полумраке, что был разлит под куполом, женщину осветила Луна. И как в театре под лучом прожектора ярче и рельефней вырисовываются нужные режиссеру черты героя, так и здесь эта необычность вдруг выступила наружу, а мне посчастливилось заметить ее, ощутить ее присутствие, еще не зная даже, в чем же она, собственно, заключается. Сколько я ни всматривался, ничего такого необычного заметить не мог, лишь все больше и больше убеждался в его присутствии.

Она, видимо, почувствовала мой взгляд и, как бы закрываясь от него, подняла руку к лицу, поправила прическу. На миг из-под пышных волос показалось ухо, и внутренне я встрепенулся.

Понимаете, я был в тот момент настороже, ловя все странное, необычное. В другое время я, как и любой другой, ровным счетом ничего бы не заметил, но, повторяю, я был наготове. Вдобавок у нас, астрономов, очень развито чувство линии — ну-ка, попробуйте как можно точнее передать на рисунке прихотливо изогнутый край облака на Юпитере, промелькнувший на мгновение перед вами в телескопе!.. Кроме того, я немного рисую.

Так вот, в линии ее уха я уловил то самое, необычное... Безусловно, я понимаю, что очертания ушной раковины, как и рисунок узоров на подушечках пальцев, строго индивидуальны. Все это так, но все же...

Ухватившись за такую, признаюсь, поначалу весьма неопределенную, призрачную необычность, я искал ее подтверждения в лице женщины.

И нашел.

Форма носа, губ, разрез глаз — все носило отпечаток необычности; одна и та же причудливая, непривычно-странная линия была во всех ее чертах.

Потом, много позже, я пробовал передать эту необычность словами. Писал, зачеркивал, мучился, искал нужные, точные слова, но не находил. Ничего у меня не получалось. Даже сам себе не мог объяснить, в чем же она заключалась.

Я пытался рисовать по памяти ее лицо — напрасный труд!.. Передо мной на бумаге появлялся облик красивой женщины, чем-то даже похожей на ту, но не больше. А если вдруг я пытался мелкими, почти незаметными штришками придать ее лицу замеченную мной тогда ту самую необычность, оно становилось злым, карикатурным; совершенно терялось даже то отдаленное

сходство, сначала вроде бы верно мной переданное. Я раздраженно рвал лист, и на целый день у меня портилось настроение.

...Я вздохнул и переступил с ноги на ногу. Женщина бросила на меня быстрый взгляд и подошла к своему спутнику, положила ему руку на плечо. Тот, почувствовав прикосновение, оторвался от окуляра и повернулся к ней. Черт!.. Я чуть было не присвищнул. Теперь и в его лице я видел ту же необычность.

Он поднялся и отодвинул кресло. Любопытство обуяло меня. Решив задержать их подольше, я торопливо сказал:

— А вы не хотели бы посмотреть на звезды или планеты? Сейчас уже вышел Сатурн. Очень интересное зрелище!

Мужчина вопросительно посмотрел на нее.

— Нет-нет, — я впервые услышал ее голос с точно таким же акцентом, как у него. — Уже поздно, мы пойдем.

Я шагнул вперед:

— Что вы, еще нет и одиннадцати. Взгляните! — Я показал на звезды, блескующие в прорези купола. — А как они красивы в телескопе!

— Красивы? — переспросила она. И, слегка вздохнув, добавила еле слышно: — Да, конечно. Даже слишком красивы.

— Совершенно с вами не согласен! — запротестовал я, пытаясь все же удержать их. — Что вы, красота никогда не бывает «слишком», а ведь тут не что-нибудь — звезды!

— Ах, оставьте. — Кажется, она начала сердиться, удивляясь, видимо, моей назойливости. — Спасибо, я уже достаточно насмотрелась на них!

— Вот как? Так, быть может, мы с вами коллеги? — преувеличенно радостно удивился я. — Очень, очень приятно!

Мужчина, до той поры не вмешившийся в наш разговор, вдруг рассмеялся:

— Коллеги? Да, конечно! В некотором роде, да.

— Спасибо, у вас тут действительно все интересно, но нам пора. — Женщина решительно взяла его под руку. — Идем, ты же знаешь, у нас еще масса дел завтра.

— Подождите! — я предпринял последнюю попытку остановить их. — Неужели вам не нравится даже вот эта, самая красивая звезда нашего северного неба?

Я, конечно, покривил душой, но никто не виноват, что в это время в прорезь купола глядел Денеб, а не Вега. Не говорю же о Сириусе, который, впрочем, летом у нас не виден.

Мужчина невольно взглянул вверх и неожиданно оживился:

— Посмотри, вот, оказывается, какая самая красивая звезда!

Женщина тоже подняла голову. Я подошел к ней вплотную. Она смотрела вовсе не на Денеб, ее взгляд был направлен куда-то в сторону.

— Вы не туда смотрите, — сказал я. — Вот она, яркая звезда. Она называется Денеб.

— Спасибо, — тихо ответила она, не отводя взгляда от какой-то точки чуть в стороне на небосклоне, и чуть грустная улыбка появилась на ее губах. — Но для меня самая красивая звезда не эта. Как вы ее назвали... Денеб?

— А какая же? Может, Вега? Или...

Я расчетливо сделал паузу. И был полностью вознагражден за свой довольно-таки примитивный провокационный ход, заставляющий собеседника заканчивать тобой начатую фразу.

Женщина снова улыбнулась и покачала головой, а ее спутник неожиданно взял меня за локоть:

— Вы хотите увидеть нашу любимую звезду?

Я ничего не ответил. Его странный тон, которым были сказаны эти слова... Я даже начал слегка раскисаться, что затеял весь этот разговор.

— Скажите, вы никогда не обращали внимания вон на ту звездочку? Вправо и чуть вниз от Денеба. Слабая такая звездочка...

— Шестьдесят Первая Лебедя?

— О! — его брови удивленно скакнули вверх. — Вы ее знаете?

Я пожал плечами и как бы ненароком высвободил локоть.

— Безусловно! Я же астроном.

— Ах да, конечно!.. Только она называется не так.

— А как?

Даже при таком слабом свете я увидел, как изменились его глаза. И выражение лица сразу стало каким-то нежным, задумчивым. А может быть, грустным. Он произнес какое-то слово, и я в недоумении уставился на него.

— Что? Повторите, пожалуйста, я не расслышал.

Он повторил это слово, и опять я не уловил его звучание. Меня охватило странное чувство бессилия, я пытался вспомнить хотя бы первый звук, которым начиналось слово — но не мог. Я готов был поклясться, что никогда до этого не слышал ничего похожего, а ведь я знаю два языка и могу наверняка отличить по звучанию друг от друга еще десятка полтора.

— Простите, я не понимаю...

— Это ничего, — улыбнулся он в ответ. — Так ее называют у нас.

— Где, «у нас»?

— Там, где мы живем, — и он ткнул пальцем вверх.

— П-простите...

— Что ж тут непонятного, — пожал плечами он. — Мы живем у той звезды, как вы у своего Солнца. Вы — здесь, мы — там.

— Интересно, очень интересно, — я вполне оправился от шока, вызванного его словами. Ну вот, нашел себе на голову приключение... Все было достаточно неожиданно, но вполне понятно. Разумеется, я слышал, что таким людям противоре-

чить не рекомендуется, и решил вести себя соответствующим образом. У меня в голосе даже появились нотки этакой велико-светской вежливости:

— И на чем же вы, извините, прилетели? Где остановились? Если, конечно, не секрет.

Женщина засмеялась, громко и непринужденно.

— Он принимает нас за сумасшедших!

— Я покажу ему что-нибудь, — откликнулся мужчина.

— Что? Его жизнь?

— Да, пожалуй.

Мужчина достал из кармана брюк небольшой, металлически поблескивающий предмет. Я принял его за портсигар. Сработал многолетний рефлекс, я уже было раскрыл рот, чтобы предупредить, что под куполом у телескопа курить нельзя. Но мужчина повернул этот предмет ко мне широкой стороной, что-то мягко, но сильно ударило меня по голове. Как-то совершенно непонятно ударило — изнутри.

И в тот же миг передо мной, без всяких на то усилий с моей стороны, — как я понимаю, это длилось несколько минут, — промелькнула вся моя сравнительно долгая жизнь. Ну, не вся, конечно, но самые главные, самые узловые моменты... А до чего все было реально! Такое или похожее, говорят, бывает лишь у утопленников и повешенных в последние секунды перед смертью.

Но я не умер.

А когда очнулся, они стояли у лестницы, готовые уйти.

— До свидания! — женщина помахала мне рукой. — Вы не беспокойтесь, это не вредно. Это просто стимулятор памяти, мы часто сами им пользуемся. Вести записи не всегда удобно, гораздо лучше потом сесть и все вспомнить и отобрать то, что надо. Извините, что мы смутили ваш покой, только, понимаете, очень трудно ходить среди вас и ни словом, ни жестом не выдать себя. А вы так похожи на нас!.. И вот иногда, правда, очень редко, случается такое же стечение обстоятельств, что невозможно удержаться. Вы только не обижайтесь на нас, пожалуйста! Прощайте!

— Погодите! — я хотел броситься к ним, но почувствовал, что не могу тронуться с места. Ноги совсем отказывались мне служить. — Подождите, прошу вас!

Они остановились.

А я, как последний идиот, не мог ничего сказать!.. Никогда не прошу себе этого, никогда!

Голова сделалась абсолютно пустой, осталась одна только мысль, будто слова на закольцованной магнитофонной ленте: «Ведь никто, никогда мне не поверит! Никто и никогда...»

— Вы правы. — Это сказал мужчина. — Вам не поверит никто. За те полтора ваших года, что мы здесь, о нашем присут-

ствии узнали всего несколько человек. И никому из них не верят, мы проверяли.

— Но когда... когда о вас узнают все?

Мужчина, мягко ступая, подошел ко мне и с близкого расстояния посмотрел мне в глаза. Я почувствовал, как мое смятение постепенно пропадает, и порывисто шагнул к нему.

Он медленно покачал головой.

— Как?! Вы...

— Не скоро, еще не скоро. Тем более, не сейчас. Поверьте, нам самим очень жаль... Вы так похожи на нас! Но вы должны понять, вы же лучше нас знаете, что происходит на вашей планете. Мы рассеяны по всей Земле, мы ходим, смотрим. Мы видим... Сейчас мы не вправе вмешиваться в вашу жизнь даже простым своим появлением. Сейчас слишком рано, слишком...

Они ушли.

Зачем они приходили сюда, я не знаю.

Я ничего не знаю.

Может, в их программе изучения Земли было посещение публичной обсерватории, может, они зашли случайно, отдыхая после рабочего дня... Я не знаю.

С тех пор прошло почти два года. Я строго хранил эту тайну. К слову, хранить ее было не так уж и сложно. Прослыть неумным чудаком с навязчивой идеей... Зачем?

А они... может, они оценят мое молчание?

Теперь-то я знаю, что им сказать.

Мне так нужно увидеть их еще раз. Так много я хочу рассказать им, о многом расспросить... А потом... потом я обращусь к ним с одной-единственной просьбой. Человек я в конце концов маленький, вдобавок одинокий, меня никто не хватится здесь, на Земле...

А время идет.

Но ведь они сказали, что проверяли тех, кто узнал о их существовании!

И вот изо дня в день я все пристальней вглядываюсь в лица посетителей, а у особо подозрительных спрашиваю небрежным тоном:

— Вы никогда не обращали внимания вон на ту звездочку?

Они же сказали, что проверяли тех, кто узнал об их существовании. Значит, они обязательно зайдут сюда еще раз. Конечно, может быть, не те двое, а их товарищи. Но они обязательно зайдут сюда еще раз. Обязательно!..

А если нет?

Тогда... Тогда последнее средство.

Скажите, а вы...

Вы никогда не обращали внимания на ту звездочку?

ТЕМПОНАВТЫ — ТАК ИХ НАЗОВУТ

— Я в магазин сбегаю, — сказала жена, застегивая поношенное пальто, — а ты за молоком на плите посмотри.

— Угу, — пробормотал Максим.

Нина внезапно обозлилась:

— Повтори, что я тебе сказала!

— Повторяю, — покорно проговорил Максим, обдумывая, чем же можно заменить этот дефицитный плоскостной транзистор. — Что повторять-то?

— Ах ты трутень! — вспыхнула жена, сбрасывая с себя пальто. — Сам иди в магазин! Сам! А то нашел рабыню!..

В дверь позвонили, и Корнеев услышал пронзительный голос соседки. Он поморщился и снова взялся за паяльник. До него доносились безапелляционные заключения гости об остальных соседях и короткие реплики жены. Вскоре разговор зашел о нем. Нина не могла не говорить о нем, как больной не может не говорить о своей болезни.

— Тяжко тебе с ним, бедняжка! — с притворным сочувствием ворковала соседка.

— Хоть не пьет, как у других, — отвечала жена.

Соседка ощутила скрытую шпильку в словах Нины и, сухо попрощавшись, поспешила уйти.

Максим тяжело вздохнул и склонился над схемой. Жена, конечно, по-своему права. Семья одними идеями сыта не будет, а конструирование машины времени занимало все свободное время. Из-за нее, из-за машины, он — инженер — работал во вневедомственной охране. В итоге получался значительный выигрыш во времени: сутки — дежурство, двое — дома; но зато ощутимый проигрыш в зарплате. Угнетала Максима и унижительная слава чудака-изобретателя; чуть ли не умалишенного, который льстит себя неосуществимыми надеждами и занимается заведомой ерундой. Злые языки приравнивали его к изобретателям вечного двигателя, и только он сам непоколебимо верил в свою идею. Жена махнула на него рукой как на «потерянного», и между ними давно выросла глухая стена. Они жили каждый своей жизнью, уже не пытаясь протоптать тропинку взаимопонимания друг к другу, существуя будто в разных измерениях.

Парадоксально, но у него, у человека, создающего машину времени, катастрофически не хватало времени. Идея поглощала его всего без остатка.

Времени не хватало даже для воспитания сына. Правда, Максим сделал несколько попыток сблизиться, героическими усилиями урвав несколько минут, но... Вероятно, попытки эти были сделаны слишком поздно. Образ Максима Ивановича

Корнеева прочно сросся в сознании Коли с эпитетом «чудик-изобретатель», и приживить туда понятие «отец-наставник» было очень трудно. Для этого нужно было затратить большой труд... и время. Снова время!

Недавно, выходя из квартиры, Максим Иванович услышал доносящийся из-за угла диалог. Один голос принадлежал его сыну, а второй — соседскому мальчишке.

— ...А твой отец — чудака-шизик! — язвительно заметил мальчишка. Это прозвище настолько закрепилось за Максимом Ивановичем, что сыну и в голову не пришло возражать по существу.

— А твой — пьяница! Алкоголик несчастный! — В голосе сына звучали слезы.

— Пьяный проспится, а...

Мальчишка не успел закончить. Послышались звуки ударов, возгласы. Когда Максим подоспел на шум, сын, утирая разбитый нос, даже не взглянув на отца, прошмыгнул мимо него по коридору в комнату.

Максим хотел было вернуться, поговорить с ребенком. Но... он очень спешил — у знакомого радиолюбителя ему удалось выклянчить крайне нужную интегральную схему, и надо было забрать, пока тот не передумал. А было бы больше времени... Но откуда его взять?! Скажем, попытаться заинтересовать открытием Академию наук. Придет он на прием и скажет: «Знаете ли, уважаемый профессор, я тут машины времени изобрел. Теперь строю. Вроде бы уже кое-что получается». Профессор же в ответ на это со сдерживаемым смехом или раздражением (в зависимости от характера и настроения) скажет: «Что же, поздравляю вас с большим успехом. А вы не пробовали изобретать вечный двигатель? Я думаю, что с такими способностями, как у вас, вы с этим справитесь в два счета». И он возьмет чертежи и расчеты, для успокоения просителя запишет его адрес и фамилию. Последнее еще и для того, чтобы сказать секретарю: «А вот этого, Лиленька, — и он покрутит пальцем у виска, — в следующий раз ко мне не пускайте». А чертежи и схемы пустят на стенную газету «За передовую науку!».

Максим боялся унижения, связанного с отказом, но еще больше боялся дискредитации идеи. Идею он считал истинной и верил в нее беззаветно. Он верил и знал, что сосуществуют на одной пространственно-временной оси прошлое, настоящее и будущее. Один из вопросов волновал его больше всего: насколько жестко будущее детерминировано прошлым? Надо ли принимать во внимание свободную волю человека или свобода эта лишь видимость и подчинена тем же объективным законам, которым следует вся природа, в том числе и живая? Если это так — существует лишь одно реальное будущее. Если же нет — контуры будущего расплываются, и в нем каким-то немислимим образом существуют несколько равноправных и вероятностных

реальностей, и, возможно, реализация одного из них во многом зависит от поведения темпонавта (так Максим назвал людей, которые будут перемещаться в пространстве и времени).

Практика, опыт — источник всякого познания и строгий судья всяческих теорий. Чтобы разрешить свои сомнения, Максиму необходимо было произвести испытание машины. И он шел напролом к своей цели, к этой сияющей звезде, и в его комнате понемногу выросло невиданное сооружение — блестящий металлической обшивкой шар с двумя телескопическими антеннами наверху и плоским днищем. К овальной дверце была приделана ручка от платяного шкафа. Кабина была тесновата, сиденье Максим снял со старого топчана, пульт был предметом его гордости — на нем горело множество цветных индикаторов, слева располагался небольшой экран внешнего обзора, в правой своей части пульт ошетинился множеством тумблеров и рукояток.

Именно в этот вечер была завинчена последняя гайка и последняя пайка была сделана. Дома было тихо — жена с сыном ушли на день рождения Колюниного приятеля. Максим неподвижно сидел возле машины и ощущал, как замирает в нем сосущая жажда деятельности, как растворяется в непривычном покое постоянная боязнь не успеть. Он сидел, не зажигая света, в полумраке на трехном кухонном стуле, прислонившись к гладкому борту машины, и в душе его рождалось что-то давно забытое; нежное, как весенний цветок; хрупкое, как снежинка.

И он понял, что это счастье.

К действительности его вернул негромкий скребущий звук, а затем яркая вспышка света. Максим увидел перед собой невесть откуда появившегося двухметрового красавца в свободных золотистых одеждах. Незнакомец молча переводил взгляд с Корнеева на машину. Максим на мгновение опешил, но сразу же понял, что все это от переутомления, и снова закрыл глаза, пытаясь расслабиться. Но свет, появившийся в комнате самым непонятным образом, бил прямо в лицо, и перед глазами плавал красный туман. Максим поморщился и открыл глаза. Видение не исчезло. Оно улыбалось доброжелательно и чуточку сочувственно. Максим заметил это сочувствие и, сразу же уверовав в реальность незнакомца, вспылил:

— Что вам угодно и как вы сюда попали?!

Но прежде чем незнакомец ответил, Максима озарила радостная догадка, и он со счастливой улыбкой выслушал, как незнакомец обыденным тоном ответил:

— Двадцать второй век. Середина. Две тысячи сто восемьдесят третий год, девятое сентября.

— Тоже осень! — почему-то обрадовался Максим.

— Я бы хотел убедиться, туда ли я попал. Вы Максим Иванович Корнеев, год рождения тысяча девятьсот сорок пятый, радиоинженер по образованию?

Максим молча кивал, дивясь чрезмерной правильности произношения гостя, а тот продолжал:

— У нас, у историков темпорологии, возникли разногласия. Часть исследователей, к ним относясь и я, считают, что впервые возможность перемещаться во времени обосновал Максим Иванович Корнеев. То есть вы. И вы же впервые построили действующий образец машины времени. Другие относят изобретение машины времени к середине двадцать первого века.

У Корнеева неприятно засосало под ложечкой.

— ...И они полагают, что принцип перемещения по пространственно-временному континuumу открыла Флоринда Браун.

— Какая еще Браун?! — неприятно поразился Корнеев. — Я этот самый принцип открыл! Я и машину построил. Вот она.

Он произнес это и сам удивился своей горячности и этому неизвестно откуда взявшемуся собственническому инстинкту.

Пришелец подошел к аппарату и нежно провел по нему рукой.

— Вот он, самый первый, — произнес он со сладостной дрожью в голосе.

— Собственно, а зачем вам было прилетать сюда, чтобы убедиться в моем приоритете? — вдруг сообразил Максим. — Вам проще было бы порыться в соответствующей литературе.

Пришелец удивленно поднял брови.

— Проще? Да разве вы не знаете? Ах да! В вашем веке информационный взрыв только начинался. Но вы, вероятно, знаете, что количество информации возрастает лавинообразно, как говорят, по экспоненте. У вас это еще не так заметно, а у нас трудности невероятные. Разобраться в современном потоке информации очень трудно даже с помощью ЭВМ двенадцатого поколения. Затраты на поиски нужных сведений огромны, из-за этого довелось нам разыскивать данные с помощью темпомобиля. Энергозатраты и затраты времени при этом на порядок меньше, чем при обычном информпоиске.

— Неужели нет выхода?

— Ищем, — поскущел гость. — Мы не в силах сориентироваться в потоках информации даже в своей узкой специальности. А прекратить исследование — вещь немислимая. Ведь в познании смысл существования человечества.

— Потоп. Второй всемирный потоп, — вздохнув, сыронизировал Максим. — На сей раз информационный.

— Что? — не понял пришелец.

— Это из области мифологии.

— Как вы эрудированы, — восхитился темпонавт. — Однако нам пора прощаться. Энергия в накопителях иссякла...

Раздался сухой щелчок, и «видение» исчезло, Максима снова окутал полумрак.

Не прошло и нескольких секунд, как раздался необычный звук, на этот раз похожий на гудение басовой струны, и перед

Максимом появился другой темповант, еще более высокий, чем предыдущий, в узкой, отливающей серебром одежде. Этот пришелец был более деловым и начал беседу без долгих предисловий — энергично и резко.

— Приветствую! Вы Максим Иванович Корнеев? Хорошо! Вы изобрели машину времени? Чудесно! Я это и доказывал тем, — он ткнул пальцем куда-то себе за спину. — А я почувствовал, что можно сюда заглянуть...

Максим устало поднялся и подошел к машине.

— Простенько, но довольно надежно, — констатировал пришелец. — Молодец, молодец!

Некоторые слова он будто затруднялся произносить и тогда шептал в черную коробочку, висящую на груди; нужное слово звучало оттуда.

— Что это? — заинтересовался Максим.

— Универсальный переводчик. За три с половиной века наш язык несколько изменился, вот и понадобилась эта штука. Удобная вещь! Дарю! Разрешите вручить как приз первому темпованту. Пригодится при путешествиях во времени и пространстве.

— Из какого вы века? — спросил Корнеев, держа на руке невесомую коробочку.

— Конец двадцать третьего! Век скоростей, биоробототехники, квазизвездной инженерии!

— Неужели у вас нигде не отмечено, что машину времени изобрел я? — грустно поинтересовался Максим. — У меня уже был один из двадцать второго века.

— Они сами по себе, мы сами по себе. Откуда нам было знать, что у вас побывала экспедиция? Попробуй разыщи эти сведения в гигантском потоке информации. Он захлестывает нас. Ужас, ужас! С одним информационным взрывом едва справились в двадцать втором веке, а сейчас новый свершается. Ну да свидания, тороплюсь, голубчик! Некогда!

Снова зазвучала басовая струна, и пришелец, потускнев, исчез.

Оказалось, что этот визит не последний. Пришельцы прибывали, как по расписанию, с интервалом 2—3 минуты. Третий... Четвертый... Пятый... Восьмым прибыл пришелец из XXV века. Его одежда переливалась разноцветными огнями, большие глаза смотрели приветливо и внимательно, голову этого темпованта охватывал широкий золотистый обруч. Казалось, мысли незнакомца льются непосредственно из обруча и легко проникают в мозг собеседника. Корнееву казалось, что в его мозгу сами собой возникают слова и образы.

— Я прибыл к вам из двадцать седьмого века...

— Ага! — быстро сказал раздраженный Максим. — У вас информационные неувязки. Очередные! Для истории темпоро-

логии крайне важно выяснить, кто же изобрел машину времени! Интересная ситуация складывается, черт возьми!

Из обруча донесся импульс удивления и вопроса.

— Я изобрел! Но простите, я очень устал от всех этих нелепых визитов непрошенных гостей. Прощайте!

Восьмой пришелец медленно растворился в воздухе, не переставая излучать волны удивления.

Нина с Колюнькой возвратились около одиннадцати. Ее внимание сразу привлек шум в комнате мужа, неясные голоса. Она прислушалась и решила, что Максим разговаривает сам с собой. «Рехнулся окончательно, — с неожиданной легкостью подумала она. — Этого давно следовало ожидать». И она почувствовала, что наконец все стало на свои места, странное поведение мужа объяснилось самым естественным образом. Теперь появилась возможность избавиться от этого источника раздражения и беспокойства. Главное, что все прояснилось. Она ушла в свою комнату, и ей стало жутко. Конечно, она как медсестра знала, что сумасшествие не заразно, но она знала и то, что существует в списке профессиональных заболеваний такая болезнь, как «наведенный психоз» — психическое заболевание, возникающее у людей, долго общающихся с душевнобольными.

Всю ночь, мешая Нине Михайловне спать, из комнаты Максима Ивановича доносились громкие голоса, и из-под дверной щели пробивались вспышками яркие полосы света.

— Лишь бы квартиру не поджег, шизофреник, — сквозь сон бормотала она. — А завтра его, миленького, к психиатру отведу и в психиатрическую больницу госпитализирую.

К исходу ночи Максим был совершенно измучен. Когда к нему в иллюминационном блеске явился двадцать второй посетитель, Максим невнятно вскрикнул и запустил в него куском канифоли, случайно оказавшейся под рукой. Темпонавт № 22 испуганно исчез. А Максим, надев коробочку универсального переводчика на шею, поспешно забрался в кабину машины времени и, набрав на циферблатах нужное время, нажал на красную кнопку пуска. Темпомобиль, перемещаясь в пространстве и времени, должен был попасть в малоазийский древнегреческий город Сиракузы на 2265 лет назад.

Максим почувствовал головокружение, затем комната медленно перевернулась так, что потолок оказался вверху, пропорции окружающего чудовищно исказились, все предметы сплющились и заволочились дымкой. С неожиданной ясностью вдруг проступила противоположная стена, покрытая розовыми шпалерами с цветочками, которые заменили около семи лет назад зелеными, а потом голубыми. Затем Максим ощутил легкую тошноту, какая бывает у пассажиров маленьких самолетов, проваливающихся в воздушную яму.

Он прикрыл глаза, а когда открыл их, то увидел, что аппарат стоит на узенькой, мощенной булыжником улице возле дома

с плоской крышей, на которой так хорошо спать душной летней ночью. Солнце стояло высоко в зените, воздух дышал зноем, под раскаленным навесом сидел смуглый широкоплечий человек. Ему было около пятидесяти, и в курчавой бороде его вились серебряные пружинки седины. В одной руке он держал циркуль, во второй — шар, пытливо всматриваясь в него, будто пытаясь рассмотреть невидимое.

— Да хранят тебя боги и благоприятствуют во всех делах, — приветствовал его Максим, подойдя поближе, и коробочка универсального переводчика бойко перевела фразу на древнегреческий.

— Не скажешь ли ты, где жилище почтенного Архимеда?

— Что тебе от него нужно? — резко спросил грек, к немалому изумлению Максима, совершенно не удивляясь говорящей коробочке.

— Мне бы хотелось поговорить с этим великим ученым, — застенчиво признался Максим, — узнать, правда ли, что это он создал знаменитый закон Архимеда, а также правда ли, что он умел извлекать квадратные корни из очень больших чисел, а также...

Лицо грека побагровело, на лбу вздулись вены. Он хрипло прокричал несколько слов, и универсальный переводчик затрепал, не сумев перевести фразу.

— Что с вами? Я только хотел узнать...

— Узнать! И этот тоже! — с мукой в голосе прокричал грек и, приложив шар к плечу как ядро, с силой метнул его в Максима.

Каким-то чудом Максим сумел увернуться от смертоносного снаряда и запальчиво прокричал:

— Ты что, умом рехнулся?! Дикарь ты, а не древний грек! Я всегда с уважением думал о древних греках как о носителях высокой культуры, но теперь вижу, что сильно ошибался! Неужто трудно сказать, где живет славный Архимед?

— Я Архимед, — угрюмо признался грек, нервно поглаживая бороду. — Прости, пришелец, чуть было не нанес я тебе вред невольно. Видно, боги на мгновение отняли у меня разум. Поверь, очень трудно сохранять спокойствие, когда к тебе в течение недели один за другим приходят чужеземцы, подобные тебе, и задают праздные вопросы. Вначале явился муж рослый в золотистой одежде, затем...

— ...Затем в серебристой одежде, — подхватил Максим.

— Откуда ты знаешь? — насторожился Архимед. — Не твои ли это друзья?

— Нет, это не мои друзья. Я знаю о них потому, что они являлись и ко мне!

— Значит, и ты ученый? — обрадовался Архимед. — Тогда, может быть, ты разъяснишь мне, о каком таком законе толко-

вали пришельцы? Да и ты, кажется, упоминал о законе Архимеда.

— Прежде всего хочу напомнить, что в воде все предметы кажутся более легкими.

Архимед нетерпеливо прищелкнул пальцами.

— Ближе к делу! Я давно заметил и понял, что это вода выталкивает тело, погруженное в нее.

— Погрузим любой предмет, твой шар, например, в ванну. Уровень воды поднимается. Шар вытеснит жидкость, по объему равную его собственному объему. Эта жидкость пытается занять свой прежний объем и вытолкнуть шар с силой...

— С силой, направленной вверх, — в восторге хлопнул себя по бедру Архимед, — и равной весу воды, вытесненной шаром! Послушай-ка! Закон этот универсален! Он пригоден для любого предмета!

— Вот это и есть знаменитый закон Архимеда; широко известный у нас в будущем и изучаемый даже в школе.

Архимед пританцовывал от восторга, радость открытия пьянила его.

— Я давно размышлял над этим! И теперь стало вдруг ясно! Какой превосходный закон! Чудесный закон! Эв-ри-ка!!!

И с криком «Эврика!», не в силах сдержать восторг, он побежал по улицам Сиракуз.

Побежал одетый.

Архимед прибежал лишь через полчаса, радостный и почти не запыхавшийся — древнегреческая спортивная подготовка давала себя знать.

— Войдем в дом, о пришелец! — блеснул он белозубой улыбкой. — Я думаю, нам есть о чем поговорить.

Они зашли в комнату, и Максим увидел, что вся она заполнена рулонами, лежащими на ложах, под ложами, вертикально стоящими в углах да и просто валяющимися на полу.

— Это все результаты моих размышлений, — горделиво повел рукой хозяин.

Он сдувал тончайшую пыль, разворачивал чертежи и давал короткие пояснения, украдкой поглядывая на Максима. Катапульты, подъемные механизмы, блоки в самых немыслимых сочетаниях, геометрические чертежи, снова катапульты. Но развернув один из чертежей и едва взглянув на него, Архимед поспешно свернул рулон и при этом густо покраснел. Максим успел все же кое-что заметить и уже было приготовился задавать вопросы, как тоненько заверещал зуммер, давая знать, что энергия на исходе. Нажав на кнопку браслета, он отключил сигнал и заторопился к выходу. Архимед, идущий за ним, вдруг спросил:

— Я сразу догадался, что ты из будущего. Не можешь ли ты предсказать мою судьбу и будущее моего родного города, прекрасных Сиракуз? — Архимед погрустнел. — На нас давно то-

чат зубы римские захватчики — эти злобные дикари, изучившие лишь одну науку — науку убивать.

Максим кивнул.

— Да, я знаю будущее. Ты сделаешь множество открытий в механике и геометрии. Но любовь и признательность сограждан завоеешь тем, что во время осады Сиракуз римским полководцем Марцеллом сконструируешь мощнейшие катапульты, без промаха поражающие врага огромными камнями: метательные машины, посылающие тучи стрел и дротиков. Огромные журавлеподобные механизмы особыми захватами будут поднимать за нос вражеские корабли, а затем низвергать их в пучину. И у полководца Марцелла вырвется горестное признание: «Придется нам прекратить войну против геометра». Но твой город...

— Не продолжай, — сурово прервал его Архимед. — Я хочу верить в то, что город выстоит!

— Хорошо, — согласился Максим. — Я тебе расскажу о твоей дальнейшей судьбе. Но лишь для того, чтобы уговорить тебя спастись. Ты погибнешь от меча вражеского солдата, когда будешь чертить на песке. И слова твои переживут века: «Не трогай мои чертежи!» Но подумай, зачем тебе преждевременная смерть? Садись в мою машину, и улетим в будущее. Ты сможешь продлить свою жизнь на десять, а то и на двадцать лет. Послушай, я предлагаю тебе не пустяк — жизнь!

— Нет, чужеземец! — резко ответил Архимед и вдруг ясно улыбнулся. — Я исполню свой долг, не могу я покинуть родной город в такое время, и потомки за это возблагодарят меня... Остаюсь!

— Может быть, рассказать тебе о некоторых открытиях будущего? — спросил Максим. — Это облегчит твою работу.

Архимед хитро сощурился.

— В Сиракузах каждый знает: самая вкусная вода в том источнике, к которому ведет самая тяжелая тропа.

Максим открыл дверцу аппарата.

— Не знаю, сожалеет ли мне, что я не смог тебя убедить оставить Сиракузы, или нет?

— Не жалею! — Архимед прощально поднял руку. — Борьба за справедливость — ведь это прекрасно!

Максим забрался в кабину и тоже помахал рукой. Дверца захлопнулась. Он сидел, задумчиво глядя на панель. Куда отправиться? В XXI век или в XXII, а может, сразу в XXX махнуть? Хорошо бы отправиться туда — в далекое светлое будущее. Его там примут с радостью, он сможет почивать на лаврах, окруженный всеобщим уважением, как изобретатель машины времени. Отдыхать... А все ли сделано мною в двадцатом веке? Максим вспомнил гордый отказ Архимеда и решительно нажал на кнопку, под которой была неровная надпись: «Возвращение в точку старта».

Снова закружилась голова, и Максим почувствовал, что проваливается в бездонную яму. И в эти секунды ему почему-то вспомнился чертеж, который Архимед постеснялся ему показать. Тогда он показался Максиму чем-то удивительно знакомым, хотя и были там непонятные обозначения и символы, была незавершенность конструктивных элементов. Но только сейчас Максима внезапно озарило, что эта была наивная, но в основном верная принципиальная схема машины времени.

ОЛЕГ РОМАНЧУК

ОПЯТЬ МАНЕВРЫ

Ракетная база «Меркурий» была самой совершенной в своем роде. Ничего подобного в истории вооруженных сил страны не было. Министерство обороны очень гордилось своим детищем и одновременно сожалело, что не может открыто похвастать таким крупным успехом военных и гражданских конструкторов, ибо само министерство издало циркуляр о строжайшем соблюдении маскировочных мероприятий в отношении объекта.

Никто не знал, где располагалась база. В ледяной пустыне, вблизи знаменитых Бонанзы или Клондайка — бывшего рая разного рода аферистов и золотоискателей — или где-то в Скалистых горах, а может, в одной из дружественных стран.

Для настоящего повествования важным является то, что некоторые служащие «Меркурия» смотрели совсем по-иному на целесообразность подобных баз. Однако начальство признало стратегическое положение объекта более чем идеальным и не собиралось терять его.

После последней проверки, когда командованию было указано на недостатки в обучении личного состава, систему подготовки служащих пересмотрели. Еще более тщательно начали подбирать людей для службы на секретном объекте.

Речь пойдет о капитане Честере Уэсте. Двадцати восьми лет, неженатый. Рост — шесть с половиной футов, блондин. Служил в морской пехоте. На базе «Меркурий» исполнял обязанности дежурного оператора станции наведения ракет стратегического назначения.

Платили здесь хорошо, однако служить повторный срок Честер не собирался. Постоянно до предела напряжены нервы. Неуверенность в завтрашнем дне. Опостылевшие, изрядно приевшиеся напоминания о «красной угрозе»! И учеба, учеба... С некоторого времени он начал бояться за себя. Боялся сорваться, боялся, что с ним случится то, что и с лейтенантом Джорджем Бранцем.

Лейтенант был его подчиненным. Во время очередной учебной тревоги он сошел с ума. Черт возьми! Совсем молодой па-

рень. Если бы не он, Честер Уэст, если бы он не подоспел вовремя... кто знает, чем бы закончилась эта учеба; лейтенант уже опустил палец на кнопку боевого пуска. Еще мгновение, и со стартовых установок, направленных в сторону потенциального противника, сорвались бы ядерные ракеты...

После того случая Честер Уэст получил капитанские нашивки и благодарность от самого министра обороны. В тот же день пришло извещение, что, будучи в госпитале, лейтенант Бранц покончил жизнь самоубийством. Честер напился. С тех пор он делал это регулярно.

Дежурство подходило к концу. Честер нетерпеливо поглядывал на часы. В мечтах он уже наслаждался чудесным пивом «Фулл Лайт» — когда приступал к дежурству, видел, как солдаты разгружали транспортный самолет с продуктами для офицерского кафе.

Сменить его должен был Дэвид Граймс. Его, бывшего астронавта, в свое время отчислили из Центра подготовки за соучастие в контрабанде героином. С тех пор, так по крайней мере утверждал сам Дэвид, он стал занудным и язвительным.

Честер занялся аппаратурой. Нужно было проверить все режимы функционирования блоков. Граймс как всегда будет цепляться к каждой мелочи. Пока все было нормально. Весело мигали сигнальные лампочки, убаюкивающе гудели моторы...

И вдруг послышалось жуткое завывание сирены. Капитан оторвал взгляд от картосхемы и непонимающе уставился в датчик атомной тревоги. «Атомное нападение» — вспыхивали красным огнем слова. Что это? Минорные аккорды очередного учения? Но почему же нет сигнала «учебная»? Страшная догадка озарила его. А что, если ЭТО правда? Пытался отогнать невероятное предположение. ЭТОГО НЕ МОГЛО БЫТЬ!

Взрыв прервал его мысли, больно ударив по барабанным перепонкам. Неизвестная сила подхватила капитана вместе со стулом и бросила на пластиковый пол. Потолок, казалось, всей своей тяжестью придавил его...

* * *

Над поверженной, уничтоженной планетой поднимался звездный мираж. словно кадр за кадром проплывали фантастические картины мертвых городов, сожженной земли. Цивилизация, сама себя уничтожившая. Жутко и уродливо!

Вмиг исчезают обычные понятия и образы, сменяясь диковинным миром видений угрюмого трагизма и обреченности.

Среди руин блуждают плоские, словно фотографии, создания. На почерневших от огня и копоти стенах чудом уцелевших домов танцуют призрачные тени. Это все, что осталось от тех, кто еще недавно гордо называл себя гомо сапиенс. Ха! Гомо сапиенс? Гомо атомус! Го-мо а-то-мус!..

В растоптанном человеческим безрассудством мире право на жизнь обрели фантастически уродливые существа из мира болезненных видений. Гомо атомус! Они смеются, скаля свои гнилые зубы. Смеются над ним — Честером Уэстом, капитаном военно-воздушных сил. Теперь уже бывшим капитаном.

Они открыто издеваются — дьявольская улыбка блуждает на их жестоких лицах. Словно говорят: «Скоро и ты будешь среди нас, Честер».

Образы из полумистических картин Иеронима Босха*. Те же страдальческие позы и гримасы. Те же цвета — черный и красный. Цвета мучений, смерти, крови и тьмы...

Кем чувствуешь себя ты, капитан, в мире жестокой реальности? Не знаешь? Тебя преследует ужасное чувство раздвоенности. Не так ли? Ты не понимаешь, что с тобой происходит...

Даже солнце — это вечно беспокойное желтое пятно — тоже обрело зловещий оттенок красного золота.

Что это за кошмары и видения? Следствие психического шока, состояния, близкого к уничтожению человеческой личности?

Впрочем, это не столь важно. Именно теперь. Когда ЭТО случилось. Все смешалось — ужасная реальность и фантастическая действительность.

Ты хорошо знаешь, что этому нечеловеческому испытанию нет конца. Ты навсегда остался одиноким. Наедине со своими мыслями. Ты сам виноват перед жизнью и теперь расплачиваешься за это.

Ты кричишь. От боли и ужаса. От понимания обреченности. Тебя никто не слышит. Испепеленная на нет земля. Радиация. В этом мире эмоции не имеют силы и цены. Все вокруг мертвое. И ты тоже. Живой мертвый!

Перед глазами Честера Уэста, словно водоворот, пронесся калейдоскоп собственной жизни. Таинственная и непонятная сила бросила его в бездну прошлого...

* * *

Мысли, мысли, мысли... Они обезумели. То мчатся, словно вихри, то наскакивают друг на друга и наплывают, наплывают... Не дают дышать. Еще немножко, и они схоронят тебя под тяжестью неопровержимых доказательств твоей вины за ЭТУ трагедию. Ты несешь ответственность за то, что случилось. Не отрицай. В тебе еще горит какая-то надежда. Напрасно! Приговор будет окончательным. Мысли-присяжные уже сорвались со своих мест и готовы вынести вердикт: «Виновен!»

Верховный судья — твоя совесть. Последнее слово за ней. А покамест она, словно Будда, дарит загадочную улыбку. Еле заметную улыбку. Всем и никому. Потому что знает очень много...

* Иероним Босх — известный нидерландский художник XV века.

А помнишь ли ты свой первый самостоятельный шаг в жизни? Когда ты сбежал из дому и добровольцем записался в морскую пехоту? Сколько тебе тогда было? Восемнадцать? Кулаки — словно гири. Жажда приключений. Молокосос! Насмотрелся фильмов и потянуло на экзотику.

Романтику словно ветром сдуло, когда попал в азиатские джунгли. В тамошнем учебном центре сорокалетние сержанты с гипертрофированными бицепсами и бычьими шеями обучали выживать среди зарослей Юго-Восточной Азии. Обучали приемам каратэ. Чему там только не учили!.. Убедившись, что ты владеешь сорока тремя способами убивать человека, тебя послали воевать. И ты воевал, стрелял. Правда, стрелял не так, как другие, — где только попадалось что-нибудь живое (ты действительно был еще молокосос). Стрелял только тогда, когда собственной жизни угрожала опасность.

Однажды ты сорвался. Помнишь? Операторы из телекомпании снимали боевые эпизоды. Когда фиксировали операцию поиска партизан, режиссер приказал солдатам не смотреть в объектив, мол, выходит неестественно. Ты не удержался и выпустил автоматную очередь по кинокамере.

Тебя не судили. Просто списали. Никто не хотел скандала. Сообщили, что режиссер погиб в перестрелке с партизанами. Несчастный случай.

Около года ты искал работу. Наконец нашел место грузчика в порту, но удержался там всего лишь месяц. Не поладил с десятником, который был связан с мафией и пытался впутать тебя в свои дела.

Снова пошел в армию. Закончил офицерскую школу. Побывал в Европе, на Гавайях, в Индийском океане. Служба даже начала нравиться. Это было совсем не то, что в джунглях Азии. Общался лишь с электроникой. Послушно исполнял приказы. Тебя считали незаменимым специалистом, когда речь шла о ракетах стратегического назначения. Тебе нравилось копаться в сплетении электрических схем, выискивать в них неисправности. Работа требовала логического мышления, а оно у тебя, оказывается, было очень хорошо развито.

Теперь, правда, этого не скажешь. Ты потерял способность критически мыслить. Твои мысли, словно бизоны, мчатся прерий-мозгом, и нет силы, способной их остановить... В свое время люди остановили бизонов. И уничтожили. Когда-то очень давно. Когда твоих родителей еще не было.

А теперь люди уничтожили самих себя. Сколько раз люди пытались это сделать? Множество раз. И в двух последних попытках едва ли не добились своего. Тогда решили подготовить третью. Последнюю. Чтобы раз и навсегда избавиться от этой вечной, как мир, проблемы.

Господи, неужели ЭТО СЛУЧИЛОСЬ? Неужели у кого-то не выдержали нервы? Неужели мир обезумел?

Разве мир не был таким всегда? Помешан на диком желании перегрызть горло соседу, запустить руку в карман ближнего.

Ха-ха-ха! Возлюби ближнего своего!

Думай. Думай. Кто виноват в том, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ? Ты тоже причастен к этому. Ты далеко не безгрешный.

Все мы не без греха!

Да, но сама жизнь предъявила тебе счет. И оплачивать его приходится по самому высокому курсу.

Что можешь сделать ты, чтобы уплатить этот долг? Отомстить? Но как? Кому? Ты сейчас бессильный, а когда-то ты же мог сделать многое, чтобы ЭТОГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ.

Мог... Мог, но не сделал... Помнишь фильм «Пожнешь бурю»? Старый фильм Стэнли Кремера. Ты смотрел его в Мемфисе. Теперь ты пожинаешь бурю. Потому что ты один из тех, кто выпустил джинна на свободу.

Говоришь, ты был за демократию. Но теперь ты видишь, как далеко твоя демократия от сакраментального миртового деревца? Видишь, что она больше похожа на сыр с большими дырами, который нахально догрызают мыши — полиция, армия, бизнесмены?.. Все кому не лень. А впрочем, сыр уже доели...

Что же мог сделать ты один, когда мышей тысячи? Хитрых, подлых и коварных. С законом они уже давно покончили. Еще до того, как взялись за сыр. Ты это хочешь сказать?

Твоя философия обманчива, капитан Уэст. Неужели ты этого не понимаешь?

* * *

Наконец болезненный мираж забвения рассеялся перед властным наступлением сознания, и Честер раскрыл глаза. Осмысленным взглядом осмотрел помещение. Густая сеть проводов и кабелей пестрой паутиной опутывала сфероидный потолок операторской. Все стало понятным. Взрывом сорвало предохранительную крышку, под которой размещалось кабельное хозяйство. Крышка ударила его... Значит, это был бред. Всего лишь бред. Но почему же произошел взрыв? Что это за взрыв?

Честер поднялся. В голове гудело. Дрожащими руками достал из кармана биостимулятор. Бросил в рот две таблетки быстродействующего допинга. Почти сразу полегчало.

Подошел к центральному пункту. Оценивающим взглядом окинул индикаторы. Они показывали, что все в порядке. Уверенно выключил блок питания. Медленно подошел к энергоблоку и повернул рубильник в положение «выкл.». Теперь функционировал лишь небольшой блок автономного питания, необходимый для освещения помещения.

Честер вытащил из ящика запасных частей тяжелую свинцовую трубу. Выпрямился, еще раз посмотрел на доску с приборами... замахнулся.

Он уничтожил все. Прежде всего самые важные узлы станции. Чтобы уже никто и никогда не смог их отремонтировать. Был спокоен, как никогда. Это не было варварством. Это была месть тем, кто придумал орудия уничтожения. Его естество восстало против творения злого человеческого гения.

Он громил и громил. Когда в операторскую ворвались солдаты военной полиции, все было уничтожено. Уэста связали и потащили...

* * *

Командир базы еще долго ломал голову, как оправдаться перед комиссией из министерства обороны за инцидент, случившийся во время учений. Он же хотел как лучше. Хотел приблизить ситуацию к условиям максимально близким к боевым. Поэтому была объявлена боевая атомная тревога. Какая прекрасная имитация ядерного взрыва! Во всех подразделениях «Меркурия» эксперимент прошел более чем удачно. Все операторы нажали боевые кнопки старта. Но они же не знали, что их командир собственноручно отсоединил боевой кабель от всех ракет! А все было так чудесно... И надо же, чтобы нашлась одна паршивая овца! Чертов капитан Уэст! Ну, погоди... Будущее этому пацифисту он постарается обеспечить. Домов с желтой окраской стен пока еще хватает...

Перевод с украинского автора

АНВАР САБИТОВ

ФАТА ВРЕМЕНИ

Археологическая разведка плато Адрара была завершена. Оставался день, чтобы упаковать самые важные находки и закончить археологическую карту местности.

Приколотые гвоздями звезд к хрустальной сфере, высоко в небе раскрыли бутоны черные цветы ночи. Тьма быстро опускалась на застывшую в ожидании пустыню. Участники экспедиции расположились вокруг неяркого пламени. Анна Василевская посмотрела на консервную банку с горящим маслом и вздохнула. Прошло два года после окончания аспирантуры, но этот поход в пески для Анны был уже третьим и самым интригующим. Теперь продолжать работы в центральном районе Сахары будут другие. Анне хотелось остаться, но она как руководитель группы обязана сама доложить о результатах экспедиции.

— Итак, Анна Казимировна, — бодро сказал Александр Воеводенко, фотограф группы, — завтра прощаемся с драгоценной вашему сердцу пустыней...

Александр сопровождал Анну во всех ее экспедициях. Причину устойчивого интереса страстного любителя фотографии и кино к загадкам истории знали. Воеводенко побулькала термосом и, прижав его к груди, сказал:

— Осталось дожидаться Галактионыча. Потом торжественный ужин и на покой. Куда он запропастился?

— Вы бы, рыцари термоса и покоя, подумали, как завтра обойтись без рабочих. Наши берберы исчезли сразу завтрака и больше не вернутся, а дел у нас еще много! — озабоченно проговорила Анна Казимировна.

Шорох щепня со стороны палаток вспугнул молчание. Острый луч фонаря скользнул по причудливо изогнутым веткам баобаба, и к костру подошел Рустан Галактионович, специалист по этнографии Северной Африки и переводчик экспедиции. Василий Гольцов тотчас расстелил рядом с собой шкуру.

Этнограф присел на овчину и, покосившись на Александра, обнявшего термос, тихо произнес:

— Это вы распугали берберов? Кочевники сегодня сменили стоянку, и этому виной мы...

— А я гадаю, куда пропали рабочие. Странно, почему они не предупредили? Ведь я им не успела заплатить за последнюю неделю. — Анна Казимировна вопросительно посмотрела на этнографа. — Где их искать?

— А чего их искать? Нужны деньги — пусть сами идут, — отозвался шофер Василий, которого все проблемы экспедиции интересовали больше, чем техническое состояние его разбитого грузовика.

— Я вот часто задумываюсь над тем, как плохо мы знаем прошлое, — заговорил Рустан Галактионович, — во многом, конечно, потому, что пращуров не отягощали мысли о том, как сохранить для нас сведения о событиях. Но в преданиях и легендах, оставшихся от их прошлых поколений, доносятся отзвуки былого. И, можно сказать, время повенчалось с историей и заперло ее на женской половине дома. Так поступали в мусульманских семьях в прошлом. Взгляд чужого мужчины не должен был касаться лица жены. Но мы-то для истории не чужие, мы можем и хотим видеть ее лицо.

Рустан Галактионович выключил фонарь, закурил и продолжал:

— Попробуйте-ка представить себя без детства, юности, без мечты. Что останется? Я старше каждого из вас и, возможно, острее чувствую, как прошлое манит к себе.

Василий оглянулся на Александра, задумчиво смотревшего на темно-бронзовый наконечник стрелы в руках Анны Казимировны, воспользовался паузой:

— Наконец я понял, чем объяснить привязанность к археологии нашего знаменитого кинооператора. Он почувствовал зов чужой жены...

— Ценю юмор, — улыбнулся Рустан Галактионович, — отношение к истории, как лакмусовая бумажка. Я его называю критерием разумности... Помните вчерашнюю находку Анны Казимировны? Километрах в тридцати от дороги колесниц?

— Десять скелетов в полном боевом вооружении? И верблюды. Бронзовая культура? — напомнил молчавший до сих пор художавый этнограф Борис Владимирович, знаток ушедшего искусства Черного континента.

— Да, да, Борис Владимирович! То, что нас так обрадовало, испугало наших друзей-кочевников, — сказала Анна Казимировна. — Места эти в далекие времена принадлежали бафурам. Загадочному народу, который давным-давно исчез под натиском арабов с севера. Все связанное с ними окутано необъяснимым страхом. Точнее, ужасом.

— Обнаруженное нами погребение в истории племени лемтуна связывается с бафурами, — добавил Рустан Галактионович. — Это я узнал сегодня от шейха племени. Кстати, рабочие, помогавшие нам, говорили, что Лахбиб — потомок пророка и обладает барака — святой благодатью. Якобы способен творить чудеса, в том числе убивать неугодных аллаху на расстоянии без оружия. Святой шейх заметил, что подобные «способности» имели древние бафуры. Возможно, корни генеалогического древа шейха восходят к этому народу. И пророк ни при чем.

— И вы верите в эту мистику? — возмущенно спросил Александр, непоколебимо считавший истиной только то, что можно увидеть глазами и снять на кинолентку.

Рустан Галактионович улыбнулся:

— Не спешите с выводами, молодой человек. Вы бы посмотрели, как он сегодня передо мной появился. Ночью в песках ящерицу слышно за сотню шагов, а тут — никакого шума, словно шейх — тень самого аллаха. Подошел совсем неслышно.

Он поднял огонь и поднес к погасшей сигарете.

— Да, кстати о мистике, — выступил вперед Василий. — Я где-то читал или от кого-то на базе слышал о фее. Будто бродит по здешним барханам вечно молодая девушка божественной красоты. Одета она в необычную голубую тунику с длинными широкими рукавами. Фея всемогущая и очень добрая. Появляется она там, где нужно помочь несчастным влюбленным.

Василий с театральным вздохом обнял нахмурившегося Александра.

— Что еще, Рустан Галактионович, сообщили вам невероятный и загадочный шейх? — Анна не обращала внимания на Гольцова.

Бледные оранжевые тени пробежали по лицам и одежде людей. В неверном свете группа у костра приобрела вид измученных долгим переходом арабов-кочевников, наконец добравшихся до колодца.

— Вас, конечно, прежде всего интересует причина дезертирства рабочих. Час назад шейх Лахبيب поведал мне легенду своего племени. Легенда оказалась столь интересной, что я записал ее на пленку. Итак, слушайте. — Рустан Галактионович сложил по-восточному на груди руки. — Отвечать вам будет сам шейх. Безусловно, я буду синхронно переводить. «...Это случилось в те далекие времена, когда Адрар еще не стал для арабов родиной. Говорят, что у жителя пустыни нет родины в привычном, традиционном для европейца понимании. Кочевник всегда относился к барханам с большей любовью, чем белый человек к своим лесам и рекам. В далекое время воины лемтуна захватили на дороге богатый караван, шедший с юга. Много пудов золота и слоновой кости бросили воины к ногам вождя и его любимой дочери Амриты. Они побили тех, кто сопровождал караван, но сохранили жизнь одному из тех, кто сопровождал ценный груз к северному морю. Это был раб. Его не заковали в колодки: куда он убежит в пустыне?!

Невольник оказался искусным художником. На небольшой наковальне, врытой в землю, делал украшения из золота. А под бронзовым резцом рождались на слоновой кости волшебные узоры. Восторженно наблюдала за работой мастера дочь вождя Амрита. И она полюбила этого раба.

Но скоро настал день, когда всемогущий вождь пообещал выдать свою дочь лучшему воину племени, тому, кто докажет свою силу, ловкость и храбрость. Был назначен день игр. Все собрались возле палатки вождя.

Но воины знали, что во всем Адраре нет равных телохранителю вождя Тахару. Это был красавец с горящими беспощадностью глазами льва, он смотрел на воинов, окруживших площадку поединка. Сильные, ловкие, бесстрашные в бою, они сейчас видели лишь пыль у своих ног: боялись Тахара. Никто не хотел потерять жизнь под ударом его меча.

Вождь, который сидел возле палатки, уже встал, чтобы объявить свое решение... но не успел сказать первое слово, как в центр круга выпрыгнул черный невольник.

Не имел права ничтожный раб поступать подобно свободному кочевнику. Его ждала смерть. Обратившись к вождю, могучий Тахар просил разрешения убить наглого южанина. Воины одобряли просьбу Тахара, и Тахар уже взмахивал нетерпеливо мечом.

Получив разрешение вождя, Тахар неожиданно отпрянул от чернокожего раба... И вот уже отброшен его меч далеко в сторону. Воины затаили дыхание, нахмурился вождь. Противники были достойны друг друга. В черных руках не было оружия, но зато у освирепевшего берберя нашелся нож.

Вскрикнула Амрита, и к ногам африканца упал ее маленький кинжал. Зароптали воины. Однако раб, воспользовавшись

полученным оружием, тотчас нанес удар, и вот уже Тахар повержен на песок.

— Связать раба! — приказал вождь.

Старый вождь не любит быстрых решений. Связали раба и бросили в невольничью палатку. Возмездие ждало его утром.

Не успела утренняя заря упасть на капли росы, весь Адрар собрался смотреть на исполнение приговора. Жизнь убийцы Тахара оборвется на камнях его могилы — так было решено. Но в палатке связанного чужеземца не оказалось. Разгневанный вождь повелел бросить к его ногам дочь. Однако нигде не было и Амриты. Обожгли слезы старое сердце, но голос был тверд:

— Догнать беглецов!

Десять лучших воинов на быстроногих белых верблюдах разбудили утро пустыни. Ухватившись за бронзу мечей, они, словно духи, закружились в горячем воздухе.

Пустыня не знает равнодушия. Она может быть ласковой, может быть веселой. Но сегодня измена и вероломство наполнили ее. Бережно сохранив следы беглецов, она выдала их преследователям. Пустыня не знает любви и надежды, у нее своя мера справедливости. Мера эта — сила. Сильная была погоня — пустыня стала ее союзником.

Медный щит в расплавленной лазури раскалился добела и застыл над головами. Длиной полета стрелы измерялось теперь для беглецов расстояние до царства мертвых.

Но судьба была сильнее десяти верблюдов и их всадников. Пустыня поняла это, и мгновенно перед ними вырос обжигающий смерч песка и пыли. Злой хохот духов заменил предсмертную молитву воинам древнего племени.

Через несколько суток вождь все-таки нашел место гибели воинов. Нашел он и следы любимой дочери и раба. Но только следы... Словно южный ветер унес дочь с чужеземцем. Долго совещался вождь со старейшинами и объявил это место проклятым аллахом.

С тех пор никто не видел там палатки кочевника, никто не слышал ни шагов верблюдов, ни визга шакала...»

Этнограф нажал на клавишу. Глухой, шуршащий песком голос шейха исчез в ночной тиши.

— Вот так. Мы нарушили табу и сейчас, по местным поверьям, нас ожидает наказание. Духи пустыни не отличаются добротой, они ничего не прощают, — задумчиво и неторопливо сказал Рустан Галактионович и спрятал магнитофон в свою походную сумку.

— Не знаю, что готовят духи, но кочевники нас уже наказали, завтра каждому из нас придется работать вместо них. Нам приказано прибыть на базу в Шингетти к вечеру, — невесело заключила Анна Казимировна. — Пора ложиться спать. Отбой.

— Анна Казимировна, предание оказалось очень мрачное.

Разве можно уснуть после этого? — заговорил Александр. — Я недавно такой мираж снял — очарование! И в цвете. Пленка в отличном виде. Все готово, это минут на десять. Хотите покажу? — он вопросительно посмотрел на Анну Казимировну.

Миражами Александр увлекался давно. Снятые им кадры использовались и при съемках фантастических фильмов. Воеводенко с кинокамерой был в ущелье Привидений, и в Мессинском проливе, и у сицилийской горы Ружо-ди-Калабрия. Он не расставался с камерой и во время археологических экспедиций. В минуты отдыха все с удовольствием смотрели неповторимо красочные изображения.

— Ну что же, прошу всех в кинозал, — согласилась Анна Казимировна.

Александр откинул тяжелый от росы полог палатки, служившей складом и фотолaborаторией.

На экране появился волшебный оазис из восточных сказок. По синему озеру плыли тугие паруса облаков. Кроны пальм скрывали чудесный дворец, в каких обычно хозяйничают неотразимые принцессы или наводящие страх дэвы. Зубчатые башни, цветные купола создавали настроение легкой радости и ожидания встречи с чем-то приятным. Ко дворцу от озера поднималась мраморная лестница. Вдали на ее ступеньках стояла женщина в голубой одежде с длинными ниспадающими рукавами. На берегу, у ближайшей пальмы, спиной к зрителям, замер атлетически сложенный негр, украшенный набедренной повязкой. Ствол пальмы обняла девушка, покрытая легким кирпичным загаром. Влажный ветер пытался сорвать с нее серую шерстяную тунику. Ветер покрывал зеркало озера рябью мелких беспокойных волн.

— Да ты прямо король иллюзий. Где ты это сумел снять? — удивленно воскликнул Василий. — Миражи с лицами мы еще не видели. Где это снято?

— Вы разбирали останки ископаемых верблюдов, а я ездил к колодцу, к ближайшему, помнишь? На обратном пути и снял.

— Повтори последний кадр, хочется получше рассмотреть процессу у пальмы, — попросил Василий.

Александр быстро перекрутил пленку, и вот на экране уже голое тело черного человека, а затем женское лицо... Прямой нос, приоткрытые тонкого рисунка губы, изящный овал, девушка обращала взор к черному...

Очарованная волшебным видением, Анна Казимировна из строгого начальника превратилась в обычную девушку, с которой можно было заговорить обо всем, не боясь показаться нескромным или смешным. Анна Казимировна не отрываясь смотрела на экран и сама была похожа на восточную красавицу...

Долгую тишину нарушил Борис Владимирович:

— Ничего не понимаю: не ночь, а какой-то клубок загадок. Или чудес. Смотрите!

На ладони у него лежал медальон, овал темной слоновой кости в оправе красного золота. В причудливый золотой узор, окруживший рельефный рисунок женской головы, вплелись арабские буквы.

— Я его нашел в ста метрах от злополучного захоронения. Ничего не замечаете? — искусствовед зажег свет и озарил украшение из слоновой кости. Засветилось золото орнамента, арабская вязь.

— Какая прелесть! Да медальону цены нет! Сколько ему лет? — спросила Анна Казимировна.

— Не менее пятисот. Но не это сейчас главное. Посмотрите на экран. Видите? — Борис Владимирович поднял руку. — Какое сходство! Сегодняшний мираж и древний медальон — такое совпадение может быть только раз в истории.

— Молодец, Александр! Развеял впечатление от легенды, — Анна Казимировна поднялась с ящика. — Теперь мы неделю спать не будем. Вы правы, Борис Владимирович, загадок много... На сегодня довольно, пора и отдыхать.

Но Василий, не дослушав ее, вскочил и взволнованно воскликнул:

— Неужели вы всерьез считаете, что это простое совпадение? Нет же! Это ключ к тайне. И тайна эта... И, впрочем, хотите разгадку? Анна Казимировна, разрешите!

Возражений не было, и он продолжал:

— Изображение на медальоне и лицо на экране не просто похожи. Ясно как день — это копия и оригинал. Чему вы улыбаетесь, Борис Владимирович? Вот прослушали легенду и сразу забыли. А она связывает в одно целое и мираж и медальон. Где вы его нашли? От кладбища скелетов на расстоянии полета стрелы. Верно? Я уверен, что медальон когда-то принадлежал этой даме в серой тунике. А сделал его негр, стоящий рядом с ней. Ведь он был мастером таких вещей. Короче, мираж — иллюстрация к легенде. Что вы на это скажете?

Василий замолчал и посмотрел на экран, потом снова на слушателей. Откровенная усмешка Александра возмутила его, он заволновался еще больше:

— Нам повезло. Мы заглянули в другой мир, который человечеству давно знаком, который считается сказочным, существует только в воображении. Вот вы смотрите на меня как на чудака, начитавшегося фантастических романов. Когда-то оба мира соприкасались, были рядом. Потом что-то случилось, и тот гиперпространственный мир стал как бы потусторонним, а позднее — сказкой. Фея Моргана, волшебник Мерлинн были живыми людьми и похожими на нас, и другими одновременно. Может быть, и мы для них — непонятные фантастические существа.

Перед нами поднялась фата Времени, о которой говорил Галактионич. Необычный мираж — это же сигнал нам, людям. Поймите, простое совпадение невозможно: и легенда, и медаль-

он, и мираж, да еще и внезапный уход племени. Что все связывает? Легенда! Несомненно, на экране мы видели ее финал.

— Василий, ты романтик пустыни. Поздравляю, версия очень занимательная, особенно ночью... Ведь фея была непременно участником «круглого стола». Но пора спать... — Анна Казимировна тихо засмеялась. Александр выключил проектор.

— Как хотите. Вы не археологи, а архилогики. Все равно я докажу, что я прав, — обиженно произнес Василий и вышел из палатки.

...Яркие крылья рассвета поднялись над дюнами. Ночное безмолвие сменилось тишиной пробуждающихся песков. Небо наливалось теплой голубизной и предвещало обычный жаркий день.

Пыльный вихрь в центре лагеря поднялся неожиданно. Палатки чудом выдержали бешеный напор ветра. Начали собираться на завтрак, как что-то необычное заставило всех остановиться.

В нескольких шагах от палатки-склада стояла девушка. Странная туника с длинными широкими рукавами переливалась лазурью. Невдалеке дышало прохладой синее озеро, окаймленное полосой финиковых пальм. Свежая радуга разбежалась по куполам дворца, скрытого утренней дымкой...

ВИКТОР ПОТАПОВ

ОН НАЗВАЛ ЕЕ УДИВЛЕНИЕМ

Как космический заяц, мой корабль чертил зигзаги — от звезды к звезде, от звезды к звезде. А по пятам, не отрывая носа от следа, упорно гнался все тот же серый волк, мой вечный спутник — одиночество. И было еще неизвестно: загонит ли он меня совсем и, подняв окровавленную морду над добычей, торжествующе зарычит, или я все-таки убегу?

Алмазными подвесками сверкали на черном бархате космозвезды, без усталости подмигивали, кокетливо шурились, заывая таких бродяг, как я, но всегда оказывалось, что, кроме всежигающего огня и ледяных унылых пустынь, у них ничего нет за душой.

Эти грубые характеры были не по мне. Я желал найти мир, где между льдом и пламенем существовали бы нежные переходы: зелень травы, щебет птиц, запах жизни. Где бы стояли тихие старинные города с укутанными тенью деревьев улицами, где бы журчали, струясь в кайме древних плит и искрясь темной зеленью на солнце, прохладные воды каналов. И еще я бы хотел, чтобы там жили добрые люди. Хотя мне было бы достаточно и одного... вернее, одной... Единственной!.. Но как трудно найти ее теперь, когда мир людей расширился почти до сотни

обитаемых звезд. Кто подскажет мне, возле какой из них кружится та планета, на которой живет она?

Скитанья в поисках любви... Смешно и старомодно... Но чем благополучнее становится жизнь, тем больше мечтательности появляется в глазах людей, тем острее ощущается недостаток и потребность в том, что составляет главную часть человеческого счастья, в том, чтобы каждый мог воскликнуть: «Одна судьба у наших двух сердец: замрет мое — и твоему конец!»

А звезды прикидывались аквамаринами, платиной и золотом, жидким огнем, рыжим пламенем, но я им не верил.

Я сидел на закраине шлюзового отсека, свесив босые ноги наружу, и болтал ими в воздухе, стремясь зацепить пяткой или пальцами ершистую щетку травы, и смотрел по сторонам, морща нос от щекотки и щурясь от яркого солнца.

Я вспомнил прочитанные в детстве старинные романы, пейзажи далеких планет — бездонные фиолетовые небеса, лиловые сумерки, тревожные запахи чужого мира — всегда таинственные, предостерегающие и манящие. А моя наперекор человеческому воображению была обыкновенной и доброй: голубой и зеленой. На цветах, вздрагивая крыльями, сидели разноцветные бабочки, и ветер не гнал навстречу таинственных звуков и резких дурманящих ароматов. Он приносил и пригоршнями кидал в лицо нечто более удивительное и влекущее: жужжание, стрекотанье, чертовски загадочный запах травы и дыхание земли.

По привычке я протянул руку к правому запястью, чтобы нажать нужную кнопку на браслете управления и вызвать вездеход-разведчик, но передумал. Мне было жаль топтать растилавшийся вокруг бескрайний луг гусеницами машины; хотелось идти пешком сколько могу, чтобы устать, надышаться чистым воздухом, измазать рубашку травяной зеленью, по-волчьи проголодаться и крепко заснуть. Просто идти и смотреть. Все астронавты любят смотреть, иначе они бы не были астронавтами.

Странно, но, усыпив обычную осторожность, этот мир сразу расположил меня к себе, показался мне безопасным и живым, мы словно стояли напротив и дружелюбно разглядывали друг друга, и он гостеприимно приглашал войти в него. Прокладывался в мои мысли и сердце зелеными лесами, в которых созревают плоды на вечерней заре, голубыми каплями озер, лохматыми макушками холмов и отмелями широкой прозрачной реки.

Я шел довольно долго, глядя, как гонит травяную волну разгулявшийся ветер, как из-под ног сердито взлетают пчелы и обиженно скачут врассыпную кузнечики, пока не наткнулся на

куклу, обычную девчачью куклу, глупоглазую, с румяными щеками, в платице в горошек и белых штанишках.

Нашел и ничуть не удивился, лишь оглянулся по сторонам. Но сразу понял, что зря: кукла была старой и давно уже выцвела под солнцем и дождем.

«Люди... здесь живут люди, — подумал я, улыбнувшись. — Здесь обязательно должны быть люди», — и прибавил шагу.

Планета не обманула моих ожиданий: вскоре вдали, посреди бескрайнего луга, я увидел человеческую фигуру. Она была неподвижна, словно ждала меня, а когда я приблизился, превратилась в чудесную статую девушки. Ее отлили из темной бронзы и поставили не на постамент, а прямо среди живых цветов. Очевидно, те, кто сделал ее, желали, чтобы она казалась застывшим мгновением жизни, а не металлом. И это им удалось.

Сев рядом на траву и поглаживая щеку сорванной былинкой, я долго любовался ею и думал о себе.

Чем дольше я живу, тем больше смысла нахожу во всем, мимо чего раньше пробегал, не замечая. Вся окружающая красота была лишь обрамлением моих чувств, желаний, мыслей, дел. И Гамлет появлялся только для того, чтоб передать мне свой мучительный вопрос, и прочие, кто мыслил, грезил и мечтал — чтоб стать лишь подтверждением на меня сошедших откровений. Природа тоже обретала ценность и звучание тогда, когда в траве поблизости скрывалась чья-то тонкая рука, и пальцы нежные, как нерв любви, тянулись медленно ко мне сквозь стебли, и цветок клонился, накрытый краем платья. И все это чудесно обнимало голубое небо, уединение и безмятежность душ.

Что изменилось?!

Мне кажется, я просто начал понимать невысказанную красоту и сложность мира.

Полуденное солнце горячими оранжевыми пятнами лежало на сомкнутых веках, грело поднятую вверх голую пятку, пальцы, словно в сырой мех, зарылись в траву, и с каждым вздохом в меня вливались покой и светлая надежда.

Загородившись ладонью, я открыл глаза и посмотрел на статую девушки. Прижав согнутые пальцы к ключице, оттягивая ими край тонкого платья, она плыла навстречу застывшим в небе облакам.

Налюбовавшись ею, я поднялся, сорвал росший рядом понравившийся мне цветок и вставил его между пальцами статуи. Погладив на прощание ее по нагретой солнцем щеке, я пошел дальше.

Опять навстречу заскользил нескончаемый луг — трава и цветы, цветы и трава — зеленая бесконечность, щекочущая щиколотки и жужжащая над цветами. Я прошел совсем немного, как вдруг ужасно захотелось скорее попасть туда, где живут

люди, сделавшие куклу в полинявшем ситцевом платье и чудесную бронзовую девушку. И планета снова услышала меня: сказка кольнула слепящим лучом, заставив зажмуриться ровно на миг, затуманила горизонт и растаяла, открыв моему взору беспорядочно рассыпавшиеся по далекой опушке дома. Они стояли прямо среди нетоптанных трав, словно только что опущенные сверху чьими-то руками.

Оглядевшись, я подошел к одному из них, который сразу же мысленно окрестил «деревенской гостиницей», и, отворив заскрипевшую дверь, вошел внутрь.

После яркого света меня ослепил полумрак, и лишь минуту спустя я разглядел тяжелые дубовые столы, темно-оливковые стены с коричневыми узорами старого дерева и желтые, почти белые доски пола, прохладу и шершавость которых я ощущал ступнями.

Один из столов был накрыт, но как-то странно. Все кушанья и напитки, недвусмысленно приглашая присоединиться к их вкусной компании, сгрудились вокруг одного прибора. Второй же, обнимая тонкими серебряными руками голубую тарелку с волнистыми краями, сиротливо стоял напротив. За обедом он скрашивал мое одиночество, невольно заставляя видеть изящные бронзово-смуглые кисти, беззвучно движущиеся над столом.

Поев, я сдвинул в сторону посуду и, положив голову прямо на стол, закрыл глаза; прижавшись щекой к шершавой теплой доске, долго водил по ней пальцами, ощущая каждую заусеницу и вмятину, вдыхая запах недавно вымытого и отскобленного ножом дерева.

Когда я проснулся, за окном длинными тенями подкрался вечер. Я вышел на крыльцо и сел на ступеньку.

Обняв колени, я молча смотрел, как растут тени и чернеет понемногу трава, пропитываясь сумраком, и вспоминал слова из любимой книги:

«Он просидел за столом до утра, заснул, положив голову на руки, потом проснулся и увидел, что наступило утро. Он встал, вытер лицо ладонями. Панорама домов уходила в легкий августовский туман. Стараясь не глядеть на незнакомую комнату, где он прожил много лет, перешагивая через бумажный мусор и заскорузлые холсты, он вышел из квартиры и запер ее на ключ. Когда он вышел из парадного, в уши ему кинулся негромкий призрачный шум улицы. Панорама домов уходила в легкий августовский туман. Слышался шум работ, звенели трамваи. Он достал из кармана ключ от квартиры и, пройдя к краю тротуара, опустил его в ближайший водосток. Панорама домов уходила в легкий августовский туман. Надо было жить. Звенели трамваи...»

Ведь и я точно так же опустил ключ от незнакомой мне

квартиры, в которой прожил многие годы, в водосток и, кажется, выиграл. Я жил! Мне уже не было скучно с самим собой. Что-то неуловимо и в то же время значительно изменилось. Я подумал: ведь, в сущности, человек только три раза в жизни видит и чувствует окружающую его красоту: в любви, одиночестве и старости — в этих состояниях прозрения, которые приходят к нам...

Так, в приятном оцепенении прошла целая вечность, пока небо не сделалось из синего черным и на нем проступили звезды, а из лесу начал выползать туман.

Обхватив себя за плечи, я почувствовал, что замерз, и, вздохнув, поднялся и вошел внутрь «деревенской гостиницы».

Неяркий мягкий свет, шедший из стен и потолка, подчеркивал уютную теплоту жилья, отделяя его от черной, холодной ночи. Неведомо кем накрытый стол и тихая музыка приглашала к ужину, но я не притронулся ни к чему. Пройдя в дальний конец зала, где скрипучая деревянная лестница обвивала толстый резной столб, я поднялся на верхний этаж и очутился в коридоре, в который выходило несколько дверей. Толкнув ближайшую, я вошел и оказался в небольшой комнате.

В ней все было просто: стол, на нем ваза с огромным букетом цветов — осколком дневного луга, кровать, шкаф и стул. Подойдя к столу, я наклонился над цветами и обнаружил среди них точно такой же, какой я подарил бронзовой девушке. Впервые за вечер я вспомнил о ней, представив, что сейчас, ночью, она стала совсем черной и, как Бегущая по волнам, беззвучно скользит по темной траве, которую гонит ветер.

Продолжая думать о ней, я разделся и лег. Затем протянул руку к вазе и вынул из нее цветок. Капли воды, стекая по стеблю, защекотали подбородок, грудь, заскользили по шее.

Я закрыл глаза и ощутил себя усталым и счастливым. Кажется, этот удивительный мир, проникнув в мое сердце, вычерпал из него всю тоску и одиночество, собранные в разных закоулках вселенной за долгие годы скитаний, и вылепил из несбывшегося этот день и эту ночь.

Я лежал не двигаясь в темноте, и сон не шел ко мне, не желал пустить в лабиринт своих владений. Мои мысли вновь вернулись к девушке на лугу. К ее расслабленной руке, зацепившейся тонкими пальцами за вырез платья и приоткрывающей нежную округлость груди, к ее живой красоте, запечатленной в застывшей бронзе.

Всего три удара сердца отделили мысль от случившегося: скрипнула негромко ступенька внизу, прозвучали легкие шаги по лестнице... и в проеме распахнувшейся двери появилась Она.

Тихо. Только луна дрожала бледными пятнами на вершинах ее груди...

Она сохранила все солнечное тепло, которое вобрала в себя днем, и теперь отдавала его мне. Она была пламенем костра, у

которого я грелся и которому поклонялся, как древний охотник. Я подумал — вот истинное огнепоклонничество!

Она была ведьмой, и время повиновалось ей, то растягиваясь долгими ласковыми часами, то сжимаясь в тугий комок, бьющийся в горле, в бешеную скачку диких коней, стремящихся разорвать меня изнутри острыми зубами, разметать черными копытами — неуловимо менялась каждый миг, становясь то холодно-спокойной, то трепетной и сумасшедшей, то податливой, то твердой, как бронза. Она была женщиной, которая любит.

Утром меня разбудили странные нежные звуки. Осторожно, чтобы не потревожить мою ночную гостью, я поднялся, подошел к окну... и замер, пораженный. Поселка больше не было. В легкой утренней дымке передо мной раскинулся прекрасный город. Невысокие здания, словно вырезанные из хрупкого золотистого камня, скрывались среди чуть тронутой осенью зелени, белесый туман висел, затаившись в тенистых улицах, размывая очертания домов и деревьев, а разноцветные острокопечные крыши с широкими и волнистыми, как оборки, краями были залиты ярким солнцем. И на каждой, сверкая множеством граней, нежно и певуче звенели под порывами ветра большие хрустальные шары.

Я взял Ее за руку. Ее, чье имя — Та, которую я люблю, — и мы пошли по улицам старинного города, в котором никто не жил уже добрую сотню лет, где мостовая была покрыта тонким слоем песка и между плитами пряталась яркая зелень.

Мы заходили в дома, нас окружали чужие вещи, безмолвные и преданные навеки, залитые синим светом, струившимся сквозь цветные стекла овальных окон. Причудливый орнамент покрывал золотистые стены. Живой волной скользили голубые яркие линии, затем в их бег ненавязчиво вплетались сиреневые эллипсы, кольца, желтые треугольники и зеленые квадраты. Рисунок сужался, темнел, становился пронзительным, ярким и неожиданно разбегался замысловатым узором беспомощных розово-фиолетовых овалов. И постепенно, то накатываясь, то исчезая, в голове начинала звучать тихая и чистая мелодия, послушная изгибам линий, гамме цветов. Каждый дом пел свою песню, мурлыкал, наигрывал, сообщая о сегодняшнем настроении своих хозяев. Сегодняшнем... но какого дня? Какого столетия? Какой вечности?..

Порывами налетал ветер, и тогда по мостовой, словно акробаты, кувыркались послушные бурые листья. Ветер носился по улицам, поднимал пыль и, бросая ее пригоршнями в хрустальные шары на крышах, тут же затихал, чтобы послушать их призрачное звучание. И вновь срывался и мчал, посвистывая и гудя в узких переулках, замолкал, выносясь на берег древне-

го канала, и, перепрыгнув его, петлял между изгрызанных временем рыжих холмов.

Иногда ему надоедала эта извечная игра, и он начинал пугать Ее волосы, бросая лукаво их мне в лицо, и, обидевшись на наше к нему равнодушие, затаивался и дышал из древних стен и плит неуловимо-изменчивым и временами как будто знакомым запахом молчаливой тайны.

Пришел и прошел день.

В «деревенской гостинице», приготовленный заботливой рукой, нас ждал ужин. Звучала музыка. Три неизвестных инструмента, взволнованно перекликаясь, сплетая голоса, кружа, тоскуя, пели о несбыточном — о любви, о вечности, о тоске, которая летит по вселенной, призывая — где ты любовь, где ты?.. Ее тонкие пальцы лежали у ножки бокала, еле заметно подрагивали, мягкий свет переливался в перламутре ногтей. И все вместе: музыка, белизна затканной гладью скатерти, бледное золото шампанского в бокале и Ее рассеянная красота поднимали во мне уверенность в чудесности нашего будущего и обязательном немислимом счастье.

Утром, когда я проснулся, то долго не открывал глаза, чтобы еще хоть немного продлить ощущения ночи. Мои мысли бродили где-то в закоулках воспоминаний, они были огромны, и я растворялся в них так окончательно, что долго не мог вернуться.

Открыв наконец глаза, я увидел — на столе в треугольнике солнца, прорывающемся сквозь кружево ставня, сидела бабочка.

Она возвратила меня к реальности и делам. Подойдя к окну, я вздохнул полной грудью — воздух был теплый и сухой.

«Уже позднее утро», — подумал я, ни на секунду не удивившись, почему я один, лишь легкая грусть — воспоминание неповторимого и прекрасного — наполняла мою грудь всю обратную дорогу. И еще жаль было цветок, вечером он был в вазе, но теперь исчез, и мне нигде не удалось отыскать его.

Идя через бескрайний зеленый луг назад к кораблю, я волновался: как в этом однообразном зеленом море найду единственное нужное мне место? Но что-то подсказывало мне — найду. Я знал это не разумом, а чем-то иным, внутри себя, и не задумывался над тем, как разделить все происшедшее на правду и сон. Словно в колдовском танце они слились в одно: бесконечно неправдоподобную и в то же время реальную грезу. Разум мой не верил, но сердце знало. И им обоим было необходимо, чтобы эта правда или ложь (пусть ложь!) повторилась еще раз. Необходимо! И что-то твердило, убеждая — повторится.

Теперь мне было понятно, что случилось со многими, кто канул в бездне пространства. Одинокие планеты завлекли и соблаз-

нили их, воплотив их мечты и мысли, превратили красивую бронзу в живое счастье...

Как прежде она стояла нагретая солнцем и смотрела куда-то, чуть раздвинув в улыбке губы. Почти как прежде. Потому что пальцы ее сжимали уже не один, а два цветка!

Я подошел и поцеловал ее в губы.

Нет, мне не показалось, что они ответили, но я знал, что ответят, знал, что вот наконец и я, словно почтовый голубь, куда бы ни залетел, всегда найду дорогу домой, на эту планету, которую после всего случившегося назвал Удивлением. Буду летать, но всегда возвращаться, потому что теперь есть куда, потому что я открыл наконец свой мир, тот, хотя и иллюзорный, но мир подлинных чувств, тот животворный родник, где я обретал сам себя, чтобы жить и быть сильнее в реальном мире.

ВЛАДИСЛАВ ДЕБЕРДЕЕВ

ДВЕСТИ ВТОРАЯ НОЧЬ ШЕХЕРАЗАДЫ

При раскопках развалин средневековой мечети недалеко от Самарканда археологическая экспедиция нашла плотно закупоренный сосуд. Осторожно вскрыв его, ученые обнаружили небольшой рулон потемневшей от времени шелковой ленты шириной в ладонь. Ткань была покрыта непонятными знаками. Вскоре ученые установили происхождение и время создания рукописи: Арабский Восток, XIII век нашей эры.

Сам текст представляет собой неизвестный фрагмент «Повести о шахе Шахрамане, сыне его Камар-аз-Замане и царевне Будур», которую прекрасная Шехеразада со 170-й по 249-ю ночь рассказывает своему мужу царю.

Как известно, во всех найденных до сих пор рукописях и переводах знаменитых арабских сказок двести второй ночи нет. В публикациях к этому месту обычно дается примечание: «В оригинале за ночью 201-й непосредственно следует 203-я — характерная ошибка писца».

Однако никакой ошибки здесь нет, и лучшее свидетельство тому — настоящий отрывок, перевод и публикация которого осуществлены впервые.

* * *

«Когда же настала двести вторая ночь, Шехеразада сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар-аз-Заман не обратил внимания на предостережения жителей города и продолжал кричать: «Я мудрец, я звездочет — есть ли охотники?!»

И когда Камар-аз-Заман кричал, а люди его останавливали, визирь царя аль-Гайюра услышал его голос и сказал слуге:

«Спустись, приведи к нам этого мудреца». Слуга поспешно спустился и, взяв Камар-аз-Замана из толпы людей, привел его к визирю.

Визирь посмотрел на Камар-аз-Замана, усадил его рядом с собой и, обратившись к нему, сказал: «Ради аллаха, о дитя мое, если ты не мудрец, то не подвергай себя опасности и не приходи к дворцу, приняв условия царя аль-Гайюра, ибо он обязался всякому, кто войдет к его дочери Ситт Будур и не исцелит ее от недуга, отрубить голову». — «Пусть так и будет! — ответил Камар-аз-Заман. — Я согласен и знал об этом раньше, чем пришел сюда. У меня есть верное средство вылечить царевну Будур».

И тогда визирь спросил его: «Какое это средство и как оно попало к тебе?» — «Средство это волшебное, а как оно попало ко мне — это удивительная история». — «А какова твоя история? Расскажи ее нам с начала до конца!» — сказал визирь. «Слушаю и повинуюсь, — ответил Камар-аз-Заман и произнес такие слова: — Прошлой ночью я достал золотую дощечку для гадания и набор принадлежностей, чтобы узнать свое будущее и записать его. Как всякий звездочет, я обратил взор свой к небу, чтобы предсказание было верное. И увидел, как одна из звезд покинула небеса и спустилась на землю. Я возрадовался великой радостью, ибо понял, что это аллах дает мне добрый знак и что мне будет сопутствовать удача во всех моих делах.

Тогда я поднялся с земли и пошел через пустыню. Ночь уже подходила к концу, краснотелая луна стала совсем бледной. В это время я увидел впереди какое-то сооружение, тонкое, как алиф. Когда я подошел ближе, оказалось, что оно золотистосиреневого цвета и очень похоже на минарет. Рядом с ним стояли незнакомые люди — двое русских мужчин и женщина, прекрасная, как перы. Они были в блестящих одеждах, которые переливались всеми цветами радуги.

Я сразу подумал, — продолжал свой рассказ Камар-аз-Заман, — что мужчины — чужеземцы из северных стран. Тем более что один из них, высокий, заговорил со мной на каком-то непонятном языке. «Не понимаю тебя», — сказал я, и тогда высокий спросил снова: «Кто ты такой?» — «Я сын царя Шахрамана. Меня зовут Камар-аз-Заман, что значит Луна времени». — «Луна и время?! — воскликнул другой незнакомец. — Поистине, нам послало тебя само небо». — «А кто послал сюда вас? — спросил я. — Кто вы такие? Откуда прибыли в наши края?» — «Мы люди, — ответил высокий незнакомец. — А прилетели с неба».

И тут я заметил, что он продолжал говорить не по-нашему, но теперь я понимал его очень хорошо, словно кто-то у меня в голове повторял его слова. И тогда я догадался, что это джинны и что они хотят обмануть меня, называя себя людьми.

Только успел я так подумать, как низкий джинн сказал:

«Нет, мы не собираемся тебя обманывать. Мы и правда люди». Из его дальнейшего объяснения я понял, что они из далекой-далекой будущей жизни, ставшей родником душевной щедрости, благоухающим садом радости и счастья, царством обильных благ, описывать которые устанет язык. А высокий джинн добавил: «Между жизнью внуков твоих внуков и жизнью дедов наших дедов на земле было еще десять поколений. Вот в какое время мы живем».

И тогда я стал спорить с ними и возразил такими словами: «Вы назвались людьми, но разве могут люди жить тысячи лет? Или летать по небу? Читать чужие мысли, как суры в Коране?» — «Тебе, конечно, невозможно это представить, — вступила в разговор джинния. — Еще труднее понять. Но мы постараемся объяснить тебе все как можно проще. Пойдем к нашему кораблю». — «А далеко до него идти?» — спросил я джиннов. «Да вот он, перед тобой», — ответили они и показали на минарет-сооружение.

«Какой же это корабль? — воскликнул я. — Где его мачты и паруса? Где матросы?» — «Его матросы, то есть команда корабля, — это мы трое. Есть у него и паруса, и даже есть в нем ветер, который их надувает; только все это невидимо для человеческого глаза». — «Значит, он заколдован, ваш корабль? Он волшебный?» — «Нет, он не заколдованный и не волшебный. Но это действительно чудесный, могучий корабль». Я побоялся спорить дальше и замкнул свои уста на замок молчания.

Высокий джинн и джинния повели меня к своему кораблю-минарету. Там стояли сиденья — голубые, как родниковая вода в оазисе. Мы опустились на них. Сидеть было удобно и приятно: жары совсем не чувствовалось, вокруг нас веяло прохладой. А второй джинн в это время вошел в круглую дверь сооружения, и вскоре пески пустыни пропали из глаз. Мне хотелось убежать от страха, но я не подал вида.

И тут джинн начал свое повествование, говоря со мной: «Как ты думаешь, Камар-аз-Заман, если бы ты жил еще долго-долго, много веков, стал бы ты умнее?» — «Да, наверное. Я стал бы умнее, чем все мудрецы Дивана». — «Так вот, представь себе, что люди Земли, человечество жило после твоего времени еще десять столетий. Люди много узнали, стали мудрыми, многому научились. Научились строить такие вот корабли и летать на них среди звезд очень быстро».

Я не смог утерпеть, перебил его речь и спросил: «Быстрее стрелы?» — «Быстрее». — «Быстрее ветра?» — «Быстрее, — отвечал он. — Быстрее всего, что ты можешь только представить».

Высокий джинн поведал далее о том, что матросы небесных кораблей пролетали каждую минуту расстояние в тысячи месяцев пути и летели таким образом среди созвездий, точно блистающая молния, десять или больше лет. А вернувшись на Землю, не заставляли в живых никого из своих родных, друзей

и знакомых. Потому что на Земле за это время проходили века и даже тысячелетия (такое было свойство колдовства). И это сильно печалило небесных путников. И тогда люди знания нашли выход из такого печального положения.

Давно уже было известно, что, кроме царства нашего мира, где в своих домах живут Солнце, Луна и звезды, есть царство другого мира. Оно во всем похоже на наше, но там все происходит наоборот».

Тут Камар-аз-Заман прервал свою историю и, обратясь к визирю, сказал: «Прости меня, о средоточие мудрости и благочестия, за то, что я, может быть, не совсем точно пересказываю слова джинна. Но это потому, что смысл их часто был для меня туманным. И все-таки я стараюсь передать тебе рассказ джинна возможно точнее, а аллах лучше знает истину». — «Не смущайся, о славный!» — ответил визирь Камар-аз-Заману и стал ободрять его словами, говоря: «Знай, всегда прощается тому, кто взывает о прощении».

И тогда Камар-аз-Заман продолжил свое повествование: «Джинн рассказал, что мудрецы из мудрецов Земли открыли секрет, как переходить из нашего мира в тот, другой, а потом из него опять возвращаться в царство своего мира. Они научились переходить туда и обратно прямо на небесных кораблях. И это стало великим благом. Теперь их матросы, которые отправлялись в полет по небу, в конце своего путешествия, осуществив задуманное, переходили вместе с кораблем из нашего мира в тот, другой. Там они снова летали среди звезд примерно столько же времени, сколько длилась первая половина их путешествия. И когда истекал нужный срок, команды вместе с кораблями переходили из того царства обратно в наше и оказывались на Земле чуть позже того времени, когда отправились в путь.

Но сначала они не знали о злом ифрите, который сторожил границу времен, текущих навстречу друг другу, как два слоя воды в горле Боспора. Этот ифрит постоянно строил козни против матросов возвращающихся кораблей. Вот почему их матросы попадали во времена и повелителя правоверных Харуна-ар-Рашида, и вообще до появления сынов Адама. А один корабль даже погиб при таком переходе.

В этом месте рассказа, — продолжал Камар-аз-Заман, — джинния наклонила голову и тихо молвила: «Там был мой отец». И на глазах ее показались слезы.

Катастрофа корабля, по словам джинна, обернулась новой бедой. А была она такого свойства. Если бросить камень в воду, он пойдет ко дну, а над местом его падения, точно маленький фонтан, возникнет всплеск воды. Получилось так, что погибший корабль оказался камнем судьбы, который своим падением пробил границу двух царств. А «фонтаном» стала часть нашего мира. Эта часть медленно и незаметно проникала в то,

иное царство, и теперь вот-вот должна соприкоснуться со второй Землей, которая тут же превратится в пар, как капля воды на листе жаровни. То человечество еще не умеет защищаться, как не может слабый ребенок бороться с барсом. Спасти младших братьев, живущих в другом царстве, поручили стоящим передо мной.

Джинн поведал мне, что шейхи мудрецов придумали хитрые устройства, чтобы удержать прорвавшуюся часть и вернуть ее обратно, и что эти машины установлены на Луне. Услышав такие слова, я тут же посмотрел на нее: Луна, султан ночи, была, как всегда, прекрасна, но ни на ней, ни под ней я ничего не увидел.

Заметив мои взгляды, джинн сказал: «Ты напрасно смотришь на Луну, Камар-аз-Заман. Хотя устройства очень большие, отсюда они невидимы». — «Они тоже заколдованные?» — спросил я. «Нет, они не заколдованные, но это действительно чудесные машины... Чтобы пустить их в ход, мы должны подать специальный сигнал. Для этого нам нужно срочно попасть на Луну».

И тогда в разговор вступил маленький джинн. Он рассказал, что в эту ночь у них случилось несчастье. Когда они уже спускались на Луну, в их корабль попал небесный камень. Он повредил какую-то очень важную часть. Из-за этого корабль изменил полет, чуть не врезался в скалы и лишь чудом избежал гибели. А потом матросы команды сумели сесть, да только не на Луну, а на Землю. Поломку за ночь в основном исправили. И все же взлететь самим, без помощи со стороны, им теперь не удастся. Надо, чтобы кто-то дал приказ о вылете с удаленного от корабля места. Никто из матросов сделать этого не может, так как быть на Луне им нужно всем троим.

«Вот почему мы и просим тебя помочь, — сказал низкий джинн. — Это будет нетрудно. Ты должен лишь мысленно представить цифры от десяти до нуля и потом подумать: «Взлет!» С того момента и начнется спасательное дело». — «Я помогу вам, если на то будет воля аллаха, — отвечал я. — Но и вы должны помочь мне в моем деле». — «А какое это дело? — спросили джинны. — Куда ты идешь и зачем?»

И я поведал им о своей встрече с царевной Ситт Будур, о возникшей между нами сильной любви и страсти, о случившейся затем разлуке, из-за которой моей возлюбленной овладело безумие. «И теперь, — сказал я джиннам, — мой путь лежит к Ситт Будур, чтобы постараться вылечить ее от недуга и соединить свою судьбу с ее. А если я не сумею исцелить царевну, ее отец, царь аль-Гайюр, отрубит мне голову».

Джинны очень заинтересовались моей историей. Особенно близко к сердцу приняла печальный рассказ джинния, которая воскликнула: «Мы должны помочь влюбленным». Она вошла в корабль-минарет и вынесла оттуда шкатулку, белую, как боро-

да столетнего муфтия. Джинния открыла крышку, что-то там покрутила и сказала мне: «Думай о своей возлюбленной Будур». И тогда я произнес такие созвучия:

Пришла пора слияния душ.

Цены блаженства мы не знали.

Пока над нашей головой внезапно
не стряслась беда.

Вернись, убей меня — ведь умереть любя
Приятнее, чем жить на свете без тебя.

«Да он сам сумасшедший! — воскликнула джинния и сказала мне: — Ты должен не читать стихи, а своими словами передать облик больной Будур. И мысли эти пусть будут сугубо земными. Мне нужны не образы, а точные знания о ее недуге». И тогда я стал думать, как она повелела. Джинния долго смотрела в шкатулку и потом сказала: «Да, Ситт Будур тяжело больна. Но мы поможем тебе излечить ее. Дай мне какую-нибудь вещь из металла». Я подал ей свой кинжал в красных сафьяновых ножнах, украшенных драгоценными камнями. Джинния вынула кинжал из ножен, положила его в шкатулку и произнесла такие слова: «Когда ты придешь к Ситт Будур, прикоснись кинжалом ко лбу девушки — и она излечится от своего безумия». С этими словами джинния вернула мне кинжал.

Тем временем джинны вынесли из корабля высокий, в рост человека, красный, как кровь дракона, сундук. Они подробно объяснили мне, как с ним обращаться. Все там было необычным, ни на что не похожим. Но я очень хорошо запомнил, что надо делать. Как будто в мою голову вкладывали сразу знания тысячи толкователей Корана. «И когда ты все это сделаешь и после цифр мысленно произнесешь: «Взлет!», — молвил высокий джинн, — сразу отойди на пять шагов и закрой глаза».

Второй джинн принес из корабля какой-то круглый сверток. Когда его развернули, это оказался ковер-самолет Сулеймана. Я сразу узнал его, хотя раньше никогда не видел. Джинны поставили на него сундук и приказали мне: «Садись на ковер да держись крепче. Сейчас ты полетишь быстрее ветра». Разве мог я спорить с повелением могущественных джиннов? Поэтому я сразу сел на ковер и крепко ухватился за петли, которые торчали из него. Он немного приподнялся над землей и медленно двинулся вперед. Позади осталось около десяти локтей, и в этот момент джинны с их кораблем-минаретом исчезли, пропали из виду, словно чудесная, невидимая стена встала между ними и мною.

Ковер Сулеймана рванулся вперед, как чистокровный скакун. Мне стало страшно. Я закрыл глаза и начал взывать к аллаху. Но не успел еще закончить оба исповедания, как ковер остановился и тихо опустился на песок. Я поднялся на ноги и сделал все так, как повелели джинны. Потом отошел на пять

шагов. И тогда я решил перехитрить джиннов и не стал закрывать глаза. Вдруг там, где были ковер с сундуком, что-то сильно вспыхнуло, ярче, чем ударившая рядом молния. Я упал на землю, покрытый беспмятством. А когда очнулся, увидел, что нахожусь около города царя аль-Гайюра. Я вознес аллаху благодарственную молитву за спасение от сатаны, битого камнями (ведь джинны сами говорили, что в них попал камень). А потом вошел в город и стал кричать: «Я мудрец, я звездочет!» Вот какова моя история», — закончил повествование Камар-аз-Заман.

И тогда визирь воскликнул: «Клянусь аллахом, ничего более удивительного я не слышал! А теперь надо испытать твое волшебное средство». Он позвал евнуха, передал ему Камар-аз-Замана и сказал: «Отведи его к Ситт Будур». Слуга взял Камар-аз-Замана за руку и пошел с ним по проходу дворца. Потом слуга поставил его перед занавеской, висевшей на двери, и Камар-аз-Заман произнес такие стихи:

К любимой приходя, погибнешь
ты — ну что же?
Тогда лишь на любовь твоя
любовь похожа.

И тут Камар-аз-Заман достал из ножен кинжал и отдал евнуху, говоря ему: «Возьми этот кинжал и коснись им лба твоей госпожи царевны Будур». И тот вошел за занавеску и исполнил приказание. Как только случилось то, чему предназначено было случиться, Ситт Будур исцелилась от безумия, узнала и своих служанок, и евнуха, и все обрадовались великой радостью.

И тогда Камар-аз-Заман воскликнул: «О, Ситт Будур! Завтра я приду к твоему отцу и скажу ему, что могу исцелить тебя. И когда я снова окажусь у этой занавески, то подам тебе знак, что я здесь. И тогда ты выйдешь ко мне, и царь аль-Гайюр узнает о твоём исцелении и соединит нас. Есть ли твое согласие на это?» Ситт Будур, слыша такие слова своего возлюбленного, ответила согласием страсти и промолвила:

Не странно ли — я пред тобой,
и вновь душа моя жива,
Ты говоришь, и я могу сказать
какие-то слова.

И когда слуга увидел, что она в таком состоянии, он выбежал и, придя к визирю, поцеловал перед ним землю и сказал: «Знай, о мой владыка, что этот мудрец — шейх мудрецов и ученее их всех. Он вылечил дочку царя, стоя за занавеской и не входя к Ситт Будур».

И визирь изумился, обнял Камар-аз-Замана, вернувшегося к нему, и воскликнул: «Поистине, эту удивительную историю, которая приводит в смущение умы, надлежит записать особо... А теперь отдохни некоторое время, поешь кушаний и выпей на-

питков, чтобы твой дух вернулся к тебе и возвратились твои силы после спасения от того, что тебя постигло. А завтра иди к дворцу царя аль-Гайюра и постарайся выполнить задуманное».

И тогда Камар-аз-Заман, ум которого улетел от счастья и избытка радости, выразил безусловное повиновение, говоря: «Твой приказ на голове и на глазах!» Он послушался визирия.

На другой день принялся кричать во весь голос под дворцом: «Я звездочет, я счетчик, я мудрец... Где же охотники?..»

И тут Шехеразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДМИТРИЙ ИВАНОВ

ВЕСЫ

Только я пришел домой из университета, как зазвонил телефон. Из трубки вырвался взволнованный Петькин голос:

— Миша, это ты? Как здорово, что ты дома! Слушай, срочно приезжай ко мне! Прямо сейчас.

Странно. Что бы такое могло случиться?

Через пять минут я уже трясся в автобусе, глядя, как за окном в противоположную сторону мчится по мокрому асфальту весна. Это, наверное, из-за нее Петька опять сходит с ума. Да и вообще она в этом году какая-то беспокойная. Может, все восемнадцатые в жизни весны такие?

Я задумался. Интересные вещи происходили с нами нынче в марте. Во-первых, сам он пришел неожиданно. Небо вдруг раздулось во все стороны. По тротуарам побежала талая вода, теплый ветерок взбудоражил голову. Петьку от него то лихорадило, то тянуло в сонную апатию.

Я тоже был не лучше. Мне стали приходиться чудные мысли. Шагая по коридорам университета, я смотрел на студентов, преподавателей и думал: «Как люди одинаковы! Точно затылки в кинозале. Но, с другой стороны, ни один не похож на соседа. А ведь все ссоры — от укола в разговоре до мировой войны, — если смотреть в корень, из-за того, что человеческие характеры не сходятся между собой. Как бы так всех расселить, чтобы каждый оказался в окружении единомышленников. Ведь это было бы здорово, если бы люди всего мира стали находить друг друга».

Я был почти уверен, что где-то, может, в Сингапуре, а может, в соседнем дворе живет девушка, созданная именно для меня. Или я для нее. Иногда во сне я даже видел ее глаза: большие и ласковые. Просыпался, и они исчезали.

Вообще этой весной я увлекся теорией о том, что все люди рождаются половинками. И половинками в большинстве умирают. Находят друг друга двое из тысячи. Но самое ужасное —

почти никто об этом не думает и даже не знает, почему он несчастен. А как найти часть самого себя, когда на Земле больше четырех миллиардов населения? Проблема. Нам с Петькой стукнуло уже по восемнадцать. Ни он, ни я еще ни разу в жизни не гуляли с девчонкой. Мы были неуклюжи и стеснительны. И это в наше-то время!

Но вот весной все половинки закопошились и поползли искать друг друга. Поползли и мы с Петькой... Робко, как молодые щенята. Обычным нашим приемом было сесть в скверике рядом с какими-нибудь студентками на оттаявшую лавочку и завести между собой рассчитанно громкий разговор с потугами на остроумие. Обычно через пять минут студентки презрительно уходили. Преследовать их мы уже не решались и с горя шли в кино. На этом приключение кончалось.

Вот такая была нынче весна.

Я позвонил у стандартной квартирной двери девятиэтажного дома. Глухо затопали тяжелые шаги, и она распахнулась. С первого взгляда я понял — Петька горел какой-то новой идеей. Нетерпением дышала вся его медвежья фигура, спутанные волосы и даже отстегнувшаяся на рубашке пуговица.

— Заходи, заходи! — закричал он, втаскивая меня в прихожую. — Раздевайся.

В голосе у него звучала радостная растерянность.

Мы прошли в его комнату. Даже обычный беспорядок был сегодня необычным. В разных положениях из стеллажа торчали учебники психологии, общей анатомии (Петька учился в медицинском институте), англо-русский словарь, какие-то медицинские журналы. Письменный стол был завален тетрадами и справочниками с подвернутыми страницами. В углу, покрытые пылью, печально стояли две шестнадцатикилограммовые гири. Последние недели, очевидно, Петька игнорировал большой спорт. Наверное, опять учил по двадцать часов в сутки.

— Ну, что там у тебя за сверхсногшибательная новость? — небрежно спросил я, садясь на диван подальше от разложенных по нему учебных человеческих костей, которые Петька брал «напрокат» из анатомки.

— Сейчас, сейчас! — Петька со странной улыбкой посмотрел на меня, сел напротив верхом на стул и с торжеством произнес:

— Теперь слушай, Михалыч, и держи челюсть. Может, с первого разу и не поверишь... Ну, в общем, так...

В силу своей врожденной, видите ли, тяги к знаниям он уже на первом курсе не удовлетворялся вузовской программой и наведывался в соседний научно-исследовательский институт психологического профиля (жаль только, что не в качестве пациента). Одна лаборатория в этом институте занималась про-

блемой психологической совместимости в браке. И вот один из новых Петиных друзей, некий молодой научный сотрудник Коля, додумался — ни много ни мало — до гениального изобретения, как он его шутливо назвал — «весов любви». Эти чудесные «весы» могут отыскать среди миллионов людей двух наиболее подходящих друг другу.

Петька объяснил мне принцип этого изобретения. Каждый человек имеет свой внутренний профиль, профиль характера. Двух людей с одинаковыми профилями не существует. Кроме того, каждый человек окружен особым биологическим полем, отвечающим его характеру. Поле это невидимое, вроде электромагнитного. Оно действует на один минерал (Петька произнес его длинное название по-латыни, которое я даже не пытался запомнить) и изменяет его цвет.

Дальше шло самое головокружительное. Обычно у своего друга человек хочет видеть достоинства, которых нет у него самого. Поэтому если двое находят один другого, то профили их характеров складываются, как скорлупки грецкого ореха — недостатки одного попадают в достоинства другого и наоборот. Биологические поля накладываются и влияют на минерал. Камень приходит в напряженное состояние, меняет окраску. По ее изменению и судят о том, подходят или не подходят друг другу люди. Если встретились две «родственные» половинки, то их поля дают одинаковую окраску минералу. Вот и все.

Я скептически посмотрел на Петьку, собираясь вывести его на чистую воду. Но в лице моего друга было что-то такое, что я понял — он меня не разыгрывает. Тогда я испугался. Если бы это было напечатано в журнале «Наука и жизнь», я бы еще подумал, но когда сталкиваешься с такой штукой нос к носу... Может, он презанимался? Действительно, от такой учебы вполне можно тронуться.

А Петька тискал спинку стула и виновато улыбался, как улыбаются взрослые, когда жалеют, что сказали ребенку больше, чем нужно.

— Хочешь, я тебе покажу этот минерал? — вскочил он, энергично выдвигая ящик стола и извлекая из него нечто, завернутое в рваную газету.

— Вот, — он отпрянул к двери, подальше от меня, развернул газету и зажал в кулаке какой-то предмет. — Сейчас я положу его здесь, а сам выйду. Ты подойдешь, возьмешь и запомнишь цвет. Понял, Михалыч? Потом я возвращусь, а ты будешь следить, как он меняется. Ладно? Давай!

Он положил камень на край полки стеллажа и быстро исчез за дверью. Я сидел и как загипнотизированный смотрел на чудесный минерал. Это был полупрозрачный желтенький камень размером со спичечный коробок.

Я осторожно взял в руки солнечный кубик. Он оказался легким. Внутри можно было рассмотреть его слоистую структуру.

Светло-желтый, как яблочный сок, он издавал приветливый полусвет. А вообще камень как камень.

Я уже собирался положить его на стол, и тут в комнату влетел сам Петька.

— Ну что, разглядел? — нетерпеливо спросил он. — Теперь я стану подходить — смотри за сменой цвета! — И он начал медленно приближаться ко мне.

Я остолбенело уставился на него, машинально зажав кулак. И вдруг мне показалось, что минерал начал нагреваться. Я раскрыл ладонь и вскрикнул. У меня на руке переливалась малиновая стекляшка с пробегавшими в глубине голубыми искрами.

— Что? Ну-ка покажи! — схватил камешек Петька. — А-а-а, ну вот. Нагрелся. Мы с тобой сошлись, Михалыч!

Я ничего уже не соображал.

— Да что я тебе, врать, что ли, буду, Михалыч? Ты чего такой упрямый? Видишь же — мы с тобой родственные души!

— Что, говоришь, целая научная лаборатория работает? — подавленно спросил я, падая обратно на диван.

— Да, только для лаборатории это пока еще гипотеза, — сразу успокоился Петька. — А как все это проверить на практике — додумался один Коля. Он хочет в секрете сделать такой прибор и потом приподнести всем сюрприз. Понял? Нет, это не из-за тщеславия, просто такой он человек — до сих пор в игрушки играть любит. А одному ему справиться, конечно, трудно — он попросил меня помочь, потому что я в этом деле немного разбираюсь. Не веришь — я тебе сейчас покажу копию дневника экспериментов.

Но мне было уже достаточно. Петька не врет. Было ощущение, будто меня окунули сначала в кипяток, а потом в прохладу. Я просто обалдел.

— Постой, Петруччо, а почему раньше-то не видели, что этот минерал краснеет? — спросил я, рассматривая чудесный камешек.

Петька объяснил, что камень начал краснеть только после того, как Коля догадался пропустить по нему мощный ток. Очевидно, расшатались частицы кристаллической решетки и при попадании в биологическое поле стали менять свое положение. У минералов тоже есть поля, похожие на человеческие.

Я задавал еще много вопросов, и Петька еще долго отвечал, пока наконец все не было выяснено. Напоследок Петька сказал, что «весы» будут готовы примерно через месяц-два.

Наступили теплые дни, весна хлынула тысячами ручьев. Наш город превратился в некое подобие Венеции. Подпольное производство «весов любви» было в самом разгаре. Петька по телефону информировал меня о ходе работ. Все было прекрасно. На-

строение у меня тоже было отменное. Вера Смыслова, студентка из нашей группы, однажды сказала, что я стал «каким-то новым».

Петька с Колей предвкушали будущее впечатление от своего открытия. Им таки удавалось делать все в тайне от лаборатории, работая по вечерам, когда никого уже не было. Петька так увлекся, что получил четверку по какому-то коллоквиуму — случай беспрецедентный в его практике.

Ну если Петька дошел до такой жизни, то что говорить обо мне? Я мечтал на лекциях. Из безупречного отличника я стал превращаться в нормального студента, который, как известно, никогда не готовится к занятиям больше чем наполовину. Хорошо еще, что Вера иногда подсказывала мне на практических да снабжала своими конспектами. А так бы из-за этих «весов» совсем пропал.

Однажды после занятий я бежал на троллейбус, мне нужно было съездить к Петьке. Вдруг откуда ни возьмись передо мной выросла Вера.

— Миша, стой! Слушай, тут билет в кино продается — я купила на Ирку, а она не может сегодня. Ты не хочешь сходить? — улыбаясь, спросила она.

К остановке подошел троллейбус, я чертовски торопился.

— Нет, Вера, извини, мне сейчас некогда, — выдохнул я и вскочил в сложившиеся стальными складками двери, тут же забыв о своей одногруппнице. Я не предполагал, что в этот день снова встречу ее.

Тайна! Я всегда любил таинственное. А теперь секреты летали вокруг меня, как летучие мыши, по лицу пробегал ветерок от взмахов их серых крыльев. Я ехал в троллейбусе по солнечному городу, я знал тайну, которая, может, облетит весь мир. Это было до того приятно — аж мурашки бегали по коже. Я почувствовал что-то огромное и радостное. Мне хотелось, чтобы время замерло и навсегда остались и эта весна, и ожидание счастья впереди. Я так ждал этого счастья, что даже становилось горько, как от передержанной сладости. Диалектика.

Петька сообщил мне приятное известие. Через три, самое большее четыре недели «весы любви» будут готовы. До новой жизни осталось меньше месяца! Мы пожали друг другу руки с чувством людей, стоящих на пороге новой эры.

Домой я опять возвращался по цветущим улицам с разноцветными домами. Недавно прошел дождик и слизал почти все сугробы, мокрый асфальт дышал теплой свежестью — первый привет где-то далеко надвигавшегося лета. И вот представьте: проходя мимо кинотеатра «Май», я наткнулся на знакомую фигуру, уныло помахивающую синим билетиком перед входящей в двери толпой. Вера тоже увидела меня, и мне показалось, что в лице у нее что-то дрогнуло, будто зажгли огонек.

— Вера, ты что, билет продаешь? — крикнул я, с сияющим видом подходя к ней.

— Да, вот стою, никому не нужно, — ответила она, улыбаясь немного печально, но огонек продолжал светиться.

— Давай его мне. Пойдем вместе, — я бесцеремонно взял у нее из пальцев синенькую бумажку — на радостях я был готов на что угодно.

Вера не стала изображать ни шутливого возмущения, ни ломаного отказа для острастки, а просто улыбнулась, и мы вошли в фойе кинотеатра. Только с ней одной из группы я чувствовал себя свободно (я имею в виду девчонок). Почему — не знаю. Она редко была хмурой, никогда не спорила по пустякам и не говорила холодным тоном.

— Что это ты сегодня такой веселый? — спросила она.

— А что, заметно?

— Заметно. Ты вообще в последние дни переменялся.

— Да так. Весна. Хорошее настроение.

Мы сели на балконе, и я вдруг спросил:

— Слушай, а какой фильм-то будет?

Вера посмотрела на меня продолжительным взглядом, и мы оба рассмеялись.

— «Зорро», — ответила она.

— Ты разве его не видела?

— Видела.

Теперь я уставился на нее, и мы снова засмеялись так дружно, как будто были близкими людьми.

— Я тоже, — и наш смех брызнул в третий раз.

Погас свет, началось кино.

Время летело. Я стал серьезно задумываться о наших «весах», и уже не всегда с прежним восторгом. Слишком легко все с ними получалось. Во все века люди искали себе друга жизни сами. А тут тебе сразу предоставляет его машина — не с чем даже сравнить. Неинтересно как-то. Но только я просыпался от этих мыслей — тут же начинал ругать себя за то, что усомнился в величайшем открытии. Действительно, что плохого в том, что без помех можно найти любимого человека? Только сумасшедший может признать это вредным.

Еще я стал делать много странных вещей. Ни с того ни с сего вдруг обнаружил, что у меня негодные конспекты и по ним невозможно готовиться к семинарам. Стал готовиться по Вериным — она писала подробно и разборчиво. Плюс ко всему меня поразила страшная забывчивость — все домашние задания вылетели из головы, и я постоянно звонил Вере, спрашивая то одно, то другое. Кроме того, я с удивлением открыл, что нам с ней по пути ездить домой — теперь после занятий мы садились в один троллейбус. Мы почему-то чаще стали встречаться в на-

учной библиотеке. Если я опаздывал, то просил Веру взять на меня нужные книги и занять свободный столик. И что самое удивительное — она при этом не выказывала никакого недовольства, хотя я уже должен был надоесть ей хуже горькой редьки. И всякий раз, когда мы были рядом, я ощущал удивительное чувство синхронности наших мыслей. Даже когда читали за одним столом разные книги.

Бурное таяние кончилось. Из рыхлой земли уже лезли зеленые иголочки первой травы, лопухи выставляли у заборов изумрудные ушки. Почки на деревьях вот-вот должны были лопнуть, и от их томления воздух майских полдней набухал напряженной тишиной.

Однажды мы с Верой сжали с занятий. Троллейбус мягко потряхивал, в полуоткрытую форточку влетал ветерок. Я рассказывал какую-то смешную историю, Вера с улыбкой слушала меня. На своей остановке она сошла, а я сквозь заднее стекло смотрел на ее удаляющуюся фигурку. Ни с того ни с сего я вдруг вспомнил в тот момент о «весах любви», и острая, как холодная игла, тревога прошла меня. На миг мне показалось, что вот так, отмеченная желтым камнем, Вера уйдет навсегда, и я никогда больше не увижу ее.

Дверцы закрылись, я до боли стиснул поручень. Неужели будет еще кто-то? Неужели... Вера не тот самый человек?

Я закрыл глаза и постепенно успокоился. Но что-то было уже не так. Улетели какие-то привычные мысли. И тут я понял: моя мечта погасла. Вместо нее высилась скала мертвого льда. Первый раз я испугался того, чего мы ждали целую весну.

Пролетело несколько тревожных дней. Я с содроганием ждал Петькиного звонка, но он, к счастью, молчал. Я уже стал надеяться, что у них вышла какая-нибудь авария, как вдруг мой Эдисон нагрязнул точно снег на голову.

— А, здорово, заходи! Где пропадал? — с натянутым воодушевлением приветствовал я его.

— Собирайся, пойдем погуляем — расскажу.

Через пять минут мы шагали по зыблущейся тенью аллеяке. Петька долго мялся, болтал о постороннем, наступал на ноги, вертел мои пуговицы, размахивал руками. Наконец он остановился и чуть понизившимся голосом проговорил:

— Ну, слушай. Только никому, ладно?

— Нет, завтра же всем расскажу.

Он не особенно весело хохотнул, смутился и, отвернувшись в сторону, сказал:

— Знаешь, у меня уже вроде бы... девчонка появилась.

Я остановился как вкопанный и медленно повернулся к нему.

— Ты что... уже сделал «весы»?!

— В том-то и дело, что еще нет, — с легкой досадой ответил он.

— Ах вот как! — Мне показалось, что изнутри у меня вывалился какой-то серый камешек, и от этого стало легче.

— И что теперь будем делать с «весами»?

— Весы будем строить! — твердо ответил Петька.

Однако он признался, что вот уже с неделю к нему «липнет одна с параллельного потока», а два дня назад даже вытащила его в кино.

— Она липнет. А ты-то сам?

Петька страшно смутился, его толстые щеки густо покраснели.

— Ну и я тоже... не возражал..

— Слушай, Петруччо, а для чего теперь «весы»-то делать? — осторожно спросил я и затаил дыхание.

— Как для чего? Для того же, для чего и раньше. Это же все только игра.

— «Весы» игра?

— Нет, ну... встречи наши... А сделаем «весы» — проверю.

Лицо Петьки было ужасно серьезно.

Стоял пасмурный день с лужами на блестящем асфальте. Поминутно брызгал дождик. Мокрая зелень сеяла холодные капли. В уличной толчее висел аромат черемухи. В общем, самый обыкновенный день, если не считать, что в этот день должно было состояться испытание нового гениального изобретения. «Весы любви» были готовы. Вчера в одиннадцать часов вечера Петька позвонил мне по телефону, разбудил всю нашу дружную семью и сообщил, что сию минуту они вместе с Колей закончили «весы любви» и на завтра назначили испытания.

И вот мы подошли к старинному зданию с мокрым крыльцом, в которое тяжело вонзились четыре толстые колонны. Это и был Петькин (я так теперь его называл) институт. Петька показал пропуск и исчез в таинственных коридорах. Я принялся ждать, нервно барабанил пальцами по подлокотникам кресла в вестибюле.

Петька появился минут через пять, но почему-то один.

— А где Коля? — спросил я.

— Вот какая история, — бухнулся он в соседнее кресло. — Заболел Коля. Звонила его жена, сказала, что простыл и сегодня прийти не сможет. Прочно он слег, если не явился в такой день.

— Почему же он сам не позвонил?

— Нет у них телефона. Жена бегала на улицу в автомат, сам он, наверное, не может.

— А «весы»?

— Хм, «весы» со мной, — ухмыльнулся Петька и похлопал себя по карману. — Вот они!

— Ну-ка, покажи!

Петька вытащил плоскую пластмассовую коробочку голубо-

го цвета размером примерно с две папиросные пачки. Половину ее занимала шкала со стрелкой под стеклом. Шкала, как и говорил Петька, была проградуирована в процентах.

— Сто процентов — это когда на кристалл накладываются поля родственных половинок, — пояснил он.

Я нетвердой рукой взял «весы». Стрелка прыгала в районе деления «девятью два», потом, немного подумав, перескочила на «девятью четыре», а потом сразу на «восемьдесят девять».

— Чего это она... скачет? — охрипшим голосом спросил я.

— Биологическое поле — не магнитное. Оно всегда в движении. У тебя же не бывает постоянного настроения.

— Да-а-а, — протянул я.

Вот они, «весы любви»! Лежат у меня на ладони.

— Слушай, — Петька постукивал кулаком по колену, — мы, конечно, сегодня же отнесем их Коле домой, а то нехорошо получится. Но сначала... я хочу проверить их... на моей девчонке!

— А если ответ будет отрицательный, что тогда? — Я впился в него глазами.

— Тогда... не знаю... — Петька, в свою очередь, беспомощно посмотрел на меня, как бы ища поддержки. Но я сам опасался этих «весов».

Глубоко вздохнув, я набрался решимости и сказал:

— Мне тоже надо кое-кого проверить.

На несколько мгновений Петька остался с открытым ртом.

— тоже нашел девчонку?! — удивился он.

— Да, кажется, но не уверен...

Он растерянно улыбался. Потом мы долго сидели в заставленном цветами вестибюле и приводили в порядок растерянные чувства. Наконец решили по очереди вызвать Иру и Веру в скверик неподалеку, как для прогулки, и незаметно испытать их.

Кинули монету — кому первому вызвать. Выпало мне. Я позвонил из автомата прямо в вестибюле. Вера взяла трубку сразу. Немного охрипшим голосом я пригласил ее погулять в сквер на площади Дзержинского. Она, как всегда, приветливо согласилась и сказала, что через полчаса будет. «Весы любви» — перекочевала в мой карман. Мы с Петькой вышли на улицу.

Дождик прекратился. В небрежные разрывы облаков глядело голубое небо со свежим солнцем. Тени то набегали, то уходили. В промытом воздухе все было четким, как на дне родника.

В скверике свесила вниз мокрые головки черемуха. С них падали прозрачные капли. Я нечаянно задел блестящую ветку и не почувствовал плеснувшего за воротник душистого холода — мне было жарко. Сел на подсохшую скамейку. Петька расположился напротив по другую сторону засеянного цветами газона. Он заложил ногу за ногу и развернул невесть откуда

взявшуюся газету, в середине которой проковырял большую дырку. Я сидел и потной ладонью полировал в кармане пластмассовый корпус «весов любви».

В конце аллейки показалась Вера. Я встал и махнул ей рукой. С милой улыбкой она подошла.

Сели. Я начал какой-то глупый разговор о приближающейся сессии, все время путался и недоканчивал фраз. Наконец совсем завяз на середине длинного предложения и замолк. Лицо стало наливаться противной теплотой. Тогда я украдкой судорожным жестом до половины вытянул из кармана «весы» и поглядел на шкалу. Вопль радости чуть было не вырвался у меня. Стрелка неподвижно лежала на делении 100%! Я с шумом вдохнул в себя воздух и засмеялся, как пьяный. Вера с удивленной улыбкой глядела на меня.

— Ты что, Миша?

— Вера, ты представляешь! Ты знаешь?! — громко, прерывающимся голосом проговорил я. — У меня в кармане лежит гениальное изобретение. — И я, забыв всякую осторожность, начал рассказывать ей о «весах любви».

Она слушала с интересом, изредка бросая на меня веселодивленные взгляды. Наверное, она принимала это за шутку. Я несколько раз восклицал, что все чистая правда, но она только смеялась и ласково смотрела мне в лицо большими карими глазами. Наконец я дошел до самого главного.

— Вера! Сейчас «весы» у меня в кармане. Ты понимаешь? Они показывают сто процентов!

С этими словами я вытащил «весы любви» и... замер. Стрелка свободно болталась где-то между пятидесятым и сороковым делениями.

Подняв глаза, я увидел неузнаваемо переменившееся лицо Веры. Она даже не посмотрела на мою руку. Улыбка ее исчезла. Глаза наливались холодом. Губы затвердели. Несколько мгновений она сидела молча, потом так же молча встала и пошла прочь. Секунду у меня было ощущение, будто сзади ударили по голове чем-то тяжелым.

— Стой, Вера, ты куда? — я вскочил на нечувствительные ноги и бросился за ней.

— Не надо, Миша, — не останавливаясь, спокойно и грустно сказала она. Сказала так, что я застыл на месте, словно перед невидимым стеклом. Неподвижно смотрел ей вслед. Весь яркий майский день вдруг стал серым, словно припорошенным пылью.

Я бессильно опустился на скамейку.

— Эй, Михалыч, что случилось? Куда она ушла? — услышал я взволнованный голос Петьки. Он косолапо бежал ко мне со скомканной газетой в руках.

С трудом выговаривая слова, словно выпихивая их изо рта в густой кисель, я выдавил:

— Вот тебе и «весы»... ушла домой...

— Домой?

— Дрянь эти «весы»!

Больше всего мне хотелось зарыться с головой во что-нибудь черное, чтобы никого не видеть и лежать так целую вечность.

Петька, тяжело дыша, схватил «весы», мельком осмотрел их.

— Что случилось?

Морщась, я все рассказал ему.

— Да, скверно...

Он неожиданно схватил меня за руку.

— Слушай, Мишка, — умоляюще заговорил он, — знаешь что, останься на полчаса, а? Я позову Ирку! Ладно, а? Я сейчас, быстро. Посиди вон там. Понимаешь? Мне нужно, чтобы ты был здесь. Сейчас, пять минут! — И он бросился к телефонной будке.

Отказать ему я не мог.

— Ладно, давай, — ответил мой голос, и я поплелся к той скамейке, на которой он маскировался газетой.

Не знаю, сколько прошло времени, когда к Петьке подошла какая-то девушка. Петька долго говорил с ней. Но вдруг произошло то, что в один миг вырвало меня из одурманивающей апатии. Петька внезапно вскочил во весь рост и с размахашибанул голубенькую коробочку об асфальт. Брызнули вверх осколки. Девушка тоже вскочила и побежала прочь. Петька неуклюже бросился за ней, загородил дорогу и стал что-то с жаром говорить. Она обошла его сбоку, но теперь уже не побежала, а быстро зашагала по аллейке. Он вновь догнал ее, схватил за руку, но она вырвалась и опять побежала. Так они и скрылись за деревьями.

Мне казалось, что я проснулся и не понимаю, где нахожусь. Подошел к обломкам. По еще не просохшему после дождя асфальту разлетелись голубенькие лепестки пластмассы, желтые крошки минерала и осколки стекла. Задумчиво смотрел я на этот печальный натюрморт. Мимо прошла незнакомая девушка, покосившись на остатки изобретения века. В желтых крошках вспыхнули и погасли голубые искры.

Я бросился из сквера. Я бежал по улицам, перелетал лужи и глотал теплый ветер. Я не видел прохожих, не видел домов и машин. Я несся к Вериному дому и боялся только одного — что не застаю ее там.

Пулей влетел на третий этаж. Дрожащим пальцем нажал звонок. Дверь открылась. На пороге стояла Вера. Увидев меня, она побледнела, но быстро овладела собой и спросила с горькой улыбкой:

— Ну что, Миша? Сколько там процентов было?

— Много процентов. Нам с тобой хватит, — тяжело дыша, проговорил я. — Я люблю тебя, Вера!

ПОСЛЕДНИЙ ГЛОТОК

В самый разгар летнего сезона неожиданно пляжи всего лазурного побережья были закрыты на профилактику.

На набережной, вглядываясь в море, толпились любопытные. Одни говорили, что ночью в море упал метеорит, другие уверяли, что проснулся подводный вулкан и кто-то видел, как огненный язык выплеснувшейся лавы лизнул ночное небо, третьи говорили о неизвестной подводной базе, подводном взрыве, четвертые несли окошечки о чем-то сверхъестественном, туманно объясняя невесть откуда взявшиеся сомнительные подробности о светящихся обломках, выброшенных ночью на берег. Но толком никто ничего не знал.

Вдоль пляжей, по песчаной полосе залива, бродили патрули и сотрудники спецслужб. У самой кромки воды стояли подводники в алых и желтых скафандрах. Вдоль и поперек залива рыскали патрульные катера, на медленной упругой волне покачивались понтоны с телеметрическими установками.

Люди вглядывались в море, словно могли что-то увидеть, что-то разглядеть в нем. А море было обычным. В его беспечной голубизне не было и тени тревоги. Волны шлифовали прибрежную гальку, вспыхивая пеной в базальтовых рифах и осыпая их фейерверком солнечных брызг.

Ян сидел на краю скалы, упершись подбородком в колени, и глядел на воду. Здесь никто никогда не купался, скалистое дно было затянато скользким коричнево-зеленым илом, со скалы было видно, как покачивались густо переплетенные упругие стебли водорослей. В этой части залива патрулей не было, и Ян надеялся, что никто не обратит на него внимания.

Он давно мечтал о море. Не раз оно снилось ему в долгих рейсах далеко от Земли на борту космического корабля, контролирующего межпланетные трассы солнечной системы.

Не раз отпуск его отменялся по чрезвычайным обстоятельствам. Свидание с морем вновь и вновь откладывалось на неопределенные сроки. И вот теперь, когда он наконец очутился на Земле, — море было закрыто.

Ян вздохнул и подумал о том, что короткий отпуск скоро кончится. Чувство досады охватило его. Но ветерок, подувший с моря, стер это чувство и наполнил все существо волнующим запахом. Ян даже почувствовал солоновато-горький привкус во рту, будто хлебнул теплой, прогретой летним солнцем морской воды.

Перед глазами кружились, покачивались и танцевали, скользили и порхали солнечные блики. На прибрежный песок у самого подножия скалы легкая волна выбросила студенистое тело медузы, которая шлепнулась рядом с большим плоским камнем

и осталась матово-молочным сгустком. Вторая волна доползла до нее, лизнула и, пузырясь, откатилась назад. Мимо, переваливаясь и прихрамывая, прополз краб, волоча подбитую клешню. Солнце заметно припекало.

Море для Яна было чудом с самого детства, когда он, еще нерешительный, пробуя босой ногой прохладную воду, сделал к нему свой первый шаг, и потом, когда море обняло его, приняло и приласкало, когда открыло свои таинственные глубины...

Такого чуда не было во всей солнечной системе. Сейчас это чудо снова лежало перед ним как память о былом, светлом и неповторимом, беззаботном начале жизни. И то неповторимое, что было бесконечно дорого, колыхалось в нем, то отчетливо проступая, как в зеркале, то истончаясь и тая в рябящей зыбкой голубизне.

Ян забылся и не заметил, как мимо него прошли двое в легких скафандрах. Один из них остановился, поглядел на Яна и что-то сказал свосму товарищу. Оба подошли к нему.

Ян повернулся к ним, словно удивленный их появлением в своем сокровенном далеком детстве. Он молча разглядывал блестящие на солнце новенькие эластичные алые скафандры.

— Здесь нельзя находиться, — сказал тот, что был повыше ростом.

— Это запрещено инструкцией, — подтвердил второй.

Ян расстегнул пуговку на груди и молча протянул пластмассовый жетон с алым солнцем, удостоверяющий его личность.

Пока изучался документ, удостоверявший права и полномочия командира патрульной космической службы, его взгляд скользил по молодым лицам, по стройным, затянутым в пластик фигурам так, словно перед ним были практиканты и предстояло решить, брать их в полет или отложить их приобщение к космосу на год.

— И все же вам лучше уйти, — сказал высокий, возвращая жетон.

Ян не мигая смотрел ему в глаза, медленно застегивая пуговицу на нагрудном кармане.

— Оставь его, — сказал второй, — это же командор с «Горгоны»...

— Ладно, — проговорил высокий, махнув рукой, — только не лезьте в воду.

Ян утвердительно кивнул головой и снисходительно улыбнулся. Фигуры в скафандрах удалились, и он снова остался один на один с морем.

Вода была спокойна. Линия горизонта была размыта, и никто не мог бы точно сказать, где кончается море и где начинается небо.

Совсем рядом, метрах в ста пятидесяти от берега, гладкую поверхность воды разорвало стремительное сверкающее тело и, описав дугу в воздухе, иглой кануло в глубину.

Ян успел разглядеть крупного дельфина. Его удивило только то, что дельфин как-то странно перевернулся в воздухе. Спустя некоторое время море снова выстрелило дельфином, который, оторвавшись от воды, конвульсивно изогнулся дугой и плашмя тяжело плюхнулся брюхом.

«Ушибся, бедняга, — подумал Ян, вглядываясь, — вот дурачок, запутается теперь в водорослях...»

Пузыри воздуха, всплывая из глубины, лопались на поверхности. Потом вода успокоилась. Дельфин больше не появлялся.

Солнце палило. Входить в воду было запрещено. Ян вздохнул, свесил ноги вниз и, спрыгнув на прибрежный песок, пошел прочь в сторону коттеджей.

Он ничего не спросил у тех двоих в скафандрах и теперь пожалел об этом. Вполне возможно, что он мог услышать только одно слово — «профилактика». Скорее всего те двое не стали бы распространяться о деталях. И все же оставалось ощущение недовольства самим собой, словно он отстранился от чего-то важного.

«В конце концов у меня отпуск», — пробовал он успокоить самого себя. Но этот довод показался ему мелким.

Происшествие застало его врасплох. Он не верил ни в пробудившийся вулкан, ни в упавший метеорит. Прошедшая ночь была спокойной, подземных толчков не было, а падение метеорита вызвало бы мощную волну, которая смыла бы не только пляжные постройки, а снесла бы на своем пути все прибрежные сооружения.

Все стояло на своем месте. Тем не менее над заливом висели вертолеты.

Отпускное настроение уже не было безоблачным. К чувству досады прибавилось смутное беспокойство неизвестностью происходящего.

Космос — другое дело. Там всегда может случиться что-то невероятное и там он привык быть готовым ко всему. Но что может случиться здесь, на Земле, опоясанной тремя кордонами космической заградительной службы?

А с побережья уже доносились резкие голоса динамиков: «Всем отдыхающим! В течение пяти минут покинуть пределы набережной...», «Командам прогулочных катеров — сойти на берег и покинуть районы причалов...», «Родителям — увести детей с игровых площадок и аттракционов...», «Служба «Берег-1», служба «Берег-1», срочно блокируйте четвертый сектор...»

Ян ускорил шаги. Его пальцы невольно скользнули по золотистой цепочке к висящему на груди под рубашкой медальону с радиоблоком постоянной контрольной аварийной связи. Под ладо-

нью пульсировал частый прерывистый писк позывных центральной службы космической обороны. Ян почувствовал, как рядом, убыстряя удары, гулко заколотилось сердце. Он нажал кнопку «Прием». Но по его личному каналу никаких сообщений и приказаний не было. Тишину прерывали длинные ровные сигналы спокойного тона.

На веранде коттеджа, увитой плющом и диким виноградом, стоял человек в темно-зеленом пятнистом комбинезоне. Подойдя поближе, Ян узнал старого школьного приятеля Сигулда Рониса.

Улыбаясь и широко разведя руки, Ян устремился к нему. Они обнялись так, что у обоих захватило дыхание.

— Как ты узнал, что я здесь? — допытывался Ян, оглядывая крепкую, рослую фигуру, форменный комбинезон капитана спецслужбы, резко очерченное, смуглое от загара, все еще молодое лицо с пронзительными синими глазами.

— Мои ребята сказали, что видели тебя на берегу. Бегу туда — а там тебя нет. Я сюда, напрямик — и здесь никого... Ну и напугал же ты меня, чего я только не передумал! Черт старый, сто лет не виделся...

Ронис наклонил голову к микрофону на портупее: «Берег-1»... «Берег-1»... Это ты, Алексис?.. Все в порядке... он здесь».

— Ну это уж слишком, — пытаюсь прогнать улыбку, хмурился Ян, — что тут со мной могло случиться? За кого ты меня принимаешь!

— Узнаю... узнаю... таким ты был всегда, — улыбнулся Ронис. — Однако ты поседел, старина...

— Было дело, — буркнул Ян, набирая цифровой код на двери. — А вот ты не меняешься, время течет мимо тебя, что ли?.. Входи, гостем будешь.

— Да я ненадолго... минут на пять-шесть... За мной должна прийти машина...

— Это целая вечность! — отмахнулся Ян. — Такая жара! У меня пересохло в горле... Не хочешь ли чего-нибудь выпить? Есть охлажденный кофе и дюжина бутылок знаменитого «Оранже» в холодильнике...

Подтолкнув к гостю кресло, Ян бросил по кубику льда в узкие высокие бокалы и откупорил бутылку. Ароматный тонизирующий сок шипел и пузырился, бокалы покрылись испариной.

— Ну, — сказал Ян, отпивая ледяной глоток и усаживаясь в кресле напротив, — выкладывай, надолго вы закрыли море?

— Похоже, что да... — ответил Ронис, опустив голову и медленно поворачивая бокал за тоненькую ножку.

— Значит, моему отпуску крышка?..

— Видимо, так, — сочувственно улыбнувшись, заключил Ронис, — какой уж тут отпуск, когда возможна эвакуация...

Ронис спохватился, что сболтнул лишнее.

— Есть предположение, что ситуация может осложниться, — поспешил добавить он.

— Да что у вас тут стряслось в конце концов? — вскипел Ян.

— Предполагается, что это выходит за рамки нашей цивилизации. А космос ты знаешь лучше меня...

— Не увливай. Что ты все топчешься вокруг да около!

— Я и не увливаю. Ты давно не был на Земле, кое-что изменилось за последние три года, неужели тебе это не известно?

— Что именно? — Ян пожал плечами. — У нас своих забот хватает. Кое-что известно, конечно, но мы там надеемся на вас...

— Без дела сидеть не приходится, — задумчиво проговорил Ронис, — есть непредвиденные неожиданности в разных точках материка. Мы проводим профилактику, стараемся затормозить процесс, а ученые ломают голову над каждым новым фокусом природы... Об этом долго рассказывать... Вы же там получаете регулярную информацию... Впрочем, мы стараемся как можно меньше вас беспокоить...

— Зря! У нас нервы крепкие. Но всегда все же лучше знать поточнее, что у тебя за спиной. — Ян откинулся на спинку кресла и вопросительно посмотрел на Рониса.

Ронис помолчал, наблюдая за Яном, почесал переносицу и выдал главное:

— Орбитальный спутник еще раз подтвердил, что космическая обсерватория приняла повторный сигнал из района залива.

— Это что, старушка Земля самостоятельно выходит на связь? — усмехнулся Ян. — Это что-то новое...

— Ты шутишь, а между тем что-то происходит вне нашего контроля.

К веранде подкатил лимузин. Ронис встал и стал прощаться.

— Может быть, не увидимся, — сказал он, — твой отпуск накрылся, а здесь тебе делать нечего, все равно придется покинуть побережье.

— Ну уж нет, — нахмурился Ян, — меня не так просто выставить, я не уйду с побережья, пока все не станет ясно, как дважды два...

— Может быть, ты сейчас больше пужен там, на «Горгоне»...

— Что ты меня все время отсюда выпроваживаешь? На «Горгоне» все в порядке. — Ян нажал кнопку на медальоне.

Послышалось ровное жужжание, знакомый спокойный голос произнес: «В космосе все в порядке... На орбитах спокойно... Слабое магнитное возмущение в районе альфы Центавра... В солнечной системе все в норме...»

— Слышал? — обратился он к Ронису. — Никакой паники. Когда ты вернешься?

— Часа через два. Но у меня дела в заливе... Прощай...

Лимузин рванулся с места, швырнув из-под колес мелкую гальку, и устремился по пустынной аллее к воротам, за которыми начиналась сизая лента прямого как стрела шоссе.

Солнце уже перешло границу полудня, но пекло нещадно. В левой стороне залива, над горным массивом, уходящим шпилями в сизую дымку, виднелся белый купол местной обсерватории. Ян вспомнил старичка астронома, живущего в соседнем коттедже.

Старичок сидел на веранде в плетеном кресле и что-то читал. На голове у него была белая панама, похожая на купол обсерватории. Ян улыбнулся про себя и медленно приблизился к профессору-астроному.

Старичок повернул голову и, сняв очки, вопросительно поглядел на Яна.

— Что скажете, командор?

— А что скажете вы? — в свою очередь, спросил Ян. — Море закрыто, полно всяких слухов и толков, а никому ничего официально не известно.

— Официальное всегда запаздывает, молодой человек, но дело, по-видимому, принимает серьезный оборот.

— Что вы имеете в виду, профессор? Сигнал, перехваченный космической обсерваторией? Вы хотите сказать, что шутки природы приобретают странный характер?

— Хороша шутка! Океан подает голос, а вы говорите — шутка!

— Вы думаете, это серьезно?

— Дальше уж некуда! Подумать только, в Океан бросали что попало. Надеялись, что в глубине это канет безвозвратно. Пучина глотала контейнеры с отравляющими веществами и опасными реактивами, корабли с ядерным оружием, компьютерами и робототехникой. Плюс к тому всякую дрянь сомнительного свойства, изобретенную свихнувшимися экспериментаторами. Бездна превратилась в мусорный ящик, в свалку. Я удивляюсь, как до сих пор Океан не стошнило от всего этого. Это ведь среда, породившая огромный мир... Мы напихали ее черте-те чем. Между прочим, командор, там есть и несколько упущенных капсул с пробами космических сред, взятых за пределами солнечной системы...

Ян слушал молча. Ему многое было известно. Но кое-что он слышал впервые. Командор был подавлен обилием последней информации. Он был знаком с различными отклонениями природы на других планетах, а вот о своей серьезно задумался впервые...

— А вы помните сообщение об алом тумане в Океане над заливом Киол?

— Еще бы! Но тогда все обошлось, и он исчез бесследно...

— Бесследно ли! Бесследно ничего не исчезает, друг мой

командор, материк заряжен расплатой за века человеческой беспечности, безответственности, подлости, безумия, бесчисленных потоков зла. Земля дала человеку разум, а он обратил этот дар против сущности самой природы. Она имеет право защищаться.

— Но почему именно здесь, в заливе?

— Стало быть, так ей удобней. Не станет же она с нами советоваться!

— Но почему именно Океан? Разве на континентах человек был менее жесток с ней?

— Океан, как мы с вами знаем, — начало жизни...

— Значит вы, профессор, считаете, что это все же бунт земной стихии и космос тут ни при чем?

— Ничего я не считаю, дорогой друг. Я просто говорю, что думаю. А что касается космоса, то его причастность ко всему вам известна не хуже, чем мне, всю жизнь прожившему на Земле.

— Вы меня озадачили, — сказал Ян. — Я, кажется, вас понимаю. Но ведь человек стал лучше. Неужели мы вынуждены нести ответ за все, что происходило здесь сотни лет назад?

— Доблестный командор, лично я не сомневаюсь, что вы чисты как кристалл... Но вспомните, последствия первых ядерных взрывов сказались на многих поколениях, которые не имели к ним никакого отношения... Вы знаете, конечно, что такое бумеранг?..

Ян не успел ответить, под рубахой раздался тревожный прерывистый писк радиоблока.

— Простите, профессор, — сказал он, стараясь быть спокойным, — мне сейчас очень нужно побыть одному... К сожалению, я должен покинуть вас...

Старичок астроном вздохнул и сокрушенно покачал головой, глядя ему в след.

Ян поспешно двинулся к своему коттеджу, держа ладонь на медальоне, и уже на веранде нажал кнопку «Прием».

«Всем! Всем! Всем! — услышал он. — Объявляется чрезвычайное положение... Командам ракетных подразделений летающих шлюпок и экипажам космической защиты быть готовыми к выходу на боевые орбиты... «Ястребу», «Кентавру», «Ориону», «Океану-2» — готовность номер один плюс четверть часа... Командору «Горгоны» ждать указаний, ваше местоположение известно... кнопка на контроле, кнопка на контроле...»

«Опять ни два, ни полтора, — подумал Ян. — Заваривается какая-то каша, а я должен торчать здесь и ждать особых распоряжений... Берегут они меня, что ли?..»

Он бросился на застеленную кровать и закрыл глаза. Он думал о потерянных в Атлантике контейнерах, о том, что даже внешне спокойные космические среды могут стать неожиданно агрессивными в подходящих условиях. Ему рисовались

картины внезапных экологических катастроф. Он думал о своей жизни — маленькой капельке во вселенной. А что, если о нем забудут в суматохе?..

Ян сел на кровати. Потом встал. Подошел к окну. Направился к двери, оттуда снова к окну и поймал себя на том, что мечется по комнате.

На столе стояла недопитая бутылка «Оранжа». Золотистая струя скользнула в бокал, наполнив его до половины. Но сок был уже теплым, и Ян, чертыхнувшись, прошел в ванную и, прислонив губы к металлическому рожку, резко повернул вентиль. Из крана ударила резкая холодная струя воды. Ян сделал подряд несколько крупных глотков и вытер губы ладонью.

Сейчас только сон мог успокоить его. Он снова лег на кровать, пытаясь уснуть, но веки были легкими, как поплавки. Он глядел в потолок, ожидая сигнала. Так прошло несколько часов.

Вконец измотанный, Ян снова встал и подошел к окну. Солнце давно село, а Рониса все не было. Одно за другим гасли окна в коттеджах. Скоро вся территория жилого курортного комплекса погрузилась в темноту.

Ян все еще надеялся, что Ронис вот-вот вернется. Ночь была душная. Он вышел на веранду. Воздух был неподвижен и густ, как теплый кисель. С побережья доносился шум моря. На душе было беспокойно.

На «Горгоне» Ян чувствовал себя уверенно. Патрульный космический крейсер был хорошо вооружен, оснащен чуткими приборами, реагирующими мгновенно, защищен мощными вибрирующими энергополями, лазерными пушками, плазменными конденсаторами, экранами ядерных излучателей. Здесь — на материке — у себя дома, как ни странно, Ян чувствовал себя беспомощным рядом со стихией, ставшей прибежищем затаившейся опасности.

Он вздрогнул от странного звука — ночной жук, прилетевший на свет, ударился о стену и упал на каменный пол веранды. Ян ругнулся шепотом, поймав себя на том, что жук так напугал его.

Было странно, что он на планете чувствовал себя так, будто появился здесь впервые. Словно он утратил прежний контакт с родной природой.

«А был ли контакт раньше? Может, его не было?..» — Ян почувствовал странную пустоту вокруг себя.

«Нелепая мысль, — поморщился командор. — Ведь он сам — часть этой природы, не могла же она совершенно отторгнуть его!»

Но в тот же момент он вспомнил разговор с профессором: «Праматерь?! Но что можно от нее ждать, если разум сына так долго направлен был на ее порабощение?»

«А раньше? Разве природа всегда была благосклонна к сво-

им творениям? Она создавала и уничтожала их. К чему стремилась? Что ей нужно от разума?..»

Ян прикоснулся к листу плюща и тут же изловил себя на мысли, что ищет контакта. Плющ почувствовал все, что мог почувствовать, будучи всего-навсего растением.

Жук, лежа на спине, все еще сучил лапками, пытаюсь перевернуться. Ян помог ему, легонько подтолкнув пальцем. Жук помедлил немного, потом щелкнул хитиновыми надкрыльями и улетел в темноту.

Справа раздался шорох. Что-то глухо стукнуло о землю. Ян медленно повернул голову — под деревьями никого не было.

«Упало яблоко», — догадался Ян. И почему-то подумал о дереве добра и зла.

Чувство незащищенности не покидало его. Это был не страх. Ян был не робкого десятка. Но он чувствовал себя таким же незащищенным, как этот плющ или жук, улетевший в ночь.

Такого с ним никогда не было. Он был всегда уверен в себе. А теперь командор грозной «Горгоны», защищавшей планету, чувствовал себя яблоком, упавшим с дерева.

Природа могла уничтожить его так же, как когда-то уничтожила ящеров и мамонтов. Что, если и человеческий разум несовершенен и природа просто прекратит затянувшийся эксперимент, чтобы начать все сначала?

В черной дали мелькнули и погасли два огонька. Через некоторое время они возникли уже ближе, перемещаясь в пространстве как два катящихся огненных шарика, окруженные мерцающим ореолом. Потом ореолы вытянулись в две светящихся полосы.

Это, разрубая лучами ночную тьму, мчался по дороге лимузин Рониса. Свет фар ударил прямо в глаза — Ян заслонил лицо ладонью. Лимузин подкатил к веранде. Дверца распахнулась, и Ронис высунул голову:

— Ты еще здесь?

— Как видишь, — ответил Ян. — Ты чего так поздно?

— Эвакуация! — прохрипел Ронис. — Собирай манатки!

— В такую темень?

— Сейчас будет светло как днем! Минуту назад объявлено положение «Х»... Я еле успел.

Ронис посмотрел на часы, спустил микрофон на портупее под подбородок и, надавив пальцем на переговорную кнопку, крикнул в него:

— «Берег»! «Берег»! Почему нет света?

Через секунду в небо взвились одновременно пять осветительных ракет, потом еще десять.

— Лезь в машину! — приказал Ронис.

— Погоди, я должен кое-что захватить... У меня там...

— Что?! — закричал Ронис ему в лицо. — Черт с ним, с ба-рахлом!!

— Ронис, в коттеджах люди!

— Это не твоя забота... Их заберут грузовые машины...

Ронис с силой втолкнул Яна в лимузин. В это время неожиданно раздался нарастающий гул со стороны моря. При освещенных ракетах было видно, как вспучилась его поверхность. В правом углу залива, как раз в четвертом секторе, возник огромный волдырь, он набухал и стремительно увеличивался в размерах, стал красным и, лопнув, выбросил в небо гигантский столб оранжево-рыжего пламени.

Лимузин швырнуло, как жука о стену. Обе дверцы заклинились. Ронис выдавил ногой треснувшее переднее стекло и выволок Яна наружу. Они стояли тяжело дыша, страшивая с себя мелкие осколки.

И тут вдруг какая-то жгучая гадость хлынула с неба.

— Что это? — встревожился Ян.

— Скорей в дом! — крикнул Ронис.

Ян поскользнулся на ступенях веранды и расшиб себе колени. Ронис втолкнул его под навес.

— Код, черт подери, код, или мы пропали...

Ян назвал восемь цифр. Дверь распахнулась. Вспыхнуло аварийное освещение.

— Одежду прочь! Осторожнее, береги глаза! — крикнул Ронис.

Ян сдирал с себя липкую, расплзающуюся на лоскутья рубаху, скрипя зубами от жгучей боли. Его лицо и кисти рук были покрыты пятнами.

Ронис откинул капюшон, отбросил перчатки и вылез из кабинета. Сброшенная одежда палкой была выпихнута за дверь. Он бросился к Яну и втолкнул его в ванную комнату.

Водяная система еще работала. Ронис помог Яну промыть обожженные места на лбу и щеках. Липкая пленка сходилась вместе с кожей.

Биоанестезин, по счастью оказавшийся в аптечке, быстро затянул ожоги эластичной пленкой. Но боль не утихла. Все тело горело, будто его погрузили в муравейник. На лбу выступил холодный пот. Тело бросило в озноб, так что не попадал зуб на зуб. Перед глазами поплыли разноцветные круги. Тьма обступала его со всех сторон. «Только бы не потерять сознание», — думал Ян. Дрожащей рукой он нащупал спинку кресла. Ноги его подкосились, и если бы не Ронис, успевший подхватить его, Ян рухнул бы на пол.

— Где у тебя сыворотка? — тряс его за плечо Ронис.

Ян пробормотал что-то нечленораздельное, и голова его свесилась на грудь, где часто попискивал болтающийся на цепочке медальон с радиоблоком.

Ронис окинул взглядом комнату. Его взгляд зацепился за чемодан, стоящий в углу возле платяного шкафа. Он подтащил чемодан к кровати и вывалил на нее содержимое. Рядом

с портативным компьютером и именованным бластером Ронис заметил блестящую металлическую коробку. Это было то, что он искал. Там было пять пневмокапсул.

Ян получил двойную дозу, Ронис ограничился одной. Два легких спортивных костюма в груди белья оказались как нельзя кстати. Ронис натянул один из них на Яна, в другой облачился сам.

Стены комнаты вспыхивали фиолетовым светом. Ронис повернулся к окну. Сквозь стекла, полужалеplенные липким темным студнем, во время вспышек были видны обнаженные черные скелеты деревьев.

Огромная ослепительная оранжево-фиолетовая молния разодрала небо и ударила в белый купол обсерватории, который разлетелся на сверкающие осколки. Коттедж трянуло, стекла занули, но остались целыми, ударная волна приушла по касательной. Штукатурка на смежной стене лопнула и осыпалась. Освещение погасло. Еще первая ударная волна швырнула осветительные ракеты на землю, и сейчас было темно, как в космосе.

У Рониса кружилась голова, слегка подташнивало. Аварийное освещение вышло из строя, но Ронис заметил, что в комнату от стены, обращенной к морю, сочится сумеречный свет. Ронис вначале приписал это ослепившей его вспышке молнии. В этом свете предметы двоились, расплывались, их привычные формы искажались до неузнаваемости. Он отвел взгляд в сторону. Привычный реальный мир казался чужим и враждебным. Он скорее почувствовал, чем увидел, что стена, обращенная к морю, колышется, как водная поверхность. И когда поднял глаза, то заметил, как по ней пробегает волны мелкой ряби. Потом волны стали крупнее, и стена стала похожа на серое полотнище, которое колеблется от ветра. Серое полотнище истончилось, и сквозь него, как сквозь натянутую марлю, проступили очертания пространства.

Ронис не сомневался, что именно в этой стороне должно быть море, но волны желтого цвета казались застывшими, и чем больше он в них вглядывался, тем больше убеждался в том, что это совсем не море, а застывшие волны песка. Перед ним была пустыня, и он ощутил на своем лице сухое дыхание горячего ветра.

Его вдруг неудержимо потянуло в эту желтую даль, но он не мог приподняться, руки его безвольно лежали на подлокотниках кресла. Вместе с тем он почувствовал, что может идти туда, оставив свое отяжелевшее тело.

Странно было глядеть на себя со стороны, но Ронис увидел свой силуэт, проскользнувший сквозь тонкую кисею зыбкой преграды. В этот момент он подумал о чем-то безвозвратно утраченном, что уходило от него помимо его воли все дальше и дальше по песчаным барханам, пока не превратилось в точку, которая растворилась у самого горизонта...

Когда Ян открыл глаза, комната была освещена вспышкой очередной молнии. Ронис сидел напротив него в кресле, лицо его было мертвенно-бледным, руки, безвольно упавшие с подлокотников, беспомощно свисали вниз.

Вспышка, длившаяся мгновение, погасла, и в неровном зыбком свете Ян увидел пустое кресло.

Новая вспышка осветила комнату, и Ян увидел Рониса в прежней позе.

Пытаясь собраться с мыслями, Ян закрыл глаза, и когда открыл их, то вновь в зыбком мерцающем свете увидел пустое кресло.

Странный мерцающий свет исходил откуда-то из-за спины. Ян, сидевший спиной к стене, повернул голову. Перед глазами в каменной толще, как огромная замочная скважина, зиял проем, напоминающий своими очертаниями силуэт человека. Сквозь проем были видны желтые волны песка. Рядом с проемом темнела фигура Рониса. Она как тень скользнула вдоль стены, поравнялась с проемом и заслонила его.

— Стой! — крикнул Ян. — погоди!..

Но Ронис уже был по ту сторону. Он остутился, упал лицом вниз, потом поднялся и, тяжело ступая, пошел в сторону горизонта.

Ян хотел было кинуться следом, но не мог протиснуться в проем. Сильная струя горячего воздуха сдавила ему грудь, песок ударил в лицо, и его отбросило на середину комнаты. Ветер ударил за спиной, свистел в проеме. Раскаленные песчинки влетали в комнату, пол у стены быстро покрывался слоем песка.

Сквозь отверстие в стене были видны вихри песчаной бури, свивавшейся в жгуты и кольца. Шевелились гребешки барханов. Песчаные волны ожили, и было видно, как они движутся, растут, приближаясь все ближе.

Песок тек в комнату, скрипел под ногами. Подступающий бархан уже заслонил половину проема.

Ян не мог простить себе, что не успел остановить Рониса. Снова приблизившись к стене, он стал протискиваться в щель, упираясь руками в края разлома.

Ветер, врываясь в легкие, казалось, рвал их на части. Яну удалось просунуть голову и плечи, руки его хватались за плывущий песок, не находя в нем опоры, и все же он высунулся по пояс, потом уперся в стену ногой и скатился вниз по бархану.

Ветер свистел в ушах. Дышать было нечем. Горло горело так, словно в него влили расплавленный свинец. Вокруг плясал и кружился песок.

— Ронис, Ронис!.. — крикнул Ян, захлебываясь песком.

Он не слышал собственного голоса, утонувшего в песчаном вихре. Обернувшись, он увидел, что щель в стене совсем закры-

лась. Бархан плотно стоял у стены, доставая до крыши. А к нему двигался другой, еще более высокий.

Ян оказался в западне, назад хода не было. Наступавший бархан шевелился как живой, его гребень клубился и извивался, как хребет дракона. Один на один с барханом Ян чувствовал себя муравьем. Песок сыпался сверху, и надо было все время двигаться, чтобы не быть заживо погребенным. Он боролся изо всех сил. Стоило хоть на мгновение остановиться, чтобы отдышаться, как тело тотчас оказывалось по пояс в песке.

Упираясь руками, он выбирался из зыбких воронок, но песок вновь засыпал и засасывал его. Желтое небо над ним казалось набитым песчаной пылью. Ян задыхался. Пытаясь еще раз подняться на бархан, он выпрямился, но не удержался и, сбитый с ног новым желтым потоком, упал навзничь и сполз к подножию.

У него уже не было сил начать все сначала, и песок медленно засыпал его, наваливаясь на ноги. Тысячи песчинок ползли по телу, обхватывая грудь, подбирались к горлу желтыми змейками, пытаясь задушить человека, уже лишенного способности сопротивляться.

Это было как в дурном сне, когда чьи-то руки вот-вот схватят тебя, а ты не можешь двинуться, не можешь пошевелить рукой, не можешь крикнуть, позвать на помощь.

Да и кто бы здесь услышал его крик в ревушем песке? Ян чувствовал, как слабеет воля к жизни, как подступает холодное безразличие.

Воспаленные веки тяжелели, опускаясь на глаза, как барханы, только через узкую щель, сквозь частокол ресниц, забитых песком, проступал горячий желтый свет раскаленного неба.

Последним усилием он чуть приоткрыл глаза и увидел на вершине клубящегося гребешка бархана фигуру Рониса. Ян хотел позвать его, но сухие потрескавшиеся губы едва шевельнулись, и из них вырвался только вздох...

Фигура Рониса, похожая на клубящийся столб песка, не то рассыпалась, не то исчезла за барханом. Ветер так же неожиданно утих, как и начался. Дышать сразу стало легче, но Ян не мог сделать глубокого вдоха под тяжестью навалившегося песка. Руки были как связанные.

Он попробовал пошевелиться. С трудом выпростал одну руку, потом другую. Ян боялся, что нависший гребень рухнет на него, если он сделает хоть одно неверное движение. Но бархан застыл, и Яну постепенно удалось выбраться.

Кругом стояла тишина, а в ушах Яна еще клубился звон песка, и кровь в висках стучала так, будто это была не голова, а огромный колокол, в который били тяжелыми молотами с обеих сторон.

Оглядевшись, Ян понял, что находится у подножия самой се-

редины бархана, края которого спускались полого, как опущенные крылья гигантской желтой птицы.

Если бы не песчаная буря, подавившая сознание, Ян обошел бы его слева или справа. Теперь он понимал, что ожидало его, если бы ветер не утих. Стихия поглотила бы его и погребла под миллионами песчинок.

Ян попытался встать. Ноги его дрожали. Хотелось пить. Тело разламывалось от усталости. Он медленно побрел вдоль песчаной стены.

Когда он доковылял до края бархана, то увидел открытую песчаную равнину. Почти у самого горизонта на фоне посветлевшего неба виднелись очертания каких-то развалин.

«Ронис, если его не засыпало, должен был увидеть эти развалины и, вероятнее всего, пошел туда», — подумал Ян.

Жадно дыша успевшим остыть воздухом, Ян шел напрямик. Шлейф песка, тянувшийся за барханами, кончился. Под ногами было вылизанное ветрами отполированное каменистое плато. Идти стало легче.

Он тешил себя мыслью, что там, в развалинах, он обязательно найдет родник или хоть какую-нибудь лужу. Постепенно эта мысль овладела им настолько, что он не заметил, как убыстряются его шаги.

Когда он был почти у самых каменных развалин, заметил тень, скользнувшую по каменной кладке. Тень исчезла за каменным поворотом. Когда он дошел до угла, то услышал шуршащие осыпающегося песка.

За поворотом был тупик, углубление, похожее на нишу. Но там никого не оказалось. Почти у самой стены желтел свежий песчаный холмик, над которым в воздухе еще витали легкие золотистые песчинки.

Ян остановился. «Откуда тут мог взяться песок?» — подумал он. Но только подумал об этом, как налетевший порыв ветра уже превратил песчаный холмик в пушистый клубок и, вытянув его песчаной поземкой, увлек за собой в сторону барханов.

Ян глядел вслед ускользающему песку, который струился по земле, огибая выступы, обтекая валуны, сползая в ложбинки, пока тот не слился вдали с желтыми шлейфами оцепеневших песчаных холмов.

Ян повернулся в сторону развалин, и хотя их очертания были стерты ветрами и временем, на него повеяло вдруг чем-то давно знакомым, словно он уже был здесь когда-то давным-давно. Он проходил по полуразрушенным, осыпающимся улицам, и его сердце ныло в предчувствии, что должно произойти что-то, о чем он давно забыл.

Улица поднималась вверх по склону, по обеим ее сторонам тянулись каменные канавы пустых водостоков. Странное предчувствие все быстрее влекло его по улице, потом заставило свернуть в переулок, где он увидел дом с небольшим двориком,

какие бывают в южных приморских городках, не тронутых цивилизацией.

Ян долго стоял в нерешительности. Дом был так похож на дом его детства, что у него захватило дух. Он отворил калитку и пошел по дорожке, выложенной каменными плитами и окаймленной потрескавшимся кирпичом. Посередине двора стояло старое высохшее дерево с черным дуплом и покосившимся скворечником. Тощее сухое дерево было похоже на худого старика, глядящего в небо, словно он только что отпустил птицу и его чуть разведенные в стороны руки были протянуты ввысь, будто тоже могли стать крыльями и устремиться следом.

Дверь на террасу была приоткрыта. Ян поднялся по каменным ступеням. Остановившись у входа, он помедлил, не решаясь переступить через порог. Его рука, скользнувшая по косяку, наткнулась на зарубку. Чей-то возраст был отмечен маленькой горизонтальной черточкой.

Ян задумчиво провел по ней пальцем с какой-то давно утраченной нежностью, словно прикоснулся к чему-то очень далекому и в то же время бесконечно близкому.

Долго он стоял не шевелясь, забыв обо всем на свете, перед полуоткрытой дверью, не отнимая руки от шершавой ложбинки, от маленького руслица жизни.

Наконец он распахнул дверь в смутной надежде... Но внутри ничего не было, кроме унылой пустоты. В солнечном луче, наискосок пересекавшем комнату, медленно плыли пылинки, то вспыхивая, то исчезая, словно звездные миры перемещались в пространстве. Яну, как в детстве, показалось, что он стоит у самого Млечного Пути... Он вспомнил, как маленьким мальчиком в пыльном солнечном луче среди мерцающих пылинок он пытался отыскать корабль отца, который так и не вернулся из космоса. Иногда ему казалось, что он видит его в одной из пылинок... Маленькое сердце часто билось в детской надежде, но пылинка гасла и исчезала, долетев до края луча, а с ней гасла детская надежда. И он в слезах бежал к матери и горько рыдал, уткнувшись в колени.

Оглядывая выцветшие потрескавшиеся стены, Ян мысленно пытался восстановить то, что было здесь когда-то.

Он представил себе маленький столик в углу, со стопкой книг и настольной лампой с ситцевым абажуром в голубую горошину, легкие полупрозрачные шторы на окнах с изображением летящих птиц. Откуда-то в памяти выплыло кресло с клетчатым шерстяным пледом матери. И Яну показалось, что она только что вышла за водой к каменному колодцу во дворе за домом и сейчас вернется, и снова, как тогда, потреплет его за волосы и скажет: «До чего же ты похож на отца...»

Ян прикоснулся лбом к холодной пыльной стене и провел по ней дрожащей рукой. Все, что давно стерлось в памяти, сейчас проступало ярко и явственно, будто он никогда не уходил

отсюда; будто так и не дождавшаяся возвращения мать никогда не провожала своего сына на те далекие от Земли орбиты, которые уводили его все дальше и дальше от себя самого.

Прошлое то медленно проплывало, то стремительно пронеслось перед ним, когда он ощутил за спиной чье-то присутствие. Он медленно повернулся и увидел белоголового мальчика, стоявшего в дверях. Мальчик глядел на него вопросительно широко открытыми грустными глазами.

— Ты что здесь делаешь? — тихо спросил Ян, отнимая от стены руку.

— Я здесь живу, — ответил мальчик, продолжая глядеть Яну в глаза.

— А где все остальные?

— Здесь давно никого нет. Все ушли и не вернулись...

Мальчик переступил с ноги на ногу и опустил голову. Пальцы его теребили пуговку на рубашке. Он исподлобья взглянул на Яна.

Ян подошел поближе и положил руку ему на плечо. Он поднял его лицо за подбородок — в глазах у мальчика стояли слезы, те самые детские слезы, о которых Ян давно забыл.

— Знаешь, — сказал Ян, — мне показалось, что я жил здесь когда-то, давно, в детстве... Я долго был далеко от Земли и там мечтал повторить свое детство. Там я видел себя на Земле маленьким, таким, как ты. Почему-то именно маленьким... Видимо, это самое дорогое, самое счастливое время...

— Я знаю, — сказал мальчик и вздохнул, отведя глаза в сторону.

— Ты плачешь? — спросил Ян, наклоняясь к нему.

Две крупных слезы скатились по щекам мальчика, он вздохнул и прошептал одними губами:

— Это было так давно...

— Ты здесь совсем один?!

— Один... — Мальчик вытер слезы ладонью и прислонился к стене.

— Как тебя зовут?..

— Ян... — дрожащими губами пролепетал мальчик и, зарывшись, прижался к его руке.

Ян вздрогнул, у него словно все оборвалось внутри. Он стоял потрясенный, не в силах вымолвить ни слова. В горле застрял горячий ком, который никак не проглатывался.

Он привлек мальчика к себе и утешал как мог, глядя худенькие вздрагивающие плечи.

— Ну успокойся... Успокойся, малыш... Видишь — теперь ты не один...

И чем больше он утешал его, тем больше ему казалось, что утешает он самого себя, самого себя уговаривает, что одиночество кончилось и что пустая комната только кажется пустой...

— Я потерял своего друга, — сказал Ян, — а нашел тебя...

— Ты все равно уйдешь, — сказал мальчик, — уйдешь, как все...

Сердце Яна сжалось. Он, привыкший к суровой жизни, почувствовал странную озабоченность и нежность к тому маленькому существу, волосы которого он гладил грубой рукой, когда-то сжимавшей хлещущий огнем бластер, рукой, которая уверенно ложилась на вибрирующий штурвал капсул-ракеты, обходящей спутники Юпитера.

Мальчик успокоился, плечи его перестали вздрагивать, глаза посветлели.

— Ты хочешь пить? — тихо спросил мальчик. — После дальней дороги всегда хочется пить... Там за домом во дворе есть колодец...

— Каменный?.. С тяжелой цепью и воротом?..

— Да... Только там почти нет воды... Чуть-чуть, на допышке...

Они пошли вдвоем по песчаной дорожке к колодцу. Ян взглянул внутрь. Колодец был очень глубок. На самом его дне блестело голубоватое пятнышко.

Раньше у колодца было прохладное влажное дыхание. Ян вспомнил, как ведро на гремящей цепи, раскручивая барабан вóрота, плюхалось в воду. Надо было слегка раскатать цепь, чтобы ведро, накренившись, хлебнуло влаги, потом чуть приподнять его и опустить сразу, чтобы затонуло...

Сначала было легко поднимать его, пока днище не оторвется от водной поверхности. Потом требовалось усилие, чтобы ведро, качаясь и расплескивая воду, стало подниматься вверх...

Вниз летели сверкающие брызги, похожие на звезды, исчезающие в глубине... Достав ведро, Ян любил окунуть в него лицо и пить воду прямо из ведра, такую холодную, что от нее ломило зубы...

Теперь Ян стоял у колодца, нерешительно положив руку на барабан, обмотанный цепью. Звенья ее потерлись, истончились, изъеденные ржавчиной. Ян подумал о том, что старая цепь может и не выдержать...

— Ну что же ты?.. — Мальчик удивленно поглядел на него. — Ты чего-то боишься?..

— Нет, — ответил Ян задумчиво, — я просто думаю, что звенья стали слишком тонки...

— Там едва наберется четверть ведра... Но все же этого хватит, чтобы утолить жажду...

— Ты думаешь?.. — Ян вопросительно посмотрел на мальчика. — Есть жажда, которую не утолил бы и полный колодец...

— Да... — ответил мальчик. — Но это все, что там осталось...

Ян медленно раскручивал барабан, осторожно придерживая его ладонью, так чтобы ведро, опускаясь на цепи, не стукнулось о стены колодца.

Наконец ведро коснулось воды, и Ян, осторожно шевельнув цепью, повалил его набок. Ведро не затонуло, и Ян понял, что оно лежит на каменистом дне.

Ян стал медленно поднимать его. Сверкающие капли, как в детстве, летели вниз... Звенья цепи, поскрипывая, наматывались на барабан, ложась вдоль бруска натянутой спиралью.

Наконец показалась дужка ведра. Ян протянул к ней руку и уже почти коснулся пальцами, как звено цепи почти у самой дужки лопнуло и ведро с грохотом, стучаясь о стенки и расплескивая воду, полетело вниз.

— Цепь не выдержала... — огорчился мальчик. — Столько лет...

— Да, — сказал Ян, — это печально... Теперь его уже не поднять...

Он подумал о том, что утраченное в бездонных колодцах времени, к сожалению, недостижимо, что там, где перетирается цепь, навсегда разрываются связи, часто самые дорогие, самые необходимые человеку. Одни разрываются по небрежности, другие стираются временем... Остается жажда, которую утолить уже нечем...

— Погоди... — сказал мальчик, расстегивая рубаху. — Вот, возьми... Это все, что у меня осталось...

Он вынул из-под рубахи прямоугольный кусок бумаги и катушку ниток.

— Это змей... — сказал он. — Я запускал его в небо, когда было грустно и одиноко... Он никогда не доставал до орбиты космических кораблей... Но когда я прикладывал к уху катушку с натянутой нитью, я слышал их сигналы, идущие изда-лека...

Ян отрицательно покачал головой.

— Нет, — сказал он, — я не могу взять у тебя это...

— Ты боишься, что он размокнет и нитка оборвется от тяжести?..

— Нет, я не могу взять у тебя змея, — сказал Ян. — Разве он может сравниться с той каплей воды, которую мы извлечем?

— Но я дарю его тебе, — сказал мальчик.

— Я не могу принять такой подарок, — отвечал Ян, отстраняясь, — даже если придется умереть от жажды.

— Ты не умрешь, — сказал мальчик. — Это будет потом... А змея можно высушить на солнце, и снова будут слышны позывные кораблей...

Он свернул из змея конус, сцепил его расщепленной веточкой и стал опускать в колодец.

«Странно, — подумал Ян, — то, что должно принадлежать высоте, опускается в глубину...»

Но сейчас это было почти одно и то же. Там, в глубине, виднелся голубоватый кусочек неба, и свернутый конус змея на ту-

гой нити тянулся к этой синеве. Яну показалось, что натянутая нить гудит от тугого ветра.

Конус погрузился в воду и, почти полный, стал медленно подниматься. Ян боялся, что катушка вот-вот выскользнет из рук мальчика или под тяжестью воды разорвется намокшая бумага. Но мальчик осторожно тянул конус вверх.

Наконец он подхватил его рукой и протянул Яну. В змее, свернутом кулком, светилась вода. Ян прикоснулся к ней губами.

Все его существо пронзило ощущение какой-то далекой радости. Он пил из колодца детства, и не было воды слаще, и нельзя ее было сравнить ни с какой другой.

Отпив половину, он протянул остаток мальчику, устыдившись, что не сделал этого сразу. Но мальчик отрицательно качнул головой.

— В колодце есть еще немного, — сказал он, — и я могу снова запустить туда змея...

Ян заглянул в колодец, но в это время шепочка лопнула и остатки воды полетели вниз, возвращаясь к своему небу.

Ян стоял перед мальчиком, разведя руки, виноватый и растерянный.

— Ничего, — сказал мальчик, — змей высохнет... Вот только нитка сильно запуталась...

— Да... — проговорил Ян рассеянно. — Нитка запуталась... Слишком запуталась, малыш... И распутывать ее нам обоим...

— Нет, — сказал мальчик, — ты должен вернуться туда, откуда пришел.

— Как же я оставлю тебя одного?

— Я уже привык... Но ты вспоминай обо мне...

Ян хотел прикоснуться к нему, приласкать его, но рука ощутила лишь пустоту. Мальчик исчез, оставив на камне мокрого змея и спутанный моток ниток.

Ян медленно опустился на корточки и стал наматывать мокрую нить на катушку. Он распутывал петлю за петлей, думая о том, что смутная память дарила ему в эти минуты.

Змей высох на солнце. Овеваемый ветерком, он покачивался на камне, словно сам пытался взлететь. Ян подбросил его в воздух. Подхваченный ветром, змей натянул нить. Она гудела как телеграфный провод, Яну казалось, что на нити он держит не змея, а огромный синий купол неба вместе с облаками и солнцем. Он бежал с каким-то детским восторгом, и ноги его почти не касались земли. Небо тянуло его к себе так, словно тело его стало невесомым.

Змей заметался над самым колодцем и вдруг, увлеченный нисходящим потоком, резко нырнул вниз и исчез в колодце. Гудящая нитка потянула Яна за собой. Он разматывал катушку, упираясь ногами в каменную кладку, пытаясь ослабить тя-

гу. Змей рвался к голубоватому отражению неба. Разматывая катушку, Ян не заметил, как запутался сам. Он пытался разорвать нить, но она не поддавалась. Ян ухватился руками за цепь и полетел в колодец. Барабан бешено вращался. Цепь разматывалась со стремительной быстротой и наконец, натянувшись, лопнула.

Навстречу Яну неслось голубое отражение неба. На миг почудилось, что он летит не вниз, а вверх.

Вытянув вперед руки, Ян закрыл глаза, ожидая удара о дно колодца. Но синий кружок воды оказался небом на самом деле. И когда вытянутые руки Яна коснулись его, оно разлетелось в осколки. Послышался звон стекла. Ян стоял у выдавленного окна в своем коттедже.

К счастью, на руках не оказалось ни одной царапины. Ян стряхнул с рукавов осколки и, обернувшись, увидел в кресле Рониса. Опущенная голова Рониса была седой. Он как-то осунулся, постарел. Его молодежавое лицо было покрыто резкими, глубокими морщинами.

Ронис взглянул на Яна усталыми, потускневшими глазами. Только желваки были напряжены и губы плотно сжаты.

— Какой чудовищный бред! — сказал Ян. — А я тебя искал там...

Он повернулся к стене и не договорил. На губах его застыло так и не произнесенное слово... В стене зиял пролом, напоминающий по форме очертания человеческого тела. Сквозь пролом была видна синяя кромка залива. На полу желтел слой песка.

— Так ты тоже был там?! — Ян заглянул в глаза Ронису.

— Я все расскажу тебе... Потом...

Ян пожал плечами. За окном слышался приближающийся лязг гусениц. В дверь настойчиво постучали.

— В чем дело? — крикнул Ян.

«Эвакуация!» — раздался хриплый голос.

В комнату вошел человек в пестром комбинезоне. Он взглянул на пролом в стене, на желтый песок на полу.

— Поторапливайтесь, мы спешим... Кто из вас командир «Горгоны»?

Ян сделал шаг навстречу.

— Чем обязан?

— Вам предписано срочно покинуть залив и вернуться на корабль.

Ронис повернулся в кресле.

— Алексис!..

— Да... Это вы, капитан?.. Мы искали вас по всему побережью. Ночью огромная масса поднялась над Океаном и ушла на околоземную орбиту... Мы этого не видели... Это далеко отсюда... Но из космоса передали, что появился черный спутник Земли.

— Ты понял, Ян!.. — проговорил Ронис, вставая и кладя руку ему на плечо. — Это уже по твоей части...

— Да... да... — сказал Ян, все еще не в силах успокоиться и сосредоточиться после пережитого. — Это уж по моей части...

Пока Алексис нашел в вездеходе пару запасных комбинезонов, Ронис помог Яну собраться.

Еще через минуту они стояли друг против друга, готовые исполнить свой долг.

— Мы доведем вас до эвакуопункта, — сказал Яну Алексис, — а оттуда вас доставят на космодром.

— Ну что ж, пора, — кивнул головой Ян.

Они вышли из коттеджа.

Повсюду были видны следы минувшей ночи. На голых облезлых деревьях висели, покачиваясь, черно-зеленые лохмотья.

Эвакуация шла полным ходом. Вездеходы сновали по прибрежному поселку. Через два часа должна была начаться профилактика залива.

До эвакуопункта было километров сорок. Машины поднимались в гору и уходили за перевал. Море было таким же спокойным, как и вчера днем, но этому покою теперь никто не верил.

Вездеход выбрался на бетонную дорогу. Ветер дул в лицо. Ронис что-то объяснял Алексису. Ян думал о своем — он еще не знал, что его ждет на орбите.

Вездеход, не сбавляя скорости, свернул с дороги к эвакуопункту и, круто развернувшись почти у самой взлетной полосы, остановился как вкопанный, утонув в клубах взметнувшейся пыли.

На эвакуопункте толпились люди. Санитары принимали обожженных и раненых.

У одной из палаток Ян заметил лежащего на носилках старичка астронома в белой панаме. Спрыгнув на землю, Ян пошел к носилкам. Толпа расступилась перед ним. Ян приблизился и наклонился над профессором. Профессор узнал его и грустно улыбнулся. Ян погладил его сухую морщинистую руку. Потом выпрямился, поглядел в небо и молча пошел прочь.

По толпе прокатился шепот. Его узнали. Он шел не оглядываясь. И если бы он обернулся, то увидел бы, как люди с надеждой смотрят ему вслед.

На посадочную площадку опускался вертолет. Ян и Ронис стояли на бетонных плитах.

— Прощай, Ян, — сказал Ронис. — Будь осторожней с этой штукой там наверху.

— Прощай, дружище...

Ян медленно пошел к вертолету. Ронис глядел ему вслед. Алексис терпеливо ждал капитана.

На космодроме только и было разговоров о появившемся злополучном спутнике. Ракетный паром был готов к взлету. Ян быстро прошел все процедуры, связанные с выходом в кос-

мос. В оранжевом скафандре он поднялся по трапу и нырнул в люк.

Через минуту были отведены причальные кронштейны и паром, плеснув раскаленной плазмой в бетонную площадку, повис над ней и потом ринулся ввысь, стремительно набирая космическую скорость.

Ян чувствовал себя утомленным, но перегрузку выдержал и теперь, до стыковки с «Горгоной», интересовался размерами и радиоспектром черного спутника, его массой и плотностью.

Информация поступала на борт через каждые пять минут. Закодированные сигналы шли с разных материков, из космических обсерваторий, с патрульных кораблей.

Паром и «Горгона» шли друг другу навстречу. Потом легли на параллельный курс. Через некоторое время от парома отделилась летающая лодка. Она быстро поравнялась с «Горгоной», и Ян был принят на борт космического крейсера.

Во всех отсеках вспыхнуло табло: «Внимание! Командир на борту!» Ян прошел в командный отсек. На центральный пост поступило распоряжение с материка: действовать решительно по обстоятельствам. Ян взял управление кораблем.

Через пятнадцать минут в космосе прозвучал его приказ: «Всем преследующим кораблям уйти с орбиты!»

«Горгона» под защитой энергоэкранов медленно приближалась к черному пятну. Лазерные и плазменные орудия, наведенные на цель, ждали своего часа, готовые сжечь ее своим огнем.

Но Ян передумал. Риск был слишком велик. Экипаж услышал новый приказ. Ян потребовал освободить крейсер.

Экипаж, подвластный его приказу, как это уже было однажды, перешел из отсеков и служб в боковые контейнеры, которые отделились от крейсера, следуя в фарватере параллельным курсом.

Расстояние сокращалось. В бронированное кварцевое стекло с выдвинутыми вперед инфракрасными излучателями уже можно было простым глазом различить бугристую черную поверхность спутника.

Ян сбавил скорость, убрав ее до минимума так, чтобы не потерять орбиты. Он подошел почти вплотную. Энергоэкраны не сработали, и крейсер уперся в черный спутник передней платформой, которая словно прилипла к нему и, раскалившись добела, стала плавиться и таять, как воск.

Рука Яна метнулась к кнопке лазерной батареи. Но контрольная лампочка мигнула и погасла. Яркая вспышка, метнувшаяся от черного спутника к кораблю, ослепила бы Яна, если бы не сработала защитная диафрагма.

Черный спутник продолжал наползать на носовую часть, обтекая заостренное тело корабля.

Носовые плазменные орудия были направлены в упор. Ди-

станция для удара была совсем не подходящей, но Ян, не видящий иного выхода, все решил покончить разом.

Однако ни один предварительный импульс не сработал. Система отказывалась выполнять программу, словно была парализована.

Ян вспомнил слова старика астронома: «Океан — это огромная чаша, которая в одном из районов Атлантики приобрела новые свойства. Возможно, что одна из гигантских впадин могла стать мощной антенной, способной принимать из космоса не просто сигналы, а образы... И кто знает, может быть, в ее темных глубинах изменившаяся среда способна дать им плоть... Где-то там, в уплотненных слоях, может образоваться ее формирующий центр...»

Ян подумал о системе подводных течений, которая сформировалась за миллионы лет и стала устойчивой. Вероятно, в заливе течение занесло только малую часть агрессивной среды, а сама впадина выбросила на орбиту нечто такое, с чем ее древняя природа вступила в противоречие.

Проверив несколько электронных узлов, Ян обнаружил, что в двух из них программа не поддается контролю, а в третьем появилось нечто непонятное, привнесенное извне.

Грозная «Горгона» со всей своей сложной техникой была бессильна против черного спутника, который, с одной стороны, был пасынком материка, а с другой — беспощадной тенью, эхом неизвестных космических миров. Вся электроника космического крейсера могла оказаться в его власти. Только человек мог противостоять ему — один на один. Оставалось только надеяться на ручное управление, пока робот-ориентир еще не свихнулся и послушно выдавал информацию.

Решение пришло мгновенно, само собой. Ян не раздумывая включил форсаж.

Крейсер дрогнул. Дюзы выбросили в космос тонны плазмы, и Ян почувствовал, что начинается ускорение.

Наполовину оплавившаяся передняя платформа медленно погружалась в черный шар, наползающий на носовую часть корабля.

«Если удастся достигнуть нужной скорости, то можно направить эту мерзопакость к Солнцу...» Ян понимал, что уже не сможет оторваться от черного спутника, который намертво прилип к кораблю.

Они давно уже сошли с околоземной орбиты, и надо было рассчитать точно, чтобы не промахнуться. Надо было действовать наверняка.

Робот выдал курс и потребовал увеличения скорости. Ян включил весь резерв. Его рука жала кнопку, как будто он мог из нее выдавить еще хоть каплю ускорения. Вдавленный в кресло, теряя сознание, он вспомнил мальчика со змеем, который обещал ему ждать сигналов из космоса...

Он увидел его лицо, полное слез. Мальчик держал в руке пустую катушку, оброненную Яном, и клочок бумаги, оставшийся от разорванного змея.

— В колодце больше нет воды, — сказал мальчик. — Ты выпил последний глоток...

«Горгона», влипшая в бугристый черный шар, стремительно неслась к Солнцу. Ян знал, что сгорит, не долетев до поверхности. В мозгу промелькнула мысль, что робот-контролер может неожиданно изменить курс в экстремальных условиях, чтобы избежать столкновения с Солнцем. Ян нажал кнопку и сжег его, замкнув энергоблоки. Для верности он заблокировал всю электронную систему, перекодировав ее узлы на шифр своих биотоков, достал из нагрудного карманчика капсулу и раздавил ее зубами.

В последний миг в его мозгу вспыхнула ослепительная небесная синева с парящим белым змеем. Ему показалось, что на натянутой нити он держит голубой купол неба с облаками и солнцем. Потом нить оборвалась, и он стал падать в черный колодец, которому нет конца.

ВЛАДИСЛАВ КСИОНЖЕК

ПОЛЮБИ МЕНЯ

Отец пришел поздно. Весь день продолжалась работа на полях опытной фермы, и, как ни странно, люди выматывались больше, чем киберы. Впрочем, без людей техника быстро отказывала. Такая уж это была планета, за которой нужен глаз да глаз.

Семья жила обособленно, отдельно от земной колонии: мать, сын, отец. Отец любил повторять, что при их работе требуется особое мужество и недаром на опытную станцию поставили именно его, его жену, его семью.

В этот вечер отец не пошел сразу отдыхать. Он сел на стул и посмотрел на жену.

— Жена, — сказал он строго, — мне кажется, наш сын уже вырос. Пора отпустить его без наставника.

Жена отвернулась, чтобы супруг не заметил, как побледнело ее лицо.

— Ты отец, тебе и решать, — сказала она равнодушным голосом.

И вот Митя первый раз на прогулке без робота. Отец никогда не говорил сыну, для чего плетется за ним робот. Планета была сурова, но хищных зверей на ней не водилось. Неуютно, голые скалы, пустое серое небо, воздух такой, что с непривычки даже в дыхательной маске дышать трудно. Но Митя привык —

не один сверстник на Земле завидовал ему, сыну пионеров космоса.

Маршрут пролегал через защитные буй, которые полагалось проверять каждые сутки. Вся зона вокруг станции контролировалась двенадцатью буйами. Митя протянул руку, чтобы открыть логический блок первого буй, когда почувствовал на себе чей-то взгляд.

На уступе скалы сидела девочка. Не девочка, скорее девушка. Легкий ветер шевелил ее платье. Дышала она легко, хотя не носила маски.

Митя очень удивился, потому что знал всех людей в западном полушарии.

— Ты кто? — спросил он девушку.

Та не ответила, лишь пожала плечами.

Митя разозлился.

— За четыре минуты я успеваю проверить буй, а на тебя уже потратил две. Отвечай толком!

— Не знаю, — ответила девушка. — Наверно, я просто явление. Я не помешаю, если пойду с тобой?

— Хорошо, — согласился Митя. — Будешь помогать проверять буй.

Шли молча. Митя не хотел говорить не подумав, а девушка, хотя ей, как видно, очень хотелось поболтать, не решалась начинать первой.

«Странно! — подумал Митя. — На планете не то что рука, каждый лишний палец ценится. А тут, — Митя окинул взглядом стройную фигурку, — целых двадцать пальчиков».

Подошли ко второму бую.

— Подержи разводной ключ, — сказал Митя.

Протянутый ключ упал в траву.

— Не могу, — смущенно улыбнулась девушка.

— То есть как не можешь! Ручки испачкать боишься? На, держи!

Митя схватил девушку за руку. Сначала его кисть почувствовала легкое сопротивление, а потом — пустоту.

— Я же сказала, что не могу, — виновато повторила девушка.

Это в корне меняло дело. Митя сам развинтил болты и начал рыться в блок-схеме. Работа привычная, почти автоматическая...

Девушка плелась сзади. Митя перестал обращать на нее внимание. После четвертого буй она наконец не выдержала:

— Скажи хоть что-нибудь!

— Что с тобой разговаривать, — буркнул Митя. — Отец говорил, что праздно болтают только дураки и лентяи. Послушай, — внезапно заинтересовался Митя, — а чем ты питаешься?

— Наверно, ничем, — ответила девушка. — Мне такие мысли не приходили в голову.

— Хорошо тебе живется. А нам нужно работать по двенадцать часов в сутки.

— Счастливые... Вам никогда не бывает скучно.

С пятым бум Митя возился шесть минут. Он то и дело поглядывал на спутницу.

— Слушай, как тебя зовут?

— А какое имя тебе больше нравится?

— Не знаю.

Митя помолчал и добавил:

— Когда я последний раз был в городе, я смотрел фантом -- фильм с участием актрисы Наташи Ботичелли. Потрясающая актриса!

— Представь себе, меня зовут точно так же, — засмеялась девушка.

Ложь была настолько явной, что Митя улыбнулся.

— В таком случае мне тоже нужно представиться: Митя, Дмитрий Гагаринович, сын первопоселенцев космоса.

— Я знаю, — сказала Наташа.

— Ты читаешь мои мысли?

— Немножко. Но ты не беспокойся, я чужих мыслей старюсь не читать. А тебя я знаю давно. Вот. — Наташа замолчала и покраснела.

Митя спохватился, что уже давно стоит без дела.

— Расскажи мне о своих родителях, — попросила Наташа.

— Родители как родители. Папа родом с Марса. У них там розовое небо, а люди мужественные, почти такие же, как на нашей планете. Почти все первопоселенцы родом с Марса. Земляне суетливы, но марсианин, если взялся за дело, не отступит до конца.

Наташа внимательно слушала, и Митя продолжал:

— Мать у меня землянка. Отец познакомился с ней, когда ее прислали на Марс на практику. Другие девчонки были с норовом, их даже обругать было нельзя, а мама работала и молчала. Через месяц у нее были лучшие показатели среди практиканток. Так они и поженились.

— А как же любовь? — спросила Наташа.

— Любовь — это ерунда, — сказал Митя сердито. — Главное в жизни — целесообразность.

Опять пауза. Митя почувствовал, что обидел девушку.

— Теперь расскажи о себе, — попросил он.

— У меня родителей не было. Сколько себя помню, жила в этих скалах. Потом появились люди, и мне захотелось быть на них похожей. Как ты думаешь, похожа я на человека?

— Очень!

— А мы засиделись, — засмеялась Наташа. — Тебе нужно проверять буи.

— Да ну их! — сказал Митя. — Их кибер может проверить. Это отец приучает, чтобы я ни минуты не сидел без дела.

— Тогда давай погуляем. Я покажу свои любимые места. Места были знакомые, Митя знал их с детства, но еще ни разу ему не приходилось взбираться такими козьими тропами. Девушка шла впереди. Митя завидовал ее невесомой походке. Мужская гордость гнала его вверх, и на каком-то зигзаге он поравнялся с Наташей.

— Нравится? — спросила Наташа.

Внизу было что-то совершенно необыкновенное: холмы и скалы образовали удивительный узор, который в лучах неяркого солнца светился очень нежными, мягкими красками. Митя, который учил стихи только в начальной школе и из всей поэзии помнил лишь строчку: «Его лошадка, снег почуя, плетется рысью как-нибудь», не находил слов для того, чтобы выразить свой восторг. Наконец он облизал пересохшие губы и сказал:

— Блеск!

— Я рада, что тебе понравилось. Я часто прихожу сюда. Однако пойдем дальше, к голубому озеру.

Теперь девушка шла медленнее, и там, где позволяла тропинка, Митя мог идти рядом.

— Твои родители не будут волноваться? — спросила Наташа.

— Ты их плохо знаешь. Раз они отпустили меня без робота, значит, предусмотрели все заранее... По крайней мере папа.

За поворотом показалось озеро.

— Какая чудесная вода! — воскликнула девушка. — Сегодня у нее бирюзовый оттенок. Я хочу искупаться!

— С ума сошла! — сказал Митя. — Это жидкий воздух. Под скалой проходит скважина.

— Ты как хочешь, а я пошла.

Девушка подбежала к озеру и скинула платье.

Наташа плескалась довольно долго, вызывая тихую зависть своего приятеля. Наконец ей надоело купаться и она вылезла на берег. Она стояла на берегу, и поднимающийся воздух шевелил ее золотистые волосы. Впрочем, они только сейчас стали золотистыми. Раньше они были каштановыми, серебристыми, сербристо-пепельными и, казалось, могли принимать любой оттенок.

Митя не испытывал стыда, наблюдая за обнаженной девушкой. Почему? Этого он пока не знал. Было в Наташе что-то необъяснимое, что сближает человека с природой и чего его отец наверняка не понимал.

На расстоянии тридцати метров от озера холод не чувствовался, и Митя сел на землю.

— Слушай, а до тебя можно дотронуться? — спросил он, когда девушка подошла к нему.

— Попробуй, — сказала девушка.

Митя взял ее за руку. На ощупь рука была мягкой и теплой.

— Только не надо давить слишком сильно. У меня не хватит сил.

— Я знаю, кто ты, — сказал Митя. — Ты сгусток поля. Тебе захотелось превратиться в девушку, и ты стала ею. Если бы захотела, ты превратилась бы, скажем, в камень...

— Надо спешить, — забеспокоилась девушка. — Надвигается хурракан.

Этим древним индейским словом люди называли внезапные изменения в атмосфере планеты, которые приводили иногда к катастрофическим последствиям. До первых порывов ветра было не больше трех минут — ровно столько, чтобы успеть укрыться в защитном поле ближайшего буя. Но сейчас до буев было далеко, кроме того, их закрывали скалы, которые экранировали поле.

— Я покажу короткую дорогу, — сказала Наташа.

Спуск был еще тяжелее, чем подъем. Приходилось прыгать с камня на камень. Малейшая оплошность грозила падением с головокружительной высоты.

То ли девушка прыгнула слишком далеко, то ли Митя не усмотрел коварный камень — вдруг почва ушла из-под ног, и Митя почувствовал, что падает.

Он постарался отыскать глазами упругие ветки «горного каната». Попади он на такую ветку, у него был бы шанс остаться живым.

За считанные секунды Митя успел заметить, что больших канатов внизу нет. Лишь у самого дна торчал маленький, словно мышиный хвостик, канатик. Митя приготовился падать на него.

Вдруг что-то словно ударило его по ногам, и Митя почувствовал, что летит вверх. Неведомая сила подняла его из пропасти и мягко опустила на уступ скалы.

«Планетолет! — подумал Митя. — Молодец, отец, успел запустить его перед хурраканом».

Полежав немного на уступе скалы, Митя поднялся. А где же Наташа? Неужели убежала?

— Наташа! — позвал он.

Наташа была рядом. Она лежала на камнях возле тропинки, маленькая и тихая. Краска сошла с ее лица, платье потускнело, волосы стали бесцветными.

— У меня не осталось сил, — прошептала она. — Я не смогу проводить тебя домой.

— Ерунда. Я тебя понесу.

— Отнеси меня в пещеру. Это близко.

— Хорошо, — сказал Митя.

Он взял девушку на руки и побежал.

Первый порыв ветра обрушился на них у входа в пещеру. Митя сбило с ног, протащило между оскалившимися рядами сталактитов и покатило вглубь. Девушка выскользнула из рук, словно растворилась.

Тьма была кромешная. Рев хурракана почти не доносился. Митя искал свой «вечный» фонарик, но тот, видимо, выпал при входе. Тихо-тихо капала вода. Каждая капелька звенела, потом шелестела, отдаваясь эхом со сводов пещеры.

— Наташа! — позвал Митя тихо.

— Что тебе нужно?

— Посиди со мной.

— Зачем?

— Не знаю.

— Ты мне надоел, — сказала девушка равнодушно. — Я не способна на человеческие чувства.

И потом, чтобы рассеять сомнения, добавила:

— Мне было скучно и захотелось поиграть. А теперь ты мне надоел. Понятно?

— Не верю, — сказал Митя. — Что случилось с тобой на скале?

— Не обращай внимания, со мной бывает. Я просто устала.

Хурракан кончился.

— Мне нужно идти, — сказал Митя, — Но я приду сюда завтра. Ты будешь меня ждать?

— Нет.

— Врешь! — со злостью сказал Митя.

На ощупь он пробрался к выходу. Хурракан постарался на славу, но сталактиты уже отращивали новые зубы. Озеро почти пересохло, лишь со дна бил фонтан жидкого азота. Тропинка частью провалилась в пропасть. Митя осторожно пробирался среди камней.

Отец встретил его спокойно, но это спокойствие было хуже хурракана.

— По твоей вине унесло буй номер одиннадцать, — сказал отец. — Впредь я запрещаю тебе прикасаться к технике.

Митя ушел в свою комнату. Странно, но его мало волновала судьба одиннадцатого бую. Он чувствовал себя очень усталым, разделся, но всю ночь не мог уснуть.

В эту ночь в доме никто не спал. Отец возбужденно ходил по кабинету. Мать в ночной сорочке появилась на пороге.

— Не спишь? — спросила она.

— Не сплю, как видишь, — ответил отец. — Я думаю о том, как мы плохо воспитали сына.

Мать грустно улыбнулась.

— Это не зависит от воспитания. Это есть во всех нас, даже в тебе.

— Нет, — сказал отец. — Я не такой. Я никогда не влюблялся в привидение.

— Скажи, — спросила мать, — почему ты дал ему провалиться в пропасть. Я знаю, ты запустил планетолет.

— А ты не понимаешь? Я ждал последнего момента, когда она его подхватит.

— Зачем? — изумилась мать. — Ведь ты знаешь, что они...

— Вот именно, — усмехнулся отец. — Именно на это я и рассчитывал. Должен же я был спасти нашего мальчика. Эта особа превратила бы его в тюфяка и слюнтяя. Ты видела, он чуть не погиб.

— Да, — сказала мать, — ты действительно не такой.

Луч «вечного» фонарика метался по сводам пещеры. Митя нашел его тут же, у входа. За день фонарик хорошо зарядился и теперь освещал пещеру словно маленькое солнышко.

— Наташа! — позвал Митя тихо.

Тишина, лишь капли шлепались в лужицу на сталагмите.

— Наташа! — позвал Митя громче.

Почему-то он был уверен, что она где-то рядом. Луч фонарика обшарил все закоулки пещеры. Пусто, нету даже записки.

Митины губы сложились в презрительную улыбку.

— Дрянь! — сказал он.

Митя шел к отцу. Он решил, что разберет до винтика и починит одиннадцатый буй.

В пещере он подобрал интересный камушек. Камень был, вероятно, радиоактивный и светился изнутри то золотистым, то рыжеватым, то опаловым светом. Правда, подходя к дому, Митя засунул руку в карман и ничего там не обнаружил.

«Странно! — подумал Митя. — Как я мог его потерять?»

Впрочем, он скоро забыл о пропаже.

ГОСТИ
ФАНТАСТИКИ

О ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ

— Войдите туда, как в обычное туристское бюро, — сказал мне незнакомец в баре. — Задайте несколько обычных вопросов; заговорите о задуманной вами поездке, об отпуске, о чем-нибудь в этом роде. Потом намекните на проспект, но ни в коем случае не говорите о нем, прямо подождите, чтобы он показал его сам. А если не покажет, можете об этом забыть. Если сумеете. Потому что, значит, вы никогда не увидите его: не годитесь, вот и все. А если вы о нем спросите, он лишь взглянет на вас так, словно не знает, о чем вы говорите.

Я повторял все это про себя снова и снова, но тому, что кажется возможным ночью, за кружкой пива, нелегко поверить в сырой, дождливый день; и я чувствовал себя глупо, разыскивая среди витрин магазинов номер дома, который я хорошо запомнил. Было около полудня, была Западная 42-я улица в Нью-Йорке, было дождливо и ветрено. Как почти все вокруг меня, я шел в теплом пальто, придерживая рукой шляпу, наклонив голову навстречу косому дождю, и мир был реален и отвратителен, и все было безнадежно.

Во всяком случае, я не мог не думать: кто я такой, чтобы увидеть проспект, если он и существует? «Имя?» — сказал я себе, словно меня уже начали расспрашивать. Меня зовут Чарли Юэлл, и работаю я кассиром в банке. Работа мне не нравится; получаю я мало и никогда не буду получать больше. В Нью-Йорке я живу больше трех лет, и друзей у меня немного. Что за чертовщина — мне же, в общем, нечего сказать. Я смотрю больше фильмов, чем мне хочется, слишком много читаю, и мне надоело обедать одному в ресторанах. У меня самые заурядные способности, мысли и внешность. Вот и все, вам это подходит?

Но вот я нашел его, дом в двухсотом квартале, старое, псевдомодернистское административное здание, усталое и устаревшее, — признать это оно не хочет, а скрыть не может. В Нью-Йорке таких зданий много к западу от Пятой авеню.

Я протиснулся в стеклянные двери в медной раме, вошел в маленький вестибюль, вымощенный свежепротертыми, вечно грязными плитками. Зеленые стены были неровными от заплат на старой штукатурке. В хромированной рамке висел указатель — разборные буквы из целого целлулоида на черно-бархатном фоне. Там было 20 с чем-то названий, и «Акме. Туристское бюро» оказалось вторым в списке между «А-1 Мимео» и «Аякс — все для фокусников». Я нажал кнопку звонка у двери старомодного лифта с открытой решеткой; звонок прозвенел где-то далеко наверху. Последовала долгая пауза, потом что-то стукнуло, и тяжелые цепи залязгали, медленно опускаясь ко

мне, а я чуть не повернулся и не убежал, — это было безумием.

Но контора бюро Акме наверху не имела ничего общего с атмосферой здания. Я открыл дверь с зеркальным стеклом и вошел. Большая чистая квадратная комната была ярко освещена флуоресцентным светом. У больших двойных окон за конторкой стоял человек, говоривший по телефону. Он взглянул на меня, кивнул головой, и я почувствовал, как у меня забилося сердце: он в точности соответствовал описанию.

— Да, Объединенные Воздушные Линии, — говорил он в трубку. — Отлет... — Он взглянул на листок под стеклом на конторке. — Отлет в 7.03, и я советую вам приехать минут за 40.

Стоя перед ним, я ждал, опираясь о конторку и оглядываясь; да, это был тот самый человек, и все же это было самое обыкновенное туристское бюро: большие яркие плакаты на стенах, металлические этажеры с проспектами, печатные расписания под стеклом на конторе. Вот на что это похоже и ни на что другое, подумал я и опять почувствовал себя дураком.

— Чем могу помочь вам? — Высокий, седеющий человек за конторкой положил трубку и улыбался мне, а я вдруг начал сильно нервничать.

— Вот что... — Я выгадывал время, расстегивая пальто, потом вдруг снова взглянул на этого человека и сказал: — Я хотел бы... уйти!

«Слишком торопиться, дурень, — сказал я себе. — Не спеши!» Почти со страхом следил я, какое впечатление произвели мои слова, но этот человек даже глазом не моргнул.

— Ну что же, мест, куда уйти, много, — вежливо заметил он, достал из стола узкий, длинный рекламный буклет и положил его передо мной. «Летите в Буэнос-Айрес, в Другой Мир!» — гласили две строчки светло-зеленых букв на обложке.

Я посмотрел буклет — достаточно долго, чтобы соблюсти вежливость. Там был изображен большой серебристый самолет над ночной гаванью, луна, отразившаяся в воде, горы на заднем плане. Потом я покачал головой. Говорить я боялся, боялся, что скажу не то.

— Может быть, что-нибудь поспокойнее? — Он достал другую рекламку; толстые, старые древесные стволы, освещенные косо падающим солнцем, поднимались высоко вверх. Девственные леса Мэна, железная дорога Бостон-Мэн. — Или вот, — он положил на стол третий буклет. — Бермуды, там сейчас хорошо. — На нем было написано: «Бермуды, Старый Свет в Новом».

Я решил рискнуть.

— Нет, — сказал я, покачав головой. — Я, собственно, ищу постоянное место. Новое место, где бы можно было поселиться и жить. — Я взглянул ему прямо в глаза. — До конца жиз-

ни. — Тут мои нервы не выдержали, и я попытался придумать себе путь к отступлению.

Но он только приятно улыбнулся и сказал:

— Думаю, что мы могли бы вам в этом помочь. — Он наклонился через конторку, облокотившись на нее и сложив ладони вместе; вся его поза говорила, что он может уделить мне сколько угодно времени. — Чего вы ищете? Чего вы хотите?

Я перевел дыхание, потом сказал:

— Избавиться.

— От чего?

— Ну... — Я замаялся, так как никогда еще не выражал этого в словах. — От Нью-Йорка, пожалуй. И от городов вообще. От тревоги. И страха. И от того, о чем я читаю в газетах. От одиночества. — Теперь я уже не мог остановиться: я знал, что говорю лишнее, но слова лились сами собой. — От того, что я никогда не делаю, что мне хотелось бы. От необходимости отдавать свою жизнь, чтобы жить. От самой жизни — по крайней мере от такой, какая она сейчас. — Я взглянул ему прямо в лицо и закончил тихо: — От всего мира.

Он откровенно разглядывал меня, всматриваясь в мое лицо, не притворяясь, будто занят чем-нибудь другим, и я знал, что сейчас он покачает головой и скажет: «Мистер, вы бы лучше пошли к врачу». Но он не сказал этого. Он продолжал смотреть, изучая теперь мой лоб. Это был рослый человек с короткими выющимися седоватыми волосами, с очень умным, очень ласковым морщинистым лицом; он был такой, какими должны выглядеть священники или должны выглядеть все отцы.

Он перевел взгляд, чтобы заглянуть мне в глаза и еще глубже; рассмотрел мой рот, подбородок, линию челюсти, и я вдруг понял, что он без всякого труда узнает обо мне многое, больше, чем знаю я сам. Вдруг он улыбнулся, положил локти на конторку, слегка поглаживая одной рукой другую.

— Любите ли вы людей? Говорите правду, потому что я узнаю, если вы что-нибудь скроете.

— Да. Но мне трудно чувствовать себя с ними свободно, быть самим собою и сдружиться с кем-нибудь.

Он серьезно кивнул, соглашаясь.

— Можете ли вы сказать, что вы — вполне порядочный человек?

— Вероятно. Я так думаю, — пожал я плечами.

— Почему?

Я криво улыбнулся; на это было трудно ответить.

— Ну, по крайней мере, когда бываю не таким, я обычно об этом жалею.

Он ухмыльнулся и подумал одну-две минуты. Потом улыбнулся — слегка просительно, словно собираясь сказать не слишком удачную шутку.

— Знаете ли, — небрежно произнес он, — к нам иногда

приходят люди, которым как будто нужно почти то же, что и вам. Так что мы просто ради забавы...

У меня дух захватило. Именно так, мне сказали, он и должен говорить, если решит, что я мог бы подойти.

— ...сочинили один проспект. Мы даже напечатали его. Просто для развлечения, для случайных клиентов вроде вас. Так что я попрошу вас посмотреть его, если это вас интересует. Мы не хотим, чтобы это стало широко известно.

Я едва мог прошептать: «Меня интересует».

Он порылся внизу, достал узкую, длинную книжечку, такой же формы и размеров, как и все прочие, и подтолкнул ее по стеклу ко мне.

Я взглянул, подвинул ее к себе кончиком пальца, почти боясь прикоснуться к ней. Обложка была темно-синяя, цвета ночного неба, а у верхнего края была белая надпись: «Посетите прелестную Верну!» Синяя обложка была усыпана белыми точками, звездами, а в левом нижнем углу был изображен шар, планета, наполовину окутанная облаками. Вверху справа, как раз под словом «Верна» виднелась звезда крупнее и ярче других; от нее исходили лучи, как от звездочек на новогодней открытке. Внизу обложки была надпись: «Романтическая Верна, где жизнь такова, какой она должны бы быть». Стрелка рядом показывала, что нужно перевернуть страницу.

Я перевернул. Проспект был как большинство проспектов: были картинки и текст, где говорилось не о Париже, Риме или Багамских островах, а о Верне. Напечатан он был просто замечательно; картинки как живые. Вы видели когда-нибудь цветные стереофотографии? Ну так это было похоже на них, только лучше, гораздо лучше. На одной картинке была видна роса, сверкающая на траве, и она казалась влажной. На другой — ствол дерева словно выступал из страницы, и даже странно было чувствовать под пальцем гладкую бумагу, а не шершавость коры. Крохотные лица людей на третьей картинке только что не говорили: губы у них живые, глаза блестели, кожа как настоящая; и, глядя на картинки, казалось невероятным, что люди на них не шевелятся и не разговаривают.

Я рассматривал большую картинку, занимавшую верхнюю часть разворота. Это был словно снимок с вершины холма; видно было, как от самых ваших ног склон уходит далеко вниз, в долину, а потом снова поднимается по другую ее сторону. Склоны обоих холмов покрыты лесом, и цвет их великолепен; целые мили величавых зеленых деревьев, и этот лес — девственный, почти нетронутый. Далеко внизу, на дне долины, извивалась речка, она почти вся голубела, отражая небо; там и сям, где течение преграждали массивные валуны, вскипала белая пена; и снова казалось, что стоит только присмотреться получше — и увидишь, как вода бежит и блестит на солнце. На полянах возле речки виднелись домики, то бревенчатые, то кирпич-

ные или глинобитные. Подпись под картинкой гласила кратко: «Колония».

— Интересно шутить с такими вещами, — произнес человек за конторкой, кивнув на проспект у меня в руках. — Нарушает однообразие. Привлекательное место, не правда ли?

Я мог только тупо кивнуть, снова опуская глаза на картинку, потому что она говорила гораздо больше, чем на ней было изображено. Не знаю почему, но при виде этой лесистой долины начинало казаться, что вот такой была когда-то Америка. И чувствовалось, что это — только часть целой страны, покрытой еще нетронутыми, неповрежденными лесами, где струятся еще незамутненные реки; что вот такую картину когда-то видели в Кентукки, в Висконсине и на старом Северо-Западе люди, последний из которых умер более ста лет назад. И казалось, что если вдохнуть этого воздуха, то он окажется слаще, чем где бы то ни было на земле за последние полтора ста лет.

Под этой картиной была другая, изображавшая человека шесть или восемь на берегу, — может быть, у озера или у реки с верхней картинкой. У самого берега плескались, сидя на корточках, двое детей, а на переднем плане, стоя на коленях или присев на корточки, полукругом расположились на золотистом песке взрослые. Они беседовали, некоторые курили, а у большинства были в руках чашки с кофе; солнце светило ярко, было видно, что воздух свеж и что время утреннее, тотчас после завтрака. Они улыбались, одна женщина говорила, остальные слушали. Один из мужчин приподнялся, чтобы запустить рикшетом по воде камешек. Наверное, они проводят на этом берегу минут двадцать после завтрака перед тем, как идти на работу, и все они — друзья и собираются здесь ежедневно. Ясно было, говорю вам, ясно, что все они любят свою работу, какова бы она ни была, что в ней нет ни спешки, ни принуждения. И что... ну, пожалуй, это и все. Просто очевидно, что каждый день после завтрака эти люди проводят беспечно с полчаса, сидя и беседуя на этом удивительном берегу под утренним солнцем.

Я никогда еще не видел таких лиц, как у них. Люди на этой картинке — приятной, более или менее привычной внешности. Одни были молоды, лет по двадцать или чуть больше, другим уже за тридцать; одному мужчине и одной женщине, казалось, лет по пятьдесят. Но у двоих самых младших на лице не было ни морщинки, им не пришло в голову, что они родились здесь и что это такое место, где никто не знает ни тревог, ни страха. У старших на лбу и вокруг рта морщины и складки, но казалось, что они не углубляются больше, словно зажившие, здоровые шрамы. И на лицах у самой старшей чета выражение, я сказал бы, постоянной беспечности. Ни в одном лице ни следа злобы; эти люди были счастливы. И даже больше того, они счастливы день за днем, долгие годы, они всегда будут счастливыми и знают это.

Мне захотелось присоединиться к ним. Со дна моей души поднялось самое страстное, самое отчаянное желание быть там, на этом берегу, после завтрака, с этими людьми, — и я едва мог сдержаться. Я взглянул на человека за столом и попытался улыбнуться.

— Это... очень интересно...

— Да. — Он ответил мне улыбкой и покачал головой. — Бывает, что клиенты так заинтересовываются, так увлекаются, что не могут говорить ни о чем другом. — Он засмеялся. — Они даже хотят узнать подробности, цену, все!

Я кивнул, чтобы показать, что понимаю и соглашаюсь с ними.

— И вы, наверно, сочинили целую историю под статью вот этому? — Я взглянул на проспект, который держал в руках.

— Конечно. Что вы хотели узнать?

— Вот эти люди, — тихо сказал я, прикоснувшись к картинке, изображавшей группу на берегу. — Что они делают?

— Работают. Каждый работает. — Он достал из кармана трубку. — Они попросту живут, делая то, что им нравится. Некоторые учатся. В нашей истории говорится, что там прекрасная библиотека, — прибавил он и улыбнулся. — Некоторые занимаются сельским хозяйством, другие пекут, третьи мастерят что-нибудь. Большинство из них воспитывают детей, и, ну, словом, все делают то, чего им действительно хочется.

— А если им ничего не хочется?

Он покачал головой:

— У каждого есть что-нибудь, что ему нравится делать. Просто здесь так не хвагает времени, чтобы определить это. — Он достал кiset и принялся набивать себе трубку, облокотившись на стол, серьезно глядя мне в лицо. — Жизнь там проста и спокойна. В некоторых отношениях — в хорошем смысле — она похожа на жизнь первых ваших поселенцев, но лишена тяжелой, нудной работы, рано убивавшей человека. Там есть электричество. Есть пылесосы, стиральные машины, канализация, современные ванны, современная, очень современная медицина. Но там нет радио, телевидения, телефонов, автомобилей. Расстояния невелики, а люди живут и работают небольшими общинами. Они выращивают или выделывают все или почти все, что им нужно. Развлечений у них свои, и развлечений много, но они не покупные, ничего такого, на что нужно покупать билет. У них бывают танцы, карточные игры, свадьбы, крестины, дни рождения, праздники урожая. Есть плавание и всевозможные виды спорта. Бывают беседы, много бесед, полных смеха и шуток. Бывает много визитов, и званых обедов, и ужинов, и каждый день бывает заполнен и проходит хорошо. Там нет никакого принуждения — экономического или социального — и мало опасностей. Там каждый счастлив — мужчина, женщина

или ребенок. — Он улыбнулся. — Разумеется, я повторяю вам текст нашей маленькой шутки. — Он кивнул на проспект.

— Разумеется, — прошептал я и перевернул страницу. Подпись гласила: «Жилища в колонии», и действительно там было с десятков или больше интерьеров, вероятно, тех самых домиков, которые я видел на первой картинке, или подобных им. Это гостиные, кухни, кабинеты, внутренние дворики. Во многих домах обстановка была в раннеамериканском стиле, но выглядела какой-то... скажем, подлинной, словно все эти качалки, шкафы, столы и коврики были сделаны руками самих обитателей, которые тратили на них свое время и делали их старательно и красиво. Другие жилища были современны по стилю, а в одном чувствовалось явное восточное влияние.

Но у всех была одна явственная и безошибочная общая черта. При взгляде на них чувствовалось, что эти комнаты действительно были родным очагом, настоящим домом для тех, кто в них жил. На стене одной из гостиных, над каменным каминном, висела вышитая вручную надпись «Нет места лучше, чем дома»; и в этих словах не было ничего нарочитого или смешного, они не казались старомодными, перенесенными из далекого прошлого; они были не чем иным, как простым выражением подлинного чувства и факта.

— Кто вы? — Я поднял голову от проспекта, чтобы взглянуть человеку в глаза.

Он раскуривал трубку, не торопясь, затягиваясь так, что пламя спички всасывалось в чашечку, поднял на меня глаза.

— Это есть в тексте, — произнес он, — на последней странице. Мы — обитатели Верны, то есть первоначальные обитатели, — такие же люди, как и вы. На Верне есть воздух, солнце, вода и суша, как и здесь. И такая же средняя температура. Так что жизнь развивалась у нас совершенно так же, как и у вас, только немного раньше. Мы — такие же люди, как и вы; есть кое-какие анатомические различия, но незначительные. Мы читаем и любим ваших Джемса Тербера, Джона Клейтона, Рабле, Аллена Марпла, Хемингуэя, Гримма, Марка Твена, Алана Нельсона. Нам нравится ваш шоколад, которого у нас нет, и многое из вашей музыки. А вам понравилось бы многое у нас. Но наши мысли, наши высочайшие цели, направление всей нашей истории, нашего развития — все это сильно отличается от ваших. — Он улыбнулся и выпустил клубы дыма. — Забавная выдумка, не так ли?

— Да. — Я знал, что это прозвучало резко, и не стал тратить время на улыбку. Я не мог сдержать себя. — А где находится Верна?

— Много световых лет отсюда, по вашему счету.

Я почему-то вдруг рассердился.

— Довольно трудно попасть туда, не правда ли?

Он внимательно взглянул на меня, потом обернулся к окну рядом.

— Идите сюда, — сказал он, и я обошел конторку, чтобы встать рядом с ним.

— Вон там, налево, — сказал он, кладя мне руку на плечо и указывая направление трубкой, — там есть два больших жилых дома, стоящих спиной к спине. У одного входа с Пятой авеню, у другого с Шестой. Видите? Они в середине квартала, от них видны только крыши.

Я кивнул, а он продолжал:

— Один человек с женой живет на четырнадцатом этаже одного из этих домов. Стена их гостиной — это задняя стена дома. У них есть друзья в другом доме, тоже на четырнадцатом этаже, и одна стена у них в гостиной — это задняя стена их дома. Иначе говоря, обе семьи живут в двух футах друг от друга, так как задние стены домов соприкасаются.

Но когда Робинсоны хотят побывать у Бреденов, они выходят из гостиной, идут к входной двери. Они идут по длинному коридору к лифту. Они спускаются на четырнадцать этажей, потом на улицу, — где должны обойти квартал. А кварталы там длинные, в плохую погоду им иногда приходится даже брать такси. Они входят в другой дом, идут через вестибюль к лифту, поднимаются на четырнадцатый этаж, идут по коридору, звонят у двери и наконец входят в гостиную своих друзей — всего в двух футах от своей собственной.

Человек вернулся к конторке, а я — на прежнее место, напротив него.

— Я могу только сказать вам, — продолжал он, — что способ, каким путешествуют Робинсоны, подобен космическим перелетам, действительному физическому преодолению этих огромных расстояний. — Он пожал плечами. — Но если бы они могли преодолеть только эти два фута стены, не причинив вреда ни стене, ни себе, — то вот так и «путешествуем» мы. Мы не пересекаем пространства, мы оставляем их позади. — Он усмехнулся. — Вдох здесь — выдох на Верне.

Я тихо спросил:

— Вот так прибыли туда и они, эти люди на картинке? Вы взяли их отсюда?

Он кивнул.

— Но зачем?

Он пожал плечами:

— Если вы увидите, что горит дом вашего соседа, разве вы не кинетесь спасти его семью, если можете? Чтобы спасти хотя бы столько, сколько сможете?

— Да.

— Ну вот, мы тоже.

— Вы думаете, у нас настолько плохо?

— А вы как думаете?

Я подумал о заголовках, которые я читал в газете нынче утром и каждое утро.

— Не очень хорошо.

Он просто кивнул и продолжал:

— Мы не можем взять вас всех, не можем взять даже многих. Поэтому мы выбираем некоторых.

— Давно?

— Давно. Один из нас был членом правительства при Линкольне. Но только перед самой первой мировой войной мы увидели, к чему все идет; до тех пор мы только наблюдали. Свое первое агентство мы открыли в Мехико-Сити в 1913 году. Теперь у нас есть отделения во всех больших городах.

— В 1913 году... — прошептал я, что-то вспомнив. — Мехико-Сити! Послушайте! Значит...

— Да. — Он улыбнулся, предвосхитив мой вопрос. — Эмброс Бирс присоединился к нам в том году или в следующем. Он прожил до 1931 года, до глубокой старости, и написал еще четыре книги. — Он перевернул обратно одну страницу и показал на один из домов на первом большом снимке. — Он жил вот здесь.

— А что вы скажете о судьбе Крейтере?

— Крейтере?

— Это еще одно знаменитое исчезновение, — пояснил я. — Он был судьей в Нью-Йорке и исчез несколько лет назад.

— Не знаю. У нас, помнится, был судья, и из Нью-Йорка, лет двадцать с чем-то назад, но я не припомню, как его звали.

Я наклонился к нему через конторку, лицом к лицу, очень близко, и кивнул головой.

— Мне нравится ваша шутка, — произнес я. — Очень нравится. Вероятно, даже больше, чем я могу выразить. — И добавил очень тихо: — Когда она перестанет быть шуткой?

Он пристально взгляделся в меня и ответил:

— Сейчас. Если вы хотите этого.

«Вы должны решиться сразу же, — говорил мне пожилой человек в баре на Лексингтон-авеню, — потому что другого случая у вас не будет. Я знаю: я пробовал». И вот я стоял и думал. Мне было бы жаль никогда не увидеть некоторых людей, а я только что познакомился с одной девушкой. И это был мир, в котором я родился. Потом я подумал о том, как выйду из этой комнаты, как пойду на работу, как вернусь вечером к себе. И, наконец, я подумал о темно-зеленой долине на картинке и о маленьком пляже под утренним солнцем...

— Я готов, — прошептал я, — если вы возьмете меня.

Он взглядывался в мое лицо.

— Проверьте себя, — властно произнес он. — Будьте уверены в себе. Нам не нужен там человек, который не будет сча-

стлив, и если у вас есть хоть какое-то малейшее сомнение, вы бы лучше...

— Я уверен, — сказал я.

Тогда этот человек выдвинул ящик конторки и достал оттуда маленький прямоугольник из желтого картона. На одной стороне его было что-то напечатано, и через него шла светло-зеленая полоска; он был похож на железнодорожный билет пригородной линии. Надпись гласила: «Действителен по утверждению для ОДНОЙ ПОЕЗДКИ НА ВЕРНУ. Передаче не подлежит. В один конец».

— Э... Сколько? — спросил я, доставая бумажник и не зная, должен ли платить.

Он взглянул на мою руку, запущенную в карман.

— Все, что у вас есть. Включая мелочь. — Он улыбнулся. — Вам она больше не понадобится, а нам пригодится на расходы. Плата за свет, за аренду и так далее.

— У меня немного...

— Неважно. — Он извлек из-под конторки тяжелый компостер, вроде тех, какие стоят в железнодорожных кассах. — Однажды мы продали билет за три тысячи семьсот долларов. А в другой раз точно такой же билет — за шесть центов. — Он сунул билет в компостер, ударил кулаком по рычагу, потом протянул билет мне. На обороте виднелся свеженапечатанный красный прямоугольник, а в нем слова: «Действителен только на этот день» и дата. Я положил на стол две пятидолларовых бумажки, доллар и 17 центов мелочью.

— Возьмите билет с собой на базу Акме, — сказал седой человек и, наклонившись через конторку, начал рассказывать, как туда попасть.

— База Акме — крохотная щелка. Вы, наверно, видали ее: это просто маленькая витрина на одной из узких улочек западнее Бродвея. На ней не очень ясная надпись «АКМЕ». Внутри — стены и потолок, покрытые в несколько слоев старой краской, обиты какой-то штампованной жостью, как бывает в старых домах. Там стоит старая деревянная конторка и несколько потрепанных кресел из хромированной стали и искусственной красной кожи. Таких заведений в этих местах множество: маленькие театральные кассы, никому не известные автобусные станции, конторы по найму. Вы могли бы пройти мимо нее тысячи раз, не обратив внимания, а если вы живете в Нью-Йорке, то так наверняка и случилось.

Когда я вошел туда, у конторки стоял человек без пиджака, докуривая сигару и перебирая какие-то бумаги; в креслах молча ждали четыре-пять человек. Человек у конторки взглянул на меня; когда я показал билет, он кивнул мне на последний свободный стул, и я сел.

Рядом со мной сидела девушка, сложив руки на сумочке. Она была миловидная, даже хорошенькая, — вероятно, стено-

графистка. Напротив, у другой стены маленькой комнаты, сидел молодой негр в рабочем комбинезоне; его жена рядом с ним держала на коленях маленькую девочку. Был еще человек лет пятидесяти, который сидел, отвернувшись от нас и глядя в окно на дождь и на прохожих. Он был хорошо одет, и на нем была дорогая серая шляпа; он походил на вице-председателя крупного банка, и я пытался догадаться, сколько стоил ему билет.

Прошло минут двадцать, а человек у конторки все перебирал свои бумаги; потом снаружи к тротуару подъехал маленький старый автобус, и я услышал скрип ручного тормоза. Автобус был трепанный, куплен из третьих или четвертых рук и покрашен поверх старой краски в белый и красный цвет; крылья были волнистые от бесчисленных выправленных вмятин, а крышки стерлись до того, что стали почти гладкими. На одной стенке виднелась крупная надпись красными буквами «АКМЕ», а шофер был одет в кожаную куртку и поношенную кепку, какие носят шоферы такси. Именно такие маленькие грязные автобусы часто можно увидеть здесь; в них всегда усталые, помятые молчаливые люди едут неизвестно куда.

Маленькому автобусу понадобилось почти два часа, чтобы пробиться сквозь уличное движение на юг, к оконечности Манхеттена; и все мы сидели, погрузившись каждый в молчание и в свои мысли, глядя в забрызганные дождем окна. Девочка уснула. Сквозь заплаканное стекло возле меня я видел промокших людей, столпившихся на автобусных остановках, видел, как они сердито стучат в закрытые двери переполненных машин, видел напряженные, измученные лица водителей. На 14-й улице я видел, как мчавшаяся машина окатила грязной водой из лужи человека на тротуаре, и видел, как исказилось лицо у этого человека, когда он ругался. Наш автобус часто останавливался перед красным светом, пока толпы пешеходов переходили улицу, обходя нас, пробираясь среди других ожидающих машин. Я видел сотни лиц, но ни одной улыбки.

Я задремал; потом мы оказались на черном, блестящем шоссе где-то на Лонг Айленде. Я задремал снова и проснулся в темноте, когда мы, съехав с шоссе, бултыхались по грязному проселку, и я заметил в стороне ферму с темными окнами. Потом автобус замедлил ход, колыхнулся и встал. Заскрипели ручные тормоза, мотор затих. Мы стояли около чего-то, похожего на сарай.

Это и был сарай. Шофер подошел к нему, отодвинул в сторону большую деревянную дверь, завизжавшую роликами по старому, ржавому рельсу вверху, и стоял, придерживая ее, пока мы по одному входили. Потом он отпустил ее, вошел вслед за нами, и большая дверь задвинулась от собственной тяжести. Сарай был старый, сырой, с покосившимися стенами и запахом скота: внутри, на земляном полу, не было ничего, кроме некрашеной сосновой скамьи, и шофер указал на нее лучом своего

фонарика. «Садитесь, пожалуйста, — спокойно сказал он, — приготовьте билеты». Потом он прошел вдоль ряда, пробивая каждый билет, и в движущемся луче его фонарика я на мгновение заметил на полу кучки бесчисленных картонных кружочков, таких же, какие были выбиты из наших билетов, — словно наносы желтого конфетти. Потом он снова подошел к двери, приоткрыл ее так, чтобы только можно было пройти, и на мгновение мы увидели его силуэт на фоне ночного неба. «Счастливого пути, — сказал он просто. — Сидите и ждите». Он отпустил дверь; она задвинулась, обрезав колеблющийся луч его фонаря, и через секунду мы услышали, как заработал мотор и как автобус тяжело, на малой скорости отъехал.

В темном сарае стало теперь тихо, если не считать нашего дыхания. Время шло, тикая, а мне скоро захотелось непременно заговорить с соседом, кто бы он ни был. Но я не знал, что сказать, и начал чувствовать себя неловко, немного глупо, и ясно сознавать, что я попросту сижу в старом, заброшенном сарае. Секунды шли; я беспokoйно задвигал ногами, ощутив вдруг, что мне холодно и сыро. И вдруг я понял — и лицо у меня залилось краской яростного гнева и сильнейшего стыда. Нас обманули! Выманили у нас деньги, воспользовавшись нашим отчаянием, стремлением поверить в невероятную, бессмысленную выдумку, а потом оставили нас тут сидеть сколько нам заблагорассудится, пока наконец мы не опомнимся, как делало до нас несчетное множество других, а потом идти домой кто как может. Вдруг стало невозможно понять или даже припомнить, как я мог оказаться таким легковверным: и я вскопчил, кинулся сквозь темноту, спотыкаясь на неровном полу, собираясь добраться до телефона и полиции. Большая дверь сарая была тяжелее, чем я думал, но я отодвинул ее, выскопчил за порог и обернулся, чтобы крикнуть остальным следовать за мной.

Вам, может быть, случалось заметить, как много можно разглядеть за краткое мгновение вспышки молнии: иногда целый пейзаж, каждая подробность которого врезывается вам в память, и вы можете мысленно видеть и рассматривать его много времени спустя. Когда я обернулся к открытой двери, внутренность сарая осветилась. Сквозь каждую широкую трещину в стенах и потолке, сквозь большие пыльные окна в стене лился свет с ярко-синего неба, а воздух, который я вдохнул, чтобы крикнуть, был самым ароматным, какой мне только приходилось вдыхать. Сквозь широкое грязное окно этого сарая я смутно — на самый краткий миг — увидел величавую глубину лесистой долины далеко внизу, и вьющийся по ее дну голубой от неба ручеек, и на его берегу, между двумя низкими крышами, желтое пятно залитого солнцем пляжа. Вся эта картина навсегда врезалась мне в память, но тотчас же тяжелая дверь задвинулась, хотя мои ногти отчаянно впивались в шершавое дерево,

силясь остановить ее, — и я остался один в холодном, дождливом мраке.

Понадобилось четыре-пять секунд не больше, чтобы ощупью снова отодвинуть дверь. Но на эти четыре-пять секунд я опоздал. В сарае было темно и пусто. Внутри не было ничего; кроме старой сосновой скамьи и кроме ставших видными при вспышке спички у меня в руке кучек чего-то, похожего на мокрое желтое конфетти на полу. Уже в тот момент, когда мои руки царапали дверь снаружи, я знал, что внутри никого нет; и я знал, где они теперь, знал, что они, громко смеясь от внезапного, пылкого, чудесного, удивительного и радостного восторга, спускаются в ту зеленую, лесистую долину, к дому.

Я работаю в банке и не люблю свою работу; я езжу туда и обратно в метро, читая газеты и напечатанные в них новости. Я живу в мебелированной комнате; и в старом шкафу, под пачкой моих носовых платков, хранится маленький прямоугольник из желтого картона. На одной стороне у него напечатаны слова: «Действителен по утверждению для одной поездки на Верну», а на обороте — дата. Но дата эта давно минула. И недействителен этот билет, пробитый узором мелких дырочек.

Я опять побывал в туристском бюро «Акме». Высокий, сидящий человек шагнул мне навстречу и положил передо мной две пятидолларовых бумажки, доллар и 17 центов мелочью. «Вы забыли это на конторке, когда были здесь», — сказал он серьезно. Глядя мне прямо в глаза, он добавил холодно: «Не знаю почему». Потом пришли какие-то посетители, он повернулся к ним, и мне оставалось только уйти.

Войдите туда, как будто это действительно обычное туристское бюро, каким оно и кажется, — вы можете найти его в каком угодно городе. Задайте несколько обычных вопросов, говорите о задуманной вами поездке, об отпуске, о чем угодно. Потом слегка намекните на проспект, но не говорите о нем прямо. Дайте ему возможность оценить вас и предложить его самому. И если он предложит, если вы годитесь, **ЕСЛИ ВЫ СПОСОБНЫ ВЕРИТЬ**, — тогда решайтесь и стойте на своем! Потому что второго такого случая у вас никогда не будет. Я знаю это, потому что пробовал. Снова. И снова. И снова.

*Перевела с английского
З. Бобырь*

УРСУЛА ЛЕ ГУИН

НАПРАВЛЕНИЕ ДОРОГИ

На обочине скоростной дороги № 18 штата Орегон южнее объезда Мак-Минвилл стоит дерево. В прошлом году у него обломилась большая ветка, но от этого оно не стало менее ве-

личественным. Проезжать мимо него приходится несколько раз в году, но никогда не устает оно с достоинством и умением старого мастера служить Относительности.

Они не всегда были столь требовательны. Когда-то они не понуждали нас двигаться быстрее чем галопом, да и это случалось редко. Чаще всего легкой трусцой. Истинным удовольствием было приближаться к пешему. Хватало времени выполнить все как следует. А он, как это обычно делают люди, двигал руками и ногами, глядя перед собой на дорогу, а чаще по сторонам или прямо на меня, и я приближался к нему медленно и незаметно, вырастая все больше и больше, точно согласовывая скорость приближения и скорость роста таким образом, что в тот самый момент, когда я из маленького пятнышка вырастал до своих полных размеров — тогда я был шестидесяти футов высотой, — я оказывался на одной линии с человеком, нависал над ним, принимал устрашающие размеры, высился над ним, закрывал его своей густой тенью. Но он все же не пугался. Даже дети не боялись, хотя замороженно смотрели на меня, когда я проходил мимо и начинал уменьшаться.

Иногда кто-либо из взрослых задерживал меня при встрече и ложился у моих ног, прислонившись ко мне спиной, и порой долго лежал так. Я и не думал возражать. У меня есть чудесный холм, с которого открывается прекрасный вид, есть доброе солнце, хороший ветер — почему бы не постоять спокойно часок-другой. Ведь это всего лишь относительная неподвижность. Надо только посмотреть на солнце, чтобы понять, как быстро на самом деле движешься и к тому же растешь непрерывно, особенно летом. Как бы там ни было, меня всегда трогала их доверчивость, когда они засыпали у моих ног, позволяя мне прислоняться к ним, таким маленьким и теплым. Люди нравились мне. В отличие от птиц они редко дарили нас, деревьев, изяществом, но белкам я их все же предпочитал.

Тогда лошади работали у человека, и это меня тоже радовало. Особенно мне нравилась езда рысью — в этом аллюре я достиг совершенства. Ритмические движения вверх и вниз в сочетании с пульсацией роста, покачиванием и пикирующими бросками создавали иллюзию полета. Галоп был менее приятен. Он более резок, неровен — казалось, что тебя бросает порывами сильного ветра как молодое деревце. Да к тому же все — медленное приближение и вырастание, сам момент нависания, затем медленное отступление и уменьшение, — все это пропадало при галопе. В него надо было бросаться сломя голову, трандада-трандада-трапдада! А человек был слишком занят ездой, лошадь — бегом, они даже взглянуть на меня не удосуживались. Впрочем, случалось такое нечасто. Ведь лошади тоже смертны и, как существа неукоренные, легко уставали; вот люди и не утомляли их, если не спешили по неотлож-

ным делам. Да у них вроде тогда и не было столько неотложных дел.

Много лет прошло с тех пор, как я пускался последний раз в галоп, и, сказать по правде, я бы не возражал попробовать еще разок. В нем есть все же что-то энергично-воодушевляющее.

Помню, как я увидел первый автомобиль. Как почти все мы, я принял его за смертное неукорененное существо какого-то нового для меня вида. Я был немного удивлен, так как думал, что за сто тридцать два года своей жизни изучил всю местную фауну. Новое всегда волнует просто потому, что оно новое, и я со вниманием следил за этим существом. Я приблизился к нему довольно быстро, прежде я сказал бы рысцей, но аллюр был другой, соответствующий непривлекательному виду этого создания — неудобный, подскакивающий, перекачивающийся, ровный. Но уже через две минуты, раньше, чем я вырос на фут, я уже знал, что это не смертное существо — укорененное, неукорененное, свободное или какое-либо еще. Оно было сделано людьми, как и повозки, в которые впрягали лошадей. Я, признаться, подумал, что оно было настолько плохо сделано, что, перевалив однажды, задыхаясь, через холм на западе, оно больше уже не вернется, и я от души надеялся на это, потому что мне не доставили никакого удовольствия эти дергающиеся скачки. Но оно стало ходить по расписанию, которого в силу обстоятельств пришлось придерживаться и мне. Каждый день в четыре часа мне приходилось приближаться к нему, когда оно, дергаясь и трясясь, появлялось с запада, расти, зависать над ним и снова уменьшаться. А в пять мне снова приходилось возвращаться с востока заячьими подскоками — совсем несolidно для моих шестидесяти футов — раскачиваясь во все стороны до тех пор, пока мне наконец не удавалось избавиться от этого маленького противного монстра, расслабиться и подставить ветви дуновениям вечернего ветерка.

Их всегда было двое в машине: молодой мужчина за рулем и недовольная пожилая женщина, закутанная в меха, на заднем сиденье. Может быть, они и говорили друг с другом, но я никогда не слышал ни слова. Я был свидетелем многих бесед на дороге в те дни, но ни одна из них не была рождена в этой машине. Верх ее был опущен, но она производила столько шума, что перекрывала все голоса, даже песенку остановившегося у меня в тот год воробья. Шум был почти так же отвратителен, как тряска.

Я принадлежу семье с твердыми принципами, обладающей высоким чувством собственного достоинства. У нас, вязов, есть девиз: «Ломаюсь, но не гнусь», и я всегда старался придерживаться его. Когда простая механическая поделка заставляла меня прыгать и трястись — здесь, понимаете, была затронута не моя личная гордость, а фамильная честь.

Яблони во фруктовом саду, что у подножия холма, по-видимому, не возражали; впрочем, покорство было в их природе. За столетия их гены были изменены людьми. К тому же у них преобладало стадное чувство — ни одно садовое дерево не может иметь по-настоящему собственного мнения.

Я держал свое мнение при себе.

И был очень доволен, когда автомобиль прекратил совершать набеги на нас. Целый месяц его не было, и весь месяц я с радостью ходил для людей и бегал рысью для лошадей, и даже двигался вприпрыжку, если видел ребенка на руках у матери, стараясь, хотя и не совсем успешно, оставаться в фокусе.

Но на следующий месяц — это был сентябрь, потому что ласточки улетели несколькими днями раньше — появилась другая машина, новая, и неожиданно поволокла и меня, и дорогу, и наш холм, и сад, и поля, и крышу фермерского дома, подбрасывая и дергая, с востока на запад. Я двигался быстрее, чем при галопе, быстрее, чем когда-либо раньше. И едва успел зависнуть, прежде чем припасть к земле снова.

И на следующий день появилась еще одна, другая.

Год от года, с каждой неделей, с каждым днем они становились все более обычным явлением. Порядок Вещей вобрал их в себя, и они стали его главной чертой. Дорога была перемощена, расширена и покрыта чем-то очень гладким и противным, похожим на улиточью слизь, на чем не было видно ни колен, ни луж, ни камней, ни цветов, ни тени. Прежде на дороге встречалось множество маленьких неукорененных существ — кузнечиков, муравьев, лягушек, мышей, лис и разных других животных: большинство из них были слишком малы, чтобы я двигался для них, — они не могли бы и разглядеть меня как следует. Теперь, набравшись опыта, большинство из них избегало дороги, остальных давили колеса. Я видел слишком много кроликов, погибших прямо у моих ног подобным образом. И я благодарен судьбе за то, что я вяз, и что хотя ветер может меня повалить или выворотить с корнем, хотя меня могут срубить или спилить, но меня по крайней мере ни при каких обстоятельствах не могут раздавить.

Новый уровень мастерства требовался от меня, когда на дороге появлялось одновременно несколько автомобилей. Едва я поднялся над травой тоненьким прутиком, так ясно понял основную хитрость движения в двух направлениях сразу. Я усвоил ее без особых размышлений, просто в силу обстоятельств, когда увидел пешего, идущего с востока, и конного на западе. Мне надо было идти в двух направлениях одновременно, что я и сделал. Я думаю, это как раз то, что удастся нам, деревьям, без труда. Несмотря на волнение, мне удалось миновать всадника, а затем удалиться от него, в то время как я еще приближался вперевалку к пешему, и миновал его (в те дни не могло быть и речи о нависании!), только когда исчез из поля зрения наездни-

ка. В тот первый раз, когда мне, такому молодому, удалось все сделать правильно, я был горд собой, хотя не так уж все и сложно. С тех пор я делал так бесчисленное количество раз, нимало не задумываясь, даже во сне. Но задумывались ли вы когда-нибудь, какое мастерство требуется от дерева, когда ему приходится увеличиваться одновременно, но с несколько отличной скоростью и несколько отличным образом для каждого из сорока водителей автомобилей, движущихся в противоположных направлениях, и в то же самое время уменьшаться для сорока других, не забывая, однако, нависать над всеми ними в пужный момент: и так минуту за минутой, час за часом, с рассвета до заката, и даже во тьме ночной?

В моей дороге отдыхать не приходилось, она работала целый день под почти непрекращающимся потоком машин. Она работала, и я тоже работал. Мне уже больше не надо было так трястись и подпрыгивать, но приходилось бежать все быстрее и быстрее; с чудовищной скоростью расти, зависать и стягиваться в ничто за мгновение — все в спешке, не имея времени порадоваться движению, без отдыха, снова, снова и снова.

Очень немногие водители давали себе труд посмотреть на меня, даже мельком. Казалось, они больше вообще ничего не видели. Просто тарачили глаза на дорогу перед собой. Похоже, они верили в то, что куда-то направляются, к чему-то стремятся. К их автомобилям спереди были прикреплены маленькие зеркальца, на которые они время от времени взглядывали, чтобы увидеть место, где они уже побывали, после чего их взгляд опять застывал, прикованный к дороге впереди. А я-то думал, что только жуки так заблуждаются относительно Прогресса. Жуки всегда в спешке, а вверх никогда не смотрят. Я всегда был очень низкого мнения о жуках. Но они по крайней мере не нарушали мою жизнь.

Признаюсь, что в благословенной темноте тех ночей, когда луна не серебрила мою крону, а я не заслонял звезд своими ветвями, когда я мог отдохнуть, то порой всерьез думал о том, чтобы перестать выполнять свой долг перед общим Порядком Вещей — **перестать двигаться**. Ну, не совсем всерьез. Наползавину всерьез. Просто от усталости. Но если даже молоденькая глупенькая вербочка у подножия холма признавала свой долг и подскакивала, перекатывалась, ускорялась, вырастала и уменьшалась для каждого автомобиля на дороге, то как мне, вязу, не следовать этому долгу? Честь обязывает, и каждое мое семя перед тем, как упасть, уже знало свой долг.

Вот уже пятьдесят или шестьдесят лет прошло с тех пор, когда, согласившись поддерживать Порядок Вещей, я внес свою долю в поддержание у людей иллюзии, что они куда-то движутся. И я бы рад поддерживать ее и дальше. Но произошли настолько страшные события, что я хочу выразить протест. Я не против того, чтобы двигаться в двух направлениях сразу, не про-

тив расти и уменьшаться одновременно, даже не против нестись с противоестественной скоростью шестьдесят или семьдесят миль в час. И я готов продолжать все это делать, пока меня не срубят и не выкорчуют. Это моя работа. Но я гневно протестую против превращения меня в нечто вечное.

Вечность — не мое дело. Я — вяз, ни больше и ни меньше. У меня есть свои обязанности, и я их выполняю, есть свои радости, которые приносят мне наслаждение (хотя их стало меньше, потому что птиц стало меньше, а ветер перестал быть свежим). И хотя меня можно назвать долгожителем, я преходящ — это мое право. Быть смертным — моя привилегия. А именно ее у меня отобрали.

Случилось это в прошлом году, ненастным мартовским вечером.

Как обычно, дорога корчилась под волнами автомобилей, быстро движущихся в обоих направлениях. Я был так занят, проносясь мимо, вырастая, нависая, уменьшаясь, а темнота наступала так быстро, что я не сразу понял, что случилось. Водитель одного из автомобилей, по-видимому, почувствовал, что его потребность «попасть куда-то» стала исключительно неотложной, и поэтому попытался обогнать впереди идущий автомобиль. Этот маневр подразумевает временное отклонение Движения Дороги и смещение на дальнюю сторону, которая обычно движется в другом направлении (и позволено мне будет выразить свое восхищение умением дороги выполнять такие маневры, что должно быть непросто для неживого существа, сделанного человеком). Однако другой автомобиль оказался совсем близко к спешащему в тот момент, когда он переменял сторону — прямо перед ним; а дорога ничего не могла поделать, она и так уже была переполнена. Чтобы избежать столкновения со встречным автомобилем, спешащий автомобиль совершенно нарушил направление дороги, повернув ее на север по собственному желанию и заставив меня прыгнуть прямо на него. У меня не было выбора. Мне пришлось ринуться на него с огромной скоростью 85 миль в час. Я взмыл в воздух и завис над ним — чудовищный, огромный, больше, чем когда-либо раньше. А затем я ударил машину.

Я потерял изрядный кусок коры и еще кусок луба, что более серьезно. Но в месте удара я был почти девяти футов в обхвате, поэтому значительного вреда удар мне не причинил. Мои ветви взметнулись, прошлогоднее гнездо малиновки упало и, потрясенный, я застонал. Это был единственный случай в жизни, когда я сказал что-либо вслух.

Автомобиль издал ужасный звук. Он был совершенно разбит моим ударом, буквально раздавлен. Его задняя часть не очень пострадала, но передняя была скручена и смята подобно старому корню; он рассыпался яркими кусочками, которые разлетелись кругом и упали каплями металлического дождя.

Водитель не успел ничего сказать: я убил его мгновенно.

Я протестую не против самого факта. Произошло то, что должно было произойти — мне пришлось его убить. Я не имел выбора и потому не сожалею. Но я протестую против того, сама мысль о чем для меня непереносима. В тот момент, когда я прыгнул на него, он увидел меня. Он наконец взглянул вверх. Он увидел меня, каким меня никто не видел — даже дети, даже люди в те дни, когда они еще смотрели на окружающий их мир. Он увидел меня целиком — и больше ничего и никогда не видел и не мог увидеть.

Он увидел меня через призму вечности. Он перепутал меня с вечностью. А так как он умер в тот момент ложного видения, которое уже никому не изменить, я увековечен в этом образе навсегда.

Как невыносимо. Я не в состоянии поддерживать эту иллюзию. Пусть люди не желают понимать Относительность явлений, но Соотнесенность они понимать обязаны.

Если этого требует Порядок Вещей, я буду убивать водителей автомобилей, хотя обычно от вязов не требуют выполнения подобного долга. Но заставлять меня играть роль не только убийцы, но и смерти — несправедливо. Ибо я не смерть. Я жизнь: я сам могу умереть.

Если они хотят созерцать смерть воочию — это их дело, а не мое. Я не желаю изображать собою Вечность для них. Пусть они не обращаются к деревьям за смертью. Если они хотят увидеть именно ее, пусть смотрят в глаза друг другу и видят ее там.

*Перевела с английского
Лариса Михайлова*

**НЕВЕДОМОЕ:
БОРЬБА
И ПОИСК**

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ XXI ВЕКА

Размышления о том, можно ли стать гением, изложенные в четырех фрагментах, ранее опубликованных автором, и в трех монологах, мысленно произнесенных им же в споре о будущем интеллекта.

Когда я принес в одно издательство рукопись книги с весьма рискованным названием «Как стать гением?», опытный, не побоюсь сказать, мудрый редактор, выпустивший на своем редакторском веку не один десяток книг, взглянув на название, ухмыльнулся, подергал себя за бородку и ехидно спросил: «Почему автор, осмелившийся написать книгу «Как стать гением?», неизвестен сам как гений?» Я взял молча лист бумаги и написал: «Предисловие. Почему автор, осмелившийся написать книгу «Как стать гением?», неизвестен сам как гений? Хотите получить ответ, прочитайте эту книгу».

После многих волнений и хлопот книгу издали, но без этого короткого предисловия и под другим названием. Каждый время от времени спрашивает себя: «Что я есть на самом деле, на что я способен? Почему умный — умен, талантливый — талантлив, а гений — гениален? Сумею ли я добиться того-то и того-то, сумею ли, если очень захочу и очень постараюсь, достигнуть уровня талантов, возможно ли в конце концов стать гением?»

И если невозможно сегодня, то как в будущем?»

Фрагмент первый. Пять эскизов к проблеме гениальности

Вопрос, кого можно причислить к разряду гениев, не так прост, как это кажется на первый взгляд. Вокруг многих имен до сих пор не утихли споры — дискуссии еще продолжаются.

Правда, есть интересная, своего рода статистическая обработка мнений по этому поводу. Ее проводили сравнительно недавно.

Звания «гений» достойны не более 400 человек. Негусто для пятитысячной истории цивилизации — чуть менее «бесспорного» гения в одно десятилетие на все человечество. Да, гениев, как видим, рождается до обидного мало!

Гении, эти своеобразные точки роста цивилизации, извечно привлекали, тревожили, даже пугали людей. И между тем о гениальности, о гениях научно достоверного написано мало.

Быть может, исследователи не могут проникнуть в суть этого сложнейшего явления?

Ну а сами гении? Разве они не в состоянии рассказать о себе, о принципах своего творчества? Или не хотели? Или не хотят? Существует же мнение, что гении сознательно, как средневековые мастера, скрывают свои секреты.

Не случайно однажды Александр Грин сказал: «Пушкин прекрасно знал, что он гениален. Но у него достаточно было ума и осторожности, чтобы никому об этом не говорить. Люди еще не доросли до того, чтобы спокойно принимать такого рода явления».

В работах гениальных творцов рассыпаны сотни признаний о мучительных попытках понять, что происходит у них «внутри» в волшебные моменты взлетов и озарений.

И философы, и писатели, и психологи, и врачи посвящали поискам истины не раз свои работы. Но до сего дня, к сожалению, мы имеем очень разные мнения.

Как ни странно, находятся люди, которые даже в наше время относят гениев к своего рода медиумам, с чьей помощью некое высшее существо сообщает нам — простым смертным — результаты своих неповторимых размышлений.

Другие, вместе с Шопенгауэром, утверждают, что гений — ребенок («...всякий ребенок в известной мере есть гений, и всякий гений в известной мере ребенок. Сродство обоих прежде всего обнаруживается в наивности и возвышенной простоте»).

Многие поддерживают теорию наследования таланта. Ее сторонники утверждают, что гениальность передается по наследству, накапливаясь, словно некая таинственная энергия, из поколения в поколение. Надо сказать, что есть немало фактов, как бы подтверждающих эту идею. Например, в генеалогическом древе Иоганна Себастьяна Баха пятьдесят шесть музыкантов, из них двадцать — отличнейших. В поколении швейцарских математиков Бернулли в течение двух веков отмечено 14 крупных ученых. Высокой «плотностью» талантов и гениев обладали семьи Тициана, Ван Дейка, Дарвина, Штрауса, Кюри.

Правда, у этих фактов есть свои фактические же опровергатели. К примеру, гении, вышедшие из семей простых людей, где минимум в трех-четырех предыдущих поколениях не было выдающихся личностей.

Теория «патологичности гения» ответственность за редкое явление перекладывает на плечи случая, по вине которого якобы тот или иной избранник получает во владение «нарушенный в нужную сторону» организм.

Согласно этой теории особенно полезны для возникновения гениальности расстройства психики. Гёте и Байрон, например, сравнивали те состояния, в которых они отдавались поэтическому творчеству, с грезами лунатиков.

Итальянский психиатр Ломброзо построил на этом даже целую — в свое время очень популярную — теорию, которую изложил в книге «Гениальность и помешательство». Были в рядах сторонников патологической теории гениальности люди, которые во главу угла ставили отклонение от нормы в физических параметрах мозга. Они взвешивали мозг, измеряли его объем, высчитывали число извилин в коре больших полушарий. Увы, после ряда известных конфузов с мозгом гениев, вес которого оказался значительно ниже средней нормы, это направление перестало интересовать ученых.

Создатель еще одной теории гениальности французский философ XVIII века Гельвеций в своем знаменитом трактате «Об уме» утверждал, что талант и его высшая форма — гениальность — никоим образом не зависят от наследственности: все, чем человек становится, определяется воспитанием и обучением, которое он получает в процессе жизни в обществе.

Теория Гельвеция носила ярко выраженный антиаристократический характер. Согласно ей все люди имеют равные умственные задатки, такие же наследственные возможности для развития, что и «чистокровные» отпрыски титулованных особ. Эта идея приобрела в Европе большую популярность, ибо была безусловно прогрессивной, отвечала передовым воззрениям того времени, была направлена против феодально-сословного неравенства и воплощала интеллектуальные устремления и дерзания поднимающейся буржуазии.

Итак, пять взглядов, и ни один ничего пока нам не объясняет.

В последнее время теория гениальности заинтересовала ученых — помимо всего прочего — в связи с необходимостью разработок различных проблем автоматизации умственного труда, попыток применения электронных вычислительных машин для решения творческих задач, в связи с созданием искусственного интеллекта. К тому же гений, говоря языком современной науки, — яркая модель для изучения способностей человека.

Но нужно признаться, что и мощный кибернетический толчок не прояснил всего, что связано с гениальными решениями.

Мы не будем здесь вдаваться во все подробности новейших изысканий. Когда проблема не решена полностью, в ней еще достаточно туманных определений и неясностей. Поэтому более полезно обратиться к мысли самих гениев и к рассуждениям наиболее авторитетных исследователей творчества.

Но предварительно следует, видимо, дать определение понятий: способности, талант, гениальность — как они трактуются психологами с позиций марксизма.

Способности — характеристики личности, выражающие меру освоения некоторой совокупности деятельностей.

Уровень и степень развития способностей у личности выражают понятия таланта и гениальности. Поскольку объективные критерии для определения соответствующего уровня в настоящее время не выработаны, различение талантливости и гениальности проводится не по характеристике самих способностей, а по характеристике продуктов деятельности.

Сообразно этому талантом называют такую совокупность способностей, которая позволяет получать продукт деятельности, отличающийся оригинальностью и новизной, высоким совершенством и общественной значимостью.

Гениальность — высшая ступень развития таланта, позволяющая осуществлять принципиальные сдвиги в той или иной сфере творчества, «создавать эпоху».

Многие исследователи очень большую роль отводили и отводят бессознательному элементу в процессе творчества, подчеркивали роль интуиции. Безусловно, творчество есть сложный процесс, ибо творец осознает цель, ставит проблему, ищет решение. Но в творческом процессе велика роль и бессознательного, интуитивного. Интуиция, если отбросить все ее идеалистические мистификации, представляет особую, пока еще слабо изученную форму информационной деятельности мозга. Нет сомнения, однако, в том, что интуитивное решение возникает только на основе настойчивого размышления и накопленного опыта.

Горький говорил, что интуиция возникает из запаса впечатлений, которые еще не оформлены сознанием, не воплощены в мысль или образ.

Значительное место в творческом процессе гениев отводят воображению или фантазии, то есть психической деятельности, при которой происходит изменение и преобразование тех или иных представлений.

Воображение основано на использовании имеющегося у человека чувственного опыта. Материалом воображения служат образы памяти и наличных восприятий. Источник воображения — всегда объективная действительность, которая выступает в результате деятельности человеческой фантазии в преобразованном виде, приобретает в сознании человека новые формы.

Воображение, следовательно, есть не что иное, как процесс преобразующего отражения действительности. Человек может представить себе, например, летающего синего слона с громадными крыльями, фантастического вида обитателей Марса, персонажей литературных произведений.

При известных условиях фантазия может стать творческой, войти в качестве важной составной части в творческий акт. Еще В. И. Ленин говорил, что подход ума к вещам допускает возможность отлета фантазии от жизни. Фантазия — качество величайшей ценности, нелепо отрицать роль фантазии в самой стро-

гой науке. «Даже в математике она нужна, даже открытие дифференциального и интегрального исчисления невозможно было бы без участия фантазии», — писал В. И. Ленин.

Выдающиеся творцы не раз отмечали влияние эмоции на эффективность творчества. Станиславский считал первым и самым важным двигателем творчества — чувства. То же утверждал русский скульптор Антокольский: «Без эмоции нет художественного произведения». И. П. Павлов в письме к молодежи, перечисляя основные качества ученого, писал: «Третье — это страсть. Помните, что наука требует от человека всей его жизни. И если у вас было бы две жизни, то и их бы не хватило вам. Большого напряжения и великой страсти требует наука от человека. Будьте страстны в вашей работе и в ваших исканиях».

В состоянии вдохновения, творческого экстаза человек испытывает величайшую радость, восторг, ни с чем не сравнимое счастье. Творец как бы отрешается от своего «я» и сливается с объектом созерцания, проникая в самую сущность явления.

Охваченный азартом, творец нередко начинает петь и плясать. Известные химики Гей-Люссак и Дэви после сделанного ими открытия пустились в пляс в своем кабинете. После окончания трагедии «Борис Годунов» Пушкин писал Вяземскому: «Трагедия моя кончена; я перечел ее вслух, один, и бил в ладоши и кричал: ай да Пушкин, ай да сукин сын!»

Довольно единодушно мнение о роли в художественном творчестве способности гениальных людей к перевоплощению. Выдающиеся творцы настолько сживаются со своим произведением, что невольно отождествляют себя с его персонажами и переносят на них свои чувства. Когда Чайковский закончил последнюю картину оперы «Пиковая дама», он записал в дневнике: «Ужасно плакал, когда Германн испустил свой дух». Флобер, описывая сцену отравления героини его романа «Мадам Бовари», настолько проникся ее переживаниями, что у него самого возникли признаки отравления, вплоть до резей в животе, тошноты и рвоты.

У истинных творцов существует «первичная», как бы инстинктивная потребность в творчестве. И. С. Тургенев, по словам биографов, брался за перо под влиянием внутреннего побуждения, не зависящего якобы от его воли. Л. Н. Толстой говорил, что писал только тогда, когда не был в состоянии противодействовать инстинктивному влечению к сочинительству.

Успех гениев в творческом труде многие исследователи — да и сами исследуемые — приписывают умению творцов предельно концентрировать свое внимание на объекте творчества. Гельмгольц говорил, что своим успехом он обязан долгим сосредоточением внимания на какой-нибудь одной мысли. Дарвин

писал в «Автобиографии»: «Я уже и раньше думал о происхождении видов, но с тех пор я не переставал над ним работать в течение двадцати лет». И. П. Павлов характеризует свои «Лекции о работе больших полушарий головного мозга» как «плод неотступного двадцатипятилетнего думания».

Широко распространено мнение, что великие открытия как в искусстве, так и в науке словно бы озаряют гениев, снисходят «свыше» или возникают неизвестно откуда.

Действительно, некоторые творцы переживают возникновение творческих образов и идей как вторжение в их сознание, как им казалось, какой-то чужой им силы, как состояние «автоматизма», «одержимости».

Моцарт, например, изображает процесс своего творчества как непровольную игру образов и мыслей, которые неизвестно как создаются и неизвестно откуда берутся: «Откуда и как — этого я не знаю, да тут я и ни при чем». Вспомним поэтическое слово Фета: «Не знаю сам, что буду петь, — но только песня зреет». Тургенев писал, что «романистом положительно владеет что-то вне его и вдруг толкает внезапно».

Однажды Менделеев три дня и три ночи, не ложась спать, проработал у конторки, используя различные комбинации для мысленного построения таблицы, но все его попытки оказались тщетными. Наконец Менделеев лег спать и тотчас же заснул. Вот что он сообщил по пробуждении: «Вижу во сне таблицу, где элементы расставлены, как нужно. Проснулся, тотчас записал на клочке бумаги, только в одном месте впоследствии оказалась нужной поправка».

На первый взгляд действительно могут показаться спонтанными, неожиданными, неуправляемыми мотивы действий творческой личности. Но на самом деле специфика человеческой потребности (в частности, в творчестве) определяется социальной природой деятельности человека.

Материалистический взгляд на мотивы творческой деятельности состоит в том, чтобы, признавая существование идеальных побудительных сил, не останавливаться на них, а идти к их движущим общественно-историческим причинам, которые в головах людей принимают форму мотивов или побуждений, то ли в форме образов, мыслей, то ли в форме волевых устремлений.

Очень многие творцы и исследователи придают большое значение волевому акту в процессе творчества.

В. Г. Белинский считал неотъемлемым свойством одаренного человека наличие сильной воли, обеспечивающей преодоление препятствий, стойкость в убеждениях и огромную работоспособность. Он говорил, что гений «есть сильная воля, которая все побеждает, все преодолевает, которая не может погнуться, не может отступить... Сила воли есть один из главнейших признаков гения, есть его мерка...».

Можно ознакомиться с различными теориями и всевозможными взглядами на природу выдающихся способностей, но все они, вместе взятые, не дадут того представления, а главное, не создадут того впечатления о творческих возможностях человека, как несколько ярких примеров.

Хотя некоторые из них известны, каждое новое упоминание заставляет нас восхищаться могуществом мозга. И что еще важно: диапазон человеческих возможностей необычайно широк и в своем, если так можно сказать, временном проявлении. Мы постоянно наблюдаем и довольно раннюю одаренность, и способность человека сохранять высокую продуктивность высокого интеллекта до глубокой старости.

Вот Шампольон. О нем уже в шестнадцать лет говорили как о необыкновенном полиглоте. И Шампольон оправдал высокую оценку. Через двадцать лет он расшифровал египетские иероглифы.

Таких примеров множество. Паскаль, Лейбниц, Гаусс с раннего детства поражали окружающих своими математическими способностями. Музыкальные способности Моцарта обнаружились к трем годам. Выдающийся русский художник Карл Брюллов поступил в Академию художеств девяти лет, а Александр Иванов в одиннадцать. Эдисон свои первые изобретения сделал подростком.

И наиболее выдающиеся работы ученые, как правило, выполняют в молодые годы. Реформатор анатомии Везалий написал свой труд в 28 лет. Линней постиг систему размножения растений в 24 года. Ньютон до 25 лет ввел закон тяготения; до 28 лет завершили свои открытия создатели закона сохранения энергии Майер, Джоуль, Гельмгольц.

Иногда говорят, что все это — история, это было когда-то, а в наше время в связи с широким развитием науки и массовым образованием подобные явления уже не наблюдаются.

Нет, наблюдаются. И мало того, подмечена одна очень любопытная особенность.

Очень рано добился успеха выдающийся физик Энрико Ферми, став профессором и крупным ученым в области атомной проблемы в 25 лет. В 28 лет Ирен и Фредерик Жолио-Кюри подошли к открытию искусственной радиоактивности. «Отец» кибернетики Норберт Винер вступил в науку с детских лет. Об этом он рассказал в книге «Я — вундеркинд». «Сверххранним» ученым был и Ландау — он возглавил кафедру теоретической физики в 24 года; до тридцати проявили себя и ботаник Вавилов, и физик Курчатов, и авиаконструктор Яковлев.

Известный советский математик Сергей Мергелян в шестнадцать лет поступил на второй курс физико-математического фа-

культета. Еще студентом был принят в аспирантуру. За полтора года написал кандидатскую работу. Однако ученый совет решил присудить 20-летнему соискателю степень доктора наук — настолько высок был уровень диссертации. Другой видный математик С. Л. Соболев к 25 годам стал членом-корреспондентом Академии наук, профессором и тоже с юношеского возраста поражал всех своими способностями.

В 1968 году лауреатом премии Ленинского комсомола стал молодой белорусский математик Владимир Платонов. Студентом пятого курса он делает доклад о топологических группах на Всесоюзной конференции математиков. В 26 лет Платонов — доктор наук, а в 32 — академик.

Своеобразный «рекорд» установил в свое время прославленный ныне математик и физик, академик, директор Объединенного института ядерных исследований в Дубне Н. Н. Боголюбов. Он когда-то был самым молодым студентом Киевского университета и диплом о его окончании получил почти одновременно с паспортом.

Киевский университет не исключение. Самому юному студенту в Куйбышевском университете в 1970 году было 14 лет. Это первокурсник Илья Фролов. Он единственный из всех абитуриентов получил на экзаменах «отлично» по всем трем профилирующим предметам. Знаменательно, что, поступая в университет, юноша уже был знаком с высшей математикой в объеме первого курса. В школу он поступил в 6 лет. В четвертом классе одолел программу и пятого, а из восьмого сразу шагнул в десятый. Школу мальчик окончил обыкновенную — не математическую, и в семье у Фролова все гуманитарии.

Мы уже говорили о детях как о потенциальных гениях. В талантливость детей верят все, ибо давно подмечено: чем младше дети, тем чаще встречаются среди них способные, одаренные. Не случайно недавно было зафиксировано на Всемирной ассамблее Международной организации по вопросам дошкольного обучения и воспитания, что по мере накопления наблюдений над детьми значимость первых лет жизни выступает со все большей силой. Эти наблюдения показывают — первые годы жизни человека характеризуются богатством, о котором ранее не подозревали.

Современная генетика вынуждает нас считаться с наследственной разнородностью человечества. Она же заставляет нас задавать вопрос — как обстоит дело с наследованием одаренности? Но вместе с тем сами же генетики утверждают: «Человечество в своем развитии пока лимитируется вовсе не нехваткой талантов, а невозможностью создать для них достаточно рано условия, оптимальные не только для развития и проявления таланта, но и для того, чтобы привить любовь именно к тому делу, к которому обладатель данного таланта наиболее пригоден».

Психологи обнаружили у подростков и юношей некую «одержимость», которая позволяет им достичь весьма высокого уровня творческой активности. Эта одержимость выражается «в чрезвычайно интенсивных занятиях одними предметами при «прохладном» отношении к «неинтересным».

Осенью Олег Чурбанов, как и все его сверстники, пошел в школу. Мальчик как мальчик — учился, шалил, готовил уроки, играл. Учительница, правда, сразу же заметила его высокую подготовленность по всем предметам. Через некоторое время по решению педсовета специальная комиссия приняла у Олега контрольные работы за первый класс, а затем перевела во второй.

Завуч школы, где учился Олег, обратила внимание на способность ученика и пригласила к себе на урок химии к семиклассникам показать опыты. Олегу так понравилась химия, что он до конца учебного года не пропустил ни урока. Второклассник не просто «ходил на химию» к ребятам, которые вдвое старше его. Он не просто наравне с ними занимался. Он хорошо освоил теорию, быстро решал задачи. Дома на полке у него рядом с детскими книгами появились вполне взрослые учебники по неорганической химии, журнал «Химия и жизнь», на стене — большая таблица периодической системы элементов Менделеева. Результат: Олег Чурбанов — мальчик восьми лет по химии в седьмом классе отличник, и к доске его вызывают обычно тогда, когда весь класс не может ответить — нужно выручать старшеклассников.

Скептик, возможно, возразит: да, но ведь это особый случай; и все примеры, что вы приводили, хотя их и много, все они опять же особые случаи.

Хорошо, пусть так: эти — особые. Приведем, однако, сообщение одной из центральных газет, рассказавшей об очень интересном эксперименте ученых, сделавших попытку запустить своеобразный лот в глубины детских способностей и возможностей. Эксперимент этот зафиксирован в фильме под названием « $2 \times 2 = x$ ». Поведав о нем, газета спрашивает, достаточно ли первокласснику в век космических ракет твердить, как во времена сохи, что-де дважды два четыре? Может быть, по плечу ему вот это пугающее понятие — уравнение? Что это такое — семь лет? Уже или еще?

Авторы фильма показывают удивительные результаты одного опыта. Третьеклассникам, занимающимся по экспериментальной программе, «обычным» восьмиклассникам и студентам предложили одну и ту же работу. И что же? Третьеклассники показали 96 процентов правильных ответов, восьмиклассники — 44, а студенты — 98.

Как тут не воскликнуть вслед за автором газетного сообщения — «Поистине бескрайние возможности детского ума только еще приоткрываются пытливому взгляду ученых!»

А как долго человек способен сохранять творческие возможности? До каких возрастных пределов простирается активность его мозга?

Заметим, что геронтологи по-своему оценивают возраст человека. Для них 45—59 лет средний возраст, 60—74 — пожилой, но отнюдь не старческий. Старческий, считают они, наступает в 75 лет. А те, кому за 90, — это долгожители.

Установлено, что возрастные изменения обмена веществ в мозгу приводят постепенно к снижению умственных способностей. Хотя память на непосредственно воспринимаемые объекты не очень страдает. А вот логическая — больше, ассоциативная — еще больше. Изменяется — и к худшему — способность рассуждать.

Но природа, как всегда, подготовила нам и здесь сюрприз. У многих долгожителей в 90—100 лет ученые отмечают довольно высокий уровень функциональной активности основных систем организма и особенно центральной нервной системы. Центральная нервная система вообще оказывается наиболее устойчивой и наиболее долго живущей. По мнению ученых, определенное снижение активности головного мозга частично компенсируется той перестройкой отдельных полей его коры, которая происходит с годами. Это и позволяет человеку в преклонном возрасте не только просто трудиться, но и проявлять незаурядные творческие возможности. Например, способность накапливать словарный запас сохраняется у пожилых людей значительное время, а у людей высокого интеллекта она даже может развиваться.

И еще одно важное обстоятельство. Многие люди, напряженно творчески трудившиеся всю жизнь, сохраняют этот темп не только в зрелые годы — годы мудрости — с 41 до 71, но и значительно дольше.

Недавно наши психологи провели любопытное исследование. Проанализировав около 200 биографий известных живописцев и скульпторов, доживших до 70 лет и более, ученые установили, что их можно с известной долей условности разбить на четыре группы. Первую группу составили биографии художников с ранним расцветом творческой активности (25—30 лет), но с быстрым спадом (40—50 лет), например, Л. Кнаус, Я. Иорданс. Вторая группа: ранний расцвет (25—30 лет) и сохранение высокой творческой активности до преклонного возраста, например, К. Моне, Ж. Гудон. Третья группа: поздний расцвет (после 40 лет) с быстрым спадом, например Э. Дега, О. Роден. Четвертая группа: поздний расцвет (после тех же 40 лет) и сохранение высокой творческой активности до преклонного возраста. Такими были Тициан, К. Каро. Наиболее многочисленными оказались первая группа (38%) и четвертая (30%). За ними идут вторая группа (20%) и третья (12%). Как видим, груп-

па художников, творивших до преклонного возраста, весьма значительна.

Заманчиво было бы найти научно строго описанные примеры длительной активности выдающегося человека, допустим, от «состояния» вундеркинда до глубокой старости, активности, которая была бы наблюдаема учеными подробно и проанализирована. К сожалению, такие сведения найти нелегко.

Для нашей с вами цели достаточно просто привести несколько примеров долголетия с сохранением трудовой и творческой активности.

В Советском Союзе жил «патриарх Земли» 167-летний Ширали Мислимов. Для своих лет он был довольно бодр, работал в саду, с завидным терпением окапывал и подрезал деревья, убирал хворост. «Старик стариков» охотно вступал в беседу. В чем секрет его долголетия? По его мнению, он прост как день — трудись!

Недавно умер композитор и дирижер Игорь Стравинский. И в 88 лет он был прежде всего музыкантом, не прекращавшим вечный поиск оригинальных выразительных средств, неведомых путей в музыке. Он, казалось, до последней минуты жил только одним — как музыкант каждый раз проявляться в новом качестве, предлагать все новые и новые решения.

Прожить почти целое столетие и сохранить юношескую способность к творчеству — это качество заслуживает особого уважения и восхищения. Воистину неисчерпаемы возможности человека!

Поэт Беранже работал до 77 лет. Лев Толстой — до 82, Виктор Гюго — до 83; академик Павлов — до 87, микробиолог Гамалея — до 90, Диоген, Демокрит, Тициан и Микеланджело проявляли творческую активность, перейдя рубеж восьмидесятилетия; Бернард Шоу творил до 94 лет...

Список этот можно продолжать и продолжать. Примеров много. И все они будут говорить об одном: возможности наши далеко выходят за привычные границы.

Фрагмент третий. Феноменальная память

Крупнейший современный математик и кибернетик фон Нейман сделал сенсационное сообщение. По его расчетам получилось, что в принципе человеческий мозг может вместить примерно 10^{20} единиц информации. В переводе на общепонятный язык это означает — каждый может запомнить всю информацию, содержащуюся в миллионах томов крупнейшей в мире Библиотеки имени Ленина.

На первый взгляд такое заявление, такие подсчеты кажутся фантастическими. Но обратимся к фактам, к фактам существования феноменальной памяти, поражающей воображение, кажу-

шейся немислимой. Они взяты из разных эпох, это разные люди, в разных ситуациях и запомнили они разное.

Историки утверждают, что Юлий Цезарь и Александр Македонский знали в лицо и по имени всех своих солдат — до 30 000 человек. Этими же способностями обладал и персидский царь Кир. По имени и в лицо знал каждого из 20 000 жителей греческой столицы знаменитый Фемистокл. А Сенека был способен повторить 2000 не связанных между собой совершенно отдельных слов, услышанных лишь раз.

Гениальный математик Леонард Эйлер поражал всех необыкновенной памятью на числа. Он помнил, например, шесть первых степеней всех чисел до ста. Академик А. Ф. Иоффе по памяти пользовался таблицей логарифмов. Другой наш замечательный ученый академик С. А. Чаплыгин мог безошибочно назвать номер телефона, по которому он звонил лет пять назад случайно всего один раз. А великий русский шахматист Алехин мог играть по памяти «вслепую» с 30—40 партнерами.

Все это примеры памяти людей, так сказать, оставивших след в истории. Но и обыкновенные люди тоже регистрируют в течение жизни миллионы событий, впечатлений: и именно это накопление воспоминаний делает необъятным наше интеллектуальное богатство.

Человек прекрасно сохраняет в памяти и краски заходящего солнца в какой-то из вечеров, и едва заметные события жизни, и слова, и звуки — все, что оставляет след, что его трогает, все, что невольно отмечает и выбирает из океана быстротекущей жизни. Причем и здесь можно отметить множество удивительного.

Профессор В. В. Солодовников в одной из лекций привел такой пример. Шесть каменщиков под гипнозом ответили через полгода на вопрос, какую форму имела трещина в шестнадцатом кирпиче в пятом ряду восточной стены дома номер такой-то по улице такой-то. И это через полгода после кладки! После того, как через их руки прошли тысячи разных кирпичей!

Некто Э. Гаон заучил наизусть все 2500 книг, которые прочитал за свою жизнь. Мало того. Он мог не задумываясь вспомнить из них любой отрывок.

Интересны случаи феноменальной памяти людей художественного склада.

Французскому рисовальщику Гюставу Доре (автору широко известных иллюстраций в книге Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль») издатель однажды поручил сделать рисунок с фотографии какого-то альпийского вида. Доре ушел, забыв взять с собой фотографию. На следующий день он принес совершенно точную копию. Известно также, что самый удачный портрет

президента Линкольна нарисовал его провинциальный почитатель, неизвестный художник из штата Нью-Джерси. Восторженный поклонник видел президента всего один раз. Узнав об убийстве Линкольна, он был охвачен горем и нашел утешение, нарисовав по памяти портрет.

Русский художник Николай Николаевич Ге по памяти изобразил абсолютно точно комнату одного из петергофских дворцов. «Я в голове, в памяти принес домой весь фон картины «Петр I и Алексей» — с камином, с карнизами, с четырьмя картинами голландской школы, со стульями, с потолком и освещением, — был всего один раз в этой комнате, и был умышленно один раз, чтобы не разбивать впечатления, которое я вынес», — писал об этом художник.

Память творца-художника способна на чудеса. Всем известно: оглохший Бетховен писал музыку, а русский актер Остужев, потеряв слух, остался на сцене, и его помнят как выдающегося актера. Но вот мало кто знает удивительного скульптора Лину По — нашего современника. Она умерла сравнительно недавно — в 1948 году. Полностью потеряв зрение, Лина По лепила замечательные портреты, статуэтки, создала более ста скульптур. Ей удавалось извлекать из памяти в полной сохранности, не упустив ни одной детали, ни одного штриха, задуманное произведение и воплощать его на ощупь в натуре.

А музыканты? Моцарт мог точно записать большую, сложную пьесу, слышанную лишь однажды. Композитор А. К. Глазунов легко восстанавливал утраченные партитуры музыкальных произведений.

И все же столь поражающие примеры памяти — не предел для человека. Известен репортер одной из московских газет Шерешевский, которого психолог профессор А. Р. Лурия имел возможность наблюдать в течение почти 30 лет. Выдающаяся память этого человека безусловно относится к самым сильным из всех описанных в литературе. У него границы памяти практически отсутствовали.

Шерешевский внимательно вглядывался в написанную на доске мелом таблицу цифр, закрывал глаза, на мгновение снова открывал, отворачивался в сторону и по сигналу воспроизводил написанный ряд, заполняя пустые клетки соседней таблицы, или быстро называл подряд заданные числа. Ему не стоило никакого труда заполнять пустые клетки нарисованной таблицы цифрами, которые указывали ему вразбивку, или называть предъявленный ряд цифр в обратном порядке. Он легко мог назвать цифры, входящие в ту или другую вертикаль, «прочитывать» их по диагонали или, наконец, составлять из единичных цифр одно многозначное число.

Таблицу в 20 цифр Шерешевский запомнил в 35—40 секунд, а таблицу в 50 цифр за 2,5—3 минуты. Через несколько меся-

цев Шерешевский с той же полнотой и почти за те же сроки «доставал» из памяти эти таблицы.

Как же все делал этот человек? Он заявил, что, закрыв глаза, продолжает видеть запечатлеваемую таблицу, написанную на доске, и должен лишь «считывать» ее, перечисляя последовательно входящие в ее состав цифры. А это он делает не так, как делают все, глядя на написанное. Он «смотрит» просто в свою память. Как смотрит?

Шерешевский, оказывается, относится к той группе людей, в которую, между прочим, входил и композитор Скрябин. У них в особенно яркой форме сохранилась комплексная, так называемая «синестезическая» чувствительность: каждый звук непосредственно рождает переживания света и цвета и даже вкуса и прикосновения. Эти «синестезии» создавали фон запоминания, неся дополнительно «избыточную» информацию и обеспечивая точность запоминания.

«...Я узнаю не только по образам, а всегда по всему комплексу чувств, которые этот образ вызывают».

Когда Шерешевский что-то слышал или прочитывал, оно тотчас же превращалось у него в наглядный образ соответствующего предмета. Образ был ярким и стойко сохранялся в памяти.

«Даже цифры напоминают мне образы... 7 — человек с усами, 8 — очень полная женщина... а вот 87 — я вижу полную женщину и человека, который крутит усы».

Случались ли у Шерешевского «забывания»? Да, случались, но весьма своеобразные. Оказывается, достаточно было ему «поставить» данный образ в такое положение, что его трудно было «разглядеть», например «поместить» в плохо освещенное место, как при «считывании» этот образ пропускался. Шерешевский «проходил» мимо него — «не замечал».

Однажды Шерешевский шел из института вместе с профессором Лурия. «Вы не забудете, как потом пройти в институт?» — спросил профессор.

«Нет, что вы, — ответил он, — разве можно забыть? Ведь вот этот забор — он такой соленый на вкус и такой шершавый, и у него такой острый и пронзительный звук...»

Весь каскад примеров здесь обрушен на читателя умышленно. Необходимо было не только показать широкий диапазон феноменальной памяти, но и подвести к некоторым выводам.

Память — основа, на которой творит мозг. Люди еще в древности прекрасно понимали роль памяти для человека. Эсхил в «Прикованном Прометее» писал:

...Послушайте, что смертным сделал я.
Число им изобрел.
И буквы научил соединять.
Им память дал, матерь муз —
Всему причину.

Без матери муз нет плодотворной умственной деятельности. Выдающиеся таланты и гении в большинстве обладали великолепной памятью. Ученые утверждают: между степенью талантливости и объемом памяти всегда существует соответствие.

«...В памяти такая скрыта мощь, что возвращает образы и множит...» — изрек поэт, наш современник.

Говорят, «беспамятных гениев» не существует. Хотя, замечу в скобках, известны люди — и вы об этом знаете, — обладающие удивительной памятью, но не обогатившие человечество выдающимися творениями. И наоборот, известны гениальные творцы, память которых оставляла желать много лучшего. Как видим, прямолинейной, однозначной зависимости нет: память — талант, талант — память.

Конечно, здесь показаны «пики» на шкале возможностей человеческой памяти. Но хотелось бы, чтобы вы отнеслись к ним и без мистического испуга, и без снисходительных улыбок. Если взять да соединить все вершины в единую цепь гор — получим весьма убедительное, хотя и своеобразное представление о верхних пределах возможностей нашей памяти.

Фрагмент четвертый. Чудо-счетчики

Ни одна из возможностей нашего мозга не кажется столь удивительной, как загадка чудо-счетчиков.

...В зрительном зале погас свет. На сцену, ярко освещенную огнями рампы, вышел человек в строгом черном костюме — не цирковой артист, не конференсье, не исполнитель популярных песенок. У него в руках мел и тряпка. Они как-то непривычны на сцене.

Эстрадный номер начинается. Сотни зрителей с неослабевающим вниманием следят за исполнителем.

— Назовите мне, пожалуйста, — обращается артист к зрителям, — многозначное множимое и многозначный множитель, и прошу вас найти вместе со мной их произведение.

— Один миллион пятьсот девяносто четыре тысячи триста двадцать три умножьте на три тысячи четыреста пятьдесят шесть, — просят из зала.

Проходит несколько секунд, и все читают на доске результат — 5 509 980 288.

Артист терпеливо ждет, пока зрители перемножат на бумаге числа. После этого он называет также все промежуточные результаты, полученные при умножении.

Что же собой представляет это дарование? Никакое описание, никакой рассказ не могут дать о нем полного представления. Нужно присутствовать при живой демонстрации, чтобы понять, до какой степени справедлив эпитет «чудо».

Вот эксперимент, проведенный одним из исследователей с мадемуазель Осака. Испытуемую просили возвести в квадрат 97, получить десятую степень того же числа. Она делала это моментально. Затем предлагали извлечь корень шестой степени из 40 242 074 782 776 576. Она отвечала тотчас и без ошибок.

В 1927 году доктор Ости и математик Сент-Лаге экзаменовали слепого счетчика Луи Флери. Среди поставленных задач была следующая: дается число, нужно разложить его на куб некоторого числа и четырехзначное число.

Флери предложили число 707 353 209. Он размышлял 28 секунд и дал решение: 891 в кубе и 5238. Ему предложили 211 717 440. Ответ последовал через 25 секунд: 596 в кубе и 8704.

В Ванском районе Западной Грузии живет Арон Чиквашвили. Он свободно манипулирует в уме многозначными числами. «Счетный механизм» Чиквашвили не знает усталости и ошибок.

Как-то друзья решили проверить возможности чудо-счетчика. Задание было суровым: сколько слов и букв скажет диктор, комментирующий второй тайм футбольного матча «Спартак» (Москва) — «Динамо» (Тбилиси). Одновременно был включен магнитофон. Ответ последовал, как только диктор сказал последнее слово: 17 427 букв, 1835 слов.

На проверку ушло... пять часов. Ответ оказался правильным.

36-летний Арон Чиквашвили окончил юридический и экономический факультеты вуза.

Среди чудо-счетчиков особенно большой популярностью пользуются задачи, в основе которых лежит календарное исчисление. Переносясь мысленно через века и тысячелетия, преодолевая трудности недесятичных соотношений (ведь неделя состоит из 7 дней, сутки из 24 часов, час из 60 минут и т. д.), они за несколько секунд способны проделать сотни операций и сообщить, что 1 января 1980 года была пятница. И все это делается с учетом високосных лет, смены календаря в 1582 году и т. д. Они, например, могут сказать, сколько секунд прошло со времени смерти Нерона до падения Константинополя. Однажды за беседой два счетчика Иноди и Дагбер шутя задали друг другу вопрос такого рода: какой день недели будет 13 октября 28 448 723 года?

Некоторые задачи, которые люди-счетчики решают как бы шутя, всего за несколько секунд, по мнению математиков, потребовали бы многих месяцев обычного счета. После этого пришлось бы в течение длительного времени проверять полученные результаты или же прибегнуть к помощи электронной машины.

Какими же методами оперируют чудо-счетчики? Приходит

ли «дар» с детства, в юности или приобретается, воспитывается в течение жизни?

Пытались объяснить эту способность исключительной памятью, тем, что психологи называют «гипермнезией». Конечно, до какой-то степени мы сталкиваемся здесь с проявлением поистине чудовищной памяти, но одной памятью не объяснить существования явления.

Интересно, что многие люди-счетчики не имели вообще никакого понятия, как они считают: «Считаем и все! А как считаем, бог его знает». Такие ответы неувидительны. Некоторые из счетчиков были совсем необразованными людьми. Англичанин Бакстон, счетчик-виртуоз, так никогда и не научился читать, не знал цифр. Американский негр счетчик Томас Фаллер умер неграмотным в возрасте 80 лет.

Такие люди всегда очень интересовали психологов и математиков, которые старались выяснить, в чем секрет их способностей. Но объяснения, которые чудо-счетчики давали, пытались раскрыть свое умение, на первый взгляд казались странными, и даже очень.

Например, Урания Диамонди говорила — владеть цифрами ей помогает их цвет: 0 — белый, 1 — черный, 2 — желтый, 3 — алый, 4 — коричневый, 5 — синий, 6 — темно-желтый, 7 — ультрамарин, 8 — серо-голубой, 9 — темно-бурый. Процесс вычисления представлялся ей в виде бесконечных симфоний цвета.

Монде и Кальбюри ясно видели, как перед их глазами выстраиваются ряды цифр, начертанные чьей-то невидимой рукой. Их «прием» заключался в том, чтобы прочесть эту «волшебную» запись. Брат Урании, Перриклес Диамонди, говорил: «Цифры как бы скапливаются у меня в черепной коробке».

Очень «прост» метод Иноди. Ему казалось, будто вместо него считает чей-то голос, и пока этот внутренний голос производит вычисления, сам он либо продолжает разговаривать, либо производит более легкие подсчеты, либо наигрывает на флейте. Морис Дагбер производит головокружительные вычисления, играя на скрипке.

Несколько лет назад во Франции, в Лилле, в присутствии авторитетного жюри из физиков, инженеров, кибернетиков, математиков и психологов Морис Дагбер вступил в спор с электронной вычислительной машиной, производящей около миллиона операций в секунду.

Дагбер заявил, что признает себя побежденным лишь в том случае, если машина решит семь задач раньше, чем он десять... И что же?

Дагбер решил все 10 задач за 3 минуты 43 секунды, а электронная машина только за 5 минут 18 секунд!

Подобные соревнования дело непростое. Я совсем недавно проводил их в Институте кибернетики Украинской академии

наук. В состязании участвовали молодой счетчик-феномен Игорь Шелушков, аспирант Горьковского политехнического института (теперь он уже преподаватель этого института) и электронная вычислительная машина «Мир».

О машине стоит сказать несколько слов. Она может решать многие системы уравнений, задачи линейного программирования, рассчитывать сетевые графики — в общем, выполнять ряд сложных математических операций. Машину ее создатели прозвали «вычислителем с высшим образованием». Не только за то, что она запоминает 12 тысяч символов (7 страниц текста) и быстро считает. В нее «от рождения» заложены основные формулы, которым нас учили в школе и вузе. Это придает ей «гибкость» и «маневренность». Грубо говоря, она кое-что знает, и не надо ей все разжевывать программированием.

Как видите, партнер серьезный.

Судили поединком люди авторитетные: руководитель отдела математического программирования — профессор и группа его сотрудников.

Не знаю, как на состязаниях во Франции, но здесь были созданы равные условия для человека и для машины. Дело в том, что многие задачи электронный вычислитель решает быстрее человека. А есть и такие, что человеку вообще не под силу. В Институте кибернетики подобрали соответствующие задачи, определили моменты их «ввода» для человека и для машины, необходимую точность решений — до какого знака и т. д.

Надо отдать должное таланту Шелушкова. Он блестяще выиграл соревнование, как и Дагбер во Франции.

Вообще-то, конечно, это удивительное зрелище. Только наблюдая его, вам может прийти на ум возможность такого соревнования человека с электронным исполином. Только при этом вы ощущаете, какой скорости счета человеческий мозг способен достичь!

В последнее время чудо-счетчики хотя и соревнуются с машинами, но все меньше используют свои способности для демонстрации их публике. Их больше прельщает практическое использование таланта и научная работа. Дагбер, например, занимается математикой, а Шелушков преподает.

В Сиднейском университете в Индии тоже проходили соревнования человека и машины. Шакунтала Деви тоже опередила несколько вычислительных машин. Ей тоже хочется приписать практическую пользу. Она помогла индийским банкам выверить и свести миллиардные балансы, провела огромные расчеты, которые помогут при решении сложной для Индии демографической проблемы.

Некоторые чудо-счетчики подвергались научному обследованию. Иногда однажды был приглашен на заседание Французской академии наук. Отчет о заседании был дан математиком Дарбу. Ученые пришли к выводу, что Иногда использует некоторые

классические приемы, которые он сам «переоткрыл». Одна из комиссий при академии, в которую, в частности, входили известные ученые Араго, Коши, исследовала Анри Монде. По свидетельству Коши, полуграмотный сын дровосека Монде применял бином Ньютона. К подобным выводам пришла академия и при эксперименте в 1948 году с Морисом Дагбером.

Ученые считают, что дар феноменального счета в том виде, в каком он наблюдается у взрослых счетчиков, является в какой-то степени даром «воспитанным» (то есть приобретенным в результате систематических упражнений). Бродя по джунглям чисел, люди-счетчики зачастую находят приемы, которые дают им возможность сокращать вычисления.

Вот, вероятно, почему, когда Лев Толстой познакомился с демонстрацией феноменального счета виртуозом Диаманди, он сказал, что это, «в сущности, способность, необыкновенно ценная для всех». Но, как видно из дальнейших слов писателя, не для быстрого счета. Толстой думал о другом: «Как бы хорошо было уметь решать всякие вопросы так, как Диаманди решает задачи! Забыть обо всем постороннем, сосредоточить мысль и продумать вопрос до конца, до полной ясности...»

Монолог первый. Можно ли стать гением?

Вдумайтесь в слова Толстого. Предельно кратко и предельно ясно в них сформулирован ход решения любой творческой задачи. Посмотрите, как просто:

- забыть обо всем постороннем;
- сосредоточить мысль;
- продумать вопрос до конца;
- добиться полной ясности.

Думаю, не ошибусь, если скажу — гениальный Толстой показал здесь процесс мышления, который ему отчетливо представлялся как человеку выдающейся одаренности. Вероятно, великий писатель, работая, так и поступал, стремясь к достижению «полной ясности» в своем творчестве. И, как мы знаем, он достигал ее. В произведениях Толстого удивительно отчетливое видение жизни восторгает миллионы людей не одного поколения.

Казалось бы, как просто, бери готовую формулу творческого процесса — некий свод правил, подсказанный гением, и применяй для решения своих проблем, своих творческих задач, и добьешься таких же результатов. Но...

Известный наш писатель Даниил Гранин — автор замечательных романов о людях науки, о сложных путях творчества — опубликовал интересные заметки — «Священный дар». В них он подходит к ответу на вопрос «что такое гений?» широко, привлекая и «лирику» и «физику».

Надеюсь, Гранин и читатели извинят меня за слишком утилитарный подход к его «Священному дару»: я вынужден быть «рационалистом», ибо тема этого монолога слишком локальна.

«Может ли человек стать гением?» — спрашивает Даниил Гранин. Он берет пушкинского «Моцарта и Сальери» и на анализе столкновения их творческих начал делает психологически насыщенные рассуждения.

«Из всей галереи гениев человечества — ученых, поэтов, художников, мыслителей — Пушкин выбрал именно Моцарта. Выбор, поразительный своей безошибочностью... «Моцартианство» — ныне привычное определение гения, творящего легко и вдохновенно, обозначение «божественного дара», «вдохновения свыше». Гений Моцарта исключителен — он весь не труд, а озарение, он символ того таинственного наития, которое свободно, без усилий изливается абсолютным совершенством».

«Но можно ли стать гением?» — спрашивает еще раз далее Гранин.

«Стать, достичь трудом, силой своего разума, того, что считается божественным даром? Сальери считал, что — да, может». Человек может все. Сальери верил во всепобеждающее могущество человеческой воли, цели, алгебры, науки...

Он родился «с любовью к искусству». Это не талант, в нем не было того, что заставляет с детства безотчетно творить, сочинять. Творчество у Сальери — не потребность, не способ самовыражения, осуществления себя, для него это скорее выбор профессии, цель, и он идет к ней расчетливо, последовательно:

..Труден первый шаг
И скучен первый путь. Пресодолел
Я ранние невзгоды. Ремесло
Поставил я подножием искусству;
Я сделался ремесленник: перстам
Придал послушную, сухую беглость
И верность уху. Звуки умертвив,
Музыку я разъял, как труп. Поверил
Я алгеброй гармонию. Тогда
Уже дерзнул, в науке искушенный,
Предаться неге творческой мечты.

«Молодость Сальери, зрелость, вся его жизнь возникла для меня, — говорит Гранин, — как целеустремленная, в каком-то смысле идеальная прямая.

Таким представлялся мне идеал ученого. Настойчивость и ясное понимание, чего ты хочешь. Шлиман десятилетним мальчиком дал себе слово найти, откопать остатки древней Трои. И подчиняет всю свою жизнь этой задаче. Фарадей семь лет подряд пытался обнаружить, порождается ли магнетизмом электрический ток. Он не знал отвлечений от любимой, поставленной перед собой цели — «работать, заканчивать, опубликовать».

Одержимость своей идеей — вот, как мне казалось, отличительная черта истинно великого ученого.

Сальери тоже одержим. Но идея у него особая — стать творцом. Способность творить не была ему дана, он добывал ее, вырабатывал...»

Да, Сальери, чтобы «выйти в гении», шел путем, к которому и теперь иногда зовут: труд, труд и еще труд. Но не труд во имя слепого поиска и в надежде на призрачную удачу, а труд по заранее намеченной (как теперь говорят) программе, предусматривающей конечный результат.

«Вполне современно, — заключает автор «Священного дара». — Так же, как сегодня занимаются математическим анализом музыки, чтобы построить программу, следуя которой машина сможет сочинять музыку. Работают над этим не композиторы, а математики. Они пробуют учесть вдохновение, чувствительность гения, подробности жизни. Для этого вводится элемент случайности — «метод Монте-Карло». Они изучают правила, находят параметры, алгоритм синтеза. Подобно Сальери, они «веряют алгеброй гармонию» тональной музыки Баха, Глюка, Гайдна, того же Моцарта, вырабатывают гармонический план и т. д.

Такие опыты проводят ныне во многих лабораториях. Но то математики, им интересно уточнить некоторые законы.

Сальери же ищет правила, по которым он сможет творить; это правила не арифметики, а алгебры, ему мало сочинять — ему нужно научиться создавать великое, то, что создают гении. Механизм гениального, своего рода философский камень; он ищет секрет, как делается божественная музыка.

В наше время, задавшись такой целью, он мог бы стать выдающимся кибернетиком».

Мы с вами знаем, что, несмотря на высокий уровень композиторского мастерства и даже славу, и признание, и успех, не нашел Сальери, и его последователи не нашли удовлетворительного ответа на свой вопрос? И найдут ли?!

Монолог второй. Гении по заказу

Сколько уже времени не затихает спор вокруг сообщений о детях «в пробирке»! Поначалу — в 50-х годах спорили о мало-достоверных сенсационных сообщениях про опыты итальянского доктора Петруччио. В последующие годы дети из пробирки стали хотя и исключительной, но реальностью. Несколько пробирочных зародышей человека были имплантированы бесплодным женщинам, и они благополучно родили нормальных детей. Теперь уже, например, в Англии рождены таким способом 110 ребятишек. А одна англичанка — Лесли Браун даже родила недавно из пробирки второго ребенка — девочку Натали Джейн. Первый такой ребенок, тоже девочка, родилась у нее в

1978 году. Наибольшее распространение опыт получил в США. Здесь не менее 25 тысяч женщин за год подвергаются искусственному оплодотворению. В результате ежегодно рождается около 10 тысяч «пробирочных» детей.

Если учитывать, как женщины страдают от бездетности, то применение пробирочного метода в таких целях можно считать гуманным. Но у определенной части ученых на Западе возникла далеко идущая идея: нельзя ли направленно, по заказу «выводить» гениев? Нельзя ли, собирая и замораживая для длительного хранения наследственный материал только высокоодаренных людей, попытаться использовать его потом для оплодотворения.

Нашлись медики, которые решились сделать это на практике. Их вдохновителем был известный генетик, лауреат Нобелевской премии по биологии и медицине Герман Мёллер. Он вполне серьезно призывал будущих родителей преодолевать «эгоистические» желания воспроизводить деторождением свои собственные генетические характеристики и вместо этого помочь «конструировать» детей из «наилучших» генетических образцов. Это не что иное, как прямой призыв к производству супердетей.

Реально ли это?

Говорят, что мы вступаем или уже вступили в новый этап научно-технической революции — биологический. Основу его составляет генная инженерия.

Благодаря биотехнологическим достижениям она открыла перед человечеством удивительные перспективы. Мы можем строить по своему усмотрению молекулы ДНК. Мы можем из ДНК выделять соответствующий ген, несущий определенную функциональную информацию. Мы можем встраивать его в какую-либо живую систему, позволяющую быстро размножаться.

Уровень клеточной инженерии в настоящее время дает возможность создавать запасы замороженных эмбрионов, практически любых живых организмов и проводить их трансплантацию (пересадку) «приемным материям». (Замечу кстати, что таким способом уже сейчас получают копии особо ценных животных.)

Вот как недавно были сформулированы генетиками успехи генной инженерии во всей их совокупности. «Она позволяет: выделить ген из любого организма, перенести его в любой другой организм, «прочитать» ген, то есть установить последовательность всех составляющих его нуклеотидов, заставить его работать в другом организме, изменить ген, заменить некоторые его части».

Да, мы научились продираться сквозь генетические джунгли, это позволяет нам превращать почти все живое в почти все другое живое. Да, не приходится сомневаться, что мы во-

шли в «эру генетики» и стали хозяевами молекул, из которых, как известно, и сами созданы. А поскольку мы все меньше и меньше сомневаемся, что не только в формировании физиологических функций участвуют гены, но и в определенной мере и в формировании нашего поведения, нашей личности, генетики могут стать со временем хозяевами и наших тел и наших умов.

Не будет ли все это, как восклицала Алиса в стране чудес, «все страньше и страньше!»? Ведь стало доступным искусственное улучшение природы самого человека, целенаправленным изменением его генетического кода. Можно проводить «генетическое планирование индивидуумов» — заранее планировать создание образцовых людей — атлетов или интеллектуалов.

В руках человека хирургия генов с целью преобразования организма. Человек может провести и операцию, которая выглядит схематически просто: из клетки интересующего нас живого объекта извлекается ядро, которое несет всю полноту наследственной информации; это ядро пересаживается в яйцеклетку, из которой предварительно удалено собственное ядро, собственная наследственная программа; затем такую яйцеклетку переносят в организм приемной матери и заставляют нормально развиваться в нем. И тогда получим точную копию особо ценного для нас «объекта».

Значит, можно производить бесчисленное множество двойников выдающихся людей путем трансплантации их ДНК в яйцеклетки обычных людей. Значит можно производить прямо на конвейере легионы, скопированные с атлантов, силачей или заполнить мир копиями гениев, не уступающих Леонардо да Винчи. Неужели же просто внести в человеческую яйцеклетку такие свойства, как высокий интеллект, совершенную красоту, или геркулесову силу?

Невольно возникает в воображении некий ученый, напоминающий алхимика с колбами в руках. В одной — гены ума, в другой — красоты, в третьей — силы. Он вводит их в яйцеклетку — «творит» заказанные ему эмбрионы.

Как тут не вспомнить нашу мемуарную в свое время книгу Олдуса Хаксли «Прекрасный новый мир», в которой он описал лабораторию; где в тысячах колб, заполненных искусственными плацентами, ждали своего часа появления на свет новые люди нового времени.

Руководитель советской делегации на XIII Международном генетическом конгрессе, проходившем в августе 1979 года в американском городе Беркли, говорил, что на нем обсуждались некоторые вопросы, «которые скорее могут служить достоянием научно-фантастической литературы, чем ближайшей практики». А один из обсуждавшихся приемов генной инженерии показался ему «позаимствованным прямо со страниц научно-фантастической книги».

Но вот прошло всего лишь десять лет, и на повестку дня поставлен генетиками тот самый фантастический прием — клонирование людей: размножение человека внеполовым способом (из одной клетки). Это так называемое вегетативное размножение путем деления эмбрионов на много однояйцевых близнецов. При подобном способе потомство имеет тот же самый генетический код, что и его предок, а все копии оригинала будут генетически идентичны.

Известно, что идентичные близнецы очень похожи. И не только внешне, но и по своим интеллектуальным способностям и даже по всем жизненным проявлениям. Дело доходит до того, что у них одинаковые вкусы, одинаковые привычки, одинаковые потребности. Похожесть такова, что у близнецов даже головная боль наступает одновременно.

А поскольку клон — точная копия, то надеются, что сходство между донором и клоном будет полным во всем. Некоторые считают, что, например, клон Баха непременно был бы выдающимся композитором, а клон Ньютона — великим физиком.

Итак, гении по заказу, гении на потоке. Еще раз следует заметить: все, о чем говорилось выше, биологически реально, теоретически обосновано, практически возможно. Но...

Выводить гениев в широком масштабе не удастся. Не удастся по многим причинам.

Во-первых, каждое из свойств человека, личности, его способностей определяется тысячами генов, внутренне объединенных в человеке в бесконечно сложный комплекс. И изменение генофонда человека — дело не совсем простое. К тому же размножение немногих «гениев», как считают сами генетики, привело бы уже во втором-третьем поколении к повышению вероятности сближения родственных линий по общему родоначальнику. А это резко повышает возможность наследственных болезней и ухудшение потомства.

Если на производство большого числа эмбрионов для выращивания гениев пойдет один и тот же материал, то выведенные из них младенцы будут похожи друг на друга, как члены одной семьи. Нужны ли человечеству толпы одинаковых людей, одинаковых, как новенькие монеты одного достоинства?!

Не следует забывать, что клон великого человека все равно не сможет сравняться с донором по своим данным, потому что гений — это выдающийся человек, действующий на своем месте и в свое время. А его клон будет жить в другое время, в другой обстановке и действовать в других обстоятельствах. Мне встретилось высказывание одного ученого, утверждавшего, что при таком положении мир наводнят бесцветные копии знаменитых людей. Резонно задать вопрос, а нужны ли все они будут вне своего времени, вне своих задач и вне своих целей? Да тут немало возникает и нравственных проблем!

Ко всему можно добавить — донор и клон развиваются в разных организмах, и, безусловно, второй организм, в свою очередь, будет влиять на него, и вряд ли это влияние не внесет свои коррективы.

Таким образом, разные условия физиологического развития и разное влияние социальной среды после рождения будут иметь для клона не меньшее значение, чем генетические воздействия.

И последнее. Захотят ли люди изменять себя, даже чтобы тиражировать гениев?

Многие генетики утверждают и всячески отстаивают свою точку зрения: на современном этапе развития общества вмешательство в наследственную структуру человека в целях создания гениев для тиражирования недопустимо, искусственно умножать число гениев нельзя, неограниченное число гениев может привести к неожиданному явлению — к «интеллектуальной девальвации».

Монолог третий — о человеко-машинных системах

Пять эскизов к проблеме гениальности, рассказ о вундеркиндах и гениальных старцах и необыкновенных действиях мозга убеждают нас, что, хотя возможности мозга и очень велики, гением стать нельзя по своему хотению. И гениальная инженерия с ее чудо-методами и фантастическими перспективами вряд ли решит проблему.

Известно, что вся жизнь человека, все его поведение и даже старение определяется интеллектом. Чем выше уровень деятельности центральной нервной системы, тем больше возможностей у организма.

Люди безмерно горды. Человек поместил свой разум в центр вселенной, и хотя он вполне осознает и достоверно знает, что Земля всего лишь песчинка в необъятных просторах мироздания, он никому не хочет уступить первенства разуму. Разум, одаренность, гениальность ставят люди очень высоко. Не случайно, устремляя свой взгляд в будущее и желая угадать, что ждет его там, человек среди важнейших вопросов хочет получить ответ и на вопрос: каким станет его ум?

Ученые-оптимисты не сомневаются, что в будущем все большее число индивидуумов сможет достигнуть интеллектуального уровня, который сегодня доступен лишь узкой и поэтому привилегированной элите. Они уверены, что широкие массы людей будут делать то, что сегодня является лишь уделом одаренных людей.

Человеческий мозг будет безгранично развиваться, думают оптимисты. Ведь каждое поколение людей поднимает интеллект человека на более высокую ступень. Следовательно, человек будущего достигнет более высокого уровня умственного

развития, и многие станут обладать в некоторых областях знания такими способностями, которые мы называем гениальностью.

У пессимистов иная точка зрения. По всей видимости, утверждают они, как физические возможности человека определены естественными физиологическими границами, так и интеллект не может развиваться беспредельно. И на вопрос: способен ли совершенствоваться человеческий ум? — отвечают: сомнительно. Посмотрите, говорят они, со времени появления на Земле гомо сапиенса возможности человеческого ума не изменились. Наши предки были такими же искусными художниками. Гений Эвклида и Пифагора сравним с гением Менделеева и Эйнштейна. Разница лишь в том, что каждый из них базировался на сумме знаний предыдущих поколений.

«Люди будущего ничем не будут отличаться от нас — людей современности», — ставят точку в споре пессимисты, уверенные в своей правоте.

«Нет, — возражают противники. — Развитие человека продолжится. Оно будет сопровождаться — обеспечиваться — дальнейшим усложнением структуры головного мозга. Не следует забывать и об успехах биологической науки, способной в будущем изменить структуру, биохимию и принципы работы мозга, резко повысить интеллектуальные возможности человека».

«Гомо сапиенс непривычно тщеславен, — возмущаются пессимисты. — Он не уважает законы эволюции, почему-то считает, что ему все дозволено. Если люди и научатся управлять биохимическими процессами мозга, то все равно никогда не сумеют сделать из глупца гения».

На II Всесоюзной антропологической конференции, которая проходила в 1981 году в Минске, практически все согласились с утверждением, что мозг человека развивается. Развивается, подвергаясь непрерывно разносторонним, разнообразным экологическим и социальным испытаниям, которые оставляют в нем материальные следы обучения. И изменения в развитии мозга теперь иные. Прием, переработка, хранение огромной по объему информации заставляют мозг включать все большее количество нейронов.

Но, как утверждает академик Н. П. Дубинин, «возможности мозга в восприятии информации, ее переработке, создании общих и уникальных реакций на внешнюю среду, то есть в процессах, ведущих к появлению духовной личности человека, поистине безграничны. Мозг содержит 14 миллиардов нервных клеток. Каждая из них обладает пятью тысячами связей с другими. В пределах каждой клетки возникает внутриклеточное состояние. Все это создает поистине безграничный потенциал возможностей, когда количество степеней свободы трудно поддается исчислению. Можно сказать, что любой человек, сколь бы гениален он ни был, в течение своей личной жизни использует

не более одной миллиардной доли тех возможностей, которые ему предоставляет его мозг».

Одну миллиардную долю возможностей использует и гений и ординарный ум. Поэтому можно предположить, что отличие между ними качественное. Не случайно, когда психологи определяют умственное развитие детей, они обращают внимание на их способность увидеть и выделить в любом из предметов как можно больше сторон, характеристик, особенностей, то есть определяют «качество» ума. И не случайно считается, что талант — это умение попасть в точку, которую все видят, но попасть не могут. Опять качественная особенность. Гений же — это умение попасть в ту точку, которую видит только он. Это уже совсем иной уровень качества.

Ясно одно — задача повышения качества умственных возможностей — задача социальная, а не биологическая. Есть ли у человека средства для ее решения? Что касается гения, то, как всегда, вопрос остается без ответа. С гением все неясно, кроме того, что он гений.

А вот помочь людям попасть в ту «точку», которую все видят, но попасть не могут, реально. Для этого надо вооружить их соответствующими методами и средствами.

Чаще всего человек не знает, каким путем в ту самую «точку» попасть. Если бы он мог перебрать все возможности и все их составляющие? Но, увы, человеческому уму это пока не под силу.

На данном этапе развития цивилизации сложность мира намного превышает наши возможности в накоплении, хранении и переработке информации. На современного человека обрушивается ее неустанный и все растущий поток. Для каждого совершенно неодолимой стала проблема переработки информации. А информация оказывает все большее влияние на все аспекты развития человека и общества. Она как бы включается в его физическую и умственную суть.

Сейчас под «информационным прессом» находятся все, а он все не останавливается, а, наоборот, вызывает новые потоки информации. С ними все труднее и труднее справляться.

Один из основоположников кибернетики У. Р. Эшби выдвинул идею создания «искусственного гения». Это многообещающее определение потом заменили на более прозаическое, но более верное — «усилитель умственных способностей».

Электронные вычислительные машины, умеющие накапливать и обрабатывать гигантские массивы всевозможных данных, были, можно сказать, первым этапом на пути к усилению умственных возможностей человека.

Естественным развитием на пути усиления умственных возможностей с помощью ЭВМ стал вопрос о создании «искусственного интеллекта».

«Искусственный интеллект» не синоним искусственного разума, а исследовательское направление в науке, к которому относятся проблемы и задачи, требующие переработки не цифровой, как в ЭВМ, а смысловой информации. В системе «искусственный интеллект» машина уже не может обходиться просто данными, ей необходимы знания. Скорости обработки знаний у «искусственного интеллекта» неизмеримо больше, чем у человека. Гибкость ума человека, помноженная на скоростные возможности машины, позволяет осуществить содружество, в результате которого изменяется организация мышления человека, изменяется сам творческий процесс.

Человек освобождается от необходимости учиться много запоминать, чтобы много «на всякий случай» знать. Ему надо будет лишь учиться сопоставлять, сталкивать, сравнивать, придумывать, находить, творить.

Творческая система «человек — искусственный интеллект» позволит изменить во многом структуру человеческой деятельности в направлении резкого повышения уровня интеллектуальной работы. Человек, создавший «искусственный интеллект», поднимает себя на новую ступень интеллектуальной организации. Ему становится под силу решать те задачи, перед которыми он раньше должен был бы отступить.

Нужно ли мечтать о проблематичном создании гениев, когда реально с помощью искусственного усилителя умственных возможностей дать людям способ эффективной творческой работы на уровне высокоодаренной интеллектуальной личности.

Нужно ли создавать любыми способами гениев, если универсальность будущих Леонардо да Винчи XXI века видится в могуществе человеко-машинных интеллектуальных систем — новом этапе развития производительных сил.

А гении как были нужны, так и будут нужны человечеству.

РАХИЛЬ ИНОЗЕМЦЕВА

СЛЕДЫ АТЛАНТИДЫ

Глобальная катастрофа — причина гибели Атлантиды

Интерес к Атлантиде, некогда могущественному государству, расположенному где-то в Атлантическом океане, за Геркулесовыми столбами, и погибшему «в один день и одну страшную ночь» в пучинах океана, на протяжении веков то возростал, то затихал, чтобы затем вспыхнуть вновь при появлении новых фактов.

Истории Атлантиды посвящено более пяти тысяч публикаций в основном за последние 150 лет. Первым признанным литературным источником считают диалоги Платона «Критий» и

«Тимей», в них повествуется о географическом положении Атлантиды, ее богатстве, государственном строе, а также о ее агрессивных намерениях по отношению к древним афинянам, о войне, закончившейся победой афинян, и, наконец, о внезапной гибели Атлантиды.

Вслед за Аристотелем, который пренебрежительно отозвался об этих работах своего учителя, многие философы и ученые сочли рассказы Платона мифом; другие, в большей или меньшей мере веря в подлинность повествования Платона, пытались узреть погибшую Атлантиду в самых различных точках земного шара, где только обнаруживались сколько-нибудь подходящие следы древней цивилизации, часто вопреки приведенным Платоном указаниям о расположении Атлантиды, ее размерах и времени ее гибели. Атлантида стала неким символом древней культуры и цивилизации.

Долгое время поиски следов Атлантиды носили чисто умозрительный характер и были малоубедительными.

Первым научным трудом современной «атлантологии» — учения об Атлантиде с позиции сторонников ее существования — считается опубликованная в 1882 году, сто лет назад, книга американского ученого Игнациуса Донелли «Атлантида — допотопный мир», вызвавшая огромный интерес и выдержавшая более 50 изданий на разных языках. Книга эта до сих пор не потеряла своей актуальности и привлекает читателей убежденностью автора в выдвигаемых им положениях, обстоятельностью и широтой исследований, интересным изложением материала.

Донелли выдвигает и отстаивает 13 следующих положений:

1. Напротив выхода из Средиземного моря в Атлантическом океане существовал когда-то большой остров, известный древнему миру как Атлантида.

2. Описание этого острова, приведенное Платоном, не миф, а реальность.

3. Атлантида была страной, в которой человек впервые поднялся из первобытного состояния до уровня цивилизованного человека.

4. Атлантида в течение веков стала многонаселенным и мощным государством; эта цивилизация распространилась на население берегов Мексиканского залива, рек Миссисипи и Амазонки, Южно-Американского берега Тихого океана, Средиземноморья, берегов Европы и Африки, Балтийского, Черного и Каспийского морей.

5. Предания древних народов, сохранивших общие воспоминания о земном рае, большой стране, где люди жили когда-то в мире и довольствии, и есть предания об Атлантиде.

6. Боги и богини древних греков, финикийцев, индусов и скандинавов — это цари, царицы и герои Атлантиды; и дей-

ствия, приписываемые им в мифах, — искаженные воспоминания об истинных событиях.

7. Мифология Египта и Перу — это первоначальная религия атлантов, поклонявшихся Солнцу.

8. Самой древней колонией Атлантиды был, по-видимому, Египет, цивилизация которого во многом копировала цивилизацию Атлантиды.

9. Бронзовый век пришел из Атлантиды. В Атлантиде же впервые начали применять железо.

10. Финикийский алфавит, прародитель всех европейских алфавитов, произошел от алфавита атлантов.

11. Атлантида была прародиной различных народов.

12. Атлантида погибла в катастрофе, в результате которой весь остров погрузился в океан вместе с жителями.

13. Небольшое число атлантов избежало гибели, добравшись на кораблях или плотах до суши на западе или востоке от Атлантиды. От них пошли рассказы о происшедшей катастрофе, которые дошли до наших дней в виде легенд.

Для доказательства своих гипотез Донелли в первую очередь подробно анализирует текст Платона и доказывает его правдоподобность, далее на примерах геологических катастроф в наше историческое время обосновывает возможность гибели Атлантиды, привлекая результаты находок со дна морей, доказательства из мира флоры и фауны, сопоставляет легенды народов различных стран и континентов, сравнивает цивилизации Старого и Нового Света, лингвистические связи и дает анализ таких фактов, как появление бронзового и железного веков, общих обычаев бальзамирования мертвых на разных континентах и т. д.

Его гипотезы значительно опередили идеи его современников, и неудивительно, что книга Донелли оказала огромное влияние на научное мышление и на дальнейшее развитие исследований, связанных с проблемой Атлантиды, и вообще на изучение наследия древних времен.

Слабым местом атлантологии было отсутствие теории, которая могла бы объяснить глобальный характер катастрофы, которая согласно Платону привела не только к гибели Атлантиды, но и к тому, что все воинство эллинов провалилось под землю.

Один из известных атлантологов Г. С. Беллами придерживается гипотезы австрийского космолога Ганса Гербигера, утверждающего, что причиной катастрофы, в которой погибла Атлантида, было превращение Луны в спутник Земли. Луна некогда была самостоятельной планетой с орбитой, проходившей между орбитами Земли и Марса, а затем была «захвачена» полем притяжения Земли в момент максимального сближения.

Это, по Гербигеру, произошло сравнительно недавно, порядка десяти тысяч лет тому назад.

Гравитационные силы нового спутника, воздействуя на Мировой океан, внезапно бросили огромные массы воды в тропические районы и удержали их там. Эти массы воды затопили большие участки суши, как острова, так и береговые части континентов в зоне порядка 40 градусов северной и южной широт, и среди них Атлантиду, которая согласно Платону находилась на этих широтах.

Эти гравитационные нарушения привели к повышению сейсмической и вулканической активности, метеорологическим катастрофам и изменению климата.

Некоторые ученые считают, что глобальные катастрофы носят рекуррентный характер и обусловлены причинами, лежащими в природе процессов, происходящих на самой Земле. Сторонниками таких рекуррентных катастроф среди зарубежных ученых можно назвать Х. О. Брауна, Ч. Х. Хэпгуда, М. Валентайна.

Так, Охинглосс Браун считает, что причиной катастроф может явиться смещение магнитных полюсов относительно спиновых, то есть осевых, что приводит к вобуляциям оси Земли до тех пор, пока не наступит совпадение осей и спинов, как у гигантского волчка.

Другой американский ученый, Чарлз Хэпгуд, исходя из теории о том, что полюса Земли неоднократно меняли свое положение, приписывает катаклизмы сейсмическим явлениям, вызванным напряжениями и давлением в земной коре, а также текучестью ее нижних слоев. Профессор Хэпгуд считает, что в земной коре все время происходят процессы, направленные на обеспечение изостатического равновесия, которые могут сопровождаться резкими изменениями рельефа, то есть образованием гор и островов и, наоборот, опусканием береговых линий, архипелагов или даже континентов.

Автор теории «катастрофизма», связанной с недавно открытым электрическим зарядом Земли и ее магнитным полем, д-р Мэнсон Валентайн утверждает, что при расхождении между географическим положением оси вращения и магнитных полюсов (вызванных, например, аномалиями в магнитном поле нашей солнечной системы, случайными или периодическими) возникают дополнительные магнитные напряженности, которые, достигнув критической величины, могут привести к скачкообразному изменению положения оси Земли. Это, в свою очередь, сопровождается катастрофическими изменениями в земной коре с вытекающими отсюда другими последствиями.

Теории рекуррентных катастроф не исключают и возможности случайных катаклизмов, обусловленных внешними причинами, такими, как приближение на опасные для Земли расстояния

кометы или падение крупных метеоритов. Такую теорию отстаивает, например, Иммануил Великовский, доказывающий неоднократные случаи таких явлений.

Такие гипотезы естественным образом объясняют не только сами катастрофические явления, сопровождавшие момент падения метеорита или астероида, но и последовавшее затем смещение полюсов, таяние льдов, затопление очагов прежней цивилизации, которые так и остались в основном под водой. По мнению защитников этой гипотезы, там и следует их искать, с чем будет сказано в последующих разделах.

Не исключено, что именно близостью катастрофы объясняется строительство атлантами их мегалитических (из огромных каменных блоков) сооружений, обладавших, как показало время, прекрасной сейсмоустойчивостью. Такие мегалитические стены встречаются в разных местах, главным образом вблизи теперешних и прежних берегов моря и в прибрежном шельфе.

В нашем столетии резко возрос поток исследований, связанных с поисками следов Атлантиды. Ученые разных стран занялись изучением классических мифов, местных легенд различных народностей, особенно тех, которые могли в далеком прошлом быть каким-нибудь образом связаны с этой погибшей цивилизацией. Данные из таких областей науки, как биология, антропология, геология, ботаника, лингвистика, и сейсмология, подтвердили, что когда-то действительно существовала суша, соединявшая Новый Свет со Старым. Сначала это мог быть континент, который затем распался на ряд отдельных островов. Факт существования Атлантиды позволяет разрешить ряд необычных и без него непонятных вопросов во многих областях естественных наук, объяснить общность мифов и культурных памятников разъединенных в пространстве народов. Как сказал страстный атлантолог Валерий Брюсов в своих «Учителях учителей»: «Атлантида необходима истории и поэтому должна быть открыта».

Современные методы исследований и анализа результатов дали новый толчок к изучению далекого прошлого нашей планеты, которое становится тем интереснее и важнее, чем выше прогресс в науке и других областях нашей жизни.

На вооружении у археологов имеются сейчас значительно более совершенные средства и методы, чем когда-либо раньше. К ним относятся использование самолетов и аэрофотосъемок труднодоступных мест, специальной локационной аппаратуры и цезиевых приборов для обнаружения подземных находок, наличие миниатюрных подводных лодок, батискафов и других аппаратов для длительного подводного исследования объектов с применением телевизионной и фоторегистрирующей техники. На помощь археологам приходит также прогресс в знании древних языков с использованием машинных методов расшифров-

ки, методы очистки и реставрации древних произведений искусства и других предметов и, что чрезвычайно важно, методы правильной датировки находок, в частности с применением радиоактивного углерода C^{14} .

Не исключено, что благодаря этим техническим возможностям в скором времени суждено осуществиться предсказанию Игнациуса Донелли: «Кто поручится, что через сто лет наши музеи не будут полны украшений, статуй, оружия и утвари из Атлантиды, а в библиотеках мира не окажутся переводы рукописей, проливающих новый свет на всю историю человечества и на все сложные проблемы, занимающие сейчас умы наших мыслителей».

По мере обнаружения все большего числа памятников древней цивилизации (наскальные рисунки, развалины древних сооружений, древние рукописи и многое другое) все дальше в глубь веков отодвигается начало существования цивилизованного человека.

Где искать Атлантиду?

Согласно Платону гибель Атлантиды произошла в 9560 году до н. э. в волнах Атлантического океана. Относительно даты гибели большинство ученых (признающих существование Атлантиды) примерно сходится. Советский ученый Екатерина Гагемейстер считает, что конец европейского ледникового периода, появление Гольфстрима и конец Атлантиды произошли одновременно около 10 000 лет до н. э. Некоторые ученые считают возможным установить даже день катастрофы на основе изучения календарей древних народов майя, египтян, индусов, ассирийцев, у которых после катастрофы начался новый отсчет времени.

Значительно больше расхождений относительно расположения Атлантиды. Американский ученый Чарлз Берлиц в книге «Тайна Атлантиды», откуда почерпнуты многие данные, приведенные в настоящей работе, приводит интересный результат подсчета мнений ученых о том, где следует искать Атлантиду. Из 270 видных специалистов и исследователей, занимавшихся этим вопросом, 97 считают ее расположенной в Атлантическом океане, 46 не признают ее существования, 21 считает, что ее следует искать на территории Америки, 15 — в Северной Африке, остальные — в самых различных местах, а именно: в Палестине, на юге Испании, в Эгейском или Средиземном море, в Тихом океане, Сахаре, Иране, на Кавказе или в Крыму и т. д. Вообще можно понять желание иных ученых найти следы Атлантиды — символа древней культуры — в своей стране, в этом чувствуется преклонение перед ее величием и ее трагедией, хотя это и не помогает установить истину, а скорее дискредитирует самую идею реального существования Атлантиды.

Среди отечественных ученых сторонниками реальности Атлантиды были такие видные люди, как академик В. А. Обручев, В. Брюсов, Николай Рерих.

В обстоятельной научной монографии советского ученого Н. Жирова утверждается, что Атлантида была расположена вблизи Азорских островов, на Средне-Атлантическом хребте, на котором и Донелли расположил свою Атлантиду.

Следует подчеркнуть, что, по данным сейсмологии, Атлантический океан до сих пор является одним из самых беспокойных районов с частыми подводными землетрясениями и извер-

жениями вулканов, с появлением новых островов и исчезновением некоторых из них в глубинах океана.

В настоящее время основные усилия научных экспедиций и отдельных исследователей направлены на бассейн Атлантического океана, в частности, на мало исследованные ранее районы Багамских островов и побережья Центральной и Южной Америки, в надежде найти там убедительные доказательства существования государства атлантов.

Старые реликвии и их новый смысл

По утверждению скептиков, нет достаточных данных, подтверждающих высокую цивилизацию доисторических предков. Однако следует учесть, что для правильной оценки наследия другой цивилизации нужно зачастую обладать знаниями, более высокими или хотя бы сравнимыми с уровнем знаний исследуемой цивилизации.

В противном случае можно попросту не понять назначения реликвий той, другой цивилизации, неправильно их оценить и даже использовать для отопления бань, как произошло с сокровищами Александрийской библиотеки (их хватило на отопление 400 общественных бань Александрии на целых полгода!).

На протяжении веков пропало по вине потомков немало бесценных следов прежней культуры; были уничтожены почти поголовно целые племена и народы, их города, сооружения, предметы искусства, литературное наследие и т. д. До нас дошла лишь очень малая часть, и требовалось длительное время, чтобы их изучить, понять и правильно оценить. Этот процесс продолжается и в наше время...

Остановимся выборочно только на некоторых известных памятниках далекой древности, свидетелях высокого уровня ее цивилизации.

Вернемся к манускриптам Александрийской библиотеки, даже не касаясь их содержания. Сам только факт существования библиотеки, насчитывавшей более миллиона манускриптов, заставляет задуматься над тем, кем и когда было написано такое громадное количество книг? И для кого? Ведь наличие книг предполагает и грамотных читателей.

Обрывки сведений, содержащихся когда-то в древних манускриптах, попали в книги классических греческих и римских писателей, философов и ученых. Они касаются разных областей знаний: математики, астрономии, географии, истории, литературы... Некоторая часть книг избежала уничтожения в Константинополе, их обнаружение считают началом ренессанса в науке.

Избежали также участи александрийской и некоторых других хранилищ древней мудрости сокровища Востока — Индии,

Китай, Тибета. Хочется надеяться, что их содержание станет достоянием ученых нашего времени.

Предполагается, что из древних библиотек были извлечены и многократно перерисованы карты древнего мира с нанесенными на них точными очертаниями земель, впоследствии забытых, в координатной системе, неизвестной многим последующим поколениям. Такой является, например, карта Пири Рейса, обрывок которой был найден в Турции в 1929 году. Она представляет собой одну из карт, захваченных в 1501 году у пленного испанца, участника путешествий Колумба, и опубликованных в 1520 году Пири Рейсом, турецким пиратом, а затем адмиралом.

На этой карте, очевидно копии очень древней карты, изображены с большой точностью очертания континентов Северной и Южной Америк, их рек и горных хребтов, причем очертания Южной Америки растянуты, так как карта построена в сферической системе координат. На ней нанесены также очертания Гренландии и Антарктиды, неизвестных европейцам в то время. Наиболее загадочно, что контуры Антарктиды изображены свободными ото льда, а подобное изображение получено вновь только несколько лет тому назад. Гренландия изображена в виде двух или трех островов, а ведь она покрыта слоем льда толщиной в 1,5 километра, и то, что она состоит из двух островов, было только в последние годы установлено французской полярной экспедицией.

Капитан Ларсен из Гидрографического ведомства морского флота США после сверки карты Пири Рейса заявил: «Точность этой древней карты, насчитывающей более 5000 лет, так велика, что достигнуть ее можно лишь кругосветным путешествием».

Сохранились и другие средневековые карты, явно скопированные с более древних и содержащие более подробные данные, чем оригинальные карты этих мест более позднего происхождения.

Только в наше время, получив возможность строить точные карты с помощью аэрофотосъемок и других современных методов картографии, мы в состоянии по достоинству оценить эти древние карты, вероятно, первоначально даже более точные и искаженные многократным копированием.

Тем из наших предков, которые не умели ими пользоваться, они могли показаться фантастичными и ненужными после прекращения контактов между удаленными странами и континентами.

Перейдем к рассмотрению самой большой по размерам, может быть, и по значимости, реликвии древности — к пирамиде Хеопса в Египте, хотя она стала уже хрестоматийной.

Построенная, по общепринятому мнению, 4500—5000 лет тому назад, а по мнению некоторых ученых, значительно раньше, она считается предназначенной для захоронения фараона Ху-

фу. Однако ни многочисленные грабители захоронений, ни арабские правители средних веков, ни современные исследователи не нашли в ней никаких следов захоронения, что наряду с многочисленными легендами дало повод предполагать в ней хранилище накопленных знаний промежуточного периода в истории между концом более древней и началом новой культуры.

Почти случайно во время наполеоновских войн было обнаружено, что сами параметры пирамиды таят в себе данные по геодезии, математике и астрономии. Так, оказалось, что пирамида ориентирована точно относительно полярной оси Земли, продолжение диагоналей ее точно охватывает дельту Нила, а меридиан, проведенный через ее вершину, делит дельту Нила почти пополам.

Расположение пирамиды оказывается идеальным местом для первого меридиана, так как он делил бы почти поровну обитаемые континенты. Размеры пирамиды связаны с параметрами земного шара. Так, Геродот и другие древнегреческие писатели сообщали, что наклонная высота пирамиды равна в точности одной стадии, то есть одной шестисотой градуса широты, длина стороны — одной восьмой минуты. Эти указания геодезических мер, свидетельствующие о знании древними размеров Земли, давно наводили на мысль, что в пирамиде заключены и другие важные параметры, нужно их только точно измерить. В наше время произведена расчистка основания и введена поправка, учитывающая камни обшивки, после чего получены величины, смысл которых почти так же удивителен, как и теория, будто в размерах и поворотах внутренних ходов заложены сведения о прошлом и предсказания на будущее. Так, отношение периметра основания к удвоенной высоте равно 3,1416, то есть числу «пи». Периметр основания равен, таким образом, периметру окружности с радиусом, равным высоте.

Отверстие в одном из ходов пирамиды обращено на Полярную звезду, но это справедливо для того времени, когда Полярная звезда была в созвездии Дракона. Это указывает, что пирамида могла быть также обсерваторией. Кроме того, она могла использоваться как календарь и как громадные часы. Несколько вогнутые стены ее сверкавшей белоснежной обшивки из белого известняка, сплошь расписанные непонятными знаками, по свидетельству очевидцев, еще в средние века обеспечивали возможность точно измерять длину тени и по ней отсчитывать время.

Древние легенды говорят, что пирамида построена за 300 лет до Потопа как хранилище знаний, в том числе для сохранения секрета нержавеющей железа и гнувшегося стекла. Эти-то секреты хотели выведать у нее средневековые завоеватели. В настоящее время также ведутся исследования внутри пирамиды с использованием новейшей техники обнаружения скрытых полостей (объединенный проект США и АРЕ). Пред-

варительные результаты показали, что эта задача значительно сложнее, чем могло показаться.

Относительно других пирамид есть предположение, что они являются попыткой подражать без понимания и намерения вложить в их строительство какой-то специальный научный смысл.

Интересно и странно, что пирамида Хуфу не упоминается в ранних египетских письменных источниках. Первые упоминания о ней находят у греков и римлян, посетивших Египет как туристы.

Известный исследователь пирамид Петер Томкинс считает Великую Пирамиду обсерваторией, а также исходной точкой для расчета долготы на древних картах северного полушария. Говоря о геодезических познаниях строителей пирамиды, он заявляет:

«Тот, кто строил пирамиду Хуфу, знал, как делать отличные карты звездного неба и с помощью звезд правильно рассчитывать долготу, строить карты планеты, и следовательно, свободно передвигаться по Земле — по ее континентам и океанам. Существует определенная связь между исходными знаниями тех, кто повелел строить Великую Пирамиду, и тех, кто создал древние карты морей, более точные и подробные, чем дошедшие до наших дней».

Связь между пирамидой Хуфу и древними картами наводит на следующее размышление. Если перед Потопом существовала высокая цивилизация, то все равно от нее могло остаться в неповрежденном виде очень мало, учитывая время, гибель людей в катастрофе, изменение климата и т. д. Сохраниться могли только практически не поддающиеся разрушению памятники, а также то, что необходимо для существования, и поэтому многократно воспроизводилось. Первым из таких памятников можно считать пирамиду Хуфу, вторым — средневековые копии древних карт мира.

Новое в поисках Атлантиды

Многочисленные находки в разных концах света свидетельствуют о существовании высокой цивилизации в древние времена, но не отвечают определенно на вопрос, где же все-таки была Атлантида, метрополия древней цивилизации?

До недавнего времени ответ на этот вопрос можно было получить, только случайно наткнувшись на ее физические развалины.

В наше время делаются попытки получить убедительные данные с помощью океанографических исследований, аэрофотосъемок поверхности мелководного шельфа и подробного изучения обнаруживаемых подводных объектов с помощью новейших аппаратов для длительного пребывания под водой, в том числе на больших глубинах до 400—500 метров, оборудованных

устройствами телефонной связи с кораблем и оснащенных телевизионными камерами и фотоаппаратурой для подводных съемок.

Такое направление поисков базируется на общепринятом среди геологов и океанографов утверждении, что, кроме наблюдающегося за последнюю тысячу лет медленного роста уровня воды в океанах — не более 30 см за столетие, около десятиго тысячелетия до нашей эры произошло внезапное повышение уровня воды в Мировом океане примерно на 150 метров. Причиной этому послужило таяние последних ледников. Сопутствующими явлениями были сейсмические нарушения, особенно в сейсмоактивной зоне Атлантического океана. Землетрясения, обвалы суши и вздыбливание гор, громадные приливные волны и ливневые потоки с неба воспринимались населением многих районов земного шара как всемирный потоп. Народ Атлантиды, который, очевидно, проживал на островах с благоприятными климатическими условиями и на близких к ним прибрежных зонах континентов, погиб в результате наводнения и сопровождающих его извержений вулканов и землетрясений. Подъем уровня воды привел и к затоплению целых районов суши в бассейне Средиземного моря, дно которого, как известно, характеризуется изрезанным рельефом с подводными горами и долинами.

Основная идея новых поисков состоит в том, что после Потопа вода не ушла, а осталась, и все эти населенные районы должны находиться под водой и до настоящего времени. Если и представить рельеф островов Атлантического океана и прибрежных полос континентов с учетом изменения уровня воды, то получим значительные участки суши, достаточные для размещения многонаселенного государства с развитой цивилизацией.

В частности, существенно увеличится и площадь Малой и Большой Багамской банки, до сих пор не рассматривавшейся как возможное место поселения древних цивилизованных людей.

По мнению французского ученого Ж. А. Фоекса, населенные центры древней Атлантиды следует искать вблизи прежнего уровня суши, на островах и под водой около них. Действительно, такие подводные сооружения и прежде случайно обнаруживались вблизи Азорских и Канарских островов, а в последнее время, о чем подробнее будет сказано ниже, и в западной части Атлантического океана.

При таком подходе мы получаем Атлантиду там, где указывал Платон, — на больших островах в океане и на меньших расстояниях до континентов, что облегчало общение между ними. Указанное Платоном время гибели тоже практически совпадает со временем таяния ледников и подъема уровня воды.

К этому времени относится и появление мегалитических сооружений, возможно, для защиты от потопа.

В такой интерпретации событий можно истолковать древние легенды о Потопе с поправкой, что не земля опустилась, а поднялся уровень океана и, поднявшись, не опустился более. Во время особо сильных отливов жителям прибрежных районов случалось видеть развалины целых городов, расположенных на дне моря. Во время последующего прилива они исчезали из виду и в обычных условиях их нельзя было обнаружить с суши.

На развалины древних сооружений, не сумев их порой отличить от естественных образований, наталкивались нередко ныряльщики — искатели кладов из потонувших кораблей, но не придавали этим находкам должного внимания. Например, один из таких искателей кладов наткнулся на остатки потонувшего корабля, которые покоились на цветном мозаичном полу! Но рассказы о подводных находках встречались, как правило, с недоверием, так как зачастую не удавалось обнаружить их при других условиях видимости или состояния дна.

Очень обнадеживающими являются обнаруженные в последние годы странные сооружения или их развалины в западной, восточной и центральной части Атлантического океана, явно указывающие на то, что там имеются остатки поселений времен, предшествующих моменту гибели Атлантиды.

В 1968 году был с воздуха обнаружен странный прямоугольник на мелководье вблизи острова Бимини, в Багамской банке. Организованная видными исследователями подводных сооружений Д. Ребиковым и М. Валентайном экспедиция показала, что темный прямоугольник на глубине 18 м, поросший морскими растениями, представляет собой остатки древнего строения, вероятно храма, с размерами 30 на 23 метра. Расположен он вблизи северного края острова Андрос, самого большого на Багамских островах. Исследователи отметили, что «природа умеет создавать круглые формы и множество других форм, но прямой угол — это всегда дело рук человека», и далее: «Закон археолога — если обнаружено сооружение типа храма, следовательно, поблизости надо искать город или селение, — именно поэтому эта находка кажется обнадеживающей».

Положение руин относительно нынешнего уровня воды позволяет уверенно сказать об их древности. Др. М. Валентайн, открывший до этого многочисленные сооружения в Юкатане, сообщил, что и раньше во время подводных исследований они с Ребиковым находили в подводных руинах помещения типа комнат или камер, а также наблюдали с воздуха десятки параллельно расположенных «дорог» и геометрических конфигураций в форме окружности. Это привело их к убеждению, что ими обнаружены следы древнего города.

Наиболее волнующим, по словам М. Валентайна, было от-

крытие, сделанное им 2 сентября 1968 года, когда на расстоянии 5,5 км от северо-восточного берега Северной Бими́ни им была обнаружена мостовая из прямоугольных и многоугольных плоских камней различного размера и толщины, очевидно, обработанных и аккуратно подогнанных. Эти камни, видимо, находились под водой очень долго, так как края даже самых крупных оказались скругленными. Большими прямоугольными камнями длиной не менее 3—4,5 метра вымощены параллельно проложенные улицы, а меньшие по размеру камни образуют подобие мозаичной мостовой, покрывающей большие площади. В местах, где вода вымыла песок между мостовыми, обнаружен еще один слой камней, уложенных на большей глубине.

Найденная доктором Валентайном подводная кладка тянется по прямой на сотни метров, исчезая затем под слоем песка и вновь появляясь в другой части Бими́ни, будто гигантская цитадель. Принять ее за естественное образование никак нельзя, потому что она построена из материала, отличного от породы прибрежных скал.

В районе того же острова с воздуха были обнаружены на глубине порядка 30 м вертикальные стены и даже нечто вроде большой арки. На расстояниях от нескольких миль до сотни миль от берега под водой видны пирамиды или их основания. Южнее острова Андрос удалось сфотографировать также расположенные под водой конфигурации из камней в виде концентрических окружностей, наподобие найденных в Стоунхедже.

В различных местах Багамской банки найдены десятки необычных обломков архитектурных объектов; некоторые из них покрыты подводной растительностью и едва виднеются, образуя слабые очертания прямоугольной или круглой формы, что и позволяет в них заподозрить дело рук человека.

Датировка по корням подводных растений, покрывающих камни подводной дороги М. Валентайна, позволила установить их возраст — около 10—12 тысяч лет, что согласуется с данными Платона и с принятой геологической датой начала таяния ледников, покрывавших север Европы.

Большое количество искусственных сооружений встречается в Карибском море и в близких к нему районах. При тихой ясной погоде видны подводные каналы или дороги, тянущиеся вдоль побережья Восточного Юкатана и Британского Гондураса и уходящие в глубь моря до больших глубин. Подводные зондирования показали также наличие подводной стены длиной 100 миль на дне морском вблизи Венесуэлы. Геологи сочли ее естественным образованием на том основании, что она слишком грандиозна для искусственного сооружения. Аналогичное объяснение было дано подводной стене длиной 10 миль у мыса Гаттерас. Севернее Кубы был обнаружен комплекс подводных сооружений на площади более четырех гектаров.

Большинство находок в западной части Атлантического

океана и в Карибском море — это находки на сравнительно малых глубинах от 10 до 60 м. Есть основания предполагать, что имеются руины сооружений на больших глубинах. Так, французской подводной лодкой «Архимед» обнаружен ряд ступеней, вырубленных в пологой части континентального шельфа у острова Андрос на значительно большей глубине, чем другие находки.

В нашей печати время от времени появляются сообщения об успешных исследовательских работах в поисках следов древних цивилизаций в этих же районах.

По мнению Ч. Берлигца, лично принимавшего участие в исследовании подводных сооружений в западной части Атлантического океана, найденные в районе Багамских островов руины мегалитических сооружений и являются частью затонувшей Атлантиды. Согласно тексту Платона «за островами против Геркулесовых столбов были другие острова, из которых можно было добраться по судоходному тогда океану к другому континенту, окружавшему тот истинный океан...», то есть к Америке. Возможно, Багамские острова и есть те самые «другие острова» из текста Платона. Как бы то ни было, эта территория могла входить в состав империи атлантов, и на ней могли стоять большие города этой империи.

Интересно, кстати, как отмечает Ч. Берлигц, что наиболее существенное в повествовании Платона упоминание о неизвестном тогда континенте Америка явно недооценивалось потомками при решении споров о правдивости сочинения Платона.

На западном склоне Средне-Атлантического хребта вблизи Азорских островов в 1942 году были с воздуха обнаружены покоящиеся под водой сооружения и целые города. Их увидели летчики, доставляющие самолеты из Бразилии в Дакар. Эти руины видны только при очень тихой погоде и при определенных условиях освещенности и преломления света, что бывает довольно редко.

Подобные архитектурные сооружения были также выявлены у острова Боа Виста в группе островов Кап Верде. Возле Канарских островов первые их завоеватели нашли развалины сооружений и целых городов даже на суше, хотя к приходу испанцев местные жители гуанчи умели строить только простые хижины. При встрече с испанцами гуанчи выразили удивление, что, кроме них, сохранились еще люди на земле, о чем в своих воспоминаниях рассказывал один из завоевателей.

Остатки древнейших поселений, построенных в незапамятное время, начинают находить во многих местах прибрежного шельфа Атлантического океана. Поскольку катастрофа носила глобальный характер, можно считать, что есть зерно правды в легендах, о покинутых портах и затонувших городах вдоль берегов Ирландии, Франции, Испании и Северной Африки. В Сре-

диземном море на большой глубине тоже похоронены селения, воздвигнутые задолго до появления письменной истории Египта, Греции и Рима. Так, например, вблизи Марокко найдена под водой стена длиной 14 км, на глубине 20—40 м французским подводником Жаком Майолом; найдена и обследована подводная шахта с вертикальными ходами, карьерами и отброшенной в сторону породой — явный след человеческой деятельности времен кроманьонцев.

Помимо простого подъема уровня воды, затопившей участки суши, в результате повышенной сейсмической активности происходило образование горных складок в одних местах и погружение в бездну участков суши в других. Примером первого может служить город Тиауанако, расположенный на высоте 4000 м, который, судя по многочисленным следам, был некогда морским портом, а второго — обнаруженные у границ Перу на глубине 2000 м остатки стен и массивных колонн с набросанными на них обломками других каменных сооружений, обрушившихся во время низвержения города в глубины океана.

Из изложенного следует, что еще рано говорить о том, будто загадка Атлантиды решена, но очевидно, что использование современных средств исследований может помочь решить ее в недалеком будущем. Появится также реальная возможность правильно классифицировать и другие находки по их «возрасту» и принадлежности к той или иной древней эпохе и тем самым уточнить картину нашего доисторического прошлого.

Как сказал Солону, прадеду Платона, египетский жрец: «Вы, эллины, еще дети... у вас нет еще своей седой старины... потому что, скажу тебе, много было разрушений мира и много еще будет, по разным причинам...»

Такое представление о мире, известное в древности и подтверждаемое многочисленными фактическими материалами, заставляет и нас задуматься о судьбах нашей планеты и не дать ей погибнуть по нашей вине.

МИХАИЛ ПУХОВ

ФИЛОСОФИЯ КОНТАКТА

Часто о поиске других цивилизаций и о связи с ними говорят как о единой проблеме; по-видимому, такой подход неправомерен. Теоретически наличие разумной жизни в системе какой-либо звезды установить несложно (трудности здесь чисто технические, о существовании земной цивилизации могут знать многие: в радиусе десятков световых лет, если гипотетические инопланетяне используют радио, а в принципе и на гораздо больших расстояниях; нет закона природы, который запрещал

бы увидеть пирамиду Хеопса с дистанции 2 кпс, а отдельного человека — из туманности Андромеды).

Пока мы еще не знаем, есть ли во вселенной другие цивилизации и где они обретаются. Но это вопрос времени. Ответ зависит только от нашей науки: рано или поздно мы получим его без всякой помощи со стороны. Понятие сверхцивилизации (а человечество, несомненно, станет ею в ничтожные по галактическим масштабам сроки) предполагает, очевидно, и искусство распознавать другие обитаемые миры. Точно так же мы научимся вскоре находить и изучать иные планетные системы.

А вот контакт немислим без взаимных усилий.

Лекция и диалог

Обычный подход к проблеме контакта подразумевает два основных варианта. Во-первых, это диалог, то есть интенсивный обмен вопросами-ответами. Во-вторых, односторонний контакт типа радиовещания, когда одна цивилизация передает, а другая (другие) принимает ее передачу.

Достаточно, очевидно, что первый вариант осуществим лишь при сравнительно небольших расстояниях между цивилизациями: порядка десяти или ста световых лет. Поэтому принято считать, что контакты типа диалога маловероятны.

Второй вариант от расстояния не зависит. Кроме того, диалог в элементарных актах связи сводится к передаче и приему. Поэтому без потери общности (как говорят математики) можно ограничиться рассмотрением односторонней связи.

При контакте такого рода одна цивилизация (передающая) передает некую информацию, а вторая (принимающая) принимает, расшифровывает и использует ее в своих целях. С точки зрения связи все свойства цивилизаций, кроме приемно-передающих характеристик, несущественны; их можно попросту игнорировать. И рассматривать две контактирующие цивилизации как очень большой передатчик и очень большой приемник, разделенные очень большим расстоянием.

Не будем сейчас задаваться вопросом: зачем, собственно, передающей цивилизации вести передачу, если она не надеется на ответ? Все мы давно привыкли к радиовещательным станциям, которые всегда что-то передают, независимо от того, включены или нет приемники абонентов. Если передает, значит, ей это нужно. Гораздо интереснее, какую пользу получит от такого контакта принимающая сторона.

В поисках идеала

Исключительное значение во всех точных науках имеет идеализация. Что делали бы физики без «абсолютно черного тела», «идеального газа» и тому подобных вещей? Попытаемся

представить, какими свойствами могла бы обладать идеальная передающая цивилизация (очевидно, именно это понятие следует считать первичным; глупо обсуждать достоинства и недостатки телевизора, если телевидение как таковое отсутствует).

Нетрудно перейти к выводу, что идеальная передающая цивилизация должна располагать всей мыслимой информацией и передавать ее по направлению ко всем возможным абонентам по всем мыслимым каналам связи с наибольшей возможной скоростью на максимально понятном всем языке.

Больше ничего от передающей цивилизации не требуется.

Принимающая цивилизация, в свою очередь, должна строить свою стратегию в соответствии с этим. В частности, стремиться работать с той передающей цивилизацией, которая ближе подошла к идеалу (точно так же студент предпочитает того лектора, который больше знает и понятнее излагает свои знания). Далее, она должна постоянно осваивать новые каналы, по которым ведется передача; изучать язык, на котором она ведется; повышать скорость обработки информации и совершенствовать средства ее накопления (память); стремиться к тому, чтобы даже непонятное сразу могло бы быть когда-нибудь расшифровано.

И для всего этого, естественно, максимально использовать принимаемую информацию.

Впрочем, насчет принимающих цивилизаций все более или менее ясно. Человечество, например, вполне готово к получению этого статуса. Но вот как понагляднее представить себе идеальную передающую цивилизацию?

Земля, очевидно, никак не может претендовать на такую роль. Информации у нас не так много, а передавать ее мы и вовсе никому не передаем — не считать же полноценной задачей один-единственный сигнал из Аресибо или робкую попытку с посланием на борту «Вояджера»...

В поисках примера мы неожиданно приходим к парадоксальному выводу: определению идеальной передающей цивилизации по всем статьям отвечает... вселенная в целом.

Кто будет слушать?

Действительно, именно вселенная содержит в себе все мыслимое знание. И не делает из него тайны, напротив: излучает его во всех направлениях, каждой звездой и каждым атомом, каждой молекулой и каждой пылинкой, вещает на всех волнах одновременно, ежесекундно обрушивая на все существующие цивилизации колоссальный объем информации. Информации, записанной на самом универсальном, одинаково доступном всем языке — языке законов природы.

Может ли какая-либо цивилизация сообщить другой нечто такое, чего нет в «передачах вселенной»? Может ли изобрести

более понятный обеим язык? Может ли передавать в большем числе каналов?

Безусловно, нет.

И ясно другое: чем более новую и сложную информацию соизволит передать нам другая цивилизация, тем труднее будет ее усвоить. Ведь вселенная ничего от нас не скрывает, но знаем-то мы далеко не все! Почему мы решили, что информацию, посланную другими, легче будет расшифровать и понять?

Не сообщение, конечно, типа « $2 \times 2 = 4$ », а по-настоящему новое знание.

И разве можно усвоить содержание шедевра по кусочку пересказу? Станет кто-либо в космических даях реагировать на чьи-то жалкие попытки сообщить ничтожную часть того грандиозного целого, которое полностью открыто для всеобщего обозрения?

Вряд ли. Человечество, как и все остальные цивилизации, давным-давно находится в состоянии контакта с вселенной.

Ни нам, ни им не нужны другие учителя.

Цивилизации работают на прием

Да, человечество с незапамятных времен состоит в одностороннем контакте с вселенной. Если рассматривать ее как передатчик, а цивилизацию — как приемник, постоянно совершенствующийся под влиянием полученной информации, то все становится на свои места. Наблюдательные и экспериментальные науки, философия, язык, письменность, искусство — средства ее обработки и запоминания. Все остальное обеспечивает внутренние связи той колоссальной приемной системы, которой является человечество.

Род людской из совокупности разобщенных племен постепенно становился единым. Едиными становятся философия, наука, искусство. Человечество пронизывают все новые и новые внутренние связи. И если (с информационной точки зрения) тысячелетия назад на планете было несколько цивилизаций, работающих на прием от вселенной, то теперь — только одна. И такое единение, безусловно, способствует более качественному приему.

Мы подходим к любопытному моменту: если рассматривать отдельные цивилизации как пока еще разделенные (подобно разобщенным недавно народам Земли) части единого познающего Разума, то контакты между ними неизбежны. Если, конечно, служат улучшению характеристик системы, которую они составляют. Не пустой диалог о случайных вещах и не односторонняя проповедь на всю вселенную, а сотрудничество с целью познания — только таким может быть контакт разных цивилизаций.

Очевидно, цивилизациям нет смысла объединять свои усилия во имя тех целей, которых можно достичь и поодиночке. Они должны вступать в контакт только ради информации, которую невозможно принять порознь.

Посмотрим на две такие цивилизации со стороны. Что отличает их как систему от каждой из них в отдельности?

Лишь то колоссальное расстояние, которое их разделяет.

Мы привыкли смотреть на него как на неизбежное зло; но если бы не оно, партнеры почти ничего не имели бы от связи друг с другом.

Допустим, например, что все спутники и планеты солнечной системы населены разумными существами. Что нового получили бы мы (и они) от взаимных контактов?

После первого такого контакта у нас появилась бы информация о новых формах жизни; после второго — новая; но вряд ли после двадцатого контакта мы стали бы знать больше в десять раз, чем после первого. Скорее всего задолго до этого была бы построена теория био- и ноосфер (вспомним, что открытие марсианских кратеров произвело сенсацию; кратеры на Меркурии и спутниках планет никого уже не могли удивить).

А главное — при усвоении информации такого рода неизбежны языковые барьеры; если бы муравьи рассказывали о своей жизни, человек вряд ли узнал бы о ней (для себя) больше, чем просто наблюдая за ней. Мы охотно рассуждаем об универсальности законов природы, но их значимость для различных форм жизни отнюдь не универсальна. Для людей, например, гравитация очень важна: человек может споткнуться и упасть, неправильно построенный дом может развалиться и т. д. И все это из-за гравитации. А для муравья закон всемирного тяготения — один из самых второстепенных законов природы, он никак не влияет на муравьиную жизнь. Или другой пример: мы живем на плоскости, и двумерная геометрия для нас, так сказать, первична. Но какое значение имеет она для дельфина или для птицы?

Так что совмещенные в пространстве цивилизации мало чем смогут друг другу помочь. Лишь разделяющее их расстояние является принципиальным фактором, облегчающим сотрудничество во имя познания.

Какие формы может оно принять? К счастью, человечество накопило достаточный опыт общения со своими межпланетными зондами, каждый из которых можно рассматривать как миниатюрную модель внеземной цивилизации (правда, весьма близко от нас находящейся). Что принципиально нового прибили нам их запуски?

Очевидно, главное здесь не сенсационные снимки Марса или Юпитера. Их-то можно получить, например, выведя на околоземную орбиту достаточно мощный телескоп. А вот фотографии обратной стороны Луны — это информация, которую принципиально нельзя получить с Земли или с ее ближайших окрестностей. Таковы же эксперименты по радиопросвечиванию межпланетной среды и атмосфер планет, а также планируемое создание космических радиоинтерферометров со сверхдлинной базой: чтобы увеличить разрешающую способность аппаратуры, один и тот же объект планируют наблюдать из точек, разнесенных на миллионы километров.

Словом, разнесенность аппаратуры важна по крайней мере в двух случаях. Во-первых, при изучении объекта из двух разных точек (как в случае с Луной или при интерферометрических экспериментах); во-вторых, когда исследуется среда между элементами установки. Есть, вероятно, и другие ситуации, когда расстояние не мешает — наоборот, помогает добыванию истины.

Явное преимущество такого рода контактов заключается в том, что связь можно вести на наиболее универсальном языке — языке вселенной, одинаково понятном всем цивилизациям. Допустим, какой-то из них понадобились точные характеристики пульсара в Крабовидной туманности и подходящим партнером признана Земля. Чтобы достичь своей цели, они переправляют нам с помощью пассивного всеволнового ретранслятора (примером такого служит обычное металлическое зеркало) вид на этот пульсар из своих краев. Мы, неожиданно увидев на небе двойник известного небесного тела, естественно, тут же догадываемся, что к чему. Переданная информация нам тоже нужна; кроме того, она содержит недвусмысленные указания на то, чего хотят инициаторы операции. И мы делаем, что нас просят: аналогичным способом передаем им вид на этот пульсар с Земли.

Изучая объект с двух точек зрения, например, с помощью той же самой интерферометрии, обе цивилизации приобретают информацию, которую нельзя было бы получить без совместной работы.

Итак, сотрудничество установлено. Еще несколько экспериментов подобного рода — и можно перейти к более трудоемким совместным проектам. Например, послать к цивилизации-партнеру зонд, ускоряемый излучением наземного лазера, — с тем, чтобы на финише его затормозили, а потом послали обратно. Или взяться еще за какую-либо работу. Главное, чтобы ее нельзя было выполнить в одиночку.

И только теперь, вероятно, есть смысл обменяться простыми информативными сигналами, сообщить что-нибудь интересное и что-то в ответ услышать. Почему бы не поболтать немного после напряженного рабочего дня?

ПРОСТЫЕ ТАЙНЫ ВОЛШЕБСТВА

Он перемножает в уме многозначные цифры быстрее, чем опытные операторы с помощью счетно-решающих аппаратов. Он угадывает мысленные задания зрителей, отыскивает спрятанные предметы. Юрий Горный — мастер психологических экспериментов, артист оригинального жанра.

— Когда вы поверили в себя как в «волшебника»?.. Ну, просто как в человека, который умеет что-то делать чуть больше, чем все? — обратились мы к артисту.

— Точно сказать не могу. Однажды увидел гипнотизеров. Под их воздействием люди мысленно путешествовали в самолете, плыли на корабле, собирали в поле цветы.

Наблюдая за ними, старался запомнить интонации, жесты, анализировал и делал свои выводы. Потом пытался все это повторить среди друзей. Иногда получалось, иногда нет. Методом проб и ошибок, ну и, конечно, при помощи специальной литературы я выработал умение.

— Вы соглашались с теми объяснениями необычных психологических явлений, которые предлагали сами выступавшие и их оппоненты?

— Нет. Может быть, это и заставило меня более серьезно заняться психологией. Однажды мой товарищ из барнаульского медицинского училища пригласил меня на лекцию одного преподавателя, который, ссылаясь на Вольфа Мессинга, очень много внимания уделял телепатии. После лекции я сказал этому преподавателю, что все, о чем он говорит, — вовсе не телепатия, а умение логически мыслить, повышенное внимание и чувствительность, которые и позволяют столь эффективно и искусно разгадывать задания, предлагаемые зрителями.

Мне предложили доказать это в присутствии врачей и философов. Я показал им эксперименты, аналогичные мессинговским, дал этому свое объяснение. Мои опыты не имеют ничего общего с таинственной телепатией. Просто у меня повышенная коммуникабельность, особо чувствительный контакт с человеком.

— То был ваш дебют?

— Да, пожалуй. Это было первое публичное выступление перед придирчивой и компетентной аудиторией.

Потом у меня было еще несколько выступлений, и наконец меня пригласили в Целиноградскую филармонию. С 1967 года я стал профессиональным артистом оригинального жанра.

— Считаете ли вы свои опыты отличными от опытов таких коллег, как В. Мессинг, М. Куни?

— И Мессинг и Куни никогда не выступали более ста раз в году, я — около пятисот. В отличие от Мессинга и Куни я могу одновременно осуществлять несколько независимых действий: исполнять мелодию на фортепиано, читать стихи, запоминать числа и подсчитывать их сумму. Возможно, и они умели это делать, но не продемонстрировали.

— В чем же тайна таких людей, как вы?

— В необъятных резервах памяти. Психологи утверждают, что за 60 лет человеческая память способна усвоить шесть иностранных языков, программу трех вузов и содержание всех 100 000 статей Большой Советской Энциклопедии. Заметьте — память любого человека!

С первых же шагов на эстраде я отошел от образа исключительно одаренной личности. Мне ближе человек с врожденными способностями, но постоянно ищущий резервы и увлекающий в эти поиски других.

Один очень уважаемый психолог однажды сказал мне: «А я знаю, как вы все это делаете!» Я ответил: «Вы знаете, а я умею». Оригинальный жанр — это наука, возведенная в ранг искусства. В моей работе очень важна интуиция, наблюдательность, обостренная чувствительность, неумолимая логика.

Иногда иду по чисто интуитивному пути, но чаще начинаю с построения логической цепочки и сбора предельной информации.

Прежде чем показать номер с завязанными глазами, я ориентируюсь в зале, промеряю его шагами, запоминаю проходы и выходы, делаю выверку, прогнозирую. И благодаря этому как бы обретаю новое зрение, ощущая сквозняки, разницу температуры тел, эмоционального фона. А некоторые думают, что моя уверенность в поисках спрятанного предмета — результат ощущения биополя.

Как я угадываю задуманные цифры или стихи, до конца искренне ответить не могу. Ведь я все-таки эстрадный артист, а не исследуемый феномен. Но кое-какие секреты открою.

В какой-то мере мы все напичканы стереотипами. Вот при помощи знания этих стереотипов, по физиогномическому выражению, по микродвижениям и эмоциональному состоянию человека я и отгадываю задуманное.

А в какой-то степени это мастерство присуще многим. Разве не загадочен, скажем, опытный руководитель предприятия? Порой ему достаточно одного взгляда и двух реплик человека, чтобы решать: брать его на работу или нет.

— Значит, в какой-то степени этой техникой могут овладеть все?

— Конечно! Ведь у нас никто не выступает против физза-

рядки. Почему же не может быть зарядки интеллектуальной?

Вот сейчас очень много говорят о скорочтении, но разве будет это эффективно без техники запоминания информации? Например, я за одну секунду запоминаю 20 цифр — это просто. Трудней их проанализировать. Для этого нужна интеллектуальная тренировка.

— Помогают ли вам ваши способности в обыденной жизни?

— И да и нет. Когда я ухаживал за своей будущей женой, ее все отговаривали связывать свою судьбу с таким страшным человеком, как я.

Иногда я неудобен для выполнения самых простых заданий, особенно если после выступления анализирую свои удачи и промахи. Вместо магазина, куда просила меня сходить жена, могу прийти в детский сад за сыном. Поэтому в такие минуты мне пишут записку: куда пойти и чего взять. Но это только тогда, когда видят, что я поглощен работой.

— Значит, для семейной жизни ваши способности совершенно бесполезны?

— Ну не скажите. Однажды из артистической комнаты пропала шуба моей жены. Вызвали милицию, составили акт, и все сочувствуют: ищи иголку в сене.

Через три дня на мое имя пришла посылка. В ней шуба и записка: «Я пошутил. У вас украсть невозможно».

Так созданный мною образ не позволял нанести ущерб моему семейному бюджету. И еще помню. Отработал первое отделение, вернулся к себе, вижу — исчез пиджак. По сей день продолжается проверка моих способностей. Ну ничего, вот освобожусь чуть-чуть от насущных дел и обязательно найду.

— Перенял ли кто-либо из родных ваши способности?

— Жена у меня ничему не научилась. Дети — да. Старший сын Аркадий неплохо демонстрирует опыты на запоминание. Вместе с братом Алешей любит решать дедуктивные задачи, находит спрятанные вещи, отгадывает задуманные города.

— Судя по вашему образу жизни, вы никогда не полагаетесь на волю случайности. И все же, приходилось ли вам сталкиваться с подобными обстоятельствами?

— В какой-то мере — да. Хотя и это трудно назвать случайностью. На одном выступлении В. Мессинга я захотел убедиться в его мастерстве и попросил одного студента мысленно продиктовать следующее задание: три раза топнуть по ступеньке, спуститься в зал, дойти до 12 ряда, посмотреть на люстру, подойти к человеку, у которого спрятан конверт с рисунком П. Пикассо «Голубь мира» и сказать: «Миру — мир».

Начало опыта прошло блестяще. Все заданные движения он выполнил без запинки. Но когда дело дошло до образа и фразы, Мессинга постигла неудача.

Это было в Семипалатинске. Я приехал туда через несколь-

ко лет уже со своим репертуаром. Аудитория была студенческая, недоверчивая и любознательная. Мне дают мысленное задание. Начинаю его выполнять и вижу, что это полное повторение моего задания Мессингу. Все совпало. Не потому, что я прочел его, а потому, что предположил, что оно будет повторено.

Но такие случаи редки, и полагаться на них не будет ни один серьезный мастер психологических экспериментов.

— Каков ваш обычный нерабочий день?

— У меня нет хобби. Я не охотник и не рыбак. Очень люблю читать. Регулярно читаю «Правду», «Комсомольскую правду», «Советскую культуру», «Литературную газету», «Советскую Россию», почти все журналы.

Любой день начинаю с физзарядки. Очень люблю слушать песни — лирические. Сам пою только при близких мне людях, у которых это, к сожалению, вызывает смех...

Даже отдыхая, обдумываю будущие номера. Все время тренируюсь, запоминаю номера машин и считаю количество букв в газетной строке. Раньше по часу в день сидел над телефонным справочником.

Обычный день обычного человека.

— Как вы себе представляете человека будущего?

— Трудно говорить о будущем. Невольно хочется состорожничать, чтобы не оказаться в роли лжепророка. И все же кое-что пытаюсь представить себе.

Ну во-первых, много из того, на что сегодня способны лишь некоторые, будут уметь делать многие. Другим станет общение, более контактным, более эмоциональным и продуктивным. Интеллектуальная гимнастика войдет в быт так же привычно, как и физическая.

Каждый человек научится лучше использовать данные ему природой способности. И в этом я вижу главное отличие будущего от сегодняшнего времени.

АРИАДНА ИВАНОВСКАЯ

«АЭЛИТА» АЛЕКСЕЯ ТОЛСТОГО

(К 100-летию со дня рождения)

Алексей Толстой оставил нам богатое творческое наследие, проявив себя во многих литературных жанрах — как чудесный романист и новеллист, как одаренный драматург и острый публицист, как поэт и обаятельный сказочник и, конечно же, как своеобразный научный фантаст.

Наряду с самыми значительными произведениями Толстого, вошедшими в золотой фонд советской литературы, — романами

«Петр I», «Хождение по мукам», повестью «Детство Никиты» и лучшими рассказами его оригинальные фантастические романы «Аэлита» и «Гиперболоид инженера Гарина» также стали классикой. Они положили начало жанру научной фантастики в советской литературе, закрепив за их автором славу основоположника.

Впервые Алексей Толстой обратился к научной фантастике в самом начале двадцатых годов и посвятил ей несколько лет подряд.

Появление его первого научно-фантастического романа, журнальный вариант которого назывался «Закат Марса», совпало с возвращением писателя из эмиграции на Родину. Этот роман, последнее произведение писателя, написанное им за рубежом, стал одновременно первым из опубликованного в советской печати. После значительной его доработки автором роман вышел в 1923 году отдельной книгой под названием «Аэлита». Было это ровно шестьдесят лет тому назад.

С тех пор эту замечательную книгу не перестают читать. С нее обычно начинается знакомство с научной фантастикой многих читателей, становящихся затем горячими ее поклонниками. Увлекательный сюжет, высокая романтика, глубокие социально-философские мысли привлекают сегодня к этой книге людей всех возрастов, разных специальностей и занятий. Имя героини романа Аэлиты, романтической красавицы марсианки, преданной и стойкой в своей любви к Сыну Неба — землянину — стало символом глубокого искреннего чувства и готовности к самопожертвованию.

После победы Великого Октября Алексей Толстой не сразу принял революцию. Вместе с семьей он уехал в 1918 году в эмиграцию, вначале во Францию, а в 1921—1922 годах переехал в Германию. За годы эмиграции писатель многое пережил и передумал. Вернувшись на Родину в 1923 году, Толстой начинает сравнивать увиденное за рубежом, в эмиграции, с тем, что он наблюдает в Советской России. Многие впечатления той поры отразились в романе «Аэлита». Научно-фантастический жанр, выбранный писателем, позволил ему высказаться по самым различным вопросам жизни, истории, революции, культуры, любви и другим проблемам, остро занимавшим тогда Толстого. Судя по роману, советская действительность его поразила; несмотря на большие лишения — голод, разруху, болезни, последствия гражданской войны, он увидел народ, устремленный в будущее, народ, в котором открылись свежие силы. «Аэлита» так и начинается — с описания голодного и холодного Петрограда, смерти жены инженера Лося, который, несмотря на постигшее его горе, заканчивает постройку космического корабля и вешает на столбе объявление, в котором приглашает к себе в спутники желающих лететь с ним на Марс. И такой человек находится — красноармеец Гусев. Боевой пыл

его не остыл, и он не может пока еще найти свое место в мирной жизни. Гусев решает, что ему следует лететь на Марс. Герои благополучно добираются туда и каждый из них по-своему бросается в погоню за счастьем. Инженер Лось находит его во всепоглощающем чувстве к прекрасной Аэлите, ответившей ему преданной и самоотверженной любовью, а Гусев — в борьбе за лучшее будущее марсиан, в давние времена переселившихся с планеты Земля. Потерпев неудачу, тот и другой спасаются бегством на Землю. Несмотря на то, что действие романа большей частью происходит на Марсе, речь идет, по существу, о торжестве неиссякаемого творческого духа человека, духа исканий, которые автор наблюдал на своей Родине и который считал сродни русскому характеру.

Усилиям землян, направленным к обновлению жизни на Марсе и марсианской действительности (Лось втягивается в марсианскую революцию и помогает Гусеву), противостоит в романе безжалостная социальная сила — марсианская верхушка во главе с отцом Аэлиты, правителем-технократом Тускубом, олицетворяющим собой рафинированный мир древней, исчезающей цивилизации марсиан — заката Марса. Эстетика постепенного красивого угасания жизни и цивилизации на Марсе, которую культивирует Тускуб, приводит, в частности, к тому, что жестоко подавляется любая попытка, которая могла бы содействовать возрождению марсианского общества. Философия марсианского правителя сродни модным тогда философским теориям Шпенглера, Мальтуса и Ницше. Любопытно, что некоторые рассуждения Тускуба даже текстуально близко совпадают с человеконенавистническими декларациями брюсовского персонажа Теотля, из романа, написанного в начале века. Исследователь советской научной фантастики А. Бритиков в своей монографии, прослеживая эти совпадения, считает, что это был отклик обоих писателей на одни и те же источники — труды реакционных философов и теософов, последователей Е. Блавацкой.

Алексей Толстой талантливо использовал в романе легенды об Атлантиде. Описывая древнюю историю марсиан, он пользовался мифами и поэтическими легендами, дававшими возможность для простора размышлений на самые различные темы из истории человечества, в том числе на тему возникновения неравенства в обществе. Легенды в романе А. Толстого настолько занимательны, что Горький считал: «Вся книга написана под влиянием увлечения загадками об Атлантиде». Заметим, что советские писатели тоже стали чаще обращаться к мифу и легенде, и это во многих случаях содействует успеху их произведений. Но это совсем особая тема.

В одном из писем Толстого, написанном из-за границы, он рассуждает о своих впечатлениях от древней европейской культуры, французской в частности; из письма видно, как западная

цивилизация воспринималась им в начале 20-х годов. Алексей Толстой пишет: «Старая культура прекрасна, но это мавзолей: романский, пышный печальный мавзолей на великом закате, а у подножия уличная толпа. Культурные, умные французы — очень понимают это...

К чему все это приведет? Должно быть, все же силы жизни возьмут верх, душевно опустошенное поколение будет сменено более здоровым». И далее он приходил к выводу: «В жизни Европы решающую роль должна сыграть Россия». Рассуждения А. Толстого тех лет заставляют вспомнить о пышном закате марсианской культуры Тускуба, выражавшего мироощущение общества, охваченного чувством обреченности. Таким образом, наблюдая реальную жизнь, сопоставляя и размышляя, Толстой переходил постепенно на новые позиции, становясь советским писателем и гражданином.

Вернувшись на Землю, инженер Лось слышит далекий голос, одиноко и чуть слышно звучащий в просторах вселенной. Где ты, Сын Неба? Это голос Аэлиты, «голос любви, вечности, голоса тоски...», это голос надежды — быть услышанной и понятой. Так заканчивается роман.

Этот голос продолжает звучать и для нас как надежда на то, что человечеству рано или поздно удастся отыскать, наконец, другой разум во вселенной. Однако тот искренний энтузиазм, тот жар души, то неземное чувство любви, которым наделены герои «Аэлиты» — Гусев, Лось и Аэлита, захватывают читателя и приковывают его внимание, пока он не перевернет последней страницы этой волшебной книги. И потом они долго еще продолжают согревать и тревожить его воображение. Особенно помнится и волнует голос тоскующей Аэлиты, разыскивающей во вселенной Сына Неба.

Исследователи фантастики справедливо приходят к выводу, что А. Толстой начал этим романом «реалистическую традицию гуманизации космоса». Это подтверждается, если вспомнить о состоянии фантастики того времени, когда писалась «Аэлита».

В начале 20-х годов этот жанр был очень популярным в литературе, особенно в Европе и Америке. Так, книги американского фантаста Э. Р. Берроуза часто переводились в то время на русский язык; например, его «марсианская» серия о похождениях на Марсе супермена Джона Картера, а также его романы о знаменитом Тарзане.

Горький писал в письме Сергееву-Ценскому об «Аэлите»: «Марсианское сочинение написано Толстым не «по нужде», а по силе увлечения «фабульным» романом, сенсационностью: сейчас в Европе очень увлекаются этим делом. Быт, психология — надоели. К русскому быту — другое отношение, он — занимает. Чудно живет большой народ этот, русские!»

В толстовской «Аэлите» просматривается некоторое влияние Уэллса и Берроуза. Однако Алексей Толстой шел своим особым

путем. Толстой отверг представление Уэллса о человеке будущего: «В романах Уэллса, — подчеркивал он, — человек будущего всегда дегенерат, и это характерно для уэллсовского «социализма».

В образе Гусева писатель показал революцию как глубоко народное, национальное дело, и благодаря этому герою сам лучше разобрался в революционных событиях на Родине. Образ Гусева в ту пору был очень современен. В нем — новое отношение к миру, отрицающее страх перед будущим, что было характерно для зарубежной фантастики. Этот герой утверждал оптимизм, необходимость борьбы за справедливое переустройство мира.

Главная линия романа — лирическая, почти неземная любовь. Лось и Гусев очень различны по характеру. И если писатель с симпатией относится к Гусеву, то еще больше симпатии проявляет он к Лося, талантливому инженеру, интеллигенту, изысканно культурному человеку. Лось в романе стремится избавиться от чувства одиночества после смерти жены и находит избавление в любви к Аэлите. Он возвращается к жизни благодаря сильному чувству.

Для Аэлиты и Лося главное в жизни — любовь. Трагическое предчувствие несчастья, как бы обреченности счастливой любви, выражается, в частности, в тоске Лося по Земле, в неудержимом стремлении на родину.

Описывая внешность Аэлиты и других марсиан, Алексей Толстой сделал их похожими в основном на землян. Писатель придерживался обсуждавшейся в то время теории происхождения жизни во вселенной примерно так, как излагает ее его герой Лось: «Одни законы для нас и для них, во вселенной носится пыль жизни. Одни и те же споры оседают на Марс и на Землю, на все мириады остывающих звезд. Повсюду возникает жизнь, и над жизнью всюду царствует человекоподобный: нельзя создать животное более совершенное, чем человек».

Эти мысли Толстого перекликаются с современной гипотезой И. Ефремова, довольно подробно изложенной им в знаменитом романе «Туманность Андромеды», в главе «Великое Кольцо». Надо сказать, что этой точки зрения придерживается целый ряд других современных писателей, в том числе и зарубежных. Основы же этой гипотезы — гипотезы панспермии заложил еще С. Арреннус.

А. Толстой серьезно занимался изучением новых и в то время научных теорий, и не только биологических (о жизни во вселенной), но и из области техники. Инженер-технолог по образованию, он был в курсе основных технических новинок своего времени. Задумав «космический» роман, он обратился к научным исследованиям проблемы межпланетных сообщений. По описанию ракеты Лося в форме «яйца» и полета на Марс видно, что писатель знал работы и идеи К. Э. Циолковского, чи-

тал его знаменитый труд «Исследование мировых пространств реактивными приборами». Ракета Лося, описанная в общих чертах, очень напоминает конструкцию летательного космического аппарата Циолковского. То, что сейчас для нас самая обыкновенная реальность, для того времени было совершенно фантастичным. Насколько же изменились масштабы инженерной мысли с тех пор, когда писалась «Аэлита»? И как велика заслуга А. Толстого, который именно в то время, когда Россия оставалась еще технически отсталой страной, заглянул в ее будущее, в эпоху начала космической эры в истории человечества, открытой советскими людьми.

Толстой совсем не стремился к популяризации новых достижений науки и техники. По наблюдению Горького, он сводил «всю технику к необходимому минимуму», стараясь только сохранить достоверность при ее описании. Обычно Алексей Толстой использовал готовые, но еще не осуществленные проекты, дополняя условность научного материала правдоподобием.

После выхода в свет романа «Аэлита», в котором он впервые обратился к событиям русской революции, стремясь ее понять и объяснить, взглянуть на нее как на закономерный этап в истории своей Родины, а также заглянуть в будущее своей страны, свершилось многое. Но уже тогда Д. Фурманов положительно оценил живой образ нового человека Гусева; А. М. Горький предсказал тогда успех этой книге, а мы убеждаемся сегодня, что он не ошибся: «Как произведение художника она очень оригинальна... Написана «Аэлита» очень хорошо и, я уверен, будет иметь успех».

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Тихон Непомнящий
КАЗУАЛЬ
6

Спартак Ахметов
ЛИФТ ДО ЮПИТЕРА
45

Владимир Рыбин
ГИПОТЕЗА О СОТВОРЕНИИ
59

Георгий Гуревич
ОНИ ЖЕ ДЕРЕВЯННЫЕ
80

Александр Морозов
ЕСЛИ ЗАПЛЫТЬ ПОД ПЛОТИНУ
94

Тахир Малик
ПРЕСТУПНЫЙ МУТАЛИБ
99

Светлана Ягупова
А ВЫ НЕ ВЕРИЛИ...
106

Альберт Валентинов
МИККИ
113

Александр Зинухов
В ЛЕТО 6454
121

Лев Теплов
ВСЕВЫШНИЙ-1
148

Александр Плонский
ЗВЕЗДЫ НА ЛАДОНЯХ
159

ИНТЕЛЛЕКТ
161

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

Виктор Савченко
«ПРОИСШЕСТВИЙ НЕТ»
164

Михаил Глебов
ЭКСПЕРИМЕНТ КАЛЬВИСА
171

Михаил Шагин
КОРОЛЕВСКИЕ ПЕРЧАТКИ
181

Александр Тебеньков
ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ ЛЕБЕДЯ
186

Владимир Заяц
ТЕМПОНАВТЫ — ТАК ИХ НАЗОВУТ
195

Олег Романчук
ОПЯТЬ МАНЕВРЫ
204

Анвар Сабитов
ФАТА ВРЕМЕНИ
209

Виктор Потапов
ОН НАЗВАЛ ЕЕ УДИВЛЕНИЕМ
216

Владислав Дебердеев
ДВЕСТИ ВТОРАЯ НОЧЬ ШЕХЕРАЗАДЫ
223

Дмитрий Иванов
ВЕСЫ
230

Аэлига Дубаева
ПОСЛЕДНИЙ ГЛОТОК
241

Владислав Ксионжек
ПОЛЮБИ МЕНЯ
264

ГОСТИ ФАНТАСТИКИ

Джек Финней
О ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ
272

Урсула Лё Гуин
НАПРАВЛЕНИЕ ДОРОГИ
284

НЕВЕДОМОЕ: БОРЬБА И ПОИСК

Виктор Пекелис
ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ ХХІ ВЕКА
292

Рахиль Иноземцева
СЛЕДЫ АТЛАНТИДЫ
319

Михаил Пухов
ФИЛОСОФИЯ КОНТАКТА
334

Геннадий Жаворонков,
Олег Жадан
ПРОСТЫЕ ТАЙНЫ ВОЛШЕБСТВА
340

Ариадна Ивановская
«АЭЛИТА» АЛЕКСЕЯ ТОЛСТОГО
343

Фантастика-83: Сборник / Сост. С. Ахметов; Худож. Ф 22 Р. Авотин. — М.: Мол. гвардия, 1983. — 351 с., ил.

В пер.: 1 р. 70 к. 200 000 экз.

Традиционный молодогвардейский сборник научно-фантастических повестей, рассказов, очерков и статей.

Ф 4702000000—228 124—83
078(02)—83

ББК 84(0)6
С61

ИБ № 3358

ФАНТАСТИКА 83

Рецензент Д. Жуков

Редактор В. Фалеев

Художественный редактор Б. Федотов

Технический редактор Т. Шельдова

Корректоры И. Тарасова, В. Назарова

Сдано в набор 20.04.83. Подписано в печать 06.09.83. А00190. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Услови. печ. л. 22,0. Учетно-изд. л. 23,6. Тираж 200 000 экз. (100 001—200 000 экз.). Цена 1 р. 70 к. Заказ 549.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 193030, Москва, К-30, Суцеская, 21.

